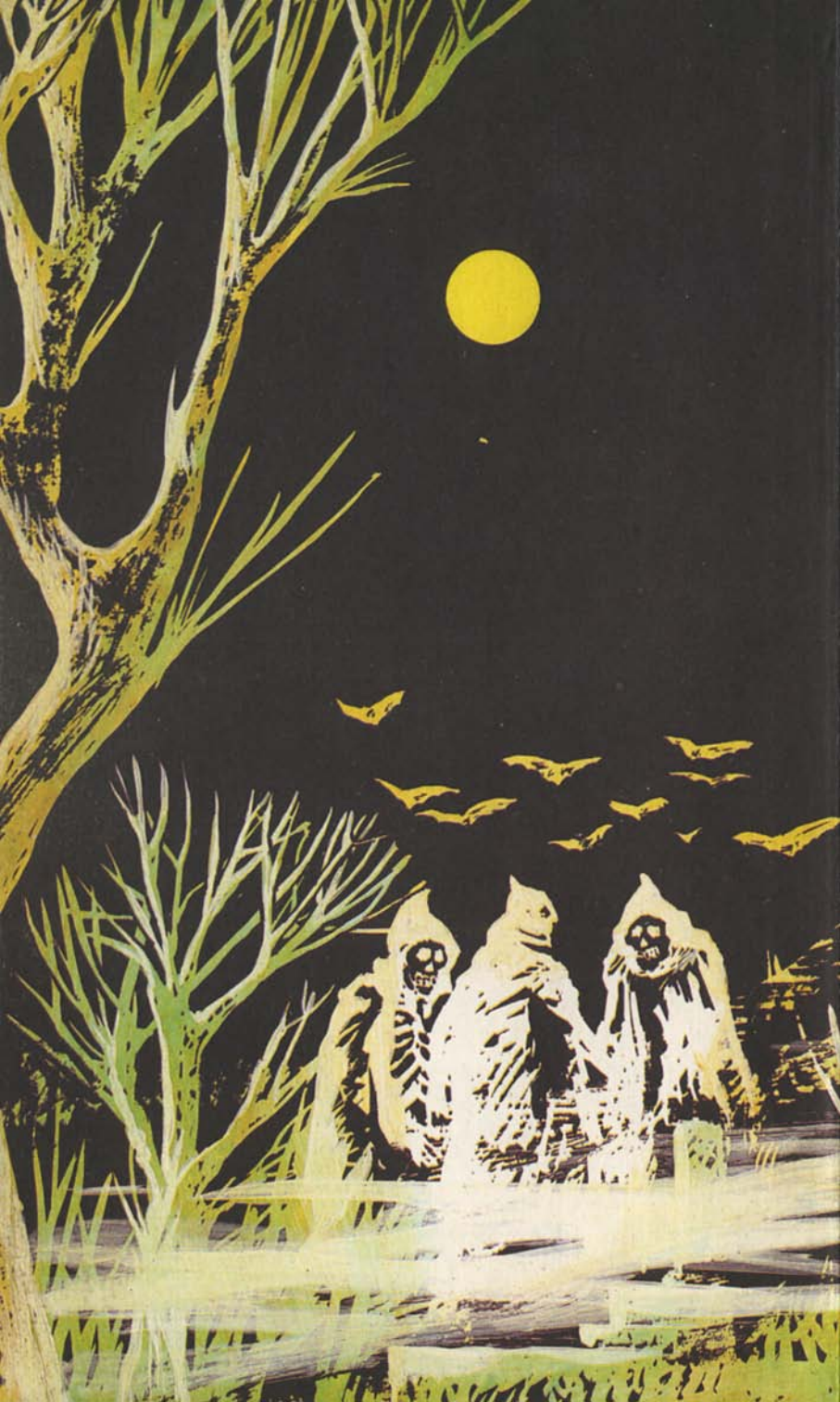
РУКА ДРАКУЛЫ



РУКА ДРАКУЛЫ

ДЕРЕВНЯ СТРАХА

РАССКАЗЫ

МОСКВА
1992

ББК 84.6 США
Р78

Сборник

Перевод с английского

Художник *В. Феногенов*

Р78 **Рука Дракулы:** Сборник/Худож. В. Феногенов.— М.: Фирма «Ф. Грег», 1992.— 400 с.
ISBN 5–87202–028–7

В данный сборник вошли два романа из так называемой «черной серии» — американского писателя Роберта Лори «Рука Дракулы» и английского писателя Мартина Дженсона «Деревня страха» — и рассказы. Эти произведения, созданные в разное время нашего столетия, объединяет общая направленность в развитии сюжета главных персонажей — вампиров, колдунов и самого Князя Тьмы — Дракулы.

Р $\frac{4703040100—027}{В44(03)-92}$ Без объявл. ББК 84.6 США

ISBN 5–87202–028–7

© Перевод с англ., составление, оформление Фирмы «Ф. Грег», 1992

РОБЕРТ ЛОРИ

РУКА ДРАКУЛЫ

Глава 1

В дневные часы улицы Сан-Франциско, залитые ярким солнечным светом, наполнены веселым гомоном. Хоть это и современный город, в нем есть все, чтобы его любить, подобно тому, как любили свои общины древние греки. Любой житель Нью-Йорка или Чикаго тоже может заявить, что любит свой город, однако, хорошенько поразмыслив, поймет, что привлекать внимание и радовать глаз могут в нем лишь какие-то отдельные проявления городской жизни, например вечернее оживление, красочная ночная иллюминация, когда электрический свет пульсирует по транспортным артериям, соединяющим между собой огромные деловые центры... Но кроме этого найдется и такое, что иначе как отвратительным не назовешь...

Нечто общее есть у жителей Сан-Франциско и Среднего Запада — это привязанность к своей маленькой общине: соседям по кварталу или дому, хотя обитатели маленьких городков Среднего Запада частенько сетуют на то, что если им хочется вкусить «культурной и цивилизованной жизни», то приходится отправляться в большой город.

В Сан-Франциско есть все, и с этим согласится любой приезжий. И главное — здесь есть теплота человеческих отношений и приятный климат. Исключение составляют те редкие ночи, когда с атмосферой творится что-то особенное. Туман, который внезапно опускается на город, совсем не напоминает таинственные полутона туманов Лондона или Нью-Йорка. Вызывая дрожь, он обволакивает все вокруг, и тогда обыкновенный неуютный влажный вечер вызывает ощущение настоящей ледяной ванны. Прохожие начинают зябко поеживаться. Впрочем, хотя он и застает

врасплох всех, кто еще носит легкие летние костюмы и платья, ничего пугающего в этом они не видят. Конечно, в такие вечера каждый торопится побыстрее убраться с улицы и провести время в приятной компании где-нибудь в тепле уютного бара. Нет, сам по себе туман не страшен.

Но иногда по ночам, когда воздух так пропитан влагой и холодом, что озноб пробирает до костей, когда даже свет уличных фонарей не может пробить вязкую массу тумана и освещает только малое пространство вокруг себя, где-то в глубине души даже самого стойкого и отважного человека, по каким-либо причинам оказавшегося в пустынной и незнакомой части города, возникнет необъяснимое чувство тревоги — такое чувство, будто некое зло бродит сейчас по улицам. Это чувство заставляет прохожего ускорить шаги, чтобы побыстрее добраться до нужного ему места, если, конечно, он знает, где его найти. И только достигнув желанного прибежища, он вновь обретает теплое чувство спокойствия и хорошее настроение. И даже мало впечатлительные натуры не могут не согласиться, что этот плотный, обволакивающий туман, надвигающийся откуда-то с востока, поглощает все на своем пути, и люди, оказавшиеся в эти минуты на улице, стремятся к одному — обеспечить себе безопасность, и время здесь — основной фактор.

Дерек Уильямс отдавал себе отчет, что он уже выбился из графика и с каждой минутой опаздывает все больше. Он с волнением посматривал на часы. Двадцать один тридцать. Дерек засомневался: стоит ли заказывать еще одну кружку пива: он не допил и первую. Нельзя сказать, чтобы он не любил пива. Любил, и даже очень. Именно об этом он и думал, усаживаясь на высокий табурет перед стойкой под изучающим взглядом круглолицего бармена-китайца. Похоже на то, подумал Дерек, что этот китаеза прикидывает, достаточно ли мне лет, чтобы распивать пиво в общественном месте. Так оно и оказалось. Когда Дерек заказал пива, китаец спросил у него:

— А присывная есть? Надеюси, ты ее не потерял? Мы не хотим терять лицензия из-за тебя, понял?

— Понял,— Дерек покраснел и показал свое призывное свидетельство. Он хотел было посоветовать этому толсторожему китайцу, что именно тот мог бы сделать со своей лицензией на продажу спиртных напитков, но передумал: у него было здесь одно дельце и привлекать к себе излишнее внимание ему не хотелось. Но, с другой стороны,

каждый раз выслушивать оскорбления в свой адрес только потому, что он просто хочет выпить этого дурацкого пива?! А все из-за того, что у него до сих пор мальчишеское лицо и на вид не дашь больше четырнадцати.

Дерек постарался успокоиться. Он даже улыбнулся, когда толстый китаец кивнул ему в знак согласия и повернулся, чтобы налить пива.

Двадцать один сорок пять. Нужно что-то решать. «Так заказывать или нет?» — подумал Дерек. Круглолицый бармен не сводил с него глаз с того момента, как он показал призывное свидетельство. Такое простое задание, а Дерек все никак не может с ним справиться! Впрочем, если все сорвется, так не из-за того, что он не пытался... Он выцедил из кружки последние капли.

— Эй, еще пива! А можно тут у вас что-нибудь поесть?

Бармен утвердительно кивнул.

— Да. Яисные завитки и голубиное мясо. Но здесь блиско-блиско есть совсем свободная столовая.

Дерек проследил за его взглядом. Нет, лучше не надо. Это было бы, конечно, проще, но у него есть инструкции.

— Дайте два завитка, я их здесь съем.

Радости на лице бармена не отразилось. Дерек догадывался почему, и, как оказалось, был прав. Бормоча что-то о том, что все официантки куда-то разбежались, китаец двинулся к дальнему концу бара и толкнул боковую дверь. В следующее мгновение он уже скрылся из виду: пошел передавать заказ повару. Дерек вытащил из бумажника два доллара и положил их на стойку. Развернувшись на табурете, он схватил треугольный предмет, лежавший на стойке, и сунул себе в карман. После этого поспешил к выходу и побежал по улице. Он миновал не меньше двух кварталов и только тогда замедлил бег и остановился. Со вздохом облегчения он вытащил треугольный предмет из кармана. Это была какая-то штуковина из керамики. Дерек особо не задумывался о ее назначении. Самое главное — она у него была. Очень важно, конечно, но и очень глупо. При бледном свете уличного фонаря Дерек рассмотрел эту белую керамическую вещицу: на каждой из трех ее сторон было написано красным, что восточный ресторан «Го Вэй» находится там-то и там-то, что туда можно позвонить по такому-то телефону и что ресторан предлагает «Восточную кухню специально для гурманов». Верхняя часть предмета была, разумеется, плоской — словом,

обычная белая керамическая пепельница. Какой она еще может быть?

Дерек положил пепельницу обратно в карман и посмотрел на часы. Почти десять. Пора. Вполне достаточно, если поторопиться. Он подумал было, не попытаться ли поймать такси, однако на улицах не было заметно никакого транспорта и вообще ни одной живой души, не считая его самого. Он хорошо представлял себе тот район города, куда ему нужно добраться, и надеялся, что поймает такси по дороге. До этого ему нужно найти еще одно место — хорошо что хоть здесь его не ограничили ничем конкретным.

Он двинулся трусцой по слабо освещенным улицам, подтянув вверх молнию куртки, чтобы сохранить тепло. Куртка была из искусственной кожи, а под ней — свитер с воротом, что было бы вполне достаточно для обычного октябрьского вечера, однако этот вечер не был обычным, и мысль об этом наконец дошла до его сознания. Его слегка знобило. Не хотелось признаваться себе, откуда эта дрожь: он дрожал потому, что знал, куда направляется.

Он почти бежал в южном направлении, по Кирней-стрит, пока не добрался до Калифорния-авеню, потом повернул на восток, пробежал еще один квартал и оказался на углу Монтгомери-стрит. За все время он не встретил на улицах ни одной машины, ни одного прохожего. Ему стало страшно. Отгоняя от себя мрачные мысли, он побежал по Монтгомери и с удивлением обнаружил, что двигается теперь даже быстрее, чем раньше.

На протяжении четырех кварталов, пока он добирался до Маркет-стрит, ему повстречались только двое, и ни один из них не внушал доверия. Мужчина был сильно пьян и, чтобы не упасть, прислонился к стене. Древняя костлявая старуха, которая, опираясь на палку, неподвижно стояла посреди тротуара, уставилась на него и потом долго смотрела ему вслед. Он уже прошел целый квартал, но все еще чувствовал ее взгляд, буравящий спину как раз в том месте, повыше ремня, где скапливался пот. Он понимал, что это глупо, но ему не хватало смелости повернуться и разобраться с этим — действительно ли она смотрит ему вслед или это только его воображение. В такую таинственную и призрачную ночь кажется, что все в этой жизни возможно.

На пересечении с Маркет-стрит он опять повернул на

восток, а если быть точным, то на северо-восток. Он подумал: если тот маршрут, который он выбрал, не годится, то, может быть, придется попробовать что-нибудь другое. Два квартала по Маркет-стрит он пробежал на одном дыхании и чуть не задохнулся. Это было непривычно. Он ведь не был курильщиком, даже немного занимался легкой атлетикой в старших классах школы. В колледже времени для спорта не оставалось, однако по вечерам, чтобы поддерживать себя в форме, он занимался ритмической гимнастикой. Так что виноват, очевидно, был внезапный холод, влажный холод, к которому не привыкли его легкие. Он замедлил бег, потом перешел на шаг.

Двадцать минут одиннадцатого. Ему не хватало времени — как и воздуха. Вдруг внезапная мысль обожгла его сознание — рука инстинктивно схватилась за карман куртки. Но он тут же вздохнул с облегчением: пепельница на месте. Если бы она выпала из кармана во время бега, то, несомненно, разбилась бы.

Все нормально. Он проверил два других кармана. В одном была книжка в бумажной обложке под названием «Песня Сатаны». В другом — солонка. Тоже хорошо. Хотя не совсем. Пальцы нащупали, что колпачок слегка ослаб и немного соли высыпалось. По спине снова пробежал холодок. Рассыпанная соль означала неудачу, если только — да-да, точно! — не бросить ее немного через левое плечо. Или через правое? Так через какое же? Так ничего и не решив, он на всякий случай бросил соль через оба плеча.

Половина одиннадцатого... Сделать одну вещь — и задание выполнено. До двенадцати еще далеко, однако...

И вдруг он увидел это. На правой стороне улицы красным неоном горела вывеска, на которой даже отсюда безошибочно можно было прочесть: «Похоронное бюро Йорджа».

Дерек Уильямс остановился. Это было не то бюро, которое он искал, но, с другой стороны,— почему бы и нет? Ведь этот пункт не был оговорен в условиях. Так что не стоит колебаться. Пока что это не стало еще вопросом жизни и смерти: время у него есть.

Он опустил воротник куртки и немного привел себя в порядок: пригладил волосы и вытер платком лоб.

Ну что ж — давайте взглянем на мертвецов. Он вздрогнул. Холодная ночь — вот в чем причина. Только дурак

может испугаться нескольких жмуриков и родственников, которые их оплакивают. Значит, нечего и раздумывать. Он толкнул дверь и вошел в вестибюль.

Его глазам предстала великолепная ковровая дорожка красного цвета, освещенная мягким светом. Другие его чувства отметили сильный запах цветов, приглушенную органную музыку. Он оказался в длинном коридоре с несколькими дверьми по сторонам. На каждой из дверей от руки были сделаны надписи, по начертанию букв напоминавшие неоновую вывеску при входе. Надписи оповещали о фамилиях умерших, находившихся в данный момент в гробах, отделанных сатином.

— Я могу быть вам чем-нибудь полезен, молодой человек?

Дерек и не заметил, как далеко он прошел в глубь помещения. Голос шел сверху и сзади, и вполне гармонировал с окружающей обстановкой — запахом цветов, печалью и торжественностью органной музыки. Дерек обернулся, увидел говорящего и понял, что и сам человек полностью соответствует этому месту.

Он был высок, более шести футов, и очень худ, можно сказать — костляв. Тонкими были и пальцы его рук, которые он скрестил на плоском животе. Вся его поза выражала почтительную печаль. Лицо с длинным крючковатым носом также было чрезвычайно тонкое. Кончик носа, казалось, опускался ниже тонких поджатых губ. Редкие волосы на голове, под белесыми бровями — глубоко сидящие глаза с чуть заметным проблеском жизни. Если бы он не стоял, явно ожидая ответа на свой вопрос, его можно было бы принять за труп. Именно эта мысль и пришла Дереку Уильямсу в голову несмотря на его нынешнее положение.

— Я спросил, могу ли я быть вам чем-нибудь полезен, повторил мужчина.

— Э-э, да. Мистер Трейси... («Мистер Трейси» — было написано на второй двери справа.)

— А! Вы родственник или друг семьи?

— Я... друг мистера Трейси, умершего.

— Великолепно. Пройдите со мной, пожалуйста. Семья уже в сборе. Пришли также друзья мистера Трейси, чтобы выразить свое соболезнование.

С этими словами высокий мужчина развернулся и направился в сторону соответствующей таблички. Дереку не оставалось ничего, как последовать за ним. Открыв

дверь, человек ласково улыбнулся и слегка наклонил голову в направлении открытого гроба, который стоял на возвышении у противоположной стены. Выбора не было: Дерек вошел в комнату и быстро пошел к гробу.

В комнате он увидел трех женщин и прыщавую девочку-подростка, которые стояли у стены, справа от входа. Дерек заметил, что самая высокая из женщин, одетая в черное креповое платье, пристально смотрит на него. На ее лице появилась плаксивая улыбка, которая становилась все печальнее. До гроба оставалось не более пяти шагов, когда она подошла к нему и сказала:

— Как хорошо, что вы пришли. Мы, кажется, не встречались, однако у Фрэнка было столько молодых друзей... Вы знакомы с Мэриам? Может быть, вы учитесь в одной школе?

— О Господи, мама, помолчи!

— Я не мог не прийти. Мы познакомились с мистером Трейси недавно и, к сожалению, я не встречался с членами его семьи.

— У Фрэнка всегда было много молодых друзей.

— Ты уже говорила об этом, мама.

— Вы его не узнаете, когда увидите.

— Мама!

— Это все они с ним сделали. Вы не узнаете его. Это они сделали так, что он выглядит, как живой. И даже лет на десять моложе. Должна сказать, я сама с трудом его узнала. Наверно, и вы его не узнаете.

— Возможно. Но я не мог не прийти.

— О да! Конечно.

Она с усилием выдавила из себя еще одну улыбку и медленно вернулась к остальным. Пока Дерек шел к гробу, он чувствовал на себе взгляды всех четверых. Его руки судорожно сжались в кулаки. О Господи! Если бы знать, через что ему придется пройти этой ночью, он хотя бы подготовился.

Похоже, Фрэнк Трейси умер в возрасте около пятидесяти лет. Глаза его были закрыты. Легкая улыбка на губах, которую придали ему ассистенты похоронного бюро, вызывала предположение, что он рад был уйти из этого мира. Хотя, если бы миссис Трейси так же радовала его при жизни, как она оплакивала его сейчас, Дерек тоже мог понять, почему старик Фрэнк улыбается. Но в жизни нет справедливости!

Он отвернулся от гроба и посмотрел на дверь. Фигура со скрещенными на животе пальцами пребывала на том же месте.

И это было уже серьезно.

Дерек снова повернулся к гробу и склонил голову. По крайней мере, это даст ему возможность все обдумать. Выиграть время. Он посмотрел на часы. Без пятнадцати одиннадцать. Он незаметно бросил взгляд на полку, стоявшую за гробом, у стены. На ней возвышались две большие вазы с цветами, по-видимому от похоронного бюро Йорджа — в отличие от тех, что стояли в голове и в ногах умершего. Между ними — серебряный крест и два блестящих серебряных подсвечника с зажженными свечами.

Он подумал, что будет совсем нетрудно дотянуться до них. Можно было бы...

Это были обычные свечи, по крайней мере они так выглядели. Но где в это время он мог бы купить даже такую свечу? Купить! Нет, так нельзя. С другой стороны, это ведь не единственное место, где можно найти подходящую свечу. Например, в любой церкви...

— Его трудно узнать, не правда ли?

От неожиданности Дерек едва не вскрикнул. Она стояла справа от него и была не одна. Она привела с собой всех стервятников.

Стервятники, да, это именно то слово. Каждый из них был стервятник, даже девчонка. Несомненно, все эти годы они питались мистером Фрэнком Трейси, а сейчас, когда его не стало, их блестящие глазки ищут кого-нибудь еще, а здесь, в этой комнате, был только он, Дерек Уильямс.

Пытаясь отогнать от себя эти дикие мысли, Дерек еще раз взглянул на четыре фигуры и постарался увидеть их в нормальном виде. Но не смог. Все равно они казались ему очень странными.

— Это моя мать, миссис Харкс, и моя сестра, Глэдис Харкс. А это Мириам. Она говорит, что не встречала вас в школе.

— Нет, мы не знакомы,— подтвердил он. Потом быстро повернулся и с облегчением вздохнул: выход был свободен.— Мне надо идти. Уже поздно. Я хотел бы...

— Да, да, пожалуйста, окажите покойному последние знаки уважения. Фрэнк так любил молодежь. Он частенько говорил мне...

Но у Дерека не было времени выслушивать, что гово-

рил Фрэнк Трейси своей толстой, неряшливой жене. Ему нужно вырваться отсюда, а не то его просто стошнит от этой женщины, от ее родственников, органной музыки и запаха цветов. Свечу он, пожалуй, достанет в церкви — если удастся.

Он обнаружил, что коридор был пуст. Если войти в другую комнату... Однако вскоре он убедился, что в других комнатах происходит то же самое, по крайней мере в тех, которые не были закрыты.

Две комнаты за приоткрытой дверью зала в конце коридора были пусты. Внутри темно, как в мешке. Возможно, в одной из них...

Заходить было страшно. Его сердце учащенно забилось, когда он юркнул в одну из них, ту, что справа от двери.

И сделал он это как раз вовремя. Через приоткрытую дверь он скорее услышал, чем увидел, в зале двух людей. Один из них говорил мрачным, замогильным голосом,— как оказалось, тот высокий худой человек, с которым Дерек встретился в коридоре. Другой стоял молча, изредка издавая какие-то утробные, похожие на ворчание животного, звуки. Интересно, что это за чучело, которое издает такие звуки? Ответа ждать долго не пришлось.

Послышались сбивчивые, неровные шаги. Слабый щелчок — и комната наполнилась ярким светом, льющимся из флюоресцентных ламп, расположенных высоко на потолке. Шаги приближались. Затем человек сделал шаг назад, потом еще один... Дерек Уильямс понял: самое лучшее сейчас — оставаться на месте, за чуть приоткрытой дверью. У него появилось острое ощущение, что в зале происходит что-то не совсем обычное. Он осторожно передвинулся в сторону и увидел за приоткрытой дверью две странные вещи.

Первая заставила его выругать себя за то, что он вообще здесь оказался. Там, на полке, у дальней стены стояли четыре подсвечника с не до конца сгоревшими свечами. Как только тот человек уйдет, подумал Дерек, он схватит одну из них и смотается из этого дьявольского места. Но эта надежда сразу же улетучилась, потому что подсвечники со свечами снимал с полки и укладывал в джутовый мешочек человек, который...

Это и было то второе, что увидел Дерек. Мысленно он использовал слово «человек», но это было не совсем то...

Огромный горбун со спины походил на массивную человекообразную обезьяну. Он находился в согнутом положении и поэтому трудно было представить его настоящий рост. Со своего места Дерек не мог видеть его лица. Спутанная нечесаная копна черных волос спускалась на плечи невероятной ширины. Пальцы его касались мягкого коврового покрытия на полу. Сосредоточенно и методично выполняя свою работу, горбун время от времени издавал глухое ворчание, похожее на приглушенный рык животного.

Чудовищная фигура начала поворачиваться, и Дерек отступил в угол. Шаркающие шаги приблизились. Горбун уже подошел к двери и вдруг остановился. Тишину нарушало лишь его недоумевающее ворчание.

Дерек Уильямс затаил дыхание. Легкие не выдерживали этой страшной муки, мучительно хотелось вздохнуть, сбегавший со лба пот щипал глаза, кровь прилила к голове и стучала в ушах мощными толчками. Слышно было только звериное дыхание по ту сторону приоткрытой двери.

Еще две секунды, еще пять...

В голове билась одна-единственная мысль: чует или нет? Затем свет погас, и Дерек облегченно вздохнул. Прошло еще несколько томительных мгновений; казалось, легкие вот-вот разорвутся, но он уже слышал, как удаляются шаркающие шаги и затихает мощное дыхание.

И все-таки Дерек Уильямс еще боялся пошевелиться. Напряженно вслушиваясь, он уловил, что дверь в конце коридора открылась и снова закрылась. Опять те же шаркающие шаги, потом чьи-то еще... Он услышал голос того скелета со сцепленными на животе пальцами. Оба направлялись к двери. Дерек похолодел. Он понял: у него остался единственный шанс, надо срочно что-то предпринять. Сейчас или никогда.

Вторая комната, на другом конце зала, представляла собой мастерскую и одновременно место, где хранились цветы и различные специальные принадлежности, придающие мрачный колорит этому дому мертвых. Наверное, здесь он мог бы найти свечу. Но его одолевали сомнения. Во-первых, он не был уверен, что сумеет незамеченным добраться до свечи в мастерской и вернуться обратно. Сомневался он и в том, что эти двое — единственные в этом заведении.

На всякий случай Дерек стал придумывать оправдания.

Ну, сначала он скажет, что ему нужно отсюда выйти, потом можно сказать, что он заблудился. Дерек чуть не рассмеялся. Кто поверит таким объяснениям? А впрочем, что они могут с ним сделать? Вызовут полицию? Какой закон он нарушил?

Однако он не мог побороть в себе предчувствия, что полиции они его просто так не отдадут.

Вздор. Наваждение. Просто ночь и место такое, вот и лезут в голову всякие мысли. Ничего особенного не произошло.

Он выскользнул из-за двери и юркнул в зал. Пусто. Быстро пересек небольшое пространство между двумя дверями. А что если та дверь заперта? Однако она не была заперта. Дерек легко открыл ее и осторожно закрыл за собой.

Поначалу он ничего не мог разглядеть, но когда его глаза привыкли к темноте, он увидел, что по обеим сторонам от входа тянутся стеллажи. Остальная часть помещения была отделена тонким полупрозрачным занавесом, свисающим с потолка. Оттуда исходил слабый серо-желтый свет.

Дерек быстро обследовал стеллажи. На них лежали какие-то инструменты, стояли бутыли и банки, наполненные отвратительными на вид жидкостями. Свечей не было. Придется пробираться дальше.

Что-то мешало ему дотронуться до занавеса, однако в конце концов он решился и резким движением отвел его в сторону. В большом помещении стояли вдоль стен рабочие столы с разложенными на них инструментами, банками, электрическими приспособлениями. У дальней стены он увидел наконец то, что искал. Слева от единственного источника света — старой настольной лампы на высокой изогнутой ножке — лежал джутовый мешочек, который принес горбун, и около него — горка белых свечей. Цель была в зоне видимости. Но что-то вызывало неуверенность и тревогу.

Комната была заставлена гробами. Их было не меньше дюжины, три гроба были открыты. А что если в них лежат покойники, которых еще не подготовили к погребению?..

Но не ждать же, пока сюда кто-нибудь заявится. Итак, Дерек, вперед!

Он стал пробираться по этому лабиринту, стараясь как можно быстрее миновать это пристанище мертвых, что,

однако, было нелегко. Когда его рука или нога касалась длинных ящиков, все внутри холодело и крик ужаса, который разрастался в нем уже многие часы, рвался наружу. Он старался не смотреть в открытые гробы. Если в каком-нибудь из них и лежало мертвое тело, ему не хотелось бы этого видеть.

Благополучно добравшись до стола, он протянул руку, схватил свечу и повернулся, чтобы идти назад. И тут он заметил неясное мерцание. Оно исходило от одного из открытых гробов — то, что лежало внутри, словно посылало ему сигнал. Он хотел отвернуться, но не мог. Кто-то звал его, просил подойти ближе, еще ближе...

Дерек с удивлением отметил, что ноги сами несут его к раскрытому гробу. Сердце прыгало в груди, он пытался отвести глаза от этого мерцания — напрасно. Потом он увидел кольцо с камнем — это оно звало его. Кольцо было надето на палец безукоризненной формы.

Молодой женщине было не больше двадцати пяти. Ее обнаженное тело было так же совершенно, как и ее рука. Однако кое-что вызывало недоумение. Прежде всего, положение тела. Оно лежало совсем не так, как полагается лежать покойникам — чинно и строго. Выражение лица, открытые глаза и раскрытый рот создавали впечатление застывшего безмолвного вопля. И наконец, на шее мертвой женщины была туго затянута пеньковая петля.

Дерек выронил свечу, которую до этого он крепко сжимал в руке. Она ударилась о деревянный пол и откатилась к гробу. Он этого не заметил, неотрывно глядя в стоящий перед ним гроб. «Скорее отсюда!» — мелькнуло в голове.

Но было поздно. Он взглянул на занавес — первое препятствие на его пути к выходу — и увидел, что в комнате он уже не один. У входа стоял горбун, громадной рукой держа отведенный в сторону край занавеса. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы убедиться: первое впечатление Дерека было правильным — жестокие, искаженные черты лица говорили скорее о его принадлежности к животному миру, чем к человеческому.

Горбун не делал никакой попытки приблизиться к незнакомцу, а только ворчал. Затем он шагнул в комнату, но как-то боком, словно уступая кому-то дорогу.

Появилось разъяренное лицо костлявого хозяина. Но постепенно его черты приобрели свое обычное выражение.

— Молодой человек, мне очень жаль, что вы оказались здесь. Вам чрезвычайно не повезло.

После этих слов горбун двинулся вперед.

Глава II

На другой стороне Североамериканского континента, на южной оконечности острова Лонг-Айленд, огромный мужчина в возрасте примерно тридцати лет тащил на спине охапку хвороста, сгибаясь под ее тяжестью. Путь гиганта лежал к старому, недавно перестроенному особняку, территория которого обрывалась к заливу Вестхемптон.

Этой ночью залив был тих. Прибой еле бился у берега, и прогноз погоды утверждал, что безветренная погода простоит по крайней мере еще два дня. Прогноз предсказывал также более низкую температуру, чем обычно, и эта его часть тоже оказалась верной. Несмотря на то что особняк, состоящий из тридцати пяти комнат, и прилегающие к нему строения были полностью перестроены в соответствии с современными требованиями, установить такую систему отопления, которая могла бы полностью изгнать вековой холод из каменных стен, не удалось. Размеры трехэтажного дома, а также высоченные сосны, которые окружали его, не позволяли солнечным лучам опуститься ниже крыши здания, а ночью удерживали влажный, пронизывающий воздух с залива. В доме было постоянно влажно и холодно.

В трех огромных каминах основного здания ярко горел огонь. Гигант сбросил хворост около камина на первом этаже. Большое помещение все было заставлено книжными шкафами. Встав на колени, он положил три полена в уже пылающий огонь, и вспыхнувшее с новой силой пламя отразилось в черных его глазах. Жар этот был ему приятен, от него порозовели его щеки и гладкая, без единого волоса, голова. В мерцающем чередовании света и тьмы лицо человека и его голова казались удивительным произведением искусства, великолепной резьбой по черному дереву или нефриту, и весь он походил на могущественного демона иного мира.

Камерон Санчес подбросил еще дров и с удовлетворением отметил, что они занялись быстро и дружно. Он чув-

ствовал, что один из двух присутствующих в этой комнате неотрывно следит за ним, однако не изменил позы — он по-прежнему стоял на коленях перед горящим пламенем, чтобы тепло выгнало из тела остатки холода.

— Вероятней всего, вы правы,— сказала женщина.— Врожденное понимание своей сущности может сыграть с вами, людьми, плохую шутку, заставив вас отвергнуть все реальности жизни и помешав их благотворному воздействию.

Она, конечно, прочла его мысли. Он уже привык к этому. Хотя, если говорить честно, не привык, и никогда не привыкнет. Он принял как факт существование этой женщины и то могущество, которым она обладает. Даже не оборачиваясь, он видел на ее красивом овальном лице легкую насмешливую улыбку, которая обычно сопровождала ее царственный надменный тон.

— Знаете ли вы, что сидя вот так, склонившись к огню, вы представляете собой замечательный экземпляр дикаря? Люди так гордятся тем, что они называют цивилизацией, но они не знают, как мало нужно, чтобы низвести их до такого состояния, в котором они пребывали, когда пещеры были их единственным жилищем.

Кэм Санчес отодвинулся от огня и сел на пол, скрестив ноги. Он взглянул в сторону кресла-качалки, где в позе уютно устроившейся кошки сидела эта женщина.

«Вполне подходящая для нее поза»,— подумал он. Ее желто-зеленые глаза, казалось, видели его насквозь. Женщина была само изящество и великолепие. Огонь отражался в ее блестящих черных волосах, черное длинное платье облегало тело, которое, он знал это, было совершенно. Она сразу дала ему понять, чтобы он не питал особых надежд на обладание им. Впрочем, он хорошо знал, что ею уже владели.

Он отбросил эти мысли. Он не любил думать о том, другом, кто жил в этом доме.

Кажется, для разнообразия ей хочется немного поговорить. Почему бы ей это не позволить? И он спросил ее, хотя уже заранее знал ответ на свой вопрос:

— Эти огни пещерного человека, вы их видите?

Женщина, которая называла себя Ктарой и которой на вид была не больше тридцати, улыбнулась.

— И те огни, и огни других поколений много веков

назад. То же самое благоговение, те же мысли. Вы удивительно однообразны, мистер Санчес.

— А вы? Вы разве изменились? Разве вы уже не испытываете прежнего трепета перед тем, что считаете...

— Да, мы испытываем благоговейный трепет перед тем, что называется Первопричиной и благоговение ко Всему.

— А древние боги, что вы об этом думаете?

Последний вопрос был навеян несколькими строчками, которые он как-то прочитал в книге. Книга называлась «Руны Ктары», в ней рассказывалось о древних богах, о стране, которую называли то Атлантидой, то Эдемом, то другими, менее известными названиями.

Первую землю я помню хорошо.
Она поднялась в огне и упала в пепле.
Однако мы, мой Хозяин и я, его раба,
Ушли от моря, чьи воды поглотили
Жизнь на том древнем континенте,
Чье время прошло, как решили Древние Боги.

— Так что вы думаете об этих огнях? — снова спросил он.

Казалось, ее взгляд проходит мимо него, сквозь него, через стены, через века...

— Благоговейный трепет — это не то, что испытывает человек, когда уничтожается жизнь. Ужас, да. И страх. Страх возникает иногда и от самых обычных причин. Вы не почувствуете благоговейного трепета при виде падающих стропил и кровли. Объятая пламенем крыша в последний момент перед своим падением вызовет только страх или ужас. Огонь, который пожирал тот первый дом, был для его обитателей таким же обычным зрелищем, как падающая горящая крыша для вас. Он не вызывал благоговейного трепета или иных подобных чувств.

— Ну, а боги?

— О, в них тоже не было ничего сверхъестественного. Их просто боялись. Только некоторые, жившие там, где я родилась, трепетали перед ними.

Кэм кивнул головой:

— Возможно, все было бы совсем по-другому, если бы ваших богов уважали больше.

Женщина повернулась к человеку, сидевшему за столом напротив. Пожилой мужчина с серебристой сединой

перебирал газетные вырезки, прислушиваясь последние несколько минут к разговору.

— Что вы об этом думаете, профессор Хармон?

Деймен Хармон крепко ухватился за ободья своего инвалидного кресла и, не торопясь, развернул его. Он полулежал в кресле, и теперь, используя силу своих мощных плеч, подтянулся вверх и занял более прямое положение. Нижняя часть его тела была неподвижна с 1938 года, когда ударом свинцовой трубы были сломаны нижние позвонки. Этой же трубе он был обязан и металлическими пластинами, которые уже более тридцати лет охватывали лобные кости головы.

Однако те страшные удары не замутили ясности мысли этого человека с орлиным лицом, который уже в двадцать пять лет имел докторскую степень по древней литературе и средневековой философии, а также диплом магистра физики. Его интересы включали в себя множество различных предметов — от биохимии и психологии до археологии и забытых языков.

В двадцать пять лет Деймен Хармон занял пост специального помощника комиссара Нью-Йоркской полиции, где он с успехом применял свои знания в криминологии. У него, в общем, была сидячая работа, кабинетная, однако частенько нарушая приказы, Деймен Хармон принимал участие в задержаниях. Его теперешнее состояние и было результатом таких вылазок. Конечно, он потерял работу.

Однако благоприятное сочетание острого ума и необыкновенного физического здоровья позволило ему заняться сначала активной преподавательской деятельностью в колледже, а затем, после отставки в возрасте сорока лет, еще более активной деятельностью в качестве частного эксперта по борьбе с преступностью. В помощники он нанял способных молодых людей. Одним из них и был Камерон Санчес, чьи способности патрульного офицера полиции в испаноговорящей части Гарлема вынудили преступный гангстерский синдикат состряпать против него ложное дело по обвинению в хранении наркотиков. Снять с него обвинение оказалось невозможным, и он был отстранен от работы, однако адвокаты Деймена Хармона спасли гиганта-пуэрториканца от тюрьмы. С тех пор уже в течение трех лет он работал помощником профессора Хармона. В его обязанности входила самая трудоемкая работа, и потому он был для профессора самым нужным человеком.

— Я спросила ваше мнение, профессор,— повторила женщина.

— Я знаю,— тихо ответил он.— Я знаю также, что мне не стоит иметь собственного мнения по обсуждаемому вопросу. Естественно, это меня интересует, но ведь только вы и ваш Хозяин знаете, как все тогда обстояло, поэтому мое мнение не имеет практически никакого значения.

Женщина по имени Ктара улыбнулась и вновь взглянула на Кэма.

— Как я вам уже говорила, вы многому можете научиться у вашего шефа, мистер Санчес.— Она снова повернулась к Хармону: — Уже поздно. Вам не кажется, что сейчас самое время покормить моего Хозяина?

Взгляд Кэма вновь устремился на огонь. Холод, который, казалось, полностью его покинул, снова вернулся в его тело.

Черный Господин. Сын Сатаны. Это лишь два имени, под которыми знали его многие поколения людей. Древний Шумер, Египет, Тибет и земли ацтеков, средневековая и современная Европа. Письменные свидетельства, оставленные этими цивилизациями, содержат упоминания, чаще краткие, иногда подробные, которые свидетельствуют о его существовании и о страхе, который он внушал. В длинном списке имен последним было то, которое он носил в девятнадцатом веке в Трансильвании,— Дракула. Дракула-вампир — прозвище, которым Князь не слишком гордился.

— Это не совсем точное слово,— произнес Князь, обращаясь к Хармону,— но так называют меня в течение столетий, поэтому я не буду спорить с вами.

Иначе говоря, могущество Князя было столь велико, что такие мелкие вопросы просто не привлекали его внимания. Как, впрочем, и бóльшая часть того, чем занимались люди.

Кэм наблюдал, как Князь, сидя в этом кабинете, заваленном книгами, поигрывал стаканом с хересом. Он питался внизу, в лаборатории, находящейся в подвале особняка, там же стоял и его гроб, наполненный землей. Князь жил за счет синтетической крови, которую создал профессор. Компоненты этой крови поддерживали его жизнедеятельность, но этого ему было мало. Его природа требовала человеческой крови, и он вполне прозрачно намекал, что первой кровью, которая его удовлетворит,

будет, возможно, кровь профессора и его помощника. В том случае, если они потеряют над ним контроль.

Система управления, состоящая из двух частей, не подводила еще ни разу. Первый раз ее проверили в склепе, под замком Дракулы. Меньше чем за два месяца одна ее часть была вживлена в тело профессора, а другая установлена рядом с сердцем вампира.

Принцип работы системы был чрезвычайно прост. Профессор Хармон, благодаря усердным многочасовым тренировкам, развил в себе значительные телекинетические способности — он мог силой своего разума перемещать на значительное расстояние небольшие предметы. Имплантированное в него устройство излучало специальные сигналы. Излучение могло прекратиться только по двум причинам: если бы его сердце перестало биться — другими словами, если бы он умер,— или если бы он мысленно передвинул рычажок управления. Вторая часть системы находилась рядом с сердцем Дракулы и являлась приемником сигналов. Главная ее часть включала в себя обломок осинового кола, которым в свое время был убит вампир.

За все время сбой произошел только один раз, но Дракула был вполне удовлетворен его любопытными последствиями. Дело было обычное: украли приспособление, необходимое для подзарядки источника энергии, находящегося в теле профессора. Преступники явно ошиблись в его назначении. Кража имела самые печальные последствия для совершившей ее преступной шайки.

Перед профессором Хармоном лежали газетные отчеты об этом событии. Он протянул вырезки Князю, черные глаза которого заскользили по заголовкам:

«Тайна окружает провал операции по похищению товаров».

«Начало гангстерской войны в Бруклине и Куинзе».

«Подозревают, что пожар уничтожил особняк гангстеров в Куоге».

«Полиция озадачена внезапным разгромом гангстерской организации Фрэнка Энтони».

«Член банды Энтони утверждает, что в ночь своей смерти его хозяин говорил о вампирах».

Князь усмехнулся, густые брови изогнулись. Так реагирует дворянин на шутку своего слуги. Лицо его было спокойным и даже доброжелательным. Однако и Кэм, и Хармон видели это лицо и тогда, когда блестящие черные

волосы спускались на лоб, раздувались ноздри, губы растягивались в гримасе и обнажали зубы, нет, не зубы — звериные клыки. Они видели, как эти черные глаза, которые сейчас миролюбиво изучали написанное, становились кроваво-красными, с белыми, пронзительными зрачками. И они были свидетелями того, как в десятки раз возрастала сила его могучего тела.

Князь вернул вырезки Хармону. Затем ровным, глубоким голосом, с сильным акцентом спросил:

— Неужели вы действительно думаете, что меня интересует, о чем пишут ваши журналисты? Лучше просто расскажите мне, как развивались события после этого небольшого приключения?

Хармон сложил вырезки в коричневую папку и положил в ящик стола.

— Небольшого приключения! Вы себя недооцениваете, Князь.

— Я был всего-навсего полезным инструментом в вашей игре,— сказал Дракула.— Как вам хорошо известно, у меня не было выбора.

— Не будет и в следующий раз,— спокойно ответил Хармон.

— Профессор, а он обязательно должен быть — этот следующий раз? Меня совершенно не интересуют ваши неясные определения добра и зла, а также действия, которые вы предпринимаете от лица одних в защиту других. Я живу в соответствии с собственными понятиями.

— Вы живете,— отпарировал Хармон,— в соответствии с моими понятиями о вашей полезности мне.

Дракула широко улыбнулся:

— Хорошо сказано, профессор Хармон.— Затем он повернулся к женщине, сидевшей напротив: — Ну, моя дорогая, что вы теперь скажете о его сокровенных мыслях?

— Очень мало. Металлическая пластинка на лбу, как обычно, мешает нам обмениваться мыслями.

— А этот господин? — Он сделал жест в сторону Кэма.

— Ему не нравится бравада его хозяина.

— А вы, моя крошка?

Последовала небольшая пауза, во время которой она пристально рассматривала свои руки.

— Я поступаю так, как я поступаю. Так, как нам диктуют судьбы.

— Я говорю о заявлении профессора Хармона.

Еще пауза.

— Это сложное понятие. Кто может сказать, как одному существу управлять другим?

Кэм Санчес улыбнулся про себя. Хороший ответ. И не настолько общий, как могло показаться. Когда Князь находился в активном состоянии, он мог контролировать каждое ее движение. Но, если он был в состоянии, более напоминающем смерть, она полностью контролировала не только свои действия, но и его. На протяжении всех циклов, как она их называла, после того как вампир получил смертельный удар колом в грудь, она постепенно старела — медленно, но неотвратимо. Ее судьба уже не была только в ее руках, ибо ее задача была выполнена. Об этом говорили поэтические строки ее рун:

Когда люди вновь вернутся и отнимут
Его жизнь, его бьющееся сердце,
Тогда я, его рабыня до последнего крика,
Буду умирать, пока не найду того,
Кто вынет из моего Черного Господина
Убивший его кол.

Судя по всему, она нашла то, что хотела. Это были Хармон и он сам. Она-то прекрасно знала привычки вампира — пить кровь тех, кого она направляла, чтобы разбудить его. Кэм подозревал, что на этот раз ее мотивы были совершенно иными. Но она не будет вмешиваться, когда Князь доберется до их крови. Единственным поводом для вмешательства могла быть только ее прихоть, других у нее не было.

Голос Князя вернул внимание Кэма к происходящему.

— Для посетителей уже довольно поздно, не правда ли, профессор?

На лице Хармона появилось недоуменное выражение:

— Посетителей?

Дракула кивнул головой:

— Скорее — посетительница. Наша прорицательница сообщила мне, что скоро тут появится ваша родственница. Сейчас она как раз ищет дорогу к особняку. Я полагаю, вы не станете возражать, что она прибыла без предупреждения?

— Кто же это?

Дракула поднялся со стула, его глаза вспыхнули на мгновение дьявольским блеском. Он глыбой возвышался над присутствующими.

— Я перейду в другую часть дома, профессор. Думаю, это отвечает вашим желаниям. Если, конечно, вы сами не захотите, чтобы я встретился с молодой особой, которая, как говорит мне Ктара, представляет собой очаровательный образец молодой американки.

— Дженифер? Дженифер здесь? — В голосе Хармона звучала недоверчивость.

Кэм тоже поднялся. Дженифер, Дженни Хармон, племянница профессора. Она училась в колледже на Западном побережье или, по крайней мере, должна была там быть. Кэм встречался с ней дважды. Описание Князя вполне соответствовало истине. Черт побери! Что она делает здесь? Что ее может интересовать?

— Кэм, найди ее. Отвези ее назад в город, домой. Передай ей, что мы увидимся с ней завтра. Скажи ей что угодно, только не пускай ее сюда!

— Дядя Деймен!

Князь не преувеличивал. Она действительно представляла собой замечательный образец молодой девушки, еще не вступившей в пору женской зрелости. Даже сейчас, в толстом свитере и джинсах, с длинными светлыми волосами и румяными щеками, она могла претендовать на титул Мисс Молодая Америка. Более внимательный взгляд мог бы разглядеть в ее четко очерченном лице черты, говорящие о ее аристократическом происхождении. Именно об этом подумал профессор Хармон, когда его племянница пересекла комнату и приблизилась к его креслу. Он метнул взгляд на Кэма, который только пожал плечами. На его лице было написано: «Я же старался». Пуэрториканец с облегчением вздохнул, увидев, что их двух гостей нет в комнате. Он понял, что Хармон решил попытаться еще раз.

— Дженифер, я ведь просил Кэма сказать тебе...

— Он так и сделал, дядя Даймен, но я не могла последовать его совету. Мне необходимо поговорить с тобой. Это не терпит отлагательств.— Она окинула взглядом комнату.— Дядя, ты действительно сотворил чудо с этим домом. Надеюсь, наверху достаточно тепло. Сегодня я там переночую. А завтра мне необходимо вернуться.

— Ты прекрасно выглядишь, Дженифер.

— Спасибо, дядя. Но мне действительно надо с тобой поговорить.

— Нельзя ли подождать до утра?

— Нет, что ты! Я, конечно, позвонила бы тебе по теле-

фону, но ведь дозвониться до профессора Хармона невозможно, не так ли?

Это было верно, хотя телефон в этом доме был, первый телефон, который Хармон позволил установить в своем жилище. Он ненавидел это устройство, которое только мешало ему заниматься делами. Однако здесь, в Вестхэмптоне, телефон был необходим — на случай, если их аппаратура откажет и придется срочно устанавливать связь с Кэмом. В аппарат был вмонтирован специальный переключатель, которым Хармон мог отключать его, если не ждал телефонного звонка.

— Хочешь перекусить, Дженифер?

— Мой ответ будет так же прозаичен, как твой вопрос: я поела в самолете. Прошу тебя, давай поговорим.

Кэм хотел выйти из комнаты, но Дженни остановила его:

— Нет, пожалуйста, останьтесь. Я думаю, мне понадобится и ваша помощь.

Хармон громко вздохнул:

— Ну что ж, мне уже легче. Если ты хочешь говорить в присутствии Кэма, значит беда, в которую ты попала, не столь велика, как я было подумал.

Лицо девушки вспыхнуло:

— Дядя!

Хармон развел руками:

— Что делать, дорогая, в жизни так много условностей.

— Ах, дядя, пожалуйста!..

— Хорошо, Дженифер, извини. Я полагаю — проблема не в деньгах. Если бы они тебе понадобились, достаточно было бы простой телеграммы.

— Да, дело не в деньгах.

— Видишь ли, если тебя выгнали из колледжа, я не смогу помочь тебе. Твоя учеба — это твое дело. И если ты связалась с какой-то экстремистской организацией у себя в колледже — это тоже твое дело. Хотя я и не могу себе представить...

— Дядя, я учусь на четыре с плюсом и никакой политикой не занималась, даже когда избирали губернатора Калифорнии!

— Приятно это слышать, не правда ли, Камерон? — Эта фраза сопровождалась многозначительным подмигиванием.

Кэм ухмыльнулся в ответ:

— Всегда приятно узнать, сэр, что человек, воспитанный в определенных принципах своего класса, остается им верен.

Скрытый сарказм, прозвучавший в ответе Кэма, не укрылся от внимания девушки. Ее внезапные слезы застали врасплох обоих мужчин. Точнее — троих.

— Деймен,— произнес Князь, стоя в дверях,— очевидно, перед нами классический случай, когда девушка попала в беду.— Его голос приобрел вкрадчивость.— И я бы добавил: очаровательная девушка.

Кэму не понравилось, как смотрел Князь на Дженни. Но не успел он увидеть реакцию Хармона, как Дракула опять заговорил:

— Мне ясно, что сюда вас привели чрезвычайные обстоятельства.

Чувствовалось, что Дженни признательна за внимание:

— Благодарю вас.

Последовал преувеличенно вежливый поклон.

— Князь Юла к вашим услугам. А теперь, если вы соблаговолите сесть, ваш дядя и я хотели бы узнать, чем мы можем вам помочь. Скажите же нам, в чем заключается ваша до сих пор не решенная проблема?

Дженни села в одно из великолепных кожаных кресел. Вытирая слезы носовым платком, она взглянула сначала на Кэма, затем на дядю и, наконец, остановила взгляд на высоком иностранце с таким мягким, успокаивающим голосом. Она ответила на вопрос одним словом, которое сразу же привлекло внимание двух других мужчин:

— Убийство.

Глава III

— Убийство? — Хармон повторил это слово после некоторой паузы, вызванной легким шоком. Так, по крайней мере, понял Кэм то выражение замешательства, которое появилось на лице профессора.

— Дженифер, кто же убит?

— Юноша из нашего колледжа, в Беркли[1]. Так утверждает полиция.

---

[1] Беркли — пригород Сан-Франциско, где находится Калифорнийский университет.

— Преступление совершила не она, профессор Хармон,— заявила Ктара, входя в комнату из библиотеки. Хармон и Кэм отреагировали на это со смешанным чувством удивления и облегчения. Дженни со своей стороны...

— Дядя, так вы подумали, что я?..

— Могла бы быть под подозрением, Дженифер,— быстро закончил фразу профессор.

— Это не она,— снова повторила Ктара.

Только теперь Дженни подняла взгляд и увидела женщину в черном. Она вопросительно взглянула на Хармона.

Тот выполнил необходимые формальности:

— Дженифер, это Ктара, наша коллега.

— Очень приятно познакомиться,— сказала Дженни.

Оба голоса были холодно любезны, без всяких эмоций. Только сейчас до Кэма дошло, что в этой комнате присутствуют не просто две женщины — две прекрасные женщины, и каждая прекрасна по-своему, и красота одной совсем не похожа на красоту другую. Ктара — воплощение женской животной сущности в ее наиболее совершенной форме. Дженни — выражение человеческих качеств женщины, близких к совершенству. Трудно представить, чтобы такие противоположные натуры могли когда-нибудь подружиться. Кроме того, зная Ктару, он вообще не мог себе представить, что она способна с кем-нибудь дружить.

Какое-то время женщины обменивались пристальными взглядами. Этот обмен прервал вопрос Хармона:

— Так значит, Дженифер, произошло убийство и ты вне подозрений. Так?

— Да, так.

— Могу я тогда спросить, чем вызвана такая поспешность: лететь на самолете, затем нанять машину — я полагаю, что ты ее наняла, а не угнала в аэропорту,— настаивать на немедленном разговоре сегодня же вечером, а не завтра утром?.. Могу ли я задать тебе такой вопрос, Дженифер?

— Я знаю, у тебя есть друзья в полиции.

— Могу это подтвердить. Пошли дальше. Кем приходился тебе этот убитый юноша? Другом?

— Нет, я его мало знала. Я встречалась с ним три раза, когда Рой...

— О, вот появился и Рой. А это кто такой?

На ее лице появилось выражение напряженности.

— Дядя Деймен, я все объясню, если ты позволишь.

Дракула кротко улыбнулся:

— Да, Деймен, пожалуйста. Позвольте молодой леди рассказать ее историю. Пожалуйста, Дженифер.

— Спасибо, князь Юла. Одним словом, около недели назад Дерек Уильямс, это тот юноша, который, как заявила полиция, был убит, исчез. Его не было на занятиях, он не появлялся в общежитии. Администрация колледжа навела справки у его родителей в Омахе, но те давно не видели сына и ничего о нем не знают. Его сосед по комнате сказал, что вещи Дерека на месте, в целости и сохранности и что он не собирался оставлять колледж — даже на время. Когда сообщили в полицию, они быстро раскопали где-то сведения о том, что Рой Амберс и Дерек не ладили друг с другом, и якобы Дерек боялся, что Рой собирается ему отомстить. Полиция задержала Роя и допросила его. Его до сих пор не отпустили. Мне разрешили одно свидание, вот и все.

Хармон задумался.

— В твоем рассказе много неясного. Но сначала первый вопрос. Этот Рой Амберс — кто он тебе?

— Всего-навсего мой друг.

Кэм ухмыльнулся:

— Профессор, очень нелюбезно с вашей стороны.

Глаза Дженни вспыхнули от возмущения:

— Я же сказала: друг и ничего другого!

— Ну хорошо,— сказал Хармон.— Ты говоришь, этот парень в полиции. Против него выдвинули обвинение?

— Я не уверена, что обвинение окончательно сформулировано, но Рой уверял меня: в полиции думают, что Дерек Уильямс убит, а он, Рой,— убийца.

Дженни немного помолчала.

— Это... это связано с Семьей.

— С Семьей? — повторил Хармон.

— Это какая-то группа, община, у них лагерь в верховьях Напа, в долине. Этим летом Рой и Дерек жили там одно время. Собственно, там они и познакомились. Между ними возникли тогда какие-то... трения. Некоторые в Беркли знали об этом, должно быть, они и рассказали полиции.

— Ты говоришь — трения. Что ты имеешь в виду?

— Точно не знаю. Рой мне не рассказывал, но я слышала, что это действительно серьезно. Будто бы Рой заявил, что разберется с Дереком.

— Убьет его? — спросил Князь.

— Да, сэр, очевидно. Видите ли, Рой и Дерек ушли из общины одновременно. Никто из них ничего не рассказывал об этом, однако поговаривали, что они ушли или их выгнали за нарушение каких-то правил этой общины. По одним слухам — это группа наркоманов, другие утверждают, что там занимаются колдовством и черной магией.

— Да, я знаю,— сказал Князь.— Но вы убеждены, что этот парень Амберс не виновен?

— Я ведь знаю Роя, князь Юла. Он никого не мог убить, что бы он ни говорил!

Брови Хармона приподнялись.

— Вот как? Так значит, он действительно обещал убить этого Дерека?

Дженни опустила глаза и посмотрела на свои руки, судорожно сцепленные на коленях.

— Так сказали в полиции.

Наступило молчание. Наконец, Хармон попросил Кэма проводить Дженни в одну из гостевых комнат.

— Ты, должно быть, устала, Дженни. Мы еще поговорим об этом завтра. Сейчас мы все равно ничего не сможем сделать, верно, Кэм?

Кэм взял из машины чемодан Дженни и проводил ее наверх, в одну из больших спален, специально предназначенных для гостей. Нельзя сказать, что в усадьбе часто бывали гости, нельзя было сказать также, что там ожидали когда-нибудь многочисленных гостей, но профессор считал, что должно быть предусмотрено все до последней мелочи.

— Спокойной ночи, Дженни,— сказал Кэм. Он поставил чемодан и собрался уходить. Она подошла к нему.

— Кэм, вы верите мне, не правда ли?

— Что касается невиновности твоего друга? Да! А что?

Кэм не понял, какое выражение промелькнуло на ее лице.

— Хорошо! Это мне и хотелось узнать. Значит, дядя Деймен и вы поможете Рою?

— По-моему, твой дядя и собирается это сделать, Дженни.

— А князь и эта... Ктара — ваша коллега, как сказал дядя? Чья коллега, Кэм? Дядина, князя или ваша?

Вопрос заставил Кэма улыбнуться:

— Моя? Дженни, ты никогда не была так далека от истины, как сейчас!

— В таком случае спокойной ночи, Кэм.

Очевидно, на этом разговор можно было считать законченным и Кэму ничего не оставалось, как выйти из комнаты. Но у него было чувство, что он сделал что-то не так. Он долго качал головой, спускаясь по лестнице.

Кэм сначала почувствовал на себе взгляд Ктары и только потом увидел ее.

— Мистер Санчес, пожалуйста, не входите в кабинет. Мой господин и ваш хозяин обсуждают важную проблему.

Кэм направился к двери кабинета. А если...

— Мистер Санчес, я же сказала, что они заняты, и это правда. Даже если бы сейчас там что-то происходило, вы не сумели бы помешать, не правда ли?

— Думаю, вы правы, однако можно бы и попробовать.

— Вы решитесь? — Она улыбнулась, и ему показалось, что улыбка была доброй. С этой женщиной ни в чем нельзя быть уверенным.

— Видите ли, по натуре вы человек простой, мистер Санчес, хотя и тщеславны. Я немного удивлена тем, что вы сейчас в замешательстве от того, что сказали наверху.

— Наверху?

— Да, племяннице Хармона. Вы не подумали, почему она интересовалась нашими с вами взаимоотношениями? Вы не подумали, почему она так обиделась на ваш намек, что ее отношения с Роем Абмерсом могли быть не только дружескими?

Кэм внимательно посмотрел на нее:

— Что-то я не пойму, куда вы клоните.

— Неужели? Это так очевидно. Ясно как день. У девочки очень сильные чувства к вам.

Кэм рассмеялся:

— У Дженни? Так она же ребенок! Правда, как-то в одну из наших встреч в последние три года она сказала мне, что мы подходим друг другу, но у девушек бывают такие увлечения.

Теперь улыбнулась Ктара.

— Ребенку уже девятнадцать, мистер Санчес. Это не школьное увлечение, не юношеская идеализация романтического Белого Рыцаря, которого она увидела в вас. Одним словом, она влюблена в вас. Что вы на это скажете?

Кэм не ответил. Он улыбнулся и подумал: интересно, что сказал бы на это Деймен Хармон.

А Хармон в этот момент пытался прочесть что-либо на

непроницаемом лице Дракулы. Отсветы пламени придавали этому лицу зловещее выражение.

— Мне трудно понять, Князь, о чем вы говорите, тем более зная ваши понятия о добре и зле.

Дракула хитро и злобно улыбнулся. Хармон мог бы поклясться, что в этот момент он увидел длинные клыки, торчащие из верхней челюсти.

— Я лишь спросил вас, профессор, что вы думаете о проницательности вашей племянницы и ее способностях разбираться в людях.

— Могу сказать, что эти качества присущи ей в высшей степени.

— Отлично. Тогда вы, видимо, полагаете, что Рой Амберс не совершал того преступления, в котором его обвиняют?

Хармон на мгновение задумался.

— Полагаю, не совершал.

— Еще лучше. Тогда я перейду непосредственно к сути вопроса. Я хотел бы побиться с вами об заклад, Хармон. Ставка очень велика, но вы ведь игрок по натуре, не так ли? Вы уже играли, когда вынули кол из моего сердца, и еще раз играли, когда подчинили меня своей власти. Оба раза вы выиграли. Я хочу сыграть с вами и не дать вам выиграть в третий раз. Итак, если я проиграл, я даю вам целых шесть месяцев, в течение которых торжественно клянусь полностью исполнять все ваши приказания, не пытаясь выйти из-под вашего контроля. Целых шесть месяцев, Хармон, вам не нужно будет вздрагивать по ночам от мысли, не натворил ли я что-нибудь, выйдя из подчинения. Заслуженный приз, не так ли?

— Продолжайте.

— Пари заключается в следующем. Я буду помогать вам и вашей племяннице всеми способами, какими вы только захотите. Если она права и будет доказано, что ее друг не совершал преступления, в котором его обвиняют, то есть не убивал другого молодого человека,— вы выиграли. Но если вы с моей помощью не сумеете доказать его невиновность, если полиция и ваша судебная система сочтут его виновным,— выиграл я. Ну, что вы скажете на мое предложение?

— Вы еще не все сказали,— ответил Хармон.

— В самом деле?

— Вы забыли упомянуть о том, что произойдет, если выиграете вы. Что получите вы?

Черты Дракулы слегка исказились. Казалось, у него начали расти зубы.

— Давайте так, Хармон. Если вы проиграете, начнем с того, что я выиграл Дженифер!

Хармон засмеялся сдавленным смехом:

— Князь, я обдумаю ваше предложение. Прежде всего, существует ряд обстоятельств, в которых я должен разобраться. Что касается вашего вопроса о способностях Дженифер разбираться в людях... Похоже, она вполне благожелательно отнеслась к вам. Поэтому мне необходимо провести свое собственное расследование. Я дам вам знать в ближайшее время.

Внезапно Князь поднялся. Теперь дьявольская сущность его ни у кого не вызвала бы сомнений. Он простер руки с крючковатыми длинными когтями над головой и заявил:

— Я требую, чтобы вы ответили мне немедленно!

Хармон закрыл глаза только на секунду, но и этого было достаточно. Вспышка энергии его мозга пронзила крохотное устройство в теле Дракулы. Вампир пронзительно закричал. Профессор спокойно открыл глаза, внимательно осмотрел безжизненное тело, лежащее перед ним, и мягко сказал:

— В ближайшее время, Князь, в ближайшее время.

Глава IV

Хармон рассказал о предложении Князя Кэму и Ктаре этим же вечером. Он не удивился, что Кэм так быстро согласился. Он понимал, что его молодой друг с удовольствием оставил бы Вестхэмптон хоть на пару дней. Удивил его быстрый ответ Ктары:

— Никогда бы не подумала, что вы можете быть так сильно озабочены семейными делами, профессор Хармон. Это обнаруживает в вас новое качество. Конечно, я выполню вашу просьбу.

— Полагаю, вы понимаете, почему я прошу вас об этом.

Ктара пристально на него посмотрела:

— Конечно, не для того, чтобы помочь вашей Дженифер. Да, профессор, я знаю, почему.

— Думаю, мы все знаем,— сказал Кэм.

Хармон воскликнул:

— Шесть месяцев, Кэм! Подумай, полгода ни о чем не беспокоиться!

— Если вы правы. Если Дженифер права.

— И поэтому я посылаю тебя в Калифорнию. Ты профессиональный полицейский, а Ктара... У Ктары свои возможности.

— Хорошо,— согласился Кэм.— Однако вам все же следует подумать, сдержит ли Князь свое слово, если мы выиграем.

— Я думаю, мы имели достаточно свидетельств того, что Князь — хозяин своего слова. Что же касается возможности выиграть... или проиграть, то играть я не начну до тех пор, пока не буду уверен, что выиграю. Другими словами, это уже будет не игра.

Кэму не понравилось, как засмеялась Ктара.

Прямой рейс из аэропорта Кеннеди в международный аэропорт Сан-Франциско приходился на раннее утро. Пассажиров этим рейсом летело мало. Кэм уткнулся в учебник по кинетике и был доволен, что присутствие Ктары не позволяет Дженни заговорить с ним. То, что Ктара сказала вчера вечером о нем и Дженни, было слишком ново и неопределенно. Это следовало обдумать. Прежде Дженни была всего лишь молоденькой девушкой. Теперь она превратилась в молодую женщину с красивой фигурой, умную и...

Забудь это, Камерон. Читай лучше книгу...

Кэм занимал место в ряду из двух кресел в салоне первого класса, так что двум женщинам пришлось сесть вместе. Ктара сразу погрузилась в какой-то полуобморочный сон, а Дженни ничего не оставалось делать, как заняться своими учебниками и журналами, предложенными стюардессой. В конце концов она остановилась на одной из своих книг. Это было комментированное издание мильтоновского[1] «Потерянного рая». Кэм знал, что эта длинная поэма посвящена разрешению проблем, с которыми столкнулся Сатана после своего низвержения на землю. Что ж, параллель прослеживалась четко. Несомненно, эта девочка

[1] Мильтон, Джон (1608—1674) — английский поэт, политический деятель.

отнеслась бы к Князю — владыке вампиров, который потерял расположение Древних Богов, так же, как к Владыке ада.

У Кэма не было склонности к философии, поэтому он снова уткнулся в книгу по кинетике.

В аэропорту Кэм усадил Дженни в такси. Однако Дженни не желала возвращаться в колледж.

— Твоя задача — поскорее вернуться к занятиям, моя — убедиться в невиновности Амберса или в его вине,— уговаривал ее Кэм.

— Но я же могу помочь тебе! — не соглашалась Дженни.

— Как ты мне поможешь?

— Она ничего не ответила, только пристально посмотрела на него, но он понял, о чем она подумала: «Хотя у тебя же есть Ктара!»

Как только такси, в которое уселись Кэм и Ктара, отъехало от здания аэропорта, Ктара заметила:

— Похоже, я становлюсь частью любовного треугольника. Как легко происходят такие вещи даже с самыми в этом отношении безгрешными.

Кэм кивнул.

— Я подумал, что, используя ваше имя, мне удастся заставить ее заниматься своими делами. И, похоже, мне это удалось.

— Так вы, оказывается, научились читать чужие мысли?

— Что вы, это ваша специальность, мадам. Для этого вы и здесь.

К сожалению, способность Ктары читать чужие мысли оказалась мало полезной в результате действий, предпринятых начальником полицейского участка в Сан-Франциско.

— Нет, нет, только не двое. У меня есть инструкции. Одно лицо, а именно мистер Камерон Санчес, может встретиться с арестованным. Мне лично ни о какой женщине ничего не сообщали,— заявил капитан.

Кэм знал, откуда пришли эти инструкции. Сандфорд Проктор был старинным другом Хармона. Оба одновременно начинали работать в нью-йоркской полиции и с тех пор продолжали поддерживать отношения. Официально Сэнди Проктор находился в отставке, но связи у него

сохранились. Хармон не знал, чем его друг занимается теперь: Сэнди отвечал на такие вопросы очень уклончиво. Хармон подозревал, что время от времени он выполняет отдельные важные поручения, но доказательств у него не было. Однако, когда Хармону требовалась определенная информация или небольшие услуги полиции или городских властей, Проктор доказывал свою полезность. Разрешение встретиться с Амберсом как раз и являлось одной из таких услуг. К сожалению, этот случай являл собой также пример испорченного телефона.

Первоначальный план заключался в том, что Ктара будет присутствовать при разговоре Кэма с юношей в качестве детектора лжи, то есть попытается определить, виновен он или нет. От этого плана пришлось теперь отказываться.

А может, все-таки вернуться к нему?

— Камерон, пожалуйста, не спорьте с офицером,— сказала Ктара. Он выполняет свои обязанности так, как считает нужным.— Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, как она собирается выполнять свои. Сузившиеся зрачки и яркий зеленый свет ее глаз подтверждали ее намерения.— Если вы не возражаете, я могла бы пока побродить поблизости.

С этими словами она улыбнулась капитану и вышла. Кэм увидел, что она оставила приоткрытой дверь полицейского участка. Капитан этого не заметил.

Кэм не стал плотно закрывать дверь и в помещение, где располагались камеры с арестованными, куда он последовал за капитаном. Полицейский доверительно сказал Кэму:

— Не знаю, что вас интересует, но, если бы вам удалось выудить что-нибудь у этого парня, нам было бы это очень кстати. Скорее даже ему, чем нам. Он наотрез отказывается говорить, где был в ту ночь, когда исчез Уильямс. Наверняка прикрывает какую-нибудь девчонку, с которой провел ночь. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Разумеется.

— Но как бы там ни было, может хоть вам удастся разговорить его. Наша задача — прежде всего раскрыть убийство.

Кэм остановился:

— Убийство? Тогда, как я полагаю, вы нашли труп?

Капитан обернулся.

— Это, мистер Санчес, не ваше дело. Этим занимаются официальные власти. Мои инструкции запрещают мне знакомить вас с тем, что нам известно. Мне сказали, чтобы я разрешил вам поговорить с Амберсом, и вы можете это сделать. Вниз по лестнице, вторая камера справа. Я буду у себя, когда вы закончите.— Он повернулся и пошел назад по коридору.— Все же дайте мне знать, если чего-нибудь добьетесь.

— Для этого я и пришел сюда, капитан,— сказал Кэм с улыбкой.— Однако я не уверен, что мои инструкции разрешат мне сообщить вам какую-либо информацию. Я уверен, вы меня понимаете.

Капитан в раздражении удалился. Кэм понял, что просчитался, услышав, как щелкнула, захлопнувшись, дверь в конце коридора. Он подумал, сможет ли в этих обстоятельствах, проявиться способность Ктары читать мысли — ведь между ней и Амберсом каменные стены.

Рой Амберс был симпатичным молодым человеком и в той мере, в какой Дженни Хармон представляла собой типичную молодую американку, он был типичным молодым американцем. Ростом чуть более шести футов, довольно худощав. На нем был замшевый жилет, расписанный символикой американских индейцев. Голые руки и грудь открывали развитую мускулатуру. На лице молодого человека застыло выражение упрямства и несогласия решительно со всем на свете. Лишь один штрих в облике Роя Амберса делал его старше: темные круги под глазами. Несомненно, у парня было что-то на уме, что-то не давало ему спать.

«Убийство, которое висит над твоей головой, вот что»,— подумал Кэм.

— Моя фамилия Санчес,— протянул он руку через решетку.

— Полицейский? — вопрос Амберса прозвучал так, будто ответ его совершенно не интересует.

— Да, ты прав, был когда-то полицейским. У тебя острый взгляд. Мы что, пахнем как-то по-особому или что-то другое?

Рой Амберс резко засмеялся:

— Любой, кто стоит с той стороны решетки, скорее всего полицейский.

Кэм кивнул головой.

— А что, любой с твоей стороны решетки является преступником?

Амберс отвел глаза.

— Говорите, что хотите сказать, и оставьте меня в покое.

— Меня это устраивает. Давай сразу же перейдем к делу. Это ты убил Дерека Уильямса?

— Нет.

— В полиции тебе сказали, когда это произошло, верно?

— Сказали.

— Но у тебя нет алиби, и не говори мне, что оно тебе не нужно. Ты не сидел бы здесь, если бы у тебя было алиби.

Глаза парня вспыхнули.

— Кто вы? Что вам от меня надо?

— Слушай, парень, мне от тебя решительно ничего не надо. Я тебя не знаю, и, должен сказать, ты мне не нравишься. Поэтому определимся с самого начала: ты мне так же безразличен, как любой другой в этой стране, обвиняемый в убийстве. Я пришел сюда не по своей воле. Меня прислали. У тебя есть, по крайней мере, один друг — Дженифер Хармон.

— Дженни? Она вас наняла?

— Одно уточнение. Я работаю на ее дядю. Она попросила его помочь тебе. В свою очередь он попросил меня помочь ей. Выслушай, что я тебе скажу. Я встал сегодня очень рано, чтобы добраться из Нью-Йорка до этого города. Мне хотелось немного поболтать с тобой. Я терпеть не могу самолеты, это сразу же настроило меня против тебя, еще до того как я вылетел из аэропорта Кеннеди. Поэтому, если я сейчас пойму, что ты не хочешь со мной разговаривать, я сяду в самолет и доложу профессору Хармону, что, по моему мнению, ты полностью виновен, а его племянница плохо разбирается в людях. Говоря откровенно, я уже почти пришел к такому выводу.

— Хорошо! Если вас просила Дженни, я вам весьма признателен и расскажу, что знаю.

— Ну что ж, попытайся. Итак, давай еще раз. Ты убил Дерека Уильямса?

— Еще раз: нет.

— Ты знаешь, где он?

— Нет, не имею понятия.

— Почему полиция думает, что это сделал ты?

— Они говорят, что я грозился его убить.

— Это действительно так?

— Да, примерно.

— Никаких «примерно». Говори точно.

— Да, я угрожал, говорил, что убью его. И многие это слышали. Студенты из колледжа.

— Почему ты угрожал ему?

Недолгое молчание.

— Это может показаться странным, но он угрожал мне, а я в ответ пригрозил ему. Вот и все. Обычное дело, когда двое парней говорят, что они сделают друг с другом, если...

— Если — что? Почему он угрожал тебе?

Рой Амберс покачал головой.

— Сейчас начнется самое дурное. Этим летом я жил в общине к северу по долине Напа. Дерек тоже там был. Я просто хотел испытать себя, как бы вам сказать, посмотреть, что это такое. В их дела я сильно не влезал, в отличие от Дерека. Ну, короче, я сбежал. Конечно, я мог бы там жить, пока учусь,— это не так далеко, но я вернулся в город. Примерно через неделю ко мне пришел Дерек и заявил, будто руководству общины не понравилось, что я ушел. Он сказал: они боятся, что я проговорюсь, и велели передать мне, чтобы я поостерегся. Вот после этого я ему и ответил...

— То есть тогда ты сказал, что убьешь его?

— Да, верно!

— Значит, угроза его была вполне серьезной, он не шутил насчет того, что тебя могут убить.

Рой Амберс рассмеялся коротким смехом. Они поговорили еще немного, и Кэм решил, что в общем-то он уже получил все необходимые ему сведения.

— Хорошо. Они сказали тебе, чтобы ты не проговорился. О чем нужно было молчать?

— О том, чем занимается община. Это своего рода тайное общество. Понимаете, о чем я говорю?

Кэм понимал. У мафии точно такой же принцип. Они называют это омертой — клятвой молчания.

— Значит, ты считаешь своим долгом не нарушать данную тобой клятву молчания. Или еще что-то? Ты боишься ее нарушить?

— И то и другое, я полагаю.

— Мы уже договорились: никаких «полагаю».

— И то и другое,— повторил Рой.

— Хорошо. Так почему Дерек тебе угрожал?

— Это как раз то, о чем я поклялся не говорить.

Кэм вспомнил, что Дженни что-то рассказывала об этом.

— Это касается колдовства? Дьявольских заклинаний?

Никакого ответа. Кэм сделал еще одну попытку:

— Дженни рассказывала, что этот Дерек тоже ушел из этой секты. Ты не знаешь, почему?

— Нет, не знаю. Но не думаю, что он ушел добровольно.

Кэм усмехнулся про себя: парень проглотил слово «секта» и даже не отреагировал. Отлично.

— Почему ты так думаешь?

— Видите ли, он был их частью. Он по характеру был из таких, что обычно подчиняются кому-то...

— Так его выгнали?

— Может быть.

— Почему?

— Я точно не знаю.

— Подумай, за что он мог получить под зад?

— Вероятно, он нарушил какое-нибудь правило. Он был довольно труслив.

— А правила требуют, чтобы члены общества были храбрыми?

Выражение лица Роя стало таким, будто он попал в западню.

— Некоторые... так считают.

Новая попытка:

— Хорошо. Я хотел бы получить от тебя ответ на следующий вопрос: где ты был в ту ночь, когда, по заявлению полиции, исчез Уильямс?

Рой взглянул прямо в глаза Кэму.

— Извините, я не могу ответить.

— Не можешь или не хочешь? Неужели ты не понимаешь, как это важно?

— Не могу и не хочу. Я понимаю, мистер Санчес, что это важно.

Похоже, он отдавал себе отчет в своих словах.

— Что-нибудь еще ты можешь мне рассказать? Что-нибудь, что могло бы тебе помочь?

Рой Амберс покачал головой.

— Ну, ладно. Тогда все. Только еще одно. После того как я уйду, сюда придет полицейский и передаст тебе мою просьбу: я попрошу у них разрешения забрать одну из твоих вещей, которые у них находятся. Разреши ему.

— А что вы хотите взять и почему?

Глаза Кэма сузились.

— Этого я еще не знаю. А почему — так это секрет, приятель. Игра в молчанку должна быть обоюдной.

— Не очень много — призналась Ктара.— Дверь была закрыта, трудно читать чужие мысли через камень и сталь.

Кэм кивнул головой. Они ждали возвращения дежурного сержанта из камеры.

— Я понимаю,— сказал он, имея в виду и сегодняшний случай и то, что возможности Ктары читать мысли ограничивала также и металлическая пластина, прикрывающая лобную часть профессора Хармона.

— Можно было бы сделать гораздо проще. Никто не заметил бы черной кошки, которая тихо сидит в углу.

Кэм представил себе Ктару в образе кошки, которую бесцеремонно выбрасывают из полицейского участка.

— Вы совсем не так все представляете,— прочла Ктара его мысли.— Со мной можно что-то сделать, только если я этого захочу.

— Однако вы почти ничего не узнали.

— Да, но я почувствовала большую волну вины. Я думаю, это связáно с той самой ночью, о которой вы его спрашивали.

— Так вы думаете, это он сделал — убил того парня?

Ктара улыбнулась:

— Кто может знать?..

— Я могу. Он не делал этого!

— Дженни! — удивился Кэм.— Сейчас тебе надлежало бы быть...

— Я сама знаю, где мне надлежит быть. Я не могу больше болтаться без дела. Он сказал что-нибудь?

— Ничего, о чем можно было бы рассказать.

— А что вы делаете сейчас?

— А сейчас,— начал было Кэм, но в этот момент вернулся дежурный полицейский. Он замолчал и принялся исследовать содержимое мешка, которое перед этим высыпал на стол. Бумажник, мелочь, ремень и медный медальон

с необычайно сложной резьбой, висящий на ремешке из сыромятной кожи. Кэм посмотрел на Ктару. Она кивнула головой.— Это,— показал он сержанту на медальон.

Полицейский начал укладывать в мешок вещи Роя, а Дженни протянула руку к медальону. Громадная ручища Кэма схватила ее запястье до того, как она дотронулась до медальона. Глаза Дженни расширились.

— В чем дело?

— Я бы не хотел, чтобы ты дотрагивалась до него.

Он снова взглянул на Ктару, которая медленно и грациозно подошла и встала между Кэмом и Дженни. Она взяла медальон за шнурок и осторожно положила его в складки своего длинного черного плаща. Одного взгляда на Дженни было достаточно, чтобы понять, какой лишней и ненужной она себя почувствовала.

— Я бы могла рассказать вам об этом медальоне,— сказала она.— Рой говорил, что это копия древнеперсидского знака, который посвящен Ахуре Мазда, богу Света. Я только не понимаю, как он может помочь вам в деле Роя.

— В таком случае я посоветовал бы тебе пожаловаться дяде, если эти добрые джентльмены разрешат нам обоим воспользоваться их телефоном,— ответил Кэм.

Дежурный сержант кивнул в знак согласия и показал на дверь направо от себя.

— Скажите ей это сами, сэр,— проговорил Кэм в телефонную трубку,— а то я не имею на нее никакого влияния.

Он протянул трубку Дженни и невозмутимо наблюдал, как она вспыхнула под напором слов, которые обрушил на нее дядя. Основной смысл сказанного: отцепись от Санчеса. Дополнительный смысл: займись учебой. Повтори, что тебе сказали. Когда покрасневшая племянница послушно вернула телефон Кэму, он кратко доложил профессору обо всем, что узнал.

— В общем, ничего интересного. Думаю, начинать надо с этой общины-секты.

Голос профессора звучал решительно и твердо:

— Вероятнее всего, так. Ты останешься и попытаешься получить как можно больше информации. А Ктару с медальоном я прошу прилететь ко мне следующим рейсом.

— А что вы предполагаете делать дальше?

— Может быть, присоединимся к тебе. Всему свое время.

Повесив трубку, Кэм стал было передавать указания Хармона, но, сообразив, что в этом нет необходимости, остановился.

— Не хотелось бы повторять то, что вы уже знаете.

— Да,— согласилась Ктара.— Однако надо называть вещи своими именами. Этот медальон...

— Для чего он вам? — воскликнула Дженни.

— Он нужен твоему дяде по целому ряду причин.— Голос Кэма звучал резко. Он повернулся к Ктаре:— Вы хотите что-то сказать?

Ктара улыбнулась:

— Племянница вашего хозяина не права. Символика этого медальона совсем другая.

— Да нет же, он посвящен Ахуре Мазда, богу Света.

— Да, он персидский,— согласилась Ктара.— Но изображен на нем не Ахура Мазда, а его противоположность — Ахриман, бог Тьмы.

Глава V

В медальоне отразился серебристый лунный свет. Казалось, мерцает само изображение божества, его глаза, полные ярости. Бог — враг Света.

Человек, на шее которого висел медальон на кожаном ремешке, был сильно испуган, но не изображением божества, а вещами гораздо более реальными. Дрожа, он медленно приближался к источнику своего страха, стараясь держаться в тени, чтобы остаться незамеченным; он осторожно двигался в ночи, пытаясь не потревожить ее покой.

Впереди слышится шум. Мерцающий свет льется из небольших окон огромного сооружения, прильнувшего к пологой стороне холма. Ясно, что источник света — горящее дерево. А шум — голоса, хор голосов. По мере того как владелец медальона подбирается ближе к окнам, он все явственнее начинает различать слова, произносимые почти шепотом:

...Да сожмутся объятья бога Эрра,
Да попадут они в сети богини Нисабы...

А позади, на фоне неба, на вершине холма вырисовывается одинокая фигура человека, у которого в руках что-

то, напоминающее ружье. Владелец медальона уже видел эту фигуру, когда, держась в тени холма, подкрадывался к зданию. И вдруг на другой стороне, на вершинах близлежащих холмов, он заметил еще двух часовых. Но он уж постарается, чтобы никто его не обнаружил,— он и дальше будет двигаться, минуя островки света.

Он осторожно приближается к окну, заглядывает внутрь. Он видит только людские спины, их очертания нечетки, расплывчаты. На всех черные балахоны с капюшонами, но память подсказывает ему, что в действительности одежды эти красного цвета. Тихое монотонное пение продолжается, он вслушивается в новые для него слова:

Они могут выплеснуть это, как воду,
Они могут разбить это, как хрусталь,
Они могут раскрошить это, как камень...

Его охватывает новый приступ страха. Он пытается понять, что происходит внутри здания. Он не знал, что церемония состоится сегодня ночью. У него дело к одному из этих людей, но он никак не может выделить его из толпы. На него нахлынула волна отчаяния. Мелькнула мысль быстро убраться восвояси, прийти потом, в другой раз. Он понимал, что уходить нужно быстрее. И все же что-то мешало ему — любопытство?

Ближний к нему ряд людей в балахонах опустился на колени, и тогда он увидел в центре, меж двух огней, у черного алтаря совершенно обнаженного человека с маской козла на голове. В руках он торжественно держал факел и руководил мессой:

Флоре... Батим... Пурсан... Абидар...

С обеих сторон от него стояли две женщины. Одна — средних лет, другая — подросток. Обе обнажены. Молодая очень худа, постарше — с округлым розовым телом. Рядом с женщинами — двое юношей. Они тоже обнажены и тоже — он заметил это только сейчас — прикованы к алтарю.

Сартананас... Лорей... Валефар... Форо...

За исключением человека с факелом все стоят тихо, безмолвно. Чувствуется, что люди охвачены животным страхом. Страх чувствует и обладатель медальона, наблюдающий за происходящим.

Надо уходить! Пока не поздно...

Человек с факелом поднимает над головой горящую головню и подходит к женщине у алтаря. Ее голову охватывает пламя: он поджег ее волосы. Рот женщины открыт для крика, но не слышно ни одного звука. Только приглушенное пение:

Сатанашиа... Пруслас... Аамон... Барбатос...

Изгибающееся, корчащееся тело. Женщина пытается сорвать с себя наручники, но все напрасно. Волосы остальных тоже вспыхивают. У алтаря уже четыре корчащихся фигуры. В воздухе разливается запах горящих волос.

Агалиарен... Баэр... Гузоин... Ботис...

Внезапно к запаху горящих волос примешивается новый запах, холодящий душу, вызывающий еще больший ужас,— запах приближающейся смерти. Тот, с маской козла, отбросил факел в сторону. В руке его сверкает изогнутый кинжал с длинной рукояткой в форме шипящей гадюки.

Блестящая сталь вонзается в сердце молодой девушки.

Небирос... Оперос... Нуберис... Глазиаболас...

Затем приходит очередь женщины, за ней юноши, потом второго...

Люцифум... Баэл... Агарес... Марбис...

Оцепенение прошло, сковывающие чары сброшены, душу наполняет волна отвращения, владелец медальона испытывает страшную резь в желудке, его тошнит. Ноги обретают способность двигаться, он срывается и бежит. Медный медальон на кожаном ремешке бьет его в грудь, холодный мертвый свет луны пляшет в глазах изображенного на нем бога и придает ему выражение безумия, дьявольского веселья.

Деймен Хармон открыл глаза и убрал пальцы, которыми все это время он сжимал виски. На его рабочем столе около инвалидного кресла, посверкивая в гаснущем огне камина, свисало с высокой настольной лампы медное изображение Ахримана — бога Тьмы. Лампа светила вполнакала. Как только Хармон пришел в себя, он усилил яркость света. Он хотел заговорить с женщиной, сидящей в кресле

напротив, но сердце его сильно стучало, а кровь судорожно пульсировала в жилах. Он помолчал немного, чтобы успокоиться, затем развернул кресло к женщине. Она заговорила первой.

— Вы все видели? — Она скорее констатировала факт, чем спрашивала.

Он кивнул головой:

— Да, и я уверен, что вы тоже все видели.

— В основном, да,— ответила Ктара.— Только, скорей всего, мы поняли это по-разному. Конечно, вы узнали эту церемонию?

Хармон налил себе бренди — немного больше, чем обычно.

— Мне известны некоторые слова молитвы. Последняя ее часть, несомненно, включала имена высших иерархов ада. Но в самом начале говорится об объятьях Эрра и о сетях Нисабы. Боюсь, я не совсем...

— Это древнеассирийские названия. Обряд посвящения.

— Ну, а процедура этого обряда? Он так и должен проводиться?

Ктара, казалось, взвешивала свои слова:

— Конечно, религиозный экстаз здесь, несомненно, присутствует. Когда происходят подобные церемонии, экзальтированные люди всегда найдутся. Даже если эти церемонии проводятся с отклонением от правил. Управлять таким состоянием или даже влиять на него — вот в чем искусство.

— Какова же ваша интерпретация того, что вы видели?

Тонкая улыбка:

— Профессор, разве дело в моей интерпретации? Я только помогла вам увидеть, какие скрытые образы заложены в этом медальоне. Последствия же моего понимания могут сказаться самым роковым образом на вас и всех остальных, поэтому мне не хотелось бы нести ответственность за расшифровку событий. Хармон кивнул головой в знак согласия.

— Тогда послушайте, что думаю я, и поправьте меня, если то, что видели вы, будет отличаться от моего варианта, или если моя мысль отклонится от правильного направления. Прежде всего, совершенно очевидно: Рой Амберс наблюдал ритуал посвящения, сопровождавшийся человеческими жертвоприношениями.

Ктара хранила молчание. Хармон продолжал излагать ход событий, внимательно наблюдая за ее реакцией.

— Второе. Мы узнали из разговора Кэма с Амберсом, что тот боялся возможной кары со стороны общины, в которой он одно время жил. Эта община, по моему твердому убеждению, и представляет собой ту группу, которую мы видели в скрытых образах, то есть является культовой группой, где вряд ли особенно задумываются о священной неприкосновенности человеческой жизни. В-третьих, Амберс отказывается рассказывать, где он был в ту ночь, когда исчез Уильямс. Четвертое. Вполне четко просматривался ужас, с которым Амберс наблюдал события той ночи.

— Той ночи, профессор?

Хармон улыбнулся про себя. Он заставил ее заговорить, пусть даже она только повторила его слова.

— Да, я вполне ощутил несоответствие между эмпирически выведенным фактом и логическим умозаключением. Все это требует своих объяснений. Амберс отказывается вести разговор о той ночи, когда исчез Уильямс, потому что это была та самая ночь, события которой мы только что наблюдали. А теперь, если я прав в своих гипотезах, в данных обстоятельствах логично предположить следующее.

Он внимательно посмотрел ей в глаза, сделал небольшой глоток из стакана и после драматической паузы произнес:

— Если это одна и та же ночь, то один из тех юношей, который умер от удара кинжалом, был Дерек Уильямс. Далее. Если это так, то Рой Амберс точно знает, как был убит Уильямс, и молчит потому, что боится расплаты, а может быть, думает, что его могут привлечь за соучастие в преступлении, тем более что он уже находится под подозрением.

Лицо Ктары ничего не выражало.

— В вашей версии имеется несколько «если».

— Возможно. Однако мой окончательный вывод и не требует безупречной интерпретации того, что мы увидели. Главное, что Рой Амберс невиновен в убийстве. Я вывел это заключение не только на основании гипотетической смерти молодого Уильямса, но прежде всего потому, что Адамс испытал чувство отвращения при виде четырех убийств — независимо от того, кто были эти четверо.

— Тогда, я полагаю, вы готовы.

Хармон плеснул в свой бокал бренди, затем наполнил еще один.

— Я разбужу вашего Господина. Было бы очень любезно с вашей стороны попросить его присоединиться к нам.

Профессор Хармон положил в огонь новое полено, но оно не только не согрело, оно даже не помогло осветить огромный кабинет, уставленный книжными шкафами. Тем не менее он подумал, что это скорее психологическое впечатление, чем физическое, и вызвано, вероятно, тем, что ему предстояло заключить очень ответственную и неприятную сделку. Подобно тому как губка впитывает влагу, а магний притягивает металлические опилки, огромная фигура Дракулы, одетого в официальный костюм для ужина, казалось поглощала все тепло и свет.

Лицо Князя было спокойно, однако его зрачки жили своей внутренней жизнью и выдавали его возбуждение и нервное ожидание, время от времени в жутком оскале рта появлялись верхние клыки.

— Так это пари — твердое? — спросил он своим низким голосом с сильным акцентом.

— В случае вашего выигрыша я не могу предложить вам Дженифер в качестве приза,— сказал Хармон.

— Сейчас я на этом не настаиваю. Уговоримся так: если выигрываете вы — условия остаются прежними. Я предоставлю себя в ваше полное распоряжение на целых полгода. Но если выиграю я — вы удаляете устройство, с помощью которого контролируете меня. Вы согласны?

— Если я удалю это устройство, что тогда?

Дракула улыбнулся.

— Тогда я свободен делать, что хочу и с кем хочу

У Хармона по спине пробежал холодок.

Они оговорили все условия сделки. Князь будет оказывать помощь в поиске любой информации, которая потребуется Хармону для доказательства невиновности или виновности Роя Амберса. И только после того как он будет признан виновным или невиновным, победитель вправе потребовать свой выигрыш. Как будто бы все оговорено. Так, по крайней мере, казалось профессору, пока Князь вдруг не добавил:

— Внесем в нашу сделку фактор времени. Необходимо определить срок действия нашего пари. Сколько точно сейчас времени?

В слабо освещенной комнате было трудно разглядеть стрелки на циферблате старинных каминных часов. Только глаза Ктары ясно их различали. Было около четырех часов утра.

— Четыре,— повторил Дракула.— Я предлагаю такое условие: сорок восемь часов. Две ночи после сегодняшних четырех часов утра — и победитель будет объявлен. А также побежденный.

— Два дня? — Хармон отрицательно покачал головой.— Невозможно!

Брови Князя изогнулись:

— Отчего, профессор? С теми возможностями, которые находятся в вашем распоряжении? Бросьте!

— Нет,— настаивал Хармон.— Четыре дня, ну, три...

— Хорошо,— с показной любезностью согласился Князь.— Не в моих привычках идти на компромиссы, но на этот раз я сделаю исключение. Добавим к сорока восьми часам еще двенадцать, итого — шестьдесят. Если полиция освободит вашего молодого человека к четырем часам утра через два с половиной дня, вы выиграли.

Предложение было не из лучших. Хармон это понимал. Он внимательно посмотрел на протянутую ему руку в черной перчатке, затем на губы, слегка улыбающиеся в ожидании.

— Соглашайтесь, профессор! Мы же люди слова!

Хармон молча взял протянутую руку. Рука вампира слегка сжала его руку. Затем Князь рассмеялся громким резким смехом:

— Профессор Хармон, вы умный человек, однако до меня вам далеко. Неужели вы думаете, что я не знаю, какую помощь оказала вам моя любимица Ктара во время спиритического сеанса сегодня вечером? Неужели вам не пришло в голову, что доказательства, на которых вы основали свое умозаключение и которые использовали при заключении пари со мной, если не все, то некоторые, могли быть внушены вам? Вижу, такую возможность вы не предусмотрели. Интересно, как вы теперь себя чувствуете?

Дракула снова рассмеялся и, отпустив руку Хармона, переместил свой горящий взгляд на Ктару, свернувшуюся в кресле у камина. Хармон тоже взглянул на нее, но ничего не смог прочитать на ее лице. Абсолютно ничего. Кто сможет понять мурлыкающую черную кошку?

Глава VI

Очень важно иметь необходимые знакомства и нужные средства в нужную минуту. И когда пришла необходимость — действуй. Одного телефонного звонка в ранний час вполне достаточно, чтобы получить от главы процветающей страховой фирмы в Сан-Франциско в аренду роскошную ферму в долина Напа, пусть даже звонить пришлось в гостиницу на Барбадос, где он проводил отпуск. Еще один звонок — и организован чартерный рейс небольшого реактивного самолета, чтобы пересечь чуть не весь континент за двенадцать часов, а с помощью еще двух звонков были заказаны несколько специальных легковых автомобилей и панелевозов, один из них большой грузоподъемности.

Звонки были сделаны, рейс состоялся и к девяти часам вечера того же дня оперативный штаб приступил к работе.

Одно из условий успеха всякой операции — надежная система связи. Основная линия связи между Кэмом и Харионом была установлена с помощью маленьких, но мощных транзисторных УКВ-радиостанций. Третья, соединенная с первыми двумя, была установлена за правым ухом Дракулы. Все это преследовало две цели: прежде всего, обеспечение обычной связи, второе — слежение за обладателем радиостанции с помощью портативного локатора, размещенного в одной из машин, принадлежащих профессору Хармону. Впрочем, профессор не был уверен, что это понадобится. Когда все было организовано, профессор связался с Кэмом. Последний раз они разговаривали по телефону прошлым вечером. Профессор хотел узнать, какую информацию удалось собрать Кэму, что он уже предпринял и каковы его планы. Он хотел также связаться со своими людьми.

Ничего этого сделать ему не удалось.

Он послал сигнал вызова Кэму, но тот сразу же ответил:

«Не сейчас, позднее!»

— Что случилось?

Но Кэм уже отпустил кнопку своего переговорного устройства, затем, подумав, снова нажал ее и зафиксировал, а также увеличил уровень громкости. Таким образом, профессор Хармон слышал, что происходит у Кэма, но

давать ему указаний не мог. Однако то, что он услышал, сразу поставило его в тупик.

Сначала он различил звук удара по лицу, затем звук падения тела.

Молодой человек сидел на полу. Широко открытыми глазами он уставился на великана с блестящей лысой головой, который стоял над ним, уперев руки в бока.

— Я не люблю повторять несколько раз,— угрожающе произнес Кэм.— А теперь вставай.

Парень с длинными жидкими черными волосами — на вид лет тридцати — поднял ладони, как бы защищаясь от нового удара.

— Эй, чего вы так разошлись? Вы сказали, что хотите встретиться. Я привел вас сюда, а теперь вы говорите, что вам надо не это. Я только и спросил вас, что же вы хотите,— вот и все.

Здесь, в этой загаженной комнатенке недалеко от порта, находились еще двое. Один — похожий на того, кто только что поднялся с пола, только помоложе. И крепко сбитая ширококостная девица в возрасте Дженни. Пожалуй, это их только и объединяло — возраст. У нее были коротко стриженные волосы, крупный приплюснутый нос и никакого намека на талию. Все трое были одеты в замшевые жилеты с индейской символикой, точно такие, как у Роя Амберса. У всех троих висели на шее медные медальоны с изображением, как сказала Ктара, персидского бога Тьмы.

Всего час назад Кэм вышел на человека, данные на которого были в списке, выцарапанном им у разговорчивого сержанта в полицейском участке за день до этого. Список включал названия и адреса баров, кафе, дискотек и даже нескольких свалок, где, как было известно, собираются торговцы наркотиками, промышляющие среди студентов. В таких местах жизнь кипит днем и ночью, но всегда, и ночью и днем, она скрыта от внешнего мира.

Выйдя из полицейского участка, Кэм начал методично обходить все злачные места, перечисленные в списке. Он не знал точно, что ищет, но, увидев знакомый жилет и медальон, понял — вот то, что ему надо.

Он не стал ходить вокруг да около и сразу заявил, что знавал нескольких ребят, которые носили такие же медальоны, и они якобы просили его разыскать их, если он окажется в Сан-Франциско. Так вот, он сейчас как раз здесь.

Тот парень, с которым он заговорил, даже поинтересовался, для чего это тем надо. Он спокойно выслушал Кэма и сказал, что решения принимает не он. И привел Кэма в это логово. Было ясно, что здесь собираются любители марихуаны, хотя, прикинул Кэм, заявись сюда полицейский, даже переодетый, он, скорее всего, ничего не обнаружит. Ничего, кроме молодого парня и девицы, остекленевшие глаза которой говорили сами за себя.

Девица заговорила первой.

— Ты, громила, перестань мордовать старика Харви.

Кэм уставился на нее тяжелым взглядом. Ни она, ни ее приятель так и не сдвинулись с места с тех пор, как он вошел. Тот парень, которого звали Харви, даже не успел объяснить, зачем он привел сюда незнакомого человека: звонок Хармона и последующие события заставили Кэма торопиться. Девица оглядела Кэма с ног до головы. Ее маленькие похотливые глазки ясно давали понять, о чем она думала.

— Извини, братишка, нам надо побеседовать. От твоих ответов будет зависеть, как у нас пойдут дела дальше. Сядь здесь, рядом со мной. Меня зовут Винни. А как тебя?

— Об этом позже,— сказал Кэм. Однако он все же сел, правда, не так близко, как хотелось этой девице.— Давай спрашивай, если хочешь.

— Я хочу,— сказала она и скрытый смысл ее ответа был очевиден.

— Я скажу тебе кое-что,— тихо сказал Кэм.— Я хочу, чтобы твой маленький дружок вынул руки из-под жилета. Только медленно. И так же медленно положил на пол нож, который он держит. Я хотел бы увидеть весь нож, а не рукоятку, как сейчас.

Парень не реагировал. Винни махнула ему головой. С тем же отрешенным выражением он вынул нож и положил его перед девицей. Кэм увидел — это было не обычное холодное оружие. Лезвие изогнуто наподобие древнего египетского кинжала. Красная рукоятка в виде змеиной головы. Челюсти змеи приоткрыты и раздваивающийся язык выступает наружу.

— Доволен? — спросила девица. Кэм не ответил, и она продолжала: — Хорошо. Я тебя поняла. Говоришь, ты встречался с нашими людьми не здесь, не во Фриско. Так где это было — в Мексике?

— Возможно.

— Ты скажи точно.

— Да,— сказал Кэм, ясно представляя себе шаткость такого утверждения. Лучше, если это будет Мексика, если он хотел, чтобы все части его истории совпадали. Если что — Кэм свалит все на них, заявив, что они мошенники и самозванцы. Это в том случае, конечно, если никто из них не бывал за границей. Хотя, с другой стороны, имея достаточно большую организацию, они могут его проверить,— разумеется, если он их заинтересует.

Однако свою версию он уже сказал, ее приняли, и он подозревал, что им заинтересуются. Еще бы!

— Мексика... Я думаю, ты похож на мексиканца. Кто они были — те, которых ты встретил?

— Мы близко не знакомились. Цель встречи была другая.

Девица замолчала, раздумывая.

— Но вы обменялись чем-нибудь, правда?

— Так и было.

— Уже лучше. Ну и зачем ты сюда пришел?

— Могу сказать, у меня есть кое-что для обмена.

— И нам это надо?

Кэм пожал плечами:

— Раньше было надо. Может, все уже изменилось.

— Может. Ты в этой стране легально?

— Я в этой стране. Этого достаточно.

Девица улыбнулась:

— Те, которых ты встретил, рассказывали тебе о нашей группе?

— Они сказали только, чтобы я нашел вас, когда буду в этих краях. И еще — что у вас большая группа, с большим влиянием. Так было сказано.

— Больше ничего?

Кэм задумался, стоило ли заходить дальше.

— Видишь ли, есть одна вещь, в которой я не совсем уверен. Говорили, что вы — могущественная семья, но что-то я не почувствовал этого могущества, как я его понимаю. Другими словами: политического влияния.

Девица рассмеялась, заулыбались и двое парней.

— Это своеобразное влияние. Очень специфическое. Ну, ладно. Что у тебя есть, сколько и когда ты можешь это доставить, если мы купим?

Кэм отрицательно покачал головой:

— О таких вещах я хотел бы говорить не с вами. Для

вашего же спокойствия. Вы должны понять меня. У вас есть главный, в вашей Семье.

— Заключать такие сделки имею право я.— Лицо девицы потемнело.

— Это правда,— встрял Харви.— Винни — член Внутреннего Круга.— Его голос сорвался, и он замолчал, когда Винни резко повернула голову в его сторону. Кэм сделал вид, что ничего не заметил.

— Извиняюсь, конечно, но я обязан поговорить с главным. Или ни с кем. Я могу найти других покупателей, любители на мой товар всегда найдутся.

Харви, который, видно, стремился загладить вину перед девицей, снова вмешался в разговор:

— Винни, а может, действительно свести его с Полусом? У него будет возможность убедиться...

— Да...— протянула девица.— У Полуса просто талант на такие разговоры. Уж он-то убедит тебя, громила. Вечером мы возьмем тебя с собой.

— Вечером? — Брови у Харви полезли вверх.— Так ночью у нас...

— Замечательно. Встречаемся здесь же через час. Харви, ты останешься с мистером Большим Человеком. Пойдите попейте кофе где-нибудь или перекусите. Крикет,— обратилась она к другому парню,— ты приедешь сюда с машиной.

Деймен Хармон вынул из кармана листок бумаги с номером телефона, проверил его и набрал. Когда на другом конце ответили, он представился, а затем быстро заговорил:

— Я прекрасно понимаю, что это не самое удобное время, комиссар, и потому сразу же прошу простить меня за этот неурочный звонок. Но мне срочно нужна информация. В районе реки Напа находится одна община. Не могли бы вы быстро узнать, где именно она располагается? Это своего рода секта. У них эмблема в виде медальона с изображением божества. Они предпочитают носить замшевые жилеты с индейской символикой. Дополнительные сведения: главаря, вероятно, зовут Полус... Нет, к сожалению, не знаю — имя это или фамилия.

Хармон положил телефонную трубку. Он много чего узнал за последнее время. И кем бы ни был этот Полус, скоро он тоже кое-что узнает.

Глава VII

Ферма — семь акров земли, на которых невысокие холмы перемежались небольшими оврагами,— располагалась несколько в стороне от автострады 121, и в то же время не настолько далеко, чтобы до нее нельзя было быстро и удобно добраться.

Население фермы составляли около семидесяти человек. Все они были членами общины, хотя в Семью входили еще около двадцати человек, живущих в самом Сан-Франциско и в районе Беркли.

Полус Алистер очень гордился своей фермой, своей Семьей и самим собой. Точнее было бы перечислять в обратном порядке. Ферма, включая основное здание, общественную столовую и общежитие, а также огромный амбар, где происходили все торжественные церемонии, была практически уже оплачена. Основные суммы поступали в качестве пожертвований от членов его паствы, так как имущественный статус был основополагающим для принятия в состав Семьи. Правила гласили, что Семья обеспечивает свою жизнедеятельность из собственных средств. Отсюда берет свое начало принцип: каждый должен отдать все, что имеет. Другой принцип, созданный — как, впрочем, и все остальные,— Полусом Алистером, гласил: «В Семье нет ни богатых, ни бедных, все члены Семьи обладают одинаковой властью».

Естественно, одни обладают большей властью, другие меньшей. Так, например, существовало Внутреннее Общество, состоящее из тринадцати человек. И был сам Полус Алистер — глава и хозяин Фермы и Семьи, чье слово было законом, но таким законом, которому добровольно и послушно подчинялась вся его паства.

Совсем неплохо для человека, три месяца назад отметившего свое двадцативосьмилетие.

Начиналась община так же, как и все молодежные группировки. Полус Алистер, уволенный из института преподаватель философии, обнаружил в себе качества, которые позволили ему приобрести власть над теми, кто собирался общаться с природой и жить простой, без излишеств, жизнью. У него были отличные организаторские способности, а также специфические знания, приобретенные благодаря его профессии. Он хорошо изучил, по крайней мере, две дисциплины. Одна из них — оккультные науки, в

основе другой лежали его лабораторные работы с галлюциногенами. Знания в этих двух областях и блестящие организаторские способности дали ему ту единственную власть, которую он признавал,— власть над себе подобными. Следствием этой власти стало его благосостояние.

Темными ночами, в минуты расслабленности, особенно после некоторых варварских церемоний, его иногда посещали мысли, начинавшие его беспокоить. Хотя и пищу и питье он приготавливал себе сам — чтобы туда не попали некоторые специальные ингредиенты, предназначавшиеся только для других,— он чувствовал, что его разум уже не может с прежней легкостью освобождаться от запечатлевшихся в нем ужасных видений — помертвевших, широко раскрытых глаз его жертв. Он понимал, насколько своеобразно реагирует человеческая психика на массовый экстаз, и всегда сохранял способность отрешиться от того, что было у него перед глазами. Если в самом начале все ритуальные убийства, совершаемые им или по его приказанию, имели целью повязать членов организации пролитой кровью или получить материальные средства, то теперь он начинал испытывать пьянящее удовлетворение от созерцания предсмертных мук своих жертв, и все чаще организовывал человеческие жертвоприношения единственно ради самого действа. Он чувствовал, что в какой-то момент он сам может оказаться на грани безумия, когда отступят границы реальности и он падет в бездну — погрузится в то состояние, которое он специально вызывал у преданной ему паствы. Эти мысли и нарушали его прежде такой спокойный и крепкий сон.

Приходили и другие мысли, которые мешали ему спокойно жить. Когда впервые он стал вслушиваться в слова молитвы, сопровождавшей ритуальные убийства, происходившие в большом церемониальном зале, он обнаружил, почувствовал кожей, что, кроме него и застывшей в безумном ужасе паствы, присутствует Нечто. Он сразу определил это именно так — с большой буквы. Полус Алистер всегда подходил к сверхъестественному с позиций абсолютно рационального человека: боги и дьяволы существуют только для дураков. Хотя... все возможно, и если эти древние ритуалы действительно могут вызвать в воображении Нечто...

Но о последствиях он задумываться не стал.

Он уже пришел к определенному решению: взять все,

что удалось ему накопить, и исчезнуть. Земля записана на его имя. Он ее купил и теперь мог продать. Конечно, Семья лишиться Фермы, но ее члены кое-что и приобретут. Прежде всего, они станут свободны от «твердой руки», по крайней мере те из них, кто еще не потерял собственного «я». Да, время уже пришло. Группа разрослась и ее стало трудно держать в руках. Как ни старайся замаскировывать следы, всегда может остаться какая-нибудь зацепка для полиции.

Он подумал об этом именно сейчас — после звонка Винни. Она упомянула о каком-то мексиканце с хорошим предложением, не сказала, что он хочет получить — фунты или доллары. Этот человек хочет говорить только с хозяином. Кто он? А вдруг полицейский? Все может быть, особенно после того, как эта дрянь Рой Амберс загремел в полицию во Фриско. Но нет, Рой Амберс не расколется. Он прекрасно понимает, что произойдет, скажи он хоть слово. Эта Винни — безмозглая похотливая свинья... А теперь и этот мексиканец. Но они приведут его сюда, на Ферму, так что если окажется, что он не тот, за кого себя выдает...

Полуса Алистера била беспричинная дрожь. Нет, надо думать о другом. Пора готовиться к ночной церемонии. Да, только действие...

Он резко встал с кресла. Его личные ап артаменты, в которых он находился, состояли из четырех комнат на втором этаже основного здания. Все окна выходили на запад. Он потянул за красный шелковый шнур. Комната была декорирована красным шелком, за исключением тех участков стен, в которые были вмонтированы огромные зеркала — от пола до потолка. Даже открывшаяся дверь была обтянута красным блестящим материалом.

В дверном проеме появились три девушки и низко поклонились своему хозяину. Даже один их вид доставил Полусу Алистеру удовольствие. Одна была китаянка, вторая — негритянка, третья — белая. Лучшие представительницы своего пола в его пастве. У всех троих были великолепные фигуры, их прекрасную наготу украшали лишь красные шелковые ленты в волосах.

— Мне пора принимать ванну и одеваться,— сказал он. Девушки склонили головы в знак того, что поняли его приказание.

Через несколько минут перед Полусом Алистером была разложена одежда и все необходимые принадлежности. Он

с удовольствием наблюдал за их приготовлениями в отражениях зеркал, умело расположенных в стратегически важных местах комнаты.

Девушки обращались с ним очень профессионально и с должным уважением, приличествующим его священной персоне. В их действиях чувствовалось умение, уважение, преклонение. Они были его специальными «монашками», в чьи обязанности входило удовлетворение всех его желаний. Наблюдая, как осторожно и преданно они намыливают его тело, он вновь подумал: пора бросить все это и бежать. Бросить к чертовой матери! Он был далеко не самым лучшим представителем мужского пола, его нельзя было даже назвать симпатичным молодым человеком, и он это знал. У него было худое асимметричное лицо, узкий кривой нос, большие уши и близко расположенные глаза. Его тело тоже вряд ли привлекло бы внимание. Роста в нем было около пятидесяти пяти футов, вся его костлявая фигура весила чуть больше одиннадцати фунтов. И несмотря на все это, ему поклонялись эти три божественных создания, им завидовали все сестры его религиозного братства, каждая из них страстно желала бы оказаться на их месте и дотронуться кончиками пальцев до груди или живота Верховного Жреца.

Он почувствовал, как в нем пробуждается желание, ощутил плотский трепет трех женщин, которые нежно ласкали его кожу губками, почувствовал, что они трепетно ждут следующего его приказания. Ждут, отдаст ли он его и кому. Каждая в тайной надежде верила, что благодать падет на нее. Он стал вспоминать, кто был у него прошлой ночью, он остановил себя. Человек его положения должен меньше всего думать о том, как будет чувствовать себя облагодетельствованный и тот, кто не получит благодати.

— Я вполне доволен омовением. Двое из вас могут уйти, я позвоню, когда вы мне понадобитесь снова.— После этого пришло и решение.— Азлиэль, останься.

Хозяин сделал выбор, имя названо. Желтокожая девушка поклонилась ниже других, а ее подруги послушно покинули комнату. Когда дверь за ними закрылась, он нежно взял Азлиэль за руку и повел ее к ложу, покрытому шелком. Там он отдался ей.

Отдохнувший и переодетый, Полус Алистер медленно допивал второй стакан шотландского виски. Виски всегда

помогало ему, обостряло чувства. Он всегда прибегал к помощи спиртного перед ночными церемониями. Даже ему, который сам устанавливал время и процедуру этих церемоний, необходимо было подготовить себя к нужному часу.

Сияющая Азлиэль, еще не остывшая после любви, объявила, что жертва для заклания готова для осмотра.

Через несколько минут он открыл дверь в одну из комнат первого этажа основного здания. Здесь на стенах не было шелка, только грубо обработанные деревянные панели. Единственным предметом обстановки было огромное кресло с высокой спинкой, украшавшее раньше алтарь епископальной церкви. По стенам развешаны несколько пар наручников. Источником света служили три факела, закрепленные в специальных держателях на стене. Войдя, он с удовлетворением отметил, что в комнате были только двое — члены Внутреннего Круга, не считая, конечно, жертвы. И здесь, в своих собственных владениях, Полус Алистер был сильно удивлен.

В комнате была не одна жертва, а две. Головы молодых девушек, прикованных к стене, были низко опущены.

Полус Алистер вопросительно взглянул на своих ближайших помощников:

— Вы привели двоих?

— Нет, Полус. Мы четко выполнили твои указания. Группа, посланная в Петалума, уничтожила в доме всех, кроме младшей дочери. Другую мы обнаружили недалеко от Фермы.

— Надеюсь, они прошли соответствующую обработку?

— Да, обе получили Иглу Спокойного Послушания.

Этим эвфемизмом обозначалось сильнодействующее наркотическое средство, которое должно было полностью исключить нежелательное сопротивление жертвы во время церемонии. Члены Внутреннего Круга знали, что он применяет Иглу, так как сами принимали участие в процедуре, однако о составе жидкости не имели понятия. Им было известно только, что наркотик получают в небольшой химической лаборатории, которую Алистер обставил и оснастил подобно древним алхимическим лабораториям.

— Я осмотрю обеих,— сказал он.

Один из помощников взял факел и подвел Полуса Алистера к первой девушке. На вид ей было не больше четырнадцати лет. Взгляд у нее был совершенно остекленелый.

— Дитя мое, знаешь ли ты, где находишься?

Прозвучало невнятное: «Нет».

— Знаешь ли ты, что случилось с твоей семьей?

— Их всех убили.

— И только ты осталась жива?

— Только я жива.

— А ты знаешь, почему тебя пожалели?

— Нет.

Полус кивнул головой:

— Другую.

Высоко поднятый факел осветил другую девушку. Увидев ее, Полус не сдержался и облизнул губы. Она была просто чудо. Он уже видел ее раньше, он хотел ее. И такую приносить в жертву? Он сделает ее своей четвертой персональной «монашкой». Поживем — увидим.

— Знаешь ли ты, где находишься?

— Нет.— Она говорила так же тихо и безразлично, как и первая девушка, однако Полус остался недоволен.

— Еще одну иглу для нее.— Затем снова обратился к девушке:

— Тебя обнаружили вблизи нашей Фермы.

— Да.

— Почему ты здесь оказалась?

— Я хотела... найти... общину...

— Зачем ты ее искала?

Прежде чем девушка успела ответить, открылась дверь.

— Полус, мы приехали. Привезли мексиканца. Будешь с ним говорить?

Полус задумался. Обычно он разговаривал с новичками в другом месте. Для этого была отведена специальная комната, где все располагало к теплой дружеской беседе с потенциальным приверженцем секты. Но на этого человека, чувствовал Алистер, вряд ли произвела бы впечатление традиционная обстановка, его надо поразить чем-то другим.

— Приведите его сюда,— приказал он.

Кэм Санчес вполне отдавал себе отчет, что все в этой комнате вооружены такими же искусно сделанными кинжалами, какой он увидел впервые в руках у Крикета. Он прикинул, что, если придется драться, у него все-таки будет шанс выскользнуть. Когда дерутся ножом, прежде всего надо сблизиться с противником. Кэм в совершенстве владел боевыми искусствами, приблизиться к нему было

практически невозможно. Не исключено, конечно, что те, кто его сторожил, также владели приемами борьбы без оружия. То, что он уже успел увидеть, свидетельствовало о хорошей организации группы, ее тщательном планировании своих действий.

С того момента, как он покинул ту берлогу в районе порта, парень, которого звали Харви, постоянно был рядом с ним. Несмотря на свою необщительность, он буквально приклеился к Кэму и сопровождал его даже в туалет. Причем из него нельзя было вытянуть ни слова о группе или о том, где она находится. Возможности связаться с Хармоном у него также не было. Хармон получал информацию непосредственно в тот момент, что и Кэм, и мог следить за его передвижениями с помощью электронного пеленгатора, вмонтированного в радиостанцию во внутреннем кармане пиджака Кэма.

Кэму хотелось бы знать сейчас планы профессора и возможность использования того, что Хармон назвал однажды «самым мощным оружием, находящимся в нашем распоряжении». Кэм поежился: Хармон имел в виду вампира...

Он поднял глаза и увидел этот обрубок — Винни. Она ухмыльнулась, и он понял: она заметила его озноб и по-своему истолковала его. Что ж, он ничего не теряет. Пусть думает, что окружающее произвело на него впечатление и он напуган. Меньше всего его занимало сейчас, что она о нем думает.

— Тот, к кому ты пришел, сейчас тебя примет,— сказала Винни.

— Самое время,— ответил он с некоторой неуверенностью в голосе. Как он и полагал, это было расценено как бравада.

Она повела его за собой. Он заметил, что шесть или семь стражей последовали за ним.

В комнате, куда его привели, было темно, только факел, укрепленный на стене, освещал ее колеблющимся пламенем. Напротив двери стояло большое кресло с высокой спинкой. Тот, кто сидел в нем, одетый в красную ниспадающую одежду, и был, очевидно, тем, кто ему нужен.

— Меня зовут Полус Алистер. А кто вы? — голос говорившего звучал многозначительно.

— Я продавец товара. Мне сказали, что вы — покупатель.

— Это не тот ответ, какой я хотел бы услышать. Ваше имя?

— Некоторые могут подтвердить, что называть свое имя мне не совсем удобно.

Полус улыбнулся:

— Некоторые подтвердят: все, что происходит здесь, происходит так, как считаю нужным я. Однако, я полагаю, наступил момент, когда каждый должен представить доказательства своих намерений.

Он подал знак одной из фигур в балахоне с поднятым капюшоном, которая стояла ближе к его креслу. Человек снял со стены горящий факел и, один за другим, зажег от него два факела. Этими двумя факелами он поджег еще два факела, укрепленных на стене. Стало светлее. Кэм увидел, что ему хотели показать. Лица девушек были затемнены, но все остальное было хорошо видно. Он крепко стиснул зубы, чтобы не выдать своего волнения и остаться беспристрастным.

— Эти две умрут сегодня ночью,— деловито сказал Полус.— Я говорю тебе об этом, чтобы ты понял, как мало ценится здесь жизнь посторонних. Ты — посторонний. Понятно?

— Продолжай.

В этот момент одна из девушек, прикованных к стене, застонала. Охранник машинально поднял факел, чтобы посмотреть, кто стонет. Девушка инстинктивно отвернулась, что бы свет на резал ей глаза. Кэм слишком поздно догадался, что отразилось на его лице. Это была Дженни!

— Взять его! — закричал Полус.— Он ее знает!

Пара тяжелых рук была готова опуститься на плечи Кэма. Однако прежде чем они успели схватить его мертвой хваткой, Кэм рубящим горизонтальным ударом ладони перебил переносицу крупному парню, после чего его руки были заняты только тем, что судорожно пытались прикрыть источник слепящей боли. Помещение огласилось диким воплем. Боковым ударом ноги в живот Кэм сбил другого охранника, заставив его скользить в своей собственной блевотине. И, наконец, страшный удар огромного кулака снизу вверх сдвинул на сторону челюсти третьего, вышибив несколько зубов.

Нападающие решили применить свои изогнутые ножи. Они окружили огромного пуэрториканца, подходя все ближе и ближе. Скоро, однако, один из обладателей ножа

обнаружил, что, несмотря на психологический эффект церемониального балахона, одежда эта совершенно неэффективна в бою, так как Кэм, захватив прямой рукой его капюшон, мощным движением бросил парня в остальных, так же одетых «братьев». Уточнение: одним из пострадавших была женщина, именно ей в горло пришелся удар клинка, предназначенный для Кэма.

Молниеносные удары, которые наносил Кэм ногами, заставляли охранников складываться пополам и корчиться от боли. Один из них — уж точно — не смог бы подняться самостоятельно: в пустом помещении отчетливо раздался треск сломанной бедренной кости. Кэм резко развернулся на месте и встретил носком ботинка левую глазницу нападавшего.

Бросок, парирование удара, отход назад и в сторону, рывок вперед и удар — так работала эта машина уничтожения по имени Кэм Санчес. Правое плечо Кэма кровоточило от удара ножа. Рану нанес его старый знакомый, худой парень по прозвищу Крикет. Его широко открытые глаза не успели даже моргнуть, как Кэм, ударом ноги в висок, снес ему половину черепа. Осколки костей и остатки мозга разлетелись по сторонам. Внезапное изменение освещения в комнате позволило Кэму разглядеть результаты работы своих рук и ног. Он понял, что его личная вендетта была вполне успешной. Он успел еще развернуться, чтобы заметить искаженное дикой яростью лицо Винни. Подняв высоко над головой горящий факел, она с воем опустила его вниз. Кэм почувствовал обжигающую боль. В следующий миг его бросило в темноту, и он уже ничего не чувствовал...

— Значит, ничего? — повторил Хармон.

На другом конце провода одно из должностных лиц объясняло ему, что, хотя у них под наблюдением и находится несколько молодежных группировок и они доставляют им немало беспокойства, та, которой интересуется профессор, имеет совершенно чистое досье. Конечно, может быть, и даже вполне вероятно, она и занимается наркотиками (уж такой здесь район), но у них и без того есть, за кем вести наблюдение. Полус? Совершенно верно: Полус Алистер. За ним все чисто, профессор.

— Что-нибудь еще, профессор Хармон?

— Спасибо, все.— Хармон положил трубку и снова сосредоточил все внимание на мониторе связи. Динамик транслировал только какие-то звуки, вызванные, очевидно, передвижениями. Перемещающаяся зеленая точка на экране показывала местоположение Кэма. Хармон без труда распознал звуки схватки, хотя не имел представления, как она завершилась. Его встревожили слова, произнесенные кем-то перед началом драки:

— Взять его! Он ее знает.

Кого? Неужели это... Он поспешно набрал номер телефона. Девушка, которая взяла трубку на другом конце провода, сказала, что она сейчас пойдет посмотрит. Вскоре она вернулась. Ответ был отрицательный.

Хармон судорожно сжал кулаки. Когда он снова взглянул на монитор, там уже что-то изменилось. Маленькое зеленое пятнышко исчезло.

Глава VIII

— Что, полицейская свинья, доволен?

Кэм открыл глаза, очертания предметов постепенно становились четче. Ярко-красный балахон с капюшоном практически скрывал фигуру, однако голос, несомненно, принадлежал этой девице — Винни. Кэм с трудом покачал головой из стороны в сторону, чтобы немного прийти в себя. Он попытался дотронуться до висков, где толчками билась кровь, но не смог пошевелить руками. Руки были скованы в запястьях и цепью длиной около метра прикованы к каменной глыбе в стене. Опираясь о стену, Кэм медленно поднялся. Ноги его тоже были крепко связаны в щиколотках прочным кожаным ремнем. Они были голые, как и весь он.

Рядом с ним безмолвно, будто в состоянии транса, стояли прикованные к стене две молодые девушки. Их ноги были свободны.

В комнате, которая, вероятно, представляла собой часть огромного сарая, была только Винни. Из охраны — никого. Алтарь, если это был он, располагался на платформе, которая находилась в середине одной из стен. Стена была задрапирована шелковой материей, крупные складки ее спускались до самого пола. Комната освещалась факелами, установленными в специальных держате-

лях на стенах. Резкий удар ладони по щеке, отозвавшийся пронизывающей болью во всем теле, прервал его наблюдения.

— Я тебя спрашиваю.

Несмотря на множество молоточков, больно стучавших в голове, Кэму удалось пошутить:

— Тебе нравится задавать вопросы, не правда ли?

— Может быть, но, я смотрю, легавый, это нравится и тебе. Часть твоей работы, не так ли? Задавать вопросы и передавать ответы начальству. Пользуясь вот этим, да?

Кэм равнодушно взглянул на свой передатчик в ее руках. С таким же безразличием он отметил для себя, что передатчик разбит.

— Удобная маленькая штучка,— сказала девица.— Очень удобная, если у тебя есть возможность ее использовать. Тебе просто не повезло, что Харви не отходил от тебя. Ладно, все равно эта штука уже ничего больше не передаст, так что не о чем тебе и волноваться.

Кэм заставил себя рассмеяться:

— Тогда и тебе нечего терять время. Как я вижу, две мои подружки, судя по всему, совершенно ни о чем не волнуются. И я не буду.

Она злорадно улыбнулась.

— Не волнуются, потому что не понимают, что умрут сегодня ночью, обе. И ты вместе с ними. Я тебе больше скажу. Я с нетерпением жду этого зрелища, я его просто предвкушаю. Ты представить себе не можешь, как я его жду. Вон та малышка — ты, кажется, ее знаешь — будет первой, и ты увидишь все представление. Ох, и весело будет!

— Наверно, раз ты так говоришь.

— Можешь не сомневаться, мистер. Тебя, верно, интересует, почему ты еще жив? Это я так захотела — чтобы ты увидел, что будет с ней. И с тобой. Что касается этих двух, они вряд ли что-нибудь поймут. Скорее всего, они даже боли не почувствуют. Но ты-то прочувствуешь все, все увидишь и услышишь. Полус хотел дать тебе иглу, как и другим, но я сказала — нет. Из-за тебя у меня были большие неприятности, и я хочу, чтобы ты заплатил за это.

— Ты уже получаешь удовольствие, издеваясь надо мной перед этим вашим представлением. Хотя я помню, когда-то у тебя были совсем другие мысли насчет меня.

Ее маленькие глазки вспыхнули.

— Думаешь, я хочу попробовать твоего тела? Так вот что я тебе скажу, братишка. Я могу заполучить любого в этой общине и в любое время. Понял?

Кэм не удержался от насмешки.

— Насколько я знаю, ты входишь во Внутренний Круг или как там, к черту, вы его называете. Не сомневаюсь, твои сексуальные успехи объясняются прежде всего этим, а не твоей неотразимостью.

Сработало. Нож блеснул в руках Винни, когда она бросилась на Кэма. Инстинктивно и почти мгновенно он ухватился обеими руками за верхнюю часть каменного алтарного монолита, перенес вверх всю тяжесть тела, отчего оно выгнулось дугой, и произведя ногами обманное круговое движение, выбил стальное лезвие из ее руки. Ногами, действующими подобно гигантским ножницам, он захватил голову девицы и удерживая ее стальными мышцами своих бедер, резко дернул нападавшую вниз, на край каменной глыбы. Послышался треск шейных позвонков. Все было кончено.

Он оттолкнулся от алтаря и выпустил тело. Оно перекатилось через глыбу и рухнуло на пол лицом вверх. Потухшие глаза уставились в потолок. Изо рта вывалился прикушенный язык.

Теперь необходимо рывком выдернуть цепь из стены. Легко сказать! Цепь заканчивалась толстым стальным штырем, вкрученным глубоко в камень и залитым сверху какой-то массой, похожей на эпоксидную смолу. Штырь как бы врос в стену. Сама цепь была из стальных звеньев толщиной около дюйма. Однако в каждой цепи есть слабое звено, по крайней мере так говорят. А вот о чем не говорят, подумал Кэм, так это о том, как это слабое звено обнаружить.

Ему понадобилось не менее полутора минут, чтобы убедиться в бесполезности своей затеи. Его вены напрягались, как туго натянутые канаты, стальными буграми вздувались мускулы... Нет, этим путем к спасению не придешь.

Он внимательно осмотрел замок на ушке штыря. Кэм умел обращаться с замками и контейнерами. Но любому профессионалу требуются инструменты, у него же не было ничего. А что если попробовать повиснуть на цепи — может быть, тогда замок сломается?

И тут он услышал, как кто-то подошел к двери.

Полус Алистер остановился, прежде чем войти в ком-

нату. На него опять нахлынуло чувство тревоги, то чувство, что подсказывало ему: надо убираться, пока все хорошо, пока не поздно. Человека, которого привела Винни, оказался полицейским, в этом он не сомневался. Уже одно то, как он дрался! Пятеро из его Семьи мертвы. К счастью, все свидетели — будущие жертвы не в счет — входят во Внутренний Круг. Простые члены общества не должны знать, что один человек — пусть даже очень сильный и хорошо тренированный — сумел убить двух высших посвященных, носителей Власти Семьи!

Первым желанием Полуса сразу после схватки было немедленно умертвить великана. Один из ближайших его помощников уже занес кинжал для смертельного удара. Однако Винни остановила его, заявив, что ей хотелось бы посмотреть, как будет корчиться мексиканец во время ритуальной церемонии, полностью осознавая ужас своего положения, чтобы он понял, каково это — идти против Семьи. Полус мог бы приказать сделать по-своему, но предпочел промолчать. Винни еще та сука: умная и злопамятная. Он много раз подумывал, как бы отделаться от нее, но каждый раз признавался себе, что побаивается ее.

Да, все так смутно... Он чувствовал: происходит что-то необычное, опасное для него. И сейчас, перед тем как войти, он еще раз огляделся.

Странная была ночь, не такая, как всегда. Бледная луна заливала все вокруг холодным мертвенным светом. Высоко в небе быстро неслись облака, но вокруг Фермы ни малейшего движения воздуха. Что-то должно было случиться, но что?..

Он вздрогнул и попытался отогнать наваждение. Дело есть дело. Он всегда все проверял сам перед началом церемонии. Он был вынужден делать это лично, так как только он один знал все детали ритуала. Для всех остальных церемония должна казаться чудом, волшебством. Конечно, некоторые из Внутреннего Круга наверняка догадывались, что все это надувательство и ловкость рук, но уважали его методы. Все, кроме Винни.

Он открыл дверь и увидел ее. И окаменел от удивления.

Она лежала на спине, с выражением недоверия на безжизненном бледном лице. О!..

Полус Алистер вскрикнул. У него внутри все оборвалось, когда его голос, отразившись от потолка и стен огромного помещения, срезонировал и ударил по барабан-

ным перепонкам. Затем до него дошел другой звук, другой голос:

— Будь осторожен, Полус, чтобы с тобой не случилось то же самое.

— Ты? — Он протянул трясущийся палец в сторону скованного пленника.— Это сделал ты? — У него не укладывалось в голове, как этот человек мог убить Винни — она всегда была осторожна, а цепь так коротка.

Кэм заговорил, тщательно подбирая слова и стараясь как можно точнее имитировать интонацию Князя Дракулы.

— Ты сам призвал на этот дом духов уничтожения, Полус Алистер. Да будет он уничтожен, когда появится знамение.

У Полуса закружилась голова, задрожал голос:

— Н-н-нет... Ты обыкновенный легавый и больше никто. Ты должен был умереть, и умер бы, если бы не Винни.

В ответ раздался громоподобный хохот.

— А кто руководил ею? Кто остановил занесенную ею руку с кинжалом, кто?

— Винни, только она, и ты здесь не при чем! Ты не мог ничего сделать! Ты был без сознания!

— Я не сказал, что это был я, Полус Алистер.

— Кто же?

— Возможно, ты еще увидишь. Винни увидела, и это было последнее, что ей пришлось увидеть.

Кэм модулировал голосом. Он постарался устроиться поудобнее на дальнем конце каменной алтарной глыбы и полностью расслабиться. Его лицо было спокойно, что совершенно не соответствовало его истинным чувствам. У игры, затеянной профессором Хармоном, могло быть два исхода, у него — только один. Да, Кэм Санчес спасет свою шкуру этой ночью, если сделает все, как надо. Или потеряет ее.

А пока нужно настроиться и подготовить себя к тому, что должно произойти.

Еще несколько минут он с удовольствием наблюдал, как Полус Алистер приходил в себя. Он стоял, приоткрыв рот, глядя попеременно то на Винни, то на Кэма.

У входа послышались голоса. Один голос принадлежал парню по имени Харви.

— Полус! — воскликнул Харви.— Мы слышали твой крик!

Парень, вошедший вслед за Харви, с изумлением воззрился на распростертое на полу тело.

— Что это с ней?

Когда Полус повернулся к ним, на его лице не было и следа волнения.

— Это был крик той, что лежит перед вами.

Харви бросил испуганный взгляд на Кэма:

— Это он сделал?

— Это я убил ее,— ответил Полус.— Она предала Семью. Она привела этого человека на Ферму и заплатила за это своей жизнью. Как и Крикет. Что касается тебя, Харви...

— Полус!

— Тебя я пощажу. Но с условием. Ты расскажешь всей пастве, что здесь произошло. Ты останешься жить, но будешь неустанно напоминать всем, что здесь произошло. Ты останешься жить, но будешь неустанно напоминать всем, что случится с каждым, кто хоть в мыслях затаит что-то против Семьи, кто сделает какую-нибудь глупость или просто разозлит меня. Ты все понял?

— Да, Полус.

— Хорошо. А теперь возьмите то, что осталось от Винни, и перенесите в дом. Пусть все придут посмотреть на нее перед началом церемонии. Ну, пошевеливайтесь!

Они кинулись исполнять приказание. Кэм едва удержался от саркастического смеха: ему хотелось увидеть, что еще осталось в запасе у Полуса Алистера.

К его удивлению, Полус даже не взглянул на него. Верховный Жрец обошел каменный алтарь, держась, однако, на внушительном расстоянии от прикованного Кэма. Затем, убедившись, что в зале никого нет, отвел в сторону занавес. За ним оказались грубо обработанные столбы, установленные вертикально. Они служили опорой для стены. Едва уловимое движение руки Полуса Алистера не осталось, однако, незамеченным Кэмом. Часть стены отошла в сторону и стала видна ниша с рычагами.. Полус проверил их все, один за другим. При этом пламя факелов, укрепленных на стенах, то разгоралось сильнее, то ослабевало, меняя свой цвет от ослепительно-красного до бледно-зеленого, мертвенно-холодного, света. Наконец, наступила полная темнота, потом факелы снова загорелись. Еще одно касание рычагов — и сверху, с потолка, раздались

приглушенные раскаты грома, послышалось завывание ветра.

Все было продумано до мелочей, все было впечатляюще убедительным.

Полус дотронулся до рычага еще раз. Одна секция стены отъехала в сторону. В образовавшийся проход скользнул Верховный Жрец. Панель бесшумно вернулась на место и закрыла отверстие. Одновременно закрылась ниша с рычагами.

Кэм остался один. Неплохо, очень неплохо, подумал он.

Внезапно освещение в зале вновь стало меняться — от яркого до едва мерцающего. Опять послышались звуки грома и ветра. Очевидно, где-то снаружи существовала дублирующая система рычагов.

Чистой воды шарлатанство, однако... Результаты, можно не сомневаться, были неплохие. Все срабатывало от одного движения Полуса Алистера, восседающего на своем троне и обозревающего сверху своих подданных.

Кэм надеялся увидеть собственными глазами крах его могущества.

Боковым зрением Кэм зафиксировал какое-то движение. Он взглянул в эту сторону и попытался поднять руки.

— Не надо,— сказал он,— не надо!

Снаружи, как раз со стороны той стены, внутри которой располагалась ниша с рычагами, Полус открыл второй, внешний блок управления, замаскированный листвой близко посаженного кустарника. Осторожно осмотревшись и убедившись, что на вершине холма с этой стороны сарая никого не видно, он выполз из колючих кустов. Все шло хорошо. Конечно, каждый раз проверять все самому надоедает, но Великий Жрец предпочитал все делать сам. Это было гарантией того, что никто больше из членов организации не сможет повторить его трюки, и, следовательно, занять его место. Никто, кроме Винни.

Винни! Ужас, охвативший его когда он увидел ее лежащей на полу, с устремленным вверх безжизненным взглядом, обрушился на него с удвоенной силой. Боже, как она выглядела! Должно быть, все-таки ее убил этот громила. Но каким образом? Ведь у него не только руки — даже ноги связаны ремнем. И все же она мертва, и умерла страшной смертью — стоит только взглянуть на ее лицо. И если это сделал не этот тип — то кто еще? Этот громила спросил его: «Кто остановил ее руку с занесенным кинжа-

лом?» Он упомянул духов уничтожения: «Ты призвал их на этот дом». Но их нет — этих духов уничтожения, вообще нет никаких духов! Это суеверия, только идиоты верят во все это!

Бледная луна сегодня, как никогда, похожа на первозданное светило. Облака на ее фоне напоминают таинственные скалы и валуны, будто ожидающие легкого толчка, чтобы обрушиться на землю грохочущим, смертоносным водопадом.

Здесь, внизу, на всем лежит печать тишины, все словно застыло в немом вопросе: неужели природа совершит ошибку, неужели победят силы разрушения?

Нет, он не позволит воображению взять над собой верх! Сегодня, после церемонии, он примет окончательное решение. Видимо, придется уйти, оставить этих людей. Может быть, он уйдет сегодня же. А почему бы ему не прихватить с собой трех своих милашек!? Он скажет им, что община больше не нуждается в его руководстве, она может жить самостоятельно, а он направляется в другое место, где снова будет выполнять свою высокую, благородную миссию. Всё. Хватит сомневаться.

А не будет ли поздно, Полус?

Та часть его сознания, которая задала этот вопрос, ответа не получила.

Вдруг из сарая раздался такой вопль, что у него похолодело внутри.

— Не надо,— пытался успокоить девочку Кэм Санчес. В ее остекленевшем взгляде стало пробуждаться что-то осмысленное. Действие наркотика ослабевало. Возвращающееся сознание явило ей весь ужас ее положения. Она увидела свои скованные руки, другую несчастную рядом, мужчину в цепях.

— Не кричи, это не поможет.— Тут до Кэма дошло, что вид обнаженного мужчины, да еще такого огромного, как он, вряд ли мог успокоить этого ребенка. Наверняка она никогда не видела голых мужчин и сама не раздевалась перед ними. Не говоря уже о шоке, который испытала эта девочка, увидев себя в цепях в незнакомом темном помещении.

Она кричала пронзительно, долго. Постепенно крик перешел в поток невнятных, отрывистых слов. Некоторые из них можно было разобрать: «Убийство! Они убили...

о-о-о... его голова... Топор... Ружье... Ее лицо... Все... мертвы!»

Она говорила и кричала так страшно, что Кэм Санчес даже почувствовал облегчение, когда Полус Алистер воткнул ей в плечо шприц, и наркотик начал потихоньку действовать. Вопли перешли в плач и дрожь, затем во всхлипывание, потом в бормотание и, наконец, в шепот. Вскоре она затихла, оцепенев.

Полус повернулся к Кэму, взглянул на шприц, потом на своего могучего бритоголового пленника.

— Попробуй,— сказал Кэм. Угроза прозвучала недвусмысленно.

Полус слабо улыбнулся.

— Что ж, Винни получила то, что хотела. Теперь и я хочу, чтобы ты умер осмысленно, чтобы ты кричал от боли и ужаса до последнего момента.

Во взгляде, каким он смотрел на Кэма, чувствовалось удовлетворение, на губах играла улыбка, свидетельствующая о том, что он принял решение и вполне собой владеет.

— Послушай, ты, громила. Если ты сам не заметил, так я тебе скажу: здесь происходит только то, что хочу я.

Он развернулся на каблуках и направился к двери. Провожая его взглядом, Кэм подумал, не сказать ли ему о том, что все произойдет не так, как он хочет, и даже не так, как думает. И еще Кэм подумал о том, что самое главное сейчас — спасти этих девчонок и самому выбраться отсюда.

Глава IX

Харви Белман не ожидал ничего хорошего от одинокого бдения на вершине холма к западу о сарая. Час назад один из Внутреннего Круга сообщил ему, что он и еще пятеро будут нести вооруженное дежурство. Трое из них были расставлены по склонам холмов, окружавших церемониальный зал. Пост Харви располагался ближе к залу. Другие посты находились ближе к магистрали, чтобы вовремя предупредить о появлении блюстителей закона. Обычно эти посты охранялись без оружия с одними портативными радиостанциями времен второй мировой войны. Оружие выдавалось только когда происходили церемонии жертвоприношения, и, конечно, не против полицейских, а только против любых праздношатающихся. Три внутрен-

них поста обычно выставлялись в такие ночи, как сегодняшняя, когда проводилась Церемония Поддержания Силы: кровь умерщвленных жертв должна была увеличить энергию Семьи. Как происходит эта трансформация, Харви не знал, он твердо был уверен, что сила Семьи велика. Сегодня Полус убил Винни одной только силой своей воли. А Винни была членом Внутреннего Круга. Вот какова сила Полуса.

Впрочем, Харви такие демонстрации не нужны. У него личные представления о величии Семьи. До того как он пришел сюда, он был никем. Даже сегодня, когда он был в городе, люди, видевшие его, думали, что он никто. Но у него есть Медальон, и это меняет все коренным образом, даже если о Медальоне знают только члены их общества. Конечно, иногда бывает жутко, особенно когда Полус или кто-то из руководства думают, что ты сделал что-то не так. Сегодня он до смерти испугался, когда Полус стал угрожать ему. Но Полус наверняка узнал из собственных источников, что идея притащить сюда мексиканца принадлежала не ему, а Винни. Что касается его самого, то он выполнит приказ Полуса и расскажет всем, что Винни была наказана за свою беспечность.

Харви услышал начало песнопения и взглянул на часы. Без четверти двенадцать — самое время. Церемония началась. Как правило, песнопения длились пятнадцать минут и начинались одними и теми же молитвами. Церемонию открывает один из членов Внутреннего Круга, при двенадцатом ударе он возвещает о появлении Полуса, и тот под удары грома и вспышки света внезапно предстает перед всеми, словно по волшебству. Но это не волшебство, а еще одна демонстрация Силы. Полус как-то объяснял им: «Если обладаешь силой — нет никакого волшебства. Все естественно, даже те вещи, которые неверующий сочтет сверхъестественными. Сила существует благодаря Силе».

И это было действительно так, хотя Харви и сомневался, что сам обладает Силой. Правда, Полус уверяет его, что он ошибается. Если Семья обладает Силой, значит, и каждый член Семьи обладает частицей этой Силы.

«Сила вечна, как Время, и непостижима, как Пространство»,— повторял Харви вслед за теми, кто был в зале. О, как бы ему хотелось быть с ними там, внутри! Ему сейчас, как никому другому, необходима новая Сила. Он с

завистью наблюдал, как процессия его братьев и сестер медленно направляется из главного здания в церемониальный зал. Как ему хотелось бы быть с ними, чувствовать рядом плечо брата, единство общей цели. С другой стороны, он был причислен к избранным: у него особое задание, он несет огромную ответственность. Конечно, не так уж много бродяг шатается вокруг, но та девица, что будет принесена сегодня в жертву, была обнаружена именно здесь.

Харви натянул капюшон на голову. Было холодно. Он всегда испытывал холод, когда думал о тех, кто должен умереть на алтаре. Харви не любил смерть и не хотел думать о ней. Те, кто находятся сейчас в зале и видят жертвы, чувствуют себя по-другому. Когда вы там, вы ощущаете разумом и всем своим существом, что это необходимо. Не будет жертв — не будет возобновляться Сила Семьи.

«Сила ярче Солнца и темнее Бездны».

Черт, как темно! Харви напряг зрение, пытаясь разглядеть, что происходит у подножия холма. Ладно, у него же ружье. Если кто-нибудь подойдет близко — бац! И готов. Чудно́, как действует лунный свет, как он меняет краски и очертания предметов.Харви задумчиво поскреб подбородок. Странно, всего только минут пять назад он различал на холмах силуэты своих товарищей. Сейчас никого не было видно.

Он рассмеялся коротким, нервным смешком. Вероятнее всего, они просто уселись на землю. Будь он поумней, сделал бы то же самое. Только вот земля холодная. А тогда как же они сидят? Он поднес ко рту передатчик:

— Эй, ребята! Это Харви. С вами все в порядке? — Нажав кнопку «Прием», он услышал только потрескивание.— Эй, парни! Если вы меня слышите — ответьте! — Опять ни слова в ответ.— Эй, хватит меня разыгрывать! Будете молчать дальше — доложу кому следует, слышите?

На этот раз звук появился. Донесся какой-то тихий сдавленный смешок. Значит, они решили подшутить над ним. Ну ладно, только ничего у них не получится, особенно сейчас — он же на боевом дежурстве. А если это не шутка?

— Послушайте, я никого не вижу! Подайте мне знак, если все в порядке!

Внизу, между двумя холмами и зданием, кто-то двигался. Кто-то, одетый в балахон — конечно из своих, скорей всего из Внутреннего Круга,— обходил вокруг здание, чтобы убедиться, что часовые на своих местах. Только балахон почему-то без капюшона. Да нет, просто капюшон сброшен с головы. человек кажется огромным — он даже больше мексиканца. Харви никак не мог вспомнить, кто из членов Семьи может быть такого роста.

«Сила — это семья и все, кто в нее входят».

Человек уже поднимается на холм. Небольшая проверка не повредит.

— Эй, парни! Если вы на месте, ответьте мне, иначе я вышибу мозги из того парня, который сюда подходит!

Ружье — двустволка десятого калибра. Сглотнув слюну, Харви оттянул назад оба курка. Уже сделав это, он увидел, что приближающийся человек — мужчина лет пятидесяти, белый.

Харви, волнуясь все больше, поднял ружье, прижал его к плечу и прицелился.

И тут ему в голову пришла мысль: а вдруг это проверка? Конечно же! Он посмотрел на часы. Одиннадцать пятьдесят. Полус появится в зале с последним ударом часов. Полус всегда все проверяет сам. Что ж, он докажет Полусу, что ему можно доверять! Это, конечно, Полус предупредил других охранников, чтобы они не отвечали ему, он хочет проверить, не струсит ли Харви.

Харви почувствовал прилив радости, что он здесь, на холме, и у него появился случай доказать Полусу, что Верхний Жрец был прав, решив не наказывать его.

А если предположить, только предположить, что это не Полус? Он, конечно, не похож на Полуса.. И шел со стороны холма, где был один из часовых... Если же это один из праздношатающихся, то действия Харви будут вполне оправданы. Подстрелить его — и все тут. Эх, знать бы, что делать!

Но ничего как следует не разглядеть... Харви понял, что потерял этого человека из виду. Сейчас ему лучше спуститься по противоположному склону холма. Когда этот человек окажется на вершине, он будет хорошо виден на фоне неба. И вот тут-то его можно будет спокойно взять на мушку и решить, что с ним делать. А что если это посторонний! И не он ли снял двух часовых?

«Сила просветляет того, кто обладает ею!»

Верно, подумал Харви. Он осторожно, стараясь не шуметь, стал спускаться вниз. Под ногой что-то спружинило. Не камень, не корень дерева, что-то живое, плотное! Он потерял равновесие, упал и покатился по склону вниз. Пролетев несколько метров, он зацепился за куст. Падение прекратилось.

Первое, что он увидел, была большая черная кошка, самая большая, какую он когда-либо видел. Ему показалось, что глаза ее горят бледным серебряным огнем. Пошарив, он не обнаружил своего ружья. Очевидно, он потерял его при падении. Он поискал его глазами. Ему даже показалось, будто он видит, как отражается лунный свет от его вороненого ствола.

И тут он увидел такое, от чего сердце его чуть не остановилось. на холме неясно вырисовывалась фигура человека с распростертыми руками. Он был облачен в широкий плащ, его разведенные руки напоминали крылья. Растопыренные пальцы были похожи на когти, а полы плаща — на плотные крылья с зазубренными концами. Какое-то подобие летучей мыши. Но у этого существа были голова и лицо... Харви с трудом отвел от него взгляд...

Он хотел прыгнуть и схватить ружье, но перед ним сидела эта черная кошка. Она выгнула спину, открыла пасть, показав клыки, и зашипела.

Харви резко повернулся, чтобы бежать. Но ноги его не слушались! Они не двигались, он не мог ими пошевелить... Он обернулся и встретился глазами с этим... с этим фантастическим существом, чье дыхание он теперь хорошо слышал в мертвой тишине ночи. Он раскрыл рот и попытался закричать. Ни звука. Это было похоже на ночные церемонии, когда жертвы перед последним ударом кинжала хотели кричать и не могли. Харви чувствовал, что не может отвести глаз от надвигающегося лица.

— Взгляни на свою жизнь Харви. Вспомни ее в свой последний час.

Голос был глубокий, тяжелый, казалось, что говорит иностранец. Харви Белман был не первый, кого пробрала дрожь при звуках этого голоса. Так, как и он, дрожали большинство слышавших этот голос.

Лицо говорившего было непропорционально, все части его выглядели странно, неестественно. Казалось, творец, приступая к его созданию, долго мял, крутил и растягивал глину и в конце концов в отчаянии махнул рукой на это

дьявольское искажение естества сотворенного им создания. Уши его были гораздо длиннее, чем у обычного человека, заостренные мочки прятались в растрепанных черных волосах. Волосы треугольником спускались к центру лба. Двумя черными крылами разлетались брови. Глаза — с матово-белыми окружьями и черно-красными зрачками — могли бы принадлежать хищному зверю. Большой орлиный нос с глубоко вырезанными ноздрями. Из приоткрытого рта торчат острые белые клыки, на которых видны капли крови. Кровь была на подбородке и щеках.

Харви Белман увидел кровь в его глазах: блестящие крестообразно пересекающиеся полосы розового и красного цвета — сначала они показались ему белыми. Харви не мог больше смотреть в эти глаза, но неведомая сила мешала ему отвести взгляд, даже прикрыть веки. Глаза притягивали его к себе. Все похолодело у него внутри. Он не мог пошевелиться.

— Не хочешь ли закричать, Харви Белман?

— О, пожалуйста!

— Но тебе не надо больше кричать, двигаться и разговаривать. Ничего тебе не надо.

— Я не хочу умирать, я не хочу...

Харви уже не мог вспомнить, чего он не хотел. Его мозг полностью сосредоточился на двух огромных сферах, похожих на две темные планеты на фоне звезд и движущиеся быстрее, чем свет, затем...

Затем они исчезли куда-то, но в голове Харви возникли новые образы. Потом он почувствовал, как что-то коснулось его горла. он не понял, больно ли ему. А если и было больно, то лишь короткий миг, и сразу же стало тепло. нет, пронзительно горячо. Что-то вонзилось в него и продиралось сквозь связки и сухожилия, опаляя огнем, который пожаром побежал по телу и охватил руки, ноги... Все его тело содрогалось, и эта дрожь барабанным боем отзывалась в мозгу. В его теле бушевал всепожирающий огонь, и, когда уже не оставалось ни одного нерва, ни одной жилки, не охваченной им, дрожь стала постепенно затихать. Он ощущал, что это место, ниже его челюсти и выше груди, ставшее теперь центром его существа, обожжено и превращено в пепел и не может больше питать его солнечной энергией, теперь оно отдавало ее через себя, вытягивая из его существа, ничего не оставляя внутри. Сила и жизнь выходили из него.

Сначала он почувствовал, что стали холодеть руки и ноги. Холод — и никаких других ощущений. Тепло уходило. Руки и ноги больше не принадлежали ему, и поэтому ничего не имело значения. Возможно, это и есть умирание: постепенная потеря того, что уже не нужно — энергии, силы. Потеря Силы...

«Сила ярче Солнца и мрачнее Бездны!»

Это правда! Только сейчас Харви Белман стал понимать, что это правда. И жертва во время ночных церемоний была необходима. Сила Семьи должна восстанавливаться, а это может произойти только через кровь. Сейчас он знал, что это его кровь, его сила вытекают из него, сейчас они совсем покинут его грудь, его мозг. Но это неважно, потому что больше не останется ничего, что можно терять. Кровь уходит из него, чтобы где-то, в другом месте, смешаться с другой, чужой кровью.

И в его мозгу, как вспышка молнии, промелькнула еще одна мысль, еще один лозунг его прежнего бытия: «Кровь — это Сила!» Это было последнее движение его разума.

«Преграда, преграда, ни один не пройдет.
Спасайте его, обладающие Силой».

Рядом с сараем, где происходила церемония, в зарослях кустов Полус Алистер покрывал специальным составом свои зубы. Песнопения начались, через несколько мгновений он чудесным образом появится перед своей паствой. Для него это всегда был самый волнующий момент церемонии. Не заклание жертв, не последнее заклинание, произносимое им перед послушной паствой, а именно это драматическое появление. Появление, достойное бога.

Но сегодня даже предвкушение этого сладостного мига не радовало его. Когда он попытался определенным образом надавить на нужный рычаг, то понял, что принял чуть больше виски, чем следовало. Но сокрушаться по этому поводу уже бесполезно.

Черт бы ее побрал, эту ночь! И это чувство неуверенности, которое никак не отогнать от себя! И часовых не видно, и какая-то чертовщина мерещится... Он ясно различил полет тяжелых крыльев, затем легкий шлепок, будто кто-то сел на крышу сарая. В его мозгу возник образ огнедышащего дракона, злобного Сатаны с кожаными крыльями.

Не следовало столько пить...

«Граница Небес и Земли, Преисподняя...»

Им осталось пропеть еще несколько строк. Если бы действительно кто-то проник на Ферму, часовые заметили бы его.

Он заставил себя внутренне рассмеяться. Воображение. Он подошел к рубежу. Хорошо, что решение принято. Он уйдет отсюда сегодня же ночью, прихватив девушек.

«Преграда, преграда, ни один не пройдет.
Спасайте его, обладающие Силой!»

Он дотронулся до рычагов и уже приготовился было к эффектному появлению как вдруг почему-то вспомнил, что на крыше сарая есть потайной люк, который он думал как-нибудь использовать для демонстрации специальных эффектов. Слишком много виски, черт побери!

Полус появился точно в рассчитанное время. Когда свет факелов стал меркнуть, стенная панель отошла в сторону, в специально приспособленную для этой цели нишу. Большой зал оказался в кромешной тьме, Полус проскользнул в открывшееся отверстие и отвел в сторону шелковые занавеси, прикрывающие стену. Темнота длилась несколько мгновений, пять или шесть ударов сердца, но этого было достаточно. При страшном раскате грома, обрушившемся из скрытых в потолке громкоговорителей, факелы вспыхнули, осветив присутствовавших резким светом. Перед ошеломленной паствой, в глазах которой читались страх и благоговение, перед каменным алтарем, к которому были прикованы цепями жертвы будущей церемонии, облаченный в богатое шелковое одеяние — символ его власти,— с воздетыми кверху руками, будто принимая нисходящую на него силу, стоял Полус Алистер — Верховный Жрец культа, тайны которого были известны только ему одному.

— Преграды нет! — закричал он.

— Нет! — эхом выдохнул зал.

— Он, обладающий Силой, разрушил Преграду!

— Сила разрушила Преграду!

— Сегодня законы Природы будут исполнены!

— Законы Природы известны ему, обладающему Силой!

— Сегодня законы будут исполнены!

— Да будет так!

Вся паства торжественно произнесла: «Наши законы отличаются от мирских законов. Мирские законы — лишь замена Правил. Мирские законы не есть правда жизни. Аминь».

— Аминь!

— Я сказал — аминь!

— Аминь!

Общий крик, в исступлении, в экстазе: «Аминь!»

Полная тишина. Оставшиеся одиннадцать членов Внутреннего Круга направляются к алтарю. Трое несут факелы, двое останавливаются недалеко от прикованных. Третий факел передают Полусу. Одна из членов Круга, девушка, держит что-то в руках. Вот она низко поклонилась Верховному Жрецу. Полус склоняет голову. Девушка делает шаг назад и рывком срывает с него одеяние. Полус выпрямляется и поднимает факел над головой. Присутствующие застывают перед обнаженной фигурой с головой рогатого козла. Тихо звучат последние строки заклинания:

— Пусть мир сохранит обновленную Силу.
У нее нет границ...

И на тихом выходе подхватывает паства:

— Да сомкнутся челюсти Гада,
Да сожмутся объятья Эрра,
Да упадут сети Нисабы...

Теперь осталось только подтвердить Силу Полуса, вызвать духов преисподней. И, наконец, совершить жертвоприношение.

Все будет нормально, думает Полус. Все скоро закончится и все будет хорошо. Впервые с момента появления в зале у него появилась возможность внимательно посмотреть на огромного прикованного мексиканца, слева от него. Завистливая злоба охватила его. Мексиканец представлял собой совершенный образец мужчины. Огромные мускулы, крепкая фигура. Все в нем говорило о надежности и силе. Но разве можно сравнивать силу этого человека с Силой тех людей, которыми руководил он, костлявый, физически слабый Полус Алистер? Грош цена силе этого мексиканца. Как, впрочем, и челюстям Гада и объятьям Эрра.

Но лицо этого человека, находящегося в нескольких минутах от смерти, было спокойно. Это очень не понравилось Полусу. Он, конечно, не ждал, что мексиканец будет рыдать и биться в истерике, но не мог же он все-таки не волноваться? Ладно, посмотрим, сумеет ли он сохранить спокойствие, когда ему под нос сунут кинжал. Конечно, этот человек будет биться до конца, но Полус был к этому готов. Несколько человек из Внутреннего Круга предупреждены, они помогут ему, если это окажется необходимым. Сейчас, вот сейчас в глазах этого человека появится страх, лицо сведет судорога... Ничего, что губы его растянуты в насмешливой улыбке, просто, наверно, накачан наркотиками.

Но почему же глаза его так ясны и смотрят прямо? Или, зная, что выхода нет, он смирился наконец со своей судьбой? Что ж, он доказал, что он боец.

Снова и снова мексиканец поднимает глаза и осматривает потолок. Полус проследил за его взглядом, но ничего не обнаружил. Свет факелов не дотягивался до потолка. Что же там привлекает его внимание, что он пытается там разглядеть?

Полус вспомнил хлопанье крыльев, короткий мягкий удар о крышу... Вздор, показалось.

Наконец Полус пришел в себя. Зал застыл в молчании. Все стояли на коленях, склонив перед ним головы, все, кроме членов Внутреннего Круга, которые смотрят прямо на него. Самое время приступить к заклинанию духов.

— Люцифум... Сатанашиа... Агалиарей... Флоре... Саргатанос... Небирос...

Эти шестеро были главными в преисподней и подчинялись только Четырем Великим, чьи имена никогда не произносились. Сейчас его подданные еще раз назовут этих шестерых, вызывая вслед за каждым именем трех самых могущественных духов, которые им подчиняются:

— Флоре... Ботин... Пурсан... Абигар...

Духи засвидетельствуют, что Сила Семьи восстановлена и нет ничего, способного победить волю здесь присутствующих.

— Саргатанос... Лорей... Валефар... Форо...

Если все эти духи действительно существуют, не самое ли время им помешать осуществлению воли Семьи — до того, как будет восстановлена Сила? Ему снова представи-

лись огромные кожистые крылья, напоминающие крылья демонов Ада на картинах...

Кончай с этим, Полус. Подошло время огня и стали. Освободи свой разум от этой глупости, сконцентрируй его на том, что предстоит совершить. Кто будет первым?

Глаза мексиканца опять подняты вверх. Полус исподлобья взглянул в темноту. Что это?

Полус вскрикнул. Что-то темное ринулось вниз и замерло над полом, зависнув в пространстве между алтарем и коленопреклоненной паствой.

Зал содрогнулся от криков. На толстой веревке, подвешенное вниз головой, медленно вращалось тело Харви Белмана, являя взорам зияющую рану на горле и пепельно-серое лицо.

Глава X

В зале начался настоящий бедлам: вопли, крики, беспорядочный шум, суета поднимающихся с колен членов Семьи,— но не надолго.

С потолка медленно спустилось огромное существо с распростертыми крыльями. Оно на мгновение зависло над каменным алтарем, затем исчезло, как видение. Теперь перед алтарем стоял человек. На нем был плотный черный плащ, под ним — строгий вечерний костюм с черным галстуком. На лице — выражение державного спокойствия, отражение привычки ко всеобщему повиновению. И несмотря на страх, на охватившее их минуту назад неудержимое желание толпой броситься к выходу, члены общины ничуть не удивились, что подчинились вдруг этому загадочному человеку. Он обращался ко всем, но каждому представлялось, что он говорит только с ним. Рука в черной перчатке, двигаясь в такт произносимым словом, казалось, указывала на каждого, слова звучали тихо, глухо, и так настоятельно, словно он вколачивал их в голову каждого.

— Пусть снова наступит тишина!

Все молча встали на колени перед человеком в черном. Его громоподобный издевательский смех, заставил их задрожать от ужаса.

— Итак, вы обладаете силой, не правда ли? Вы руководите силами самой природы — я правильно понял, о чем вы тут говорили? Вы не боитесь ни челюстей Гада, ни

объятий Эрра? Тогда отчего вы трепещете передо мной? Вы осмелились вызывать духов Тьмы, но испугались, когда на ваш призыв явился я, смиренный Сын Сатаны?

Сатана — пронеслось в мозгу Полуса Алистера. Он ведь подумал об этом, когда услышал хлопанье этих крыльев... Он ощутил, что тот, у алтаря, пронзительно смотрит на него.

— А ты, Верховный Жрец, ты носишь козлиную голову Пана и Сатаны, но требуешь, чтобы их имена не произносились. Твоя самонадеянность отвратительна. Сними эту маску.

Полус покорно подчинился.

Дракула обратил свой горящий взгляд на толпу.

— Не хотите ли убедиться в Силе своей Семьи, в Силе Природы и Бездны? Еще до того как взойдет Солнце, вы убедитесь, что силы эти существуют. Но сначала зададим вопрос вашему главарю.

— За алтарем есть шприц,— вдруг сказал Кэм.— Я думаю, в нем пентотал.

Улыбка на лице Дракулы стала еще шире.

— Полагаю, нет необходимости в таких жестоких методах. Мне расскажут все, что я хочу знать. Не правда ли, Верховный Жрец?

Алистер только кивнул головой, не в силах отвести глаз от человека в черном.

— Но чтобы ты убедился, что надо говорить правду, проведем небольшую демонстрацию моей силы.

Его взгляд выбрал одного из Внутреннего круга — молодого человека, держащего в руках факел. Две пары глаз встретились. Два белых облачка отделились от глаз Князя, вспыхнули и погасли. У молодого человека отвисла челюсть.

— Ты ведь выполнишь все, что я прикажу?

Парень не смог произнести ни слова, только слегка кивнул головой.

— Отлично. не слишком ли тяжел факел у тебя в руках?

Снова кивок.

— Не хочешь ли избавиться от этой ноши? Так ты и сделаешь. Горящий факел нельзя класть на пол, его нужно сначала потушить. Лучше всего водой. Где же взять воду? Знаешь ли ты, что человеческое тело на две трети состоит из воды? К сожалению, большая ее часть находится внутри

тела. Каков же единственный способ добраться до воды, не прибегая к неприятной хирургической процедуре? Ты понял меня?

Еще один медленный кивок.

— Великолепно. Потуши факел.

Звук шипящего человеческого тела заставил Кэма отвернуться , страшная вонь заполнила помещение. Тело упало на пол, лицом — или тем, что когда-то им было — вверх.

Полус Алистер почувствовал, что сейчас его вырвет, и не сумел остановить рвоту. Кашляя и задыхаясь, он выплеснул содержимое своего желудка на алтарь. Рвотная масса лилась ему на живот, бедра, ноги, что вызвало насмешливый хохот демона.

— Верховный Жрец, ты осквернил свой собственный алтарь! Я вижу, ты, как и твой брат, держишь факел. Не хочешь ли затушить его?

Полус представил горящий факел у себя в горле и завизжал:

— Нет!

— Ладно, он нам пригодится. Теперь, я надеюсь, ты правдиво ответишь мне на все вопросы? Итак, я до сих пор не услышал ответа на первый.

— Да, да!

— За какие провинности приковал сюда вот эту девушку?

— Ее нашли здесь. Около нашей Фермы.

— Ты знаешь, кто она?

— Ее зовут Дженни, больше я ничего не знаю.

— А ты знаешь ее приятеля, Роя Амберса?

— Он жил здесь, недолго.

— Он был членом Семьи?

— Да, одно время.

Дракула улыбнулся Кэму, который, в свою очередь спросил:

— Рой Амберс участвовал в подобных церемониях?

— Он был членом секты и последователем культа.

Дракула рассмеялся. Кэм задал свой следующий вопрос:

— Он принимал участие в церемониях, которые сопровождались убийствами?

Пауза.

— Нет.

— Рой Амберс убивал по твоему приказанию — здесь или где-либо в другом месте?

— Н-нет. Он ушел из Семьи слишком рано. Он ушел, когда я приказал ему украсть. Это первый шаг перед убийством, чтобы полностью связать себя с Семьей.

Теперь улыбался Кэм Санчес. Дракула нахмурился.

— Некоторые думают, что ты сохранил свое влияние на Роя Амберса и после его ухода?

— Да, похоже на то.

— Объясни.

— Я предупредил его, что ему придется плохо, если он кому -нибудь что-нибудь расскажет.

— Кто же накажет его?

— Семья. Я сказал, что его девушка — вот эта — тоже узнает Силу Семьи...

— Поговорим о Дереке Уильямсе.

— Он был членом Семьи. Сейчас он не приходит.

— Хорошо сказано. Что с ним?

— А что?

— Полус, факел, который держишь в руках, он тяжелый?

— Но я не знаю, что вы имеете в виду!

— Почему его нет среди вас?

— Он трус и может проболтаться. Я приказал ему уйти.

— И убил его?

— Я не убивал!

— Значит, приказал кому-то.

— Нет, такого не было.

— Факел...

— Это правда, клянусь!

— Ты ведь знаешь, что Дерек Уильямс мертв.

— Это полиция так думает.

— А ты знаешь, что полиция держит Роя Амберса в тюрьме по подозрению в убийстве?

— Да.

— Но сам ты Дерека не убивал и никому не приказывал?

— Да. Нет. Я имею в виду, что не убивал и никому не приказывал.

Дракула глубоко вздохнул. Кэм не мог не заметить чувства облегчения, которым наполнилось все существо вампира.

— Еще одно, Полус. Ты признаешь себя виновным в убийствах других людей?

— Да.

— Скольких ты убил?

— Я не знаю точно. Правда, не знаю! Я никогда не считал убитых в наших вылазках и во время жертвоприношений. Может быть пятьдесят, может быть сто пятьдесят.

— Думаю, вполне достаточно, Полус. Спасибо за помощь. Ну, а теперь, я полагаю, моя миссия завершена, поэтому я покидаю вас. Ты, Полус, сам найдешь, как распорядиться своим факелом.

— О нет, не надо!

— Это совсем не то, о чем ты думаешь. Ты все сделал отлично. Я человек слова, Полус. Я всегда выполняю условия сделки. И жду того же от других. Огонь — великий очиститель. Я хочу, чтобы ты очистил от скверны это здание и всех, кто в нем. Твоя паства носит такие красивые огненно-красные одеяния. В конце концов все они в твоей власти. Или нет? — Зрачки Дракулы сузились, когда он взглянул на Кэма.— Да, я сказал: все. Я человек слова: пусть так и будет. Наше соглашение с профессором Харноном не предусматривало спасать вашу жизнь или жизнь его племянницы. Право, мне ее очень жаль. Нам будет ее нехватать, не так ли?

Смех Дракулы раскатился по залу, его фигура стала терять очертания, расплываться и, наконец, он превратился в огромную летучую мышь. К этому времени Полус поджег одежды трех своих братьев.

Собрав все силы, Кэм яростно дернул цепь, но только разорвал кожу у себя на запястьях. Кэм попытался ухватиться за цепь руками, но ладони, мокрые от пота и крови, только скользили по ней. Вытереть руки о свое тело он не мог — оно было влажным от напряжения и от нестерпимого, все усиливающегося жара. Стены уже превратились в сплошное море огня. Огонь лизал потолок. Корчились тела поклонников культа, которые, как и предвидел Дракула смиренно дали себя поджечь и не сопротивлялись, когда пламя стало пожирать их плоть. Верховный Жрец выбежал из сарая с горящим факелом, но быстро вернулся.

— Все горит! — кричал он, бегая среди обгоревших трупов своих сестер и братьев.

Смрад от горящих тел, удушливый дым, заполнивший зал, гасили сознание пуэрториканца.

Единственным местом, куда еще не добрался огонь, было пространство у алтаря. Если бы Кэм мог освободиться! Горящие стены скоро не выдержат тяжести крыши и рухнут. Но еще до того они задохнутся в дыму: он — борясь за жизнь, они — в наркотическом забытьи.

Состояние девушек вполне подходило для тихого ухода из жизни. Может, и для него лучше принять неизбежное: глубоко вдохнуть в легкие отравленный воздух, уговаривая себя, что такой исход был заранее предрешен — еще когда он оказался в руках изверга, выпущенного им и Хармоном из гробницы в Трансильвании. Они влезли в дела, в которые простым смертным влезать запрещено, и теперь расплачиваются. Хармону придется заплатить больше: он узнает о смерти Дженни, о том, как она умирала. Вампир не откажет себе в удовольствии рассказать все в подробностях.

Собрав все силы и сосредоточившись, Кэм мысленно повторял слова молитвы Святой Богородицы. Что ж, он пытался бороться.

Раздался грохот падающих стропил. Сейчас крыша их накроет.

Огромная балка, проходившая через весь потолок, оторвалась и рухнула вниз. Она ударилась о верхнюю часть алтаря и разлетелась на три части, которые, не задев прикованных к алтарю узников, упали прямо перед ними. От удара в монолите алтаря образовалась трещина. Она прошла там, где были ввернуты три стальных штыря с цепями. Яростным взмахом рук Кэм выдернул штырь из камня. Не останавливаясь, порвал пути на ногах. Мощным рывком выдернул две другие цепи. Теперь, если не сразу упадет потолок...

Они выбежали через горящий дверной проем на улицу. Кэм тащил за собой девушек, как пастух тянет двух выдохшихся телят, которые не могут идти сами. В этот момент, взметнув вверх огромный столб огня, рухнула крыша.

Только теперь Кэм осознал, что они уже вне опасности. «Спасибо, что все кончилось. Хотя, я думаю, у Господина будет другая точка зрения».

— Возможно,— ответила Ктара, выходя из тени деревьев.— Но это уже не ваша забота. Пойдемте у меня здесь машина, а также одежда для вас и ваших кобылиц.

Профессор Хармон уже ждал его.

— Это действительно было чудо,— сурово сказал профессор.— Я полагаю, вы уже знаете, что они спаслись.

Князь указал на передатчик за своим ухом.

— Я не мог не принять сообщение вашего человека. Однако, должен вам напомнить, наш договор не предусматривал никаких услуг вашей племяннице. Я не собирался их убивать, а если бы это сделал кто-нибудь другой,— не мое дело. Я не заковывал их в цепи, не поджигал все вокруг.

— Ваши умозаключения мне не нравятся.

Глаза Дракулы вспыхнули бешенством:

— Мне абсолютно все равно, нравятся они вам или нет. Меня вообще не интересует, то вы думаете по этому поводу. Я дал слово и сдержал его. Теперь вы должны сдержать свое. Ведь, судя по всему, вы проиграли.

Глаза профессора полезли на лоб:

— Что вы сказали?

— Члены секты не убивали Дерека Уильямса.

— Значит, это сделал кто-то другой. Другой, не Рой Амберс. И условием нашего пари было доказать, что кто-то другой, не Амберс, совершил убийство. Или вы уже все забыли?

Князь угрюмо улыбнулся:

— Я ничего не забыл, Хармон. Как же вы намереваетесь это доказать?

— Мы знаем сейчас, где был Рой Амберс в ночь, когда, по словам полиции, было совершено убийство. Мы знаем, почему он был там. Я это понял, услышав ответы Полуса Алистера на ваши вопросы. Еще раньше в Вестхемптоне, когда Ктара и я считали информацию с медальона Роя, я знал, что он пошел на Ферму, понятия не имея, что там состоится какая-то церемония. Он пошел, чтобы уладить свои дела с одним человеком. Сейчас я уверен, что этим человеком был Полус: он угрожал Рою, намекал, что пострадает Дженифер. Рой понял, что это за люди и на что они способны, поэтому позднее, когда ему было предъявлено обвинение, он решил молчать. Прежде всего ради Дженифер.

— Возможно, ваша версия и представляет определенный интерес. Но разве она доказывает его невиновность?

— Если Рой находился на ферме, в общине, как мог он находиться еще где-то? — улыбнулся Хармон.

Дракула рассмеялся:

— Какая община, профессор? Кто может подтвердить историю, рассказанную Роем Амберсом? Кто может сказать, что в эту ночь действительно происходила церемония? Свидетелей нет. Ничего нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. На ферме не осталось даже построек. Все исчезло, растворилось как дым.

Профессор Хармон побледнел, когда до него дошел смысл сказанного. Но Князь еще не закончил:

— Я полагаю, у вас имеются некоторые косвенные доказательства. Ваш человек, Санчес, мог бы засвидетельствовать, что секта существовала, но это будут только слова. Затем ваша племянница и другая девушка тоже могли бы кое-что порассказать. Но, насколько я знаю, Ктара сделала так — ради их же блага! — что у них исчезли из памяти все события, связанные с пребыванием на ферме. разумеется, если вы хотите, чтобы память к ним вернулась, я мог бы...

— Вы прекрасно знаете, что я вам этого не позволю!

— И поэтому мне кажется, мы сейчас там же, где и начинали. С одной только разницей.

Хармон сразу понял, в чем состояла эта разница. Время.

— Один день, профессор. Точнее, полтора. Немного же у вас осталось. Вы и теперь надеетесь выиграть?

Взгляд Хармона стал тяжелым.

— Да, будь я проклят!

Сдавленный смех, обнаженные клыки.

— Попробуйте.

Глава XI

— Я полагаю,— властно сказал профессор Хармон,— вас проинформировали о моих полномочиях, поэтому не будем терять наше драгоценное время на взаимные препирательства.

— Да, профессор,— вздыхая, ответил капитан полиции.

Сегодня с утра, как только начальник участка вернулся с дежурства, раздались один за другим три телефонных звонка, каждый от все более высокого начальства, и каждый подтверждал необходимость действий, указанных предыдущим. И тем не менее он не был готов к тому, что в

участок буквально вломится этот пожилой человек в инвалидном кресле с требованием немедленно выполнить все его распоряжения. Он даже не успел налить себе вторую чашку кофе, так как первая успела остыть из-за того, что его постоянно отвлекали к телефону.

— Да, сэр, я получил соответствующие указания.

— Отлично. Я хотел бы узнать как можно больше о деле Уильямса.

Капитан протянул через стол папку.

— Здесь немного, но это все, чем мы располагаем. Откровенно говоря, профессор, мы думаем, он уже у нас в руках.

Хармон резко оборвал его:

— А я думаю, капитан, что вы ошибаетесь. Все только начинается. Мне бы хотелось остаться здесь со своим помощником и внимательно изучить дело.

Капитан удивленно поднял брови. Его просто вышибали из собственного кабинета. Как тут не нервничать! Однако, если было велено предоставлять этому человеку любую информацию, какую он ни потребует... Капитан налил себе чашку кофе и удалился в кабинет дежурного.

Он успел сделать только три маленьких глотка, как его оторвала от этого занятия громкая тирада. При этом он увидел выражение лица дежурного сержанта, и оно ему не понравилось — тот с трудом подавлял усмешку.

Профессор Хармон гневно размахивал перед ним листом бумаги. Это был неряшливо перепечатанный протокол расследования.

— Капитан, почему вы раньше не проинформировали нас об этом?

— Прошу прощения, сэр, до сегодняшнего утра я не имел представления о вашем существовании. Только этим можно объяснить...

— Это не объясняет, почему вы на проинформировали мистера Санчеса. Должно быть, вы помните, он был здесь вчера.

— Видите, ли сэр, я уже объяснял моему руководству, мне было сказано, чтобы мы разрешили только посещение...

— Да не в этом дело! — взревел Хармон.— Здесь говорится, что в ночь предполагаемого исчезновения Дерек Уильямс был замечен в странном воровстве.

Капитан скривил губы:

— Воровство? Дайте-ка посмотреть.— Он внимательно прочел абзац, указанный Хармоном.— Но здесь сказано, что он занимался поисками разного хлама.

— Капитан, что здесь говорится, я прочитал. Я знаю также, что это является одним из условий принятия в братство. Я предполагаю, то, что здесь названо поиском хлама, может быть чем-то большим, чем обыкновенное собирание не связанных между собой предметов. Это заставляет думать, что у Дерека Уильямса могли быть трудности, связанные с этим «хламом». Короче, тот, кто собирал, обязан был украсть определенные предметы. Что вы думаете по этому поводу, капитан?

— Профессор Хармон, если бы все, что делают эти юнцы, ограничивалось кражами полотенец из отелей — половина Калифорнии была бы счастлива.— Казалось, капитан уже дошел до точки.— Насколько я понимаю, ваши выводы говорят лишь о том, что однажды ночью парень шатался где-то, вместо того чтобы дырявить себе руки иголкой. И я спрашиваю вас: какие еще выводы можно сделать на основании данного рапорта?

Профессор опешил от такого напора, но только на мгновение.

— Понятие кражи включает в себя и попытку кражи, верно?

— Вполне.

— А попытка может быть удачной или неудачной, не правда ли? Таким образом, давайте представим себе, что где-то при попытке что-то украсть Уильямсу не повезло и он был пойман с поличным. Такая мысль не приходила вам в голову?

— Должен сознаться, нет. Но, черт побери, профессор, у нас же есть человек, подозреваемый в убийстве. С какой стати нам беспокоиться и теоретизировать о том, что Уильямс мог натворить, а что нет?

— Если Уильямс был пойман с поличным во время кражи, тот, кто его поймал, мог совершить, скажем так, насилие.

— Убить мальчишку? Профессор, никто не будет убивать из-за такой ерунды!

— Говорите, ерунды? Что-то я не вижу в деле списка предметов, которые должен был собрать Дерек. Где этот список?

— Думаю, у нас его нет. Мы не считали, что это так уж важно.

Глаза профессора вспыхнули.

— Мне нужен этот список через полчаса. Пока вы будете его составлять, мне бы хотелось попробовать, какой кофе готовят у вас в участке. Уверен, оно похоже на ваши методы расследования.

Десять часов утра — немного рановато для пива, подумал Кэм, но сделал заказ. Когда тоненькая китаянка в национальной одежде подавала ему пиво, в зале появился толстый круглолицый китаец. Он уселся на высокий табурет у стойки, рядом с Кэмом. И показал взглядом на пиво.

— Я думай, ты не полицейский.

— Ты прав, но сейчас я работаю с ними по одному делу. Можешь проверить.

— Ничего не хосю, только вернуться в кровать, поспать. Давай поговарим, тебе так интересно, ты даже не подождал, пока я приду на смену.

Кэм разломил на прилавке два десятка фотографий.

— Узнаешь?

— Китаец сразу уставился на фото Дерека Уильямса. Его улыбка зародилась в правом углу рта и медленно распространилась по лицу. Кэм произнес:

— И не вздумай сказать мне, что все белые на одно лицо!

Китаец перестал ухмыляться и серьезно спросил:

— Ты точна говорис, сто не полицейская?

— Точно, точно. Ну так что скажешь?

— Не знаю. Несмотря на твоя сутка, эти детиски очень похозы.— Он пальцем подтолкнул фотографию Кэму.

Кэм постучал по одной из треугольных пепельниц, стоявших на стойке бара.

— Много их у вас пропадает?

— Все хотят сувенира. Они десовые, мозна заменить.

— А кто их берет?

— А кто не берет?

— Не таскают ли их у вас ребята из братства университета Беркли? Насколько я знаю, чтобы вступить в братство, необходимо украсть такую вещицу?

Лицо китайца осталось бесстрастным:

— Они пьют и едят, кто зе за ними уследит? — Он остановился на середине фразы, пододвинул к себе фотографию Уильямса.

— Я думала — эта парень. Две недели назад. Он был немнозко испуган. Я спросила о призывном свидетельстве — он был сильно испуган. Лицензия на продазу так легко потерять сейчас. Но он был взрослый и взял два пива и просил принести покусать. Я сказала — здесь есть столовая, но он хотел здесь, в баре. У нас были только завитки и голуби. Когда я вернулась, паленька не было. Оставила две бумазки и усла.

— Пепельницы все были на месте?

— Думаю, одна пропала. Но два доллара достаточно.

— А ты можешь вспомнить число?

— Китаец слез с высокого табурета, обогнул стойку и подошел к настенному календарю, висевшему около кассы, ткнул пальцем.

— Вот.

Вся совпадало. Кэм положил банкноту на стойку и встал.

— Ты уверен насчет даты?

— Уверена-уверена. Следусий день зелудок болела. Когда паленек усол, я ку́сала завитки. У нас осень холосый повар, мистер, но мы дазе не трогаем его завитки. Они могут улозить в постель надолго.

Итак, Дерек Уильямс без происшествий взял пепельницу. Можно предположить, что так же легко досталось ему и остальное. Последней в списке значилась свеча из похоронного бюро. Кэм нахмурился. Все было расписано — три из четырех предметов должны быть взяты из конкретного места: книга из книжного магазина, солонка из забегаловки и пепельница из бара «Го Вэй». Последний пункт: свеча из похоронного бюро. Вопрос — из какого.

Сидя в баре «Го Вэй» и потягивая пиво, Кэм внимательно изучал карту Сан-Франциско. К карте было приложение; он нашел раздел: «Похоронные конторы». Этот факт Кэм отметил тем, что приподнял кружку и поприветствовал эти страницы.

Толстяк китаец уже убрался в свою спальню досматривать сны. Надо признать, он ему здорово помог. Итак, Дерек Уильямс покинул бар примерно около десяти. В соответствии с информацией, имеющейся у полиции, он должен был, собрав все предметы, быть в полночь в обусловленном месте, на Восточной почтовой станции. Значит, у Дерека оставалось достаточно времени для того, чтобы

найти свечу и добраться до места сбора. Если Уильямс поступал логически, он, вероятнее всего, нашел контору где-нибудь между Чайна-тауном и станцией. Если же логика была ему чужда... Кэм скривился, глядя на десятки страниц с названиями похоронных бюро.

Конечно, шансы у Кэма были невелики. Но он все же надеялся, что учеба в колледже хоть как-то развила у Дерека логическое мышление. Он быстро пробежал глазами адреса, отбрасывая те, которые оказались вне грубо очерченного круга, нарисованного им карандашом на карте. Он просмотрел только половину адресов, когда обнаружил, что уже сделал пятнадцать пометок. Нет, так дело не пойдет.

Он сказал девушке, стоявшей за стойкой, что скоро вернется. Пройдя в туалет, он включил передатчик.

— Да, Кэм, слушаю тебя.

— Профессор, я думаю, мне понадобится помощь.— Он рассказал о том, что уже сделал и какую помощь хотел бы получить.— Она могла проверить все к северу от Буша, а я к югу. Что вы думаете по этому поводу?

— Я согласен с тобой. Но у Ктары могут быть свои соображения. Я с ней посоветуюсь.— Хармон дал отбой.

Вернувшись к стойке, Кэм развернул карту и уплатил за заказ. Протягивая официантке деньги, он широко улыбнулся:

— Как вы думаете, умрет кто-нибудь в вашем районе в ближайшую неделю?

— Что? Нет, не думаю.

— Отлично. В таком случае, они вам не понадобятся.

И, подмигнув ей, он вырвал из справочника страницы с адресами и телефонами похоронных бюро и сунул их в карман пиджака.

Бармен сказал, что мальчишка был очень испуган. Он говорил также, что ночь была просто отвратительной — туманной, холодной. В таком случае Дерек должен был держаться центральных улиц. Машины у него не было, значит он или воспользовался такси или пошел пешком. В первом случае трудно даже предположить его возможный маршрут. Но если парень шел пешком на юг — север был в зоне поисков Ктары, это ее проблемы, она согласилась этим заняться,— то он, скорее всего, двинулся по Монтгомери.

Кэм сделал то же самое, стараясь представить себе, что двигается он темной туманной ночью — что не так-то легко в такое яркое солнечное утро.

На пересечении улиц Монтгомери и Буш он остановился. Он хотел было двинуться на восток, вдоль Буш-стрит, но отверг эту идею. Если ночь была отвратительной, а парень шел пешком, то, вероятнее всего, он продолжал свой путь на юг по Монтгомери, вплоть до Маркет-стрит, затем повернул на восток.

Кэм сверился с вырванными страницами. Да, все три похоронные конторы находятся на пути от Маркет-стрит к почтовой станции. Было бы хорошо, конечно, если бы логика Кэма совпала с логическими заключениями молодого испуганного парня, однако все равно с чего-то начинать нужно.

На перекрестке Монтгомери и Маркет-стрит он перешел на другую сторону и повернул налево. Через пять минут он был у первого похоронного бюро. Он вошел... и через несколько минут вышел. Ниже таблички с именем владельца бюро располагалось переговорное устройство, с помощью которого можно было переговорить практически со всеми, кто находился в здании.

Разумеется, процедура поиска была примитивной — что называется, метод тыка, но ничего другого придумать сейчас он не мог. Конечно, у Ктары гораздо больше возможностей и ее способы получения информации куда более эффективны. Что ж, бывший полицейский не обладает такими достоинствами.

С другой стороны, у Кэма были свои преимущества, о которых он стал догадываться после того, как проверил две похоронные конторы и установил два подслушивающих устройства.

Успел он выяснить и кое-что еще. Он вспомнил, например, что человека с толстой сигарой во рту он видал три с половиной года назад в сборнике фотографий преступников, который перелистывал в полицейском управлении Нью-Йорка. Он был изображен выходящим из черного лимузина.

Кэм нажал на кнопку передатчика и сообщил о своих наблюдениях Хармону.

— Хотя вполне возможно, что здесь все чисто. У мафиози тоже есть родственники, которые умирают.

— Верно, Кэм, и они пользуются теми же учреждениями, что и мы.

— Я полагаю, Дерек Уильямс услышал что-то такое, что ему не следовало слышать.

— Тебе нужна дополнительная информация?

— Нет. Времени очень мало. Я вспомню имя рано или поздно. Сейчас я направлюсь в «Похоронное бюро Йорджа», так называется это место.

Мягкая музыка коснулась ушей Кэма, едва он закрыл за собой входную дверь. Первая дверь направо походила на дверь конторы, и он решил сначала заглянуть туда. Но как только он взялся за круглую дверную ручку, чтобы повернуть ее, как сзади раздалось звериное рычание. Оглянувшись, он увидел, что в двери одно из комнат появилась нелепая фигура — горбун, напоминающий своим обликом дикого африканского кабана. Его огромные тяжелые руки костяшками пальцев почти касались пола. Он делал рукой какие-то движения, видимо, желая показать Кэму, что он должен отойти от двери.

Кэм попытался изобразить любезность.

— Доброе утро. Мне бы хотелось поговорить с мистером Йорджем.— И он снова повернулся к двери, но открыть ее не успел.

Шаркая ногами, горбун удивительно быстро добрался до Кэма. И прежде чем Кэм успел повернуть ручку, тяжелая рука ухватила его за воротник пиджака. Осторожно, стараясь не причинить вреда, горбун потянул пуэрториканца прочь от двери — практически без всяких усилий.

— Н-н-н-ы-х! — проговорил он, поворачивая из стороны в сторону лохматую голову на толстой шее.

Кэм попытался перевести разговор в деловое русло.

— Я ценю вашу заботу о сохранении приватности вашего заведения, но хотел бы сказать, вам, что мистер Йордж очень расстроится, когда узнает, что вы не позволили мне его увидеть. Дело чрезвычайной важности. А сейчас, если вы будьте так любезны отпустить мой воротник, я бы...

— Н-н-н-ы-х! — захват не ослабевал. Дипломатия на помогла. Требовалось что-то более радикальное.

Правый каблук Кэма врезался в живот горбуна.

Удар не произвел на него никакого впечатления, он

даже не вздрогнул. Рука, державшая Кэма за воротник, протащила его по диагонали и вниз и уложила на пол вдоль стены. Вот к чему приводит радикализм!

В этот момент дверь открылась. Из-за двери, потирая одну руку о другую, словно просушивая их после мытья, появился высокий худой человек.

— Что здесь происходит? Питер, объясни мне.

Горбун — выходит, его завали Питер — объяснился серией жестов, почти все они указывали на Кэма и на дверь. Жесты сопровождались хрюканьем, стонами и периодическим «н-н-н-ы-х! Кэм вскочил на ноги и попытался объясниться, но высокий человек показал кивком головы, что он удовлетворен объяснениями Питера.

— Я пришел повидаться с вами. Полагаю, вы — мистер Йордж?

— Да, это я. Мне неловко, что все так получилось. У меня была встреча с клиентом, и я попросил Питера присмотреть, чтобы нас не беспокоили. Он бывает иногда слишком прямолинеен при выполнении моих приказаний. Прошу прощения.

Кэм принял извинения, хотя в глубине души не назвал бы действия этого рычащего существа словом «прямолинейность».

— Я тоже должен извиниться, хотя совершенно не предполагал, что вы могли быть заняты в этот момент.

Тонкие губы мистера Йорджа растянулись в улыбке.

— Я попрошу вас подождать еще несколько минут. Затем я полностью к вашим услугам. Питер проводит вас в более удобное место.

Стул в комнате, куда привел Кэма Питер, оказался не слишком удобным. Кэм проводил на нем свое время, внимательно приглядываясь к горбуну, который, шаркая ногами по полу, передвигался туда-сюда по комнате, явно не желая оставлять посетителя одного.

Интересно, подумал Кэм. Отчего это они не оставляют его своим вниманием? Что-то хотят скрыть? Неужели это так важно и можно ли за это убить человека? Но пока что сказать точно можно только одно: ручной орангутанг мистера Йорджа выполнял его указания с большим рвением. Но ведь Йордж не приказывал Питеру следить за ним, он делал это, видимо, по доброй воле. И, во-вторых, факт то, что в кабинете, куда намеревался проникнуть Кэм, находился Фрэнк.

Фрэнк Скарф! Да-да, Фрэнк Скарветти, если пользоваться его настоящим именем. Наконец-то мысль Кэма уцепилась за что-то, что помогло ему идентифицировать жующего сигару мафиози. С именем вспомнилась и история этого человека. Он был членом гангстерского синдиката, занимающегося транспортировкой наркотиков через мексиканскую границу в Хьюстон и города на северо-востоке и северо-западе США. Четыре года назад вместе с несколькими ребятами из нью-йоркской мафии он попал в переделку, однако ему удалось скрыться и залечь на дно. Кэм вспомнил: среди полицейских прошел слух, что этого человека «прибрали». Оказалось, его действительно «прибрали» и перебросили на западное побережье. То, что этот бандит занимается тем же самым — для Кэма было яснее ясного. Если кто-то увязнет в этом бизнесе так, как Фрэнк, у него есть только один способ с ним завязать...

Поговорим о похоронах...

— Н-н-н-ы-х! — сказал урод, тыкая обломанным когтем в Кэма. Суть указания была ясна: сиди, где сидишь, и не рыпайся. Кэм кивнул головой в знак согласия, и чертова образина зашаркала вон из комнаты. Шаги удалялись, затем хлопнула дверь и все стихло. Кэм нажал на кнопку связи.

— Мне надо торопится. Я думаю, здесь нечисто. Человек, о котором я упоминал,— Фрэнк Скарф. Он здесь и сейчас отсюда уйдет. Где Ктара?

— Она довольно далеко, но я постараюсь прислать ее к тебе. Попытайся узнать как можно больше и в других местах. Я не могу ставить все на одну карту, как бы она ни была хороша.

Шаркающие шаги снова приблизились. Весь вид Питера говорил о том, что он здесь незаменим. На одном своем плече и на горбе он нес тяжелый гроб. Из своего опыта в Трансильвании Кэм знал, что такое гроб и сколько он может весить. Тот гроб был из обыкновенного дерева, хотя на дне и была земля, но потребовались телекинетические способности Ктары, чтобы его перенести. Стоимость гроба, который лежал на плече у горбуна, по-видимому, не очень отличалась от стоимости «кадиллака» у подъезда похоронного бюро. Полированное красное дерево, украшенное бронзовыми накладками ручной работы.

Кэм оценивающие щелкнул языком. Действительно, Питер — нужный парень! Кэм уже видел, как это чудовище

приняло мощнейший удар пяткой ноги — савате в махе, теперь вот новое подтверждение его невероятной силы. Если дойдет до потасовки... Кэм помолился, чтобы этого не случилось.

— Чем могу служить, сэр.

Кэм взглянул в водянистые глаза Йорджа. Хозяин конторы озабоченно потирал руки.

— Мне бы хотелось обсудить одно дело лично с вами,— сказал Кэм. Он постарался бросить озабоченный взгляд на горбуна. Кэм был понят так, как и надеялся.

— Питер? Он удивительно силен, не правда ли? Но, могу вас заверить, в своем сердце он тих, как овца. Он просто не осознает своей силы.

Кэм кивнул головой. Он представил себе горбуна в роли коммивояжера: одним стуком в дверь он обеспечил бы работой всех плотников страны.

— Я понимаю, это ваш человек, но не могли бы мы поговорить в вашем кабинете?

— Конечно. У меня есть специальная комната с обычным для конторы набором — бумаги, книги, бланки, разные другие вещи, которые помогают развеять печаль повседневными делами. Я даже подумываю написать на эту тему статью в наш журнал: профессиональный журнал для владельцев похоронных бюро. Одним словом, я думаю, контора придает деловое содержание всей этой церемонии, я бы даже сказал, характер личного участия в этом печальном деле. Вы согласны?

— Мне трудно сказать, я ведь не профессионал,— сказал Кэм,— но, я думаю, вы совершенно правы. Я предпочел бы решать дела именно в конторе. (Чтобы поставить туда «жучок»,— подумал он про себя.) Однако у вас интересные мысли.

— Я сразу понял, что вы интеллигентный человек, мистер?..

— Юла,— ответил Кэм,— Камерон Юла.

Зайдя в контору, Йордж сразу приступил к делу.

— Ну, так кто же это — всеми любимый человек, которого нет больше с нами?

Кэм рассказал ту же историю, что и в других местах.

— Это мой дядя, но он все еще с нами.

— Все еще?..

Улыбка, появившаяся на лице Кэма, была немного не к месту.

— Я понимаю, все это звучит странно, но таков уж мой дядюшка. Он в очень плохом состоянии, мистер Йордж, и поручил мне позаботиться о месте его грядущего пристанища.

— Я понимаю вас, мистер Юла,— сказал Йордж с достаточной долей почтительности в голосе.

— Отлично. Я хотел бы узнать, есть ли у вас какие-нибудь брошюры или рекламные проспекты, чтобы я мог взять их с собой и решить насчет дальнейших действий. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Разумеется, мистер Юла.— Он поднялся и подошел к бюро, стоящему позади стола. Кэм заметил, что он открыл его ключом, висевшим у него на цепочке.— Вот эти рекламные проспекты дадут вам достаточно полное представление о нашем учреждении и о материалах, которые мы используем.

— Здóрово,— ответил Кэм задумчиво. (Микрофон был надежно приклеплен к обратной стороне столешницы.)

— Ах, мистер Юла, вы просто согрели мне душу. Приятно узнать, что существуют люди, подобные вашему дяде. Большинство людей не задумываются о смерти, а все заботы о погребении оставляют на родственников,

Кэм поднялся и поблагодарил Йорджа за буклеты. Интересно, задумывался ли Йордж о своей собственной смерти и как он к ней готовится? Ведь она может быть такой же внезапной, как и фиктивная смерть фиктивного дядюшки мистера Юла.

Хозяин бюро протянул Кэму свою холодную и влажную руку. Пуэрториканец обратил его внимание на один из пунктов в рекламе.

— О, да,— ответил Йордж.— Кадиллак и шофер в ливрее являются важной частью ритуала. Вы очень внимательны, отмечая такие вещи.

Он не знал, что у Кэма были свои причины для столь тщательного изучения рекламного проспекта.

Огромная черная кошка незамеченной проскочила внутрь помещения.

Глава XII

— И все же до сих пор не ясно, убили его или нет? — настойчиво переспрашивал профессор Хармон.

Ктара, казалось, начала терять терпение.

— Профессор Хармон, я ведь уже сказала вам: я не знаю.

— Но парень был тем? Вы почувствовали это? Ошибки быть не может?

— У меня не бывает ошибок. Я почувствовала резонанс этого парня. Он испытывал страх.

— Это согласуется с тем, что рассказал китаец. Парень чего-то боялся.— Хармон кивнул головой.— Бармен его не убивал... Как же узнать что-нибудь о Йордже и горбуне? Ктара, о чем они думали?

— У меня было не слишком много времени для тщательного сканирования их мыслей. Что касается горбуна, там вообще мало что можно прочесть. Он примеряет себя к конкретной задаче, и только. Его разум в большинстве случаев занят тем, чтобы направить куда-либо свое тело. Ассоциативное мышление — на уровне человекообразной обезьяны, все действия осуществляет механически. У Йорджа был разговор еще с одним клиентом, он позвонил ему сразу после того, как я попала внутрь. Йордж — таинственный человек, порочный, вы понимаете, что я хочу сказать. Существует связь между тем, что он подумал о необходимости иметь у себя в бюро новое тело, и удачной сделкой, которая, судя по всему, принесет ему много денег.

— Похороны в наши дни обходятся дорого,— прокомментировал Кэм.

— Нет, здесь дело не в этом. Он думал не о тех деньгах, которые будут выплачены ему тем, с кем он разговаривал,— женой умершего. Деньги должны поступить от кого-то еще, но это как-то связано с тем разговором, который у него состоялся. Я уверена, что эта женщина не может быть источником внезапного дохода. Она призналась, что ее финансовое положение очень тяжелое, и она говорила правду. Йордж, в свою очередь, согласился сделать все необходимое и позаботиться обо всем за весьма умеренную цену.

Кэм обратился к Хармону:

— Совершенно на него не похоже. Я знавал жадных людей, но этот способен украсть золотые пломбы у своих мертвых клиентов.

— Верно,— подтвердила Ктара.

— Хорошо,— сказал Хармон.— Он каким-то образом связан с синдикатом. Ктара, вы узнали что-нибудь об этом?

— Нет, если только это не является источником его доходов. К такому выводу можно прийти даже без использования особых способностей.

— Так как же насчет мальчишки?

Ктара задумчиво сказала:

— Там есть одна комната...

— Продолжайте.

— Она является одновременно кладовой и мастерской. Мне не удалось туда пробраться, меня могли обнаружить и обойтись грубо. У меня сложилось впечатление, что Дерек Уильямс там был. Он хотел туда попасть. Что-то ему там было нужно.

— Свеча?

— Может быть, я не уверена.

Хармон тщательно взвешивал решение. И пришел к выводу ничего пока не предпринимать.

— Ктара, после того как вы покинули похоронное бюро, вы сразу направились к почтовой станции?

— Да.

— И не почувствовали там никаких признаков Дерека Уильямса?

— Только на углу, но это было еще до того, как он вошел в похоронное бюро. Неоновая реклама в ночном небе вызвала у него чувство удовлетворения, смешанное со страхом.

Хармон опять замолчал, и оба они — Кэм и Ктара — почувствовали напряжение, в котором пребывал профессор. Наконец Ктара решила ему помочь.

— Я всегда полагала, что вы — высококвалифицированные следователи, однако вы оба не задали мне одного важного вопроса. Вы сосредоточились на том, что я узнала, используя свои особые ментальные способности. И не спросили меня, что же я видела.

Кэм застыл:

— Что же вы видели?

— Кошачья улыбка заиграла на ее губах.

— То, что вы должны были увидеть сами, мистер Санчес. Но вы были слишком заняты, устанавливая свое подслушивающее устройство. Это, конечно, очень современное средство для получения информации, но глаза, ваши глаза могли бы дать вам убедительное доказательство того, что Дерек Уильямс никогда не покидал живым это похоронное бюро.

— Прекратите с нами играть? — взорвался Хармон.— Ради бога, женщина! — Он остановился.— Прошу прощения.

Кэм подошел к Ктаре.

— Я чего-то не заметил?

Ктара рассмеялась.

— Когда вы ставили жучок, как вы его называете, вам пришлось пригнуться. Когда вы это сделали, ваша голова оказалась в полуметре от этого предмета.

— Что это было?

— Пепельница. Белая с красным, керамическая пепельница из китайского ресторанчика.

Кэм взглянул на профессора. Их взгляды встретились.

— Срочно звоните,— сказал Хармон.

Положив телефонную трубку и усевшись во вращающееся кресло, Леопольд Йордж позволил себе с удовлетворением улыбнуться. Великолепно, просто великолепно. Мистер Юла привезет сюда своего дядю около семи вечера. Старик умер. Интересно, подумал Йордж, успел или это пожилой джентльмен прочесть проспект перед кончиной. Затем он выбросил из головы этот вопрос, как совершенно неуместный. Самое важное, что тело привезут сюда. Отпевание состоялось днем, похороны намечены на завтра. Покойный мистер Юла мог бы быть... Ну, ладно, все будет зависеть от его состояния.

Отлично. Теперь ему не нужно будет делать никакого выбора, чего он так боялся. Все должны остаться довольны.

Он снял трубку и набрал номер.

— Мистера Скарфа, пожалуйста.

— Кто спрашивает? — спросил грубый голос на другом конце провода.

— Передайте — это Леопольд Йордж. Скажите, что у меня хорошие новости.

Ворчание, звук резко брошенной трубки. Йордж презрительно улыбнулся. Он терпеть не мог людей вроде этого, что сейчас ответил на звонок. Животные, просто животные. Никакой культуры. Чего можно ожидать от людей, основным признаком которых является обыкновенная грубость? Фрэнк Скарф тоже не составлял исключения, хотя и старался быть любезным с Йорджем. Прежде всего

потому, что Йордж ему нужен. И все равно вульгарность так и прет из него, несмотря на дорогие костюмы. Каждый раз интересно наблюдать, какое впечатление производит Питер на Фрэнка Скарфа. Чувство неприязни и страха, которое отражалось на его лице, было таким же, с каким Йордж лицезрел Фрэнка, но Йордж умеет скрывать свои чувства. Хотя, надо признаться, иногда и Йордж испытывал страх перед Питером. Но уж Фрэнка Скарфа он не боялся, по крайней мере тогда, когда оказывал ему важные услуги и особенно если его сопровождал Питер.

— Скарф слушает!

— Фрэнки, ты можешь привозить своего друга сегодня, ближе к вечеру, если это тебя устраивает.

— Какого друга?

Йордж вздохнул.

— Фрэнки, того джентльмена, о котором мы говорили с тобой днем. Я сказал тогда, что смогу оказать тебе услугу. Так вот, сегодня вечером это можно сделать.

— А-а, ладно, около девяти. Йордж, какого черта ты разговариваешь на тарабарском языке? Ты что, думаешь, твой телефон прослушивается?

Как только они услышали щелчок положенной трубки, Хармон спросил Кэма:

— Как ты думаешь, что это значит?

— Это мы скоро узнаем,— ответил тот.— Погодите, он набирает еще один номер. Не хотелось бы ничего пропустить. Хотя сделано все, даже установлен магнитофон для записи разговоров, чтобы в дальнейшем их можно было использовать в целях обвинения.

— Алле! — раздался заспанный женский голос.

— Это Карлотта?

— Если вы набрали этот номер, значит знаете, кто я.

— Да, вы правы. Меня зовут Леопольд Йордж. Я ваш поклонник уже долгое время, моя дорогая, и давно мечтаю о встрече с вами. Сегодня мне удачно представилось такая возможность.

— Вот это да! Здорово.— Интонация свидетельствовала о противоположном.

— Сегодня, вы, надеюсь, свободны?

— Вы знаете мои расценки?

— Да, моя дорогая.

— Сегодня свободна. Но, должна сказать, что не знаю никакого Йорджа. У меня есть список всех, с кем я имею дело, никакого Йорджа здесь нет. Вряд ли я могла забыть своего клиента. Мы с вами где-нибудь встречались?

— Нет, моя радость, это будет наша первая встреча. Я ваш поклонник, так сказать, заочно.

Небольшая пауза.

— Хорошо, пусть так, мистер Йордж. Когда и где?

Он назвал ей адрес и время. Раздался щелчок прекращения разговора.

Кэм с сомнением покачал головой:

— Похоже, сегодня в похоронном бюро Йорджа дел будет невпроворот. Я привожу своего дядюшку к семи. В девять прибывает Фрэнк Скарф со своим другом. В десять у Йорджа небольшое любовное свидание.

— Любовное свидание? Слишком сильное слово для такого человека, как вы.

— Дженифер! Черт побери, что ты здесь делаешь?

— Дядя Деймен! Я требую, что вы мне кое-что объяснили. Я знаю, что вы пытаетесь оградить меня от чего-то, и я хочу знать — от чего. И если вы откажетесь мне это сказать, скажет князь Юла. Из всех вас только у него одного есть какие-то чувства. Где он?

Кэм представил гроб, находящийся в закрытой комнате, в другой части дома. Хармон спокойно ответил:

— Князь в настоящее время отсутствует. Что же касается тебя, скажи, нам, как ты сюда попала?

— Моя машина... я...

— Ты немедленно сядешь в машину и возвратишься обратно. Нет, Дженифер, не надо брать стул. У тебя нет времени. Думаю, я все тебе объяснил. Камерон, пожалуйста, проводите мою племянницу до двери.

Лицо Дженифер пылало, когда он плюхнулась на сиденье. Машина была просто чудо: ярко-зеленый спортивный «триумф».

— Кэм, объясните мне, что происходит?

— Ваш дядя пытается вам помочь, Дженни. Он пытается доказать невиновность Роя Амберса.

— Что? Как вы можете помочь Рою, сидя здесь?

— Вам это действительно интересно?

Ее лицо разгорелось еще сильнее.

— Он мой друг, Кэм. Друг. Вы знаете, что это такое?

— Знаю. А что думает об этом Рой!

— Дело в том, мистер Санчес, что между Роем Амбер-сом и мною имеется определенная несовместимость. Нельзя даже думать о серьезных взаимоотношениях между нами. Прежде всего, он отрицательно относится к моему богатству, точнее ко всякому богатству. Что касается меня, то я считаю его взгляды недостаточно серьезными, но это не мешает мне любить его. Я думаю, вы тоже не могли бы не любить человека только за то, что он неверно рассуждает, правда?

Кэм усмехнулся:

— Конечно, нет.

Скрытый смысл фразы был очевиден. Она покраснела. Кэм надеялся, что за этим последует поворот ключа зажигания, что и было целью его реплики, но этого не случилось. У нее определенно было что-то на уме.

— Кэм, вчера... Я не помню всего, что случилось...

— Я знаю, Дженни. Они впрыснули тебе наркотик. Больше я тебе ничего не могу сказать, просто потому, что не знаю.

Это была та история, которую отработали они с Ктарой. Они разыскивали общину, подъехали к зданию, объятому пламенем, вытащили из огня ее и другую девушку, которую они передали полиции, где она рассказала об убийстве всей ее семьи. Ей придется провести в больнице несколько недель, чтобы привести в порядок психику.

— Но... я тоже кое-что помню. Вот вас, например.

— Да, я был с вами, когда вас выводили из транса.

— Нет, это было больше похоже на сон. Я совершенно раздета... Нахожусь в каком-то странном помещении... вокруг меня пламя...

— Это скорее не воспоминания, а логическое объяснение. Когда вы проснулись, на вас были балахоны вместо вашей одежды. Все члены общины носили такие балахоны. Они, наверно, переодели вас, когда вы обе были в беспамятстве, вот и все.

— Нет, Кэм, не все. Когда бушевал огонь, я была совершенно раздета, я помню, как вы вырывались из цепи, которой были скованы. Пожалуйста, позвольте взглянуть на ваше запястье?

Пиджак, который был сейчас на Кэме, очень удачно прикрывал бинты, наложенные на его руки после возвращения прошлой ночью.

— Не глупи.— Кэм понимал, что необходимо быстро

сменить тему разговора, и полагал, что сделать это можно одним-единственным образом.

— Думаю,— сказал он,— я тоже был раздет.

— М-м-м, видите ли, я уверена, что да.

— И ты помнишь, девочка моя, как я выглядел в своей мужской наготе?

Звук взревевшего двигателя положил конец его мучениям. Он сердечно помахал вслед рукой. Дженни не обернулась.

Ровно в семь вечера Кэм нажал кнопку звонка на входной двери. Йордж лично открыл ее. Изобразив на своем лице печальную и всепонимающую улыбку, спросил:

— Где же умерший?

— В фургоне. Он уже в гробу.

Йордж уставился через плечо Кэма на черный фургон, припаркованный на противоположной стороне улицы и подсвеченный неоновой рекламой похоронной конторы.

— В гробу? — повторил он.

— Ну да. Как я уже говорил, мой дядя — эксцентричная личность. Он запасся гробом задолго до своей смерти. Разумеется, он понимал, что ведет себя не совсем обычно. Очень немногие люди могут позволить себе поступать таким образом.

Рот Йорджа искривился в легкой задумчивой улыбке:

— Вполне с вами согласен.

Кэм поспешно добавил:

— Но вы не должны беспокоиться. Я все понимаю. И готов заплатить за грим, который вы обычно делаете, хоть он и не нужен.

— Не нужен?

— Гроб уже забит,— объяснил Кэм.

— Понятно...

На лице Кэма оставалось выражение скорбящего родственника, но в душе он смеялся. Йордж, наконец, осознал, что доход от церемонии уплыл из рук. Однако Кэм поспешил его успокоить:

— Во всем, что касается проведения службы, я полагаюсь на ваши рекомендации. Предполагается, естественно, что гроб будет заказан у вас. Дядя был очень экономным человеком, с дальним прицелом. Он полагал: все, что ему потребуется,— это старый сосновый ящик. Но его наследники думают по-другому.

— Я рад это слышать, сэр.

— Должен признаться, мы с другом еле втащили гроб в фургон.

— Нет проблем, абсолютно нет проблем! Питер легко все сделает сам. Питер!

Горбун мгновенно возник в метре от Йорджа. Очевидно, Йордж был очень осторожным человеком. Кэму пришлось отступить в сторону, чтобы пропустить чудовище, которое пересекло улицу и направилось к стоящей машине. Поднимая на плечи гроб, он лишь вздохнул. Ну и сильная же обезьяна, подумал Кэм, даже представить страшно. Помня о чудовищном весе ящика, Кэм внимательно наблюдал за ним, но тот не выказал никакого напряжения.

Питер вошел в похоронное бюро и направился в дальний конец коридора, в зал. Йордж прокашлялся.

— Может быть, нам следует поговорить о том, где вы собираетесь хоронить вашего дядюшку, мистер Юла.

— Да, несомненно. К сожалению, сегодня я об этом еще не знаю. Я позвоню вам завтра, когда все бумаги будут в моем распоряжении.

— Понимаю. Если вы позвоните утром, меня это вполне устроит. А сейчас вы можете посмотреть гроб, и мы все обсудим...

— В этом нет нужды, мистер Йордж. Вам, как профессионалу, и карты в руки. Только помните, пожалуйста, что это должен быть закрытый гроб. Иначе это будет противоречить желаниям дяди. («И будет большой ошибкой с вашей стороны»,— подумал Кэм.)

— А как же насчет цветов?

— Опять все на ваше усмотрение.

— А служба? Какой религии придерживался ваш дядя? Интересный вопрос.

— Он не придерживался ни одной из официальных религий. Поэтому вряд ли стоит проводить службу. Просто нужно предоставить возможность родственникам и друзьям встретиться и поскорбеть об ушедшем. Надеюсь, это можно организовать?

— Мой дорогой, все можно. Цель вашей деятельности — исполнять все желания родственников, ну и умершего, конечно.

— Тогда все. Мне пора.

— В котором часу я увижу вас завтра, мистер Юла?

— Рано,— сказал Кэм. («И даже немного раньше, чем ты думаешь»,— подумал он.)

Сорок пять минут спустя состоялся интересный разговор. Небольшое устройство, установленное в машине, у Кэма, позволило ему стать свидетелем этого разговора. Надо сказать, разговор велся практически одной стороной.

Йордж: «Питер, куда ты уносишь эти кресты» — Питер: нечленораздельно.— Йордж: «В мастерскую на улице. Но почему?» — Питер: нечленораздельно.— Йордж: «Хорошо, ты берешь их для полировки. Хотя, по мне, они и так блестят. Постарайся все закончить и будь готов к двум часам. У нас будут люди, значит, будет работа. Смотри, Питер! Абсолютно все кресты?»

Кэм усмехнулся. Горбун, который физически был силен настолько, насколько слаб разумом, легко контролировался созданием, которое лежало сейчас в мастерской, и по причинам, известным только ему в Ктаре, не могло пребывать в присутствии креста. «Этот символ гораздо старше, чем вы можете себе представить»,— сказал как-то Дракула. Кэм спросил об этом профессора, и Хармон ответил, что вампир прав: «Хоть мы и не можем знать, что означал первый крест, но это — оружие против вампиров, то оружие, которое мы должны иметь в запасе все время».

Кэм запомнил это предупреждение. И сейчас он чувствовал на своей груди прохладу серебряного распятия. Он молился о том, чтобы события, которые должны произойти сегодня не потребовали бы такой защиты.

Мэнни Лекк был очень осторожным человеком. К тому же он был очень толст, что однажды чуть было не явилось причиной его смерти от сердечного приступа. Сегодня он был сильно взволнован, но не своим весом, а звонком Фрэнка Скарфа.

Фрэнк позвонил ему во второй половине дня.

— Встретимся сегодня,— сказал он.— Луис будет с машиной у твоего дома в восемь тридцать вечера.

Больше ничего сказано не было. Именно это и заставило его разволноваться. Зачем встречаться? Почему вечером? Будет только Фрэнк или кто-нибудь еще?

Надо признаться, Фрэнк всегда был краток.

У Мэнни Лекка были свои причины волноваться. Не обнаружил ли Фрэнк, что он немного приворовывает? Маловероятно. Только если кто-нибудь стукнул, кто-нибудь их тех ребят, которым Мэнни иногда продавал при-

прятанные излишки. Но с какой стати им это делать? Цена у Мэнни всегда ниже, чем у Скарфа. С другой стороны, Фрэнки мог заплатить за информацию...

Нет, не то. Ведь он, Мэнни, занимался своим маленьким бизнесом всего только пару недель. Не такая уж у Фрэнка большая организация, чтобы успевать еще и следить за всеми. Нет, не успел он еще разобраться в делах Мэнни. Да и не так уж много он припрятывал. Заметить пропажу столь малых количеств невозможно — товар передается по цепочке. Поэтому, если Фрэнки действительно об этом узнал, так только от этих парней с улицы, которые могли сдать его за деньги. Возможно, Фрэнки распорядился, чтобы ему докладывали, за приличное вознаграждение, о любом из его команды, кто попытается сбить продажную цену. Но что-то здесь не вяжется. Неужели на это потребовалось две недели? Не стоит беспокоиться. А может, парень с улицы просто ждал две недели, чтобы он получил первые доходы, а потом стукнул? Возможно.

Монни плеснул себе еще порцию мартини. Уже третью после телефонного звонка Фрэнка. Он тряхнул головой. Почему он беспокоится? Ему и раньше звонили. Но встреча... Фрэнк всегда спешил и никогда не оповещал заранее. Всегда, когда были неприятности. Но всегда ли он был так краток? Мэнни попытался вспомнить и не смог. Может, так и было.

В том, что он присылает за ним Луиса, тоже нет ничего особенного. Фрэнк всегда проводит встречи в разных местах и берет одного из своих громил-водителей, чтобы привезти на встречу того, кто ему нужен. В этом нет ничего необычного.

Почему же он так беспокоится? Да все очень просто — раньше для беспокойства не было причин. Попытался немного отстегнуть для себя — и вот... Рисковать ради такого ненадежного дохода...

Фрэнк Скарф никому не позволит переходить себе дорогу. Это первое, что было сказано Мэнни Лекку о хозяине, который принял этот район два года назад. Никто и не переходил. Мэнни никогда не попадал в передряги, связанные с «устранениями». Это так и называлось — «устранение», но об этом никогда не говорилось на встречах. Впрочем, Мэнни был не такой уж и важной шишкой. «Устранения» происходили по прямому указанию Фрэнка и выполнялись типами вроде Луиса. Они были убийцами, все как один.

Но они были также и шоферами! Наверняка Луису просто приказано привезти Мэнни на встречу, больше ничего. Мэнни даже показалось, что он слышит, как Фрэнк отдает соответствующее распоряжение. Но тут же представил себе и другие указания: «Мэнни забрался к нам в карман. Пристрелите его!»

Как же, черт возьми, узнать, что произошло, что на уме у Фрэнка? Надо смотреть фактам в лицо. Мог ли он что-нибудь пронюхать? Не мог. И все-таки подготовиться. У него есть пятизарядный револьвер фирмы «Смит -и-Вессон», очень надежный и дорогой, с никелевым покрытием. Весит мало, весь сверкает. Он еще никогда из него не стрелял. Но на этот раз выстрелит, если понадобится. Главное, что убийцы, вроде этого Луиса, никогда не ждут, что у человека, который не носит оружия, может оказаться револьвер. Фактор внезапности, возможно, и будет основным.

Мэнни понравились его рассуждения, он даже кивнул себе головой — в знак одобрения. Он положил свой замечательный револьвер во внутренний карман пиджака, затем выхватил его и проверил, заряжен ли он. Револьвер не был заряжен. Он потратил минут десять, припоминая, куда же он дел патроны. Когда оружие было заряжено, он опустил его в карман и увидел, что до приезда Луиса осталось двадцать минут. Он заметил также, что стакан с мартини пуст. Он немедленно подошел к бару и наполнил его.

Машина Луиса просигналила минут через сорок пять. Мэнни выглянул в окно. Там, где сидел водитель черного лимузина, вспыхнула спичка и проделала путь до сигары. Лицо осветилось, и он узнал сидящего за рулем. Мэнни заторопился к двери, но прежде проверил, при нем ли револьвер.

— Прохладно,— сказал Луис.— Ты бы надел пальто, что ли.

— Не надо, я уже загерметизировался.

Луис глухо рассмеялся. Мэнни немного успокоился. Луис был в хорошем настроении, а человек, которому приказано убить, так не смеется. Но, если, конечно, этому человеку нравится убивать...

— Куда едем? — спросил он.

— Ты просто не поверишь,— ответил Луис,— спорю, ты даже не догадаешься.

— Давай попробую.

— Ладно, увидишь, когда приедем. Клянусь, ты не догадаешься! — Он прекратил разговор, но как-то дружественно, со смешком.

— Вшивый вечерок,— еще раз попытался Мэнни.— Холодно, туманно...

— Все вечера в последнее время такие,— заметил Луис.

— Кто еще будет на встрече, все?

Луис покачал головой.

— Фрэнк мне не говорил. Сказал только приехать и забрать тебя. Эй, хочешь, я включу отопление? Тебе будет прохладно без пальто.

— Не надо. Я же сказал, что хорошо утеплился.

— Да, ты это сказал.

— Ну вот.

Луис вел машину профессионально, нигде не превышая ограниченной скорости. Мэнни знал, что он хороший водила. Если в полиции и было на Луиса пухлое досье, то, Мэнни готов поклясться, не за нарушение правил дорожного движения и даже не за неправильную парковку. Опытный водитель всегда очень внимателен ко всему, что касается выполнения его обязанностей, и потому он быстрее приведет машину в нужное место, чем любитель, который обычно едет с превышением скорости и все-таки опаздывает. Особенно если едешь по городским улицам. Вся штука в том, чтобы держать стрелку спидометра на цифре ограничения скорости и обгонять попутные машины. Ехать надо спокойно, без волнения. Мэнни задумался также о том, каков Луис при исполнении других своих обязанностей. Хладнокровно, профессионально прицелиться, спокойно нажать на спусковой крючок и произвести выверенный выстрел. Он с трудом проглотил слюну.

— Ты не знаешь, что это за встреча?

— Хм... Фрэнк всегда говорит только то, что считает нужным, и ни слова больше.

Да, Фрэнк тоже профессионал.

— Ты не знаешь, мы долго там пробудем?

— Да вроде нет. А что, у тебя запланировано еще что-нибудь?

— Да, немного позже.

— Это плохо.

Мэнни сглотнул. Что он хочет сказать? Почему плохо?

В чем дело? Может, он знает, что «позже» для Мэнни уже не будет? Нет, нет, он просто имел в виду, что Мэнни может опоздать.

— Видишь ли, я договорился сегодня кое с кем встретиться, думаю, что успею.

— Тогда все нормально.— Луис кивнул головой, внимательно наблюдая за дорогой.

Что ж, это уже более убедительно, но только почему он старается на него не смотреть? Чего-то боится?

Чепуха, человек занят делом: ведет машину. Даже если у него и есть задание насчет Мэнни, Луис не из тех, кто боится таких вещей. И он наверняка не догадывается, что у Мэнни есть оружие. Ведь Мэнни никогда не носил с собой пистолета — не было у него причин для этого.

— Ну, почти приехали,— сказал Луис.

Машина двигалась по Маркет-стрит. Внезапно она резко повернула влево и, прежде чем Мэнни успел что-либо сообразить, остановилась. Буквы, светящиеся красным неоном, заставили его похолодеть, будто смерть схватила его за горло своими холодными пальцами.

— Похоронное бюро?

— Я же тебе говорил — никогда не догадаешься.— Луис засмеялся и вылез из машины, подняв воротник пальто. Даже не взглянув, следует ли за ним Мэнни, он пересек улицу, поднялся по ступенькам и позвонил. Отдуваясь после пробежки по холоду, Мэнни пристроился за ним.

Дверь открылась.

— Я Луис. Работаю на Фрэнка.

— Да? — спросил высокий худой человек, открывший дверь.— Фрэнк сказал, что с вами будет друг.

— Вот от.— Луис указал пальцем на Мэнни.— Мэнни Лекк. Мэнни — это мистер Йордж. Он хозяин этого заведения.

Йордж взглянул на Луиса.

— Тот самый друг? Я ведь думал...

— Правильно вы думали. Может, разрешите нам войти?

Йордж сделал шаг назад.

— В одной из комнат сейчас прощание с покойным. Пойдемте сюда, в конец коридора. Это помещение звуконепроницаемо.

Луис пропустил Мэнни вперед.

— Послушай, ты слышал когда-нибудь о таком? Я ж тебе говорил: в жизни не поверишь.

— Это ты прав...— Тут Мэнни захлебнулся и замолк. Огромное бесформенное существо, человекообразная обезьяна, злобно уставилась на него. Похоже, для Луиса это тоже явилось неожиданностью.

— Йордж, что это?

— Это Питер,— мягко улыбнулся Йордж.— Он помогает мне. С ним очень удобно, уверяю вас. А сейчас, господа, прошу направо.

Йордж повернул ручку и толкнул дверь. Он вошел первым, за ним последовал Луис, затем Мэнни. Мэнни услышал щелчок закрывшейся двери, но не стал оглядываться. Они быстро прошли небольшую прихожую со стеллажами по стенам и очутились за полупрозрачным занавесом. У Мэнни перехватило дыхание. Здесь были только гробы. Одни закрытые, другие открытые. Горела настольная лампа. Мэнни потряс головой, чтобы прийти в себя. Разумеется, чему здесь еще быть? Но где же Фрэнк, где остальные? В ответ на его вопрос Луис только пожал плечами и, обратившись к Йорджу, спросил:

— Вы уверены, что ничего не будет слышно?

— Да,— последовал ответ. Йордж был слегка раздражен.— Но я не понимаю. Фрэнк сказал, что привезет друга.

— Так я же сказал, он — друг.

— Но...

— Послушайте, Йордж. Вы же видите Мэнни, друга Фрэнка? Он весит сто с лишним килограммов. Какого черта я должен напрягаться, чтобы тащить его сюда, если он может прийти сам?

— Та-щить?.. Кого тащить?

— Ты прав, парень.— Луис слабо улыбнулся Мэнни.— Тебе крышка. Видишь ли, Фрэнку не понравилось, что ты забирал у него из-под носа часть прибыли. Ты ведь понимаешь, что я имею в виду?

И это было произнесено так буднично, таким деловым тоном! Луис был настолько уверен в себе, что даже не беспокоился о том, есть ли у Мэнни оружие!

Луис с презрением взглянул на никелированный револьвер.

— Ты не забыл его зарядить, Мэнни?

— Не волнуйся, я его зарядил и выстрелю, если ты меня заставишь.

Йордж сделал шаг вперед:

— Господа, господа! Я полагаю, мы можем цивилизованно разрешить все ваши противоречия. Сэр, есть ли необходимость так драматически размахивать вашим оружием. Ведь это не кадры из вестерна сороковых годов.

— Заткнись! — приказал Мэнни.— Еще шаг, и я влеплю тебе пулю между глаз!

— Не беспокойтесь, Йордж,— сказал Луис.— Он не так смел, как кажется, да и стрелять-то не умеет. Мэнни, ты когда-нибудь пользовался этой игрушкой?

— Хочешь быть первым?

— Полагаю, у тебя не будет времени, друг мой Мэнни. Ты уже почти труп.

Глаза Луиса смотрели поверх левого плеча Мэнни. Конечно, он блефует.

Мэнни крутанулся на месте. Горбун! Рука горбуна была занесена далеко назад, кулак, в котором он что-то сжимал, начал с невероятной скоростью приближаться к Мэнни.

Удар тяжелого серебряного креста пришелся в висок. Что-то теплое выплеснулось и залило Мэнни глаза. Больше он ничего не чувствовал.

В черном фургоне на улице по своему приемнику Кэм услышал следующий диалог:

Йордж: «Мы так не договаривались».

Луис: «Я еще раз говорю, что не собирался тащить на себе этого клоуна, если он сам мог сюда прийти».

Йордж: «Мы не договаривались с Фрэнком Скарфом, чтобы я совершал для него убийство. Я еще раз повторяю, что все это пойдет за дополнительную плату».

Луис: «Делайте, как считаете нужным. Так теперь о захоронении. Когда?»

Йордж: «Ваш друг будет захоронен вместе с господином, которого сейчас отпевают. Завтра. Хотите знать, кто он?»

Луис: «Хм... Фрэнк только хотел знать когда. Компания, в которой окажется его друг, его не интересует. (Грубый смех.) Ну, вы понимаете, это всего лишь штука — насчет компании и всего такого прочего».

Йордж: «Я сильно сомневаюсь, что над этим стоит смеяться».

Луис: «Может быть. Но дельце-то чертовски выгодное, а? Все эти парочки в одном ящике, которые вы уложили для Фрэнка. Я думаю, вы на этом неплохо подзаработали, верно?»

Йордж не ответил. За него ответил Кэм в свой передатчик: «Правильно».

«Итак, теперь мы в курсе»,— прозвучал голос профессора Хармона. «Мы знаем также, где, вероятней всего, найдем тело вашего Уильямса. Он лежит в одном гробу с кем-то из клиентов Йорджа».

«Возникает вопрос, в каком».

«Минуту, профессор. Я хочу сделать фотографию Луиса, когда он выйдет из похоронного бюро. Отбой».

Кэм отключил приемник. Готовя свой «Никон» для съемки, он мысленно похвалил себя за предусмотрительность. Он вряд ли хвалил бы себя, если бы знал, что в нескольких десятках метров от него стоит у тротуара машина, которую ему следовало бы узнать. Ярко-зеленый «триумф».

Глава XIII

— Давай быстрей, Питер, уже почти десять. Оботри от крови это оружие, которое ты держишь в руках, и положи его куда-нибудь. Положи друга мистера Скарфа в пустой ящик и закрой крышку. Кстати, закрой все крышки. Я бы не хотел зря волновать мою гостью.

— А-х-р-р?

— Да, Питер, мою гостью. Она скоро прибудет. Можешь приготовить отдельный ящик и подсвечник, если хочешь.

Голос Хармена прорвался к Кэму: «Что сейчас происходит?»

«Уверен, мы это выясним. Профессор, не пора ли сказать хоть слово моему дяде?»

«Не сейчас. Необходимо узнать, все, что можно, более простым образом, а затем уже все остальное».

«Внимание. Еще один посетитель. Женщина, молодая... Подходит к двери, звонит. Вот это да, самая любопытная вещь, какую я когда-либо видел».

«Что такое?»

Настоящая улыбка на лице нашего друга Йорджа. Он просто сияет».

Действительно, чувства просто распирали Йорджа. Все шло хорошо. Девушка выглядела восхитительно, правда не так уж и свежа. Но это как раз то, что ему в них нравилось. Ей же, судя по всему, не очень понравилось то, что она увидела.

— Что-то не так, моя дорогая?

— Вы мистер Йордж?

— Да. Еще раз спрашиваю: что-нибудь не так? Может быть, вам не нравится моя внешность?

Она пожала плечами.

— Пока вы мне платите, что может мне не нравиться? За исключением того, что, должна вам сказать, я впервые работаю в похоронном бюро.

Йордж успокаивающе улыбнулся:

— Мы предпочитаем, чтобы нас называли распорядителями похорон. Это во многом похоже на вашу профессию.

— Меня особо не волнует, как меня называют, по крайней мере пока мне платят.

— Судя по всему, вы очень любите деньги.

— Друг мой, я этим делом занимаюсь не ради смеха.

Йордж рассмеялся кашляющим смешком. Ему, несомненно, понравилось то, что он увидел. Невысокого роста, но вся такая плотненькая, с аппетитными округлостями. В ней, видимо, было что-то испанское, может быть, мексиканское. Темные глаза, длинные темные волосы. Ноги немного толстоваты для серебристой мини-юбки. Полупальто. Однако трудно рассчитывать на что-то особенное, делая заказ по телефону. Тем не менее она была вполне, просто вполне. Предвкушение подстегивало его. Намечался чудесный вечерок. Замечательно, что мистер Юла предоставил ему такую возможность.

— Мои личные покои находятся в конце этого коридора, Карлотта. Пока мы будет туда идти, пожалуйста, постарайтесь не привлекать внимание тех людей, которые находятся в комнате налево. Они в глубокой скорби и, вероятно, даже и не взглянут на нас, но все-таки ваше появление может их заинтересовать.

— Что, тут у вас и лежат жмурики?

Йордж с трудом подавил чувство злорадства, чуть было не мелькнувшее на его лице.

— Здесь происходит церемония оплакивания тех, кто покидает нас, уходя в последний путь.

Карлотта покачала головой.

— Хотелось бы надеяться, что в ваших комнатах будет немного повеселее.

— Давайте пройдем и посмотрим, моя дорогая.

Кэм включил передатчик:

«Мне это не нравится. Думаю, самое время...»

Хармон прервал его:

«Не торопись. Как сказал этот человек, давай пройдем и посмотрим».

«Не знаю, профессор, не знаю. Мы сильно рискуем».

«Никакого риска. Князь может подняться из гроба практически мгновенно».

Разговор прервал женский вопль. Затем прозвучал успокаивающий голос Йорджа:

— Чего вы испугались, моя дорогая?

— О, эти гробы!

— Думайте о них как о месте отдохновения, моя дорогая. Вы же знаете, именно этим они и являются. Все они закрыты, за исключением одного. Вот, видите?

— Да, но здесь так темно. Только свечи. Просто мурашки по коже. А почему он открыт?

Легкий смешок:

— Он и станет нашим местом отдохновения. Не будете ли вы так любезны раздеться?

— Место отдохновения... Вы хотите сказать... Я имею в виду, вы хотите... здесь?

— Почему бы и нет? Взгляните, белейший, самый лучший бархат и шелк, вы их просто так не найдете. Великолепная мягкая обивка снизу и по бокам. Откровенно говоря, я сомневаюсь, что вы когда-нибудь лежали в лучшей постели.

— Но это же гроб!

— Конечно.

— Слушайте, вы мне ничего не говорили об этих своих желаниях.

— Дитя мое, это из-за моей забывчивости. С другой стороны, разве вам никогда не приходилось обслуживать клиентов, у которых были свои маленькие слабости?

— Я не могу считать это маленькой слабостью, мистер. Я вообще не знаю, как это считать.

— Сейчас у нас начнется самое приятное. Я не думаю, Карлотта, моя девочка, что ты сможешь отказаться от всего этого. Ты ведь заключила сделку, не так ли?

Кроме того, дверь закрыта. Поэтому я советую тебе раздеться и пройти как можно скорее через это испытание.

— А если я закричу во все горло? Это может не понравиться вашим скорбящим!

Йордж напомнил ей о звукоизоляции.

— Кроме того, ваши крики могут расстроить моего помощника. Обычно он тих, как котенок, но крики, особенно женские, выводят его из себя.

Она посмотрела в ту же сторону, что и он. Взгляд ее уперся в огромную черную тень в углу. Тень поднялась, и в мерцающем свете свечей она увидела злобное лицо Питера.

Она схватилась руками за горло и с трудом заставила себя не закричать от ужаса.

— Очень, очень разумно. А сейчас раздевайся,— приказал Йордж.

— Он что, собирается смотреть?

— Нет. Он останется сидеть там, пока я его не позову. В противном случае он будет стоять рядом с гробом. Но зачем он нам? — Йордж успокаивающе положил руку ей на плечо.— Я понимаю, все это немного странно, я бы даже сказал, эксцентрично, даже для вас — представительницы своей профессии. И поэтому я очень хорошо заплачу. Если ты постараешься, получишь еще небольшую доплату к вознаграждению. Ну, так что же тебя не устраивает?

Девушка с трудом пыталась осмыслить сказанное. Дверь — закрыта. Кричать бесполезно. Еще это чудовище в темном углу. Обещание приплатить. Она вздохнула и сняла пальто.

— Слава богу, вы не принесли никаких кнутов,— сказала она. Она свернула и бережно положила пальто в ногах у гроба. Постепенно она сняла с себя все. На ней остались только туфли, которые она затем отставила в сторону.— Думаю, я готова.

— А я, моя любовь, буду готов через минуту. Пожалуйста, устраивайся поудобнее в этом месте отдохновения. Да, здесь.

Он наблюдал, как она ложилась в гробу на спину, и, наконец, устроившись, взглянула на него снизу вверх.

— Вы не собираетесь раздеваться? — спросила она.

— Нет, я должен оставаться одетым. Почти полностью одетым. Ты увидишь.

Он стал наклоняться к ней. Через несколько секунд он

взгромоздился на нее и начал пристраиваться. Его ноги под углом торчали из гроба, ботинки свешивались через край. Руки он перебросил через верхнюю часть гроба у изголовья, кисти рук касались пола. Гроб был длинный, но и Йордж был очень высок.— Ну, мы можем начинать, да?

Глаза ее были закрыты, она кивнула головой. Она почувствовала присутствие мужчины у себя внизу и слегка подала бедра вверх, чтобы впустить его. Предвкушение у Йорджа перешло в возбуждение, он знал, что это не продлится долго и нужно отсрочить этот момент, продлить удовольствие. Он сосредоточился на ее лице.

— Ты очень напряжена, моя дорогая. Расслабься. Мне сказали, ты та девушка, которая может все. Сказала твоя подруга — Энн.

Ее глаза открылись.

— Энн! Энн Белламонте? Вы знаете ее?

— У нас здесь было дело. Только, пожалуйста, не останавливайся. Мы можем и так продолжать наш разговор, если ты хочешь.

— Она... ушла однажды вечером и с тех пор ее никто не видел. Когда вы ее видели, мистер Йордж?

Короткий смех.

— В тот вечер, когда она умерла, Карлотта, в ту ночь, когда она умерла.

С этими словами Йордж протянул правую руку и взял что-то с пола. Карлотта еще ничего не видела. Йордж обвил чем-то ее шею. Она с испугом взглянула на него. Это была удавка.

— Замечательно, замечательно,— сказал Йордж.— Даже лучше, когда ты кричишь.

«Пора!» — выдохнул Кэм в передатчик.

«Слышу! — ответил Хармон.— Князь, приготовьтесь».

Йордж продолжал смеяться.

— Видишь ли, моя дорогая, я занимаюсь таким фетишизмом, о котором ты вряд ли имеешь какое-либо понятие. Я предпочитаю женщин в гробу, я предпочитаю иметь их мертвыми. Свеженькими, да, но мертвыми!

В переговорном устройстве послышался голос Хармона: «Князь, скорее, он сейчас задушит ее!»

Голос Дракулы: «Кто кого душит, я ничего не понимаю».

Хармон: «Выбирайтесь из ящика и сами все увидите!»

Дракула: «Я хотел бы исполнить ваше желание, про-

фессор. Но что-то лежит на крышке гроба и буквально пришпиливает меня к земле, на которой я лежу. Судя по свечению — это что-то вроде креста».

Хармон: «Кэм!»

Успеет ли он, есть ли еще время? Только две двери отделяли его от гроба Дракулы. Не потеряет ли он драгоценные секунды, пытаясь их выломать?

Когда он подбежал к первой, фортуна улыбнулась ему. Дверь открылась. Две женщины и мужчина маленького роста стояли в проходе, на их лицах было печальное выражение невосполнимой утраты.

— Извините! — гаркнул Кэм, проносясь мимо них.

Одна из женщин взвизгнула от неожиданности, другая в молчаливом удивлении отступила назад. Мужчина, отброшенный к стене, пытался вернуть себе достоинство: «Я бы попросил, сэр!»

Но Кэм уже не слышал его. Очутившись у второй двери, он схватился за ручку. Йордж предупреждал женщину о том, что дверь закрыта, но почему бы не попробовать? Она действительно была закрыта. Отступив немного назад, Кэм бросился к двери и каблуком правой ноги ударил в нее чуть выше дверной ручки. Раздался звук ломающегося дерева, дверь с треском слетела с петель и рухнула в комнату. Большая масса Кэма по инерции внесла его внутрь, он грудью врезался в стеллажи, обрушив на пол груду стеклянных и металлических предметов. Оттолкнувшись от стены руками, он пролетел через полупрозрачный занавес.

Если бы Кэм наблюдал эту сцену в кинозале, удобно устроившись в кресле, она не вызвала бы у него ничего, кроме смеха. Горящие в подсвечнике свечи придавали своеобразный романтический настрой открывшемуся его глазам отвратительному зрелищу. Похоронных дел мастер, наполовину вылезший из гроба, яростно одергивал на себе пиджак, пытаясь принять пристойный вид. Из его рук выпала толстая веревка. В гробу билась совершенно голая девица — слава Богу, живая, да еще какая живая! — старалась ослабить на своем горле веревку.

В действительности же ничего смешного не было. Большой серебряный крест мешал Дракуле встать из гроба. Между крестом и Кэмом горой возвышался Питер.

Глаза Йорджа загорелись от ярости.

— Мистер Юла, вы влезли в такое дело, в которое вам

не следовало влезать. Не повезло вам. Питер, он твой.

Рука Кэма метнулась к внутреннему карману пиджака. Он выдернул черный револьвер «Смит-и-Вессон» 357-го калибра.

— Стой, где стоишь, Питер, а то я сделаю приличную дыру в твоей башке. А в тебе следующую Йордж.

«Нет!» — закричал Хармон. К сожалению, радиостанция Кэма осталась на заднем сиденье фургона.

«Убей их обоих, сейчас же!»

Эта команда громом ударила в голову Кэма, комнату, казалось, заволокло туманом. Палец, лежавший на спусковом крючке, напрягся и потянул его назад. Кэм догадался, чья это команда. Он знал также, что, если сейчас начнут бороться их силы воли, ему не победить. Ему оставались секунды, и он отчетливо понимал, что вот-вот выполнит требование вампира. Огромным усилием левой руки, ухватившись за запястье правую, он отвел ствол пистолета от цели и вовремя — раздался выстрел. Захват был неудобный, и сильная отдача вырвала пистолет из руки Кэма. Давление на мозг исчезло.

Питер бросился на него.

— Нет, нет, мисс! — закричали хором две женщины и невысокого роста мужчина, увидев, как к входной двери подбежала девушка.— Не ходите туда. Это просто сумасшедший дом!

— Полиция! — прокричала в ответ девчонка.— Идите домой. Мы займемся этим сами.

Кэм решил: единственное, что он может сделать, это с помощью обманного движения оказаться между этой здоровенной скотиной и крестом, примерно так, как матадор уклоняется от нападения быка. Нужно выжить этого болвана с его места.

Матадору проще, ведь у быка нет огромных длинных рук, сделанных из бетона. По крайней мере, такое сравнение пришло ему в голову, когда первый удар, похожий на попадание снаряда, отбросил его к занавесу. После второго удара он пролетел через этот занавес и через проем выбитой двери. Более того, он пролетел еще около метра по коридору и плашмя упал на пол.

— Кэм!

— Дженни, убирайся к черту отсюда!

— Поздно, мистер Юла,— произнес Йордж.

Питер уже был в коридоре, ожидая приказания. Единственный человек, который полностью пришел в себя и оказался теперь хозяином положения, был Йордж. В его длинных тонких пальцах поблескивал маленький хромированный пистолет.

— Конечно, эта игрушка не обладает такими разрушительными возможностями, как ваш «Смит-и-Вессон», мистер Юла, но я надеюсь, что эффективность ее будет вполне удовлетворительной. Не вернуться ли нам обратно? Я прошу с нами и эту молодую женщину тоже. Я хотел бы задать вам обоим кое-какие вопросы о цели вашего визита. Я вижу, вы знаете друг друга, и это меня беспокоит. Прошу вас! Осторожней, мистер Юла, я пристрелю девчонку, если вы позволите себе лишнее движение.

Кэм метнул яростный взгляд на Дженни. Она попыталась объяснить:

— Я ждала на ферме. Я следила за тобой. Я хотела знать, что...

Йордж захрюкал:

— Все мы, девушка, хотим это знать. И узнаем, узнаем... Я просто сгораю от нетерпения все узнать.

В комнате все так же мерцали свечи.

— Боже! — закричала Дженни. Не думая о возможных последствиях, она подбежала к задрапированному белой материей гробу, ослабила удавку на шее девушки.— Она же почти задохнулась!

Йордж многообещающе улыбнулся:

— Вы сами испытаете это еще до того, как закончится наша совместная ночь.

«Дженни? — воскликнул Хармон.— Неужели это голос Дженни?»

Князь злобно захихикал:

«Судя по всему, профессор, почти все действующие лица уже на месте. Жаль, что вас нет, и вы не сможете увидеть финал этой пьесы».

«Князь, если что-нибудь случится с Дженни или с Кэмом...»

«Бесполезно угрожать мне, профессор. Пока этот крест лежит на мне, я не могу вам помочь».

Йордж повел стволом своего пистолета.

— Ну, кто же начнет?

— Йордж,— Кэм попытался протиснуться поближе к

гробу, в котором лежал Князь, однако горбун снова помешал ему,— Йордж, вы не хотите рассказать нам, что именно вас интересует?

— Не думаю, что мне следует что-то вам рассказывать, хотя почему бы не рассказать? Я, мистер Юла, имею дело со смертью. Как вы уже могли убедиться, в этом деле я виртуоз. По крайней мере, никогда не слышал, что есть кто-нибудь лучше меня.— Он помолчал немного.— Я говорю, естественно, не о своей официальной роли владельца похоронного бюро. Знаете, иногда живые не хотят жить. Иногда живой хочет, чтобы другой был мертв. Это желание, когда его осуществляют, называется нарушением закона и влечет за собой большие неприятности. Чтобы не было неприятностей, нужно избавиться от того, что остается после,— от бренного тела. Вот здесь я и становлюсь необходимым. Это мое обычное занятие — избавляться от ненужных тел. В таких случаях — логическое продолжение моего легального бизнеса...

— Чтобы делать трупы самому,— закончил фразу Кэм.

— О нет, мистер Юла. Нужно признаться, что иногда меня вынуждают к этому обстоятельства. Возьмем, к примеру, вас. Человек, который сует нос не в свои дела, рискует его потерять, и я пользуюсь для этого собственными средствами. Но в большинстве случаев жизнь уже покинула тех, кого я погребаю, скажем так, вместе с законными обладателями гробов и могил. А теперь давайте вернемся к вопросу о вашем личном интересе. Вы представляете официальные органы?

— Стоп! — воскликнула Дженни.— Он не рассказал нам о Дереке Уильямсе.

— О ком? — спросил Йордж.— О ком я вам не рассказал?

— О Дереке Уильямсе. Вы убили его.

Йордж улыбнулся.

— Это имя ничего для меня не значит, но тем не менее пробуждает что-то во мне. Приятный звук, должен сказать. Я чувствую, ваш интерес является более личным, чем официальным. Что ж, великолепно. Моя дорогая, вполне возможно, что я и убил этого вашего Дерека Уильямса, или, вероятнее всего, просто захоронил его. Я стараюсь не участвовать лично в делах с отдельными людьми, которых приходится обслуживать столь необычным образом. (Он отвесил издевательский поклон в сторону Дженни.)

— Мне кажется, у меня нет к вам больше вопросов. А на те, что имеются у вас, я не смогу ответить... Поэтому...

Щелкнул отведенный назад курок.

Сейчас или никогда, решил Кэм. Он ринулся вперед, и одновременно какая-то тень проскочила в том же направлении, шипя, как змея. Огромная черная кошка прыгнула на пистолет.

Увидев, что оружие упало, Кэм резко развернулся в сторону гроба с Дракулой.

— Бегите! — закричал он Дженни и другой девице,— бегите, пока есть...— «Возможность» — было то слово, которое он имел в виду, но не произнес: в этот момент он принял две команды из двух разных источников.

— Останови девок, ты, болван, а я займусь им! — Это Йордж. Команда Ктары прозвучала у него в голове: «Я помогу им! Ты позаботься о кресте!»

В этот момент Кэм почувствовал, как руки горбуна уцепились за его пиджак. Он упал на гробы, которые стояли в центре комнаты. В глазах поплыли оранжевые и желтые круги. Он попытался подняться, но что-то прижимало его к полу. С трудом сфокусировав взгляд, он увидел труп пожилого человека, почти вывалившийся из гроба. Цветные круги в глазах Кэма стали ярче, затем потемнели.

Он не знал, сколько времени пробыл в забытьи, но, видимо, недолго. Между оглушающими ударами крови в висках он услышал бешеный вопль: «Питер! Питер!»

Сознание Кэма прояснилось, круги в глазах исчезли. Он попытался приподняться, оперевшись на локти. Похоронщик отчаянно шарил по полу. Пистолет! В комнате их должно быть два: маленький Йорджа и большой Кэма. Если этот тип найдет любой из них...

Надо действовать. Стараясь приподняться, он наделал шуму. Внимание Йорджа сразу же переключилось на него.

— Питер! — завопил он.— Питер!

В комнате не было ни Дженни, ни другой девушки. Если бы только освободиться от этой тяжести...

— Очевидно, придется кончить с вами менее приятным способом, мистер Юла.— Глаза Йорджа заметались в поисках подходящего оружия. Наконец он нашел подходящее: тяжелый серебряный крест, лежащий на крышке гроба.

Глава XIV

Йордж стоял в полуметре от Кэма, лицо его было искажено гримасой ярости. В поднятых руках поблескивал крест.

— А теперь, мой друг, я бы хотел, чтобы вы узнали вот о чем: если ваши подруги еще живы, я завершу свой ритуал, который вы посмели прервать, с каждой из них. Это будет грандиозно. Запечатлейте этот факт в вашем мозгу, это будет последняя ваша мысль.

В это мгновение на противоположной стороне комнаты с шумом и грохотом сорвалась и отлетела в сторону крышка гроба.

Как раз вовремя, с трудом подумал Кэм.

Йордж обернулся. Из гроба показались руки, схватились за края. При виде этого зрелища Йордж окоченел. Но и руки остались в том же положении. Они больше не двигались!

«Крест, ты, болван! Он его держит так высоко, что я не могу встать!»

Кэм собрал все силы. Он напряг ладонь и, сведя вместе пальцы, рубящим движением ударил Йорджа по голени. Удар не был сильным, но и Йордж не был крепким человеком. Он потерял равновесие и не мог удержать над собой крест. Крест ударился о край перевернутого гроба и упал на пол рядом с Кэмом. Еще одно усилие! Кэм перевернулся на бок и накрыл собой крест. Йордж наклонился, чтобы вытащить из-под него свое оружие, и уловил какой-то блеск. Кэм тоже заметил пистолет, но не смог до него дотянуться. Йордж оказался проворнее.

Теперь осталось только направить дуло маленького никелированного пистолета в голову Кэма. Это Йордж и сделал, но тут за его спиной прозвучал глухой низкий голос.

— Я бы на твоем месте не стал стрелять, приятель.

Йордж взвился:

— Кто это, кто?!

Больше он сказать ничего не смог, только смотрел на высокого человека, стоящего перед открытым гробом. Огромный человек в строгом вечернем костюме смотрел на него, с некоторым любопытством, неподвижным взглядом глубоко посаженных глаз, легкая улыбка кривила его губы.

— Вы... вы живы?!

— Ты, очевидно, похоронщик. Кажется, мой коллега соврал тебе. Позволь мне извиниться за него. Я вижу, сам он не в состоянии это сделать.

— Вы тоже будете не в состоянии, когда я...

— Когда ты убьешь меня? Да, я слышал недавно твою небольшую речь. Ты — виртуоз смерти? Смешные претензии. Но, я полагаю, каждый из нас может немного пофантазировать, не правда ли? Но прежде я хочу доставить себе удовольствие и освободить тебя еще от одного заблуждения.— Он перевел взгляд в сторону прихожей.— Войди!

Появился Петер. Не сводя глаз с человека в черном, он сделал несколько шаркающих шагов и застыл неподвижно.

— Видишь, похоронщик, твой любимец вернулся. Немного раньше он подчинился воле гораздо меньшего создания, чья сила, однако, несравнима с силой твоей машины разрушения. Теперь мне доставит удовольствие вернуть его тебе. Прикажи, он послушается.

Йордж усмехнулся.

— Конечно, послушается! Чем, позвольте вам сказать, доставит мне большое удовольствие. Питер, уничтожь этого высокомерного дурака!

Затуманенный взгляд Питера прояснился. С него спало оцепенение, руки, которые только что безвольно висели по сторонам туловища, напряглись. Набычившись, он взглянул сначала на незнакомца, затем на своего хозяина. Выражение на его лице было неуверенным.

— Я приказываю тебе — уничтожь его!

С низким рычанием горбун двинулся вперед, но он не очень спешил, будто понимая, что эта жертва сильно отличается от тех, кого ему приказывали убивать раньше. Мозг животного словно уловил отсутствие страха у этого незнакомца, который не только не пытался спастись бегством, но, наоборот, развернулся и готовился принять атаку.

— Убей его! — истерично визжал Йордж.

Питер бросился вперед. Он удовлетворенно оскалился, когда увидел, что жертва сделала шаг в сторону открытого гроба. Другие тоже пытались таким образом избежать его нападения, думая, что он не сможет быстро изменить направление движения.

Вдруг чувство удивления, обычного удивления, ударило по его примитивной нервной системе: он наткнулся на вытянутую ногу незнакомца, которую тот послал вперед силой ножных мышц, схожих со связкой стальных канатов.

Удар пришелся горбуну под коленную чашечку, он пролетел мимо и врезался в гробы, круша и ломая их своим телом.

— А-а-х-ха! — Со звериным рыком Питер бросился в следующую атаку. На этот раз он сосредоточил внимание на ногах незнакомца, но тот пустил в дело руки: тисками ухватил горбуна за локти и швырнул его на каменную стену. Кровь залила лицо горбуна. До него стало доходить, что он встретил равного по силе противника, не превосходящего его — нет! до этого он не додумался,— а равного. Вытерев кровь, заливавшую глаза, он рывком поднял массивную крышку гроба и двинулся, чтобы убить его.

— Я начинаю уставать от этой демонстрации силы,— сказал Дракула.— Пора заканчивать.

Со страшным ревом Питер стал раскручивать над головой крышку гроба, которая стала похожа на крыло несущего винта вертолета. Внезапно вращение прекратилось: Дракула поднял руки и остановил крышку в нескольких сантиметрах от своего лица. Сила сопротивления была столь велика, что у горбуна парализовало мышцы плеча. Выхватив крышку, Князь рывком отбросил ее в сторону, и она, ударившись о стену, превратилась в груду щепок и искривленных полос металла. Приблизившись к горбуну, Князь одной рукой схватил его за волосы, другой за ворот и приподнял легко, как будто человекообразная обезьяна ничего не весила. Руки и ноги Питера беспомощно болтались в воздухе.

Глаза Дракулы горели, он злобно уставился на Йорджа.

— Скоро ему понадобится место отдохновения,— угрожающе произнес он.— Такой верный слуга заслуживает самого лучшего!

С этими словами Князь сделал несколько широких шагов к тому гробу, где Йордж пытался осуществить свои любовные утехи, и с огромной силой швырнул горбуна в бархатное белое нутро. Один за другим раздались два мощных удара: лопнула толстая медная окантовка по краям гроба, переломился спинной хребет горбуна, так и не издавшего ни звука.

Йордж стоял не в силах пошевелиться. Наконец он вспомнил о пистолете, который до сих пор держал в руке.

— Я бы не хотел, похоронщик, чтобы в меня стреляли,— усмехнулся Дракула.— Но если тебе этого хочется — можешь выстрелить.

Йордж выстрелил два раза подряд. Он не мог поверить своим глазам. на рубашке незнакомца остались только следы от пуль. Пистолет выпал из рук Йорджа и упал на пол.

— А еще называешь себя виртуозом! — Дракула расхохотался.— Сейчас ты увидишь, как выглядит настоящий виртуоз смерти!

— Нет,— слабо произнес Кэм, пытаясь подняться.— Только не сейчас!

Бесполезно: Дракула уже превращался в нечеловека. Это длилось всего несколько секунд, но Йорджу, застывшему с отвалившимся подбородком, секунды показались вечностью.

— Ну, похоронщик, у тебя было достаточно времени для убийств! Настала моя очередь. Сейчас я расскажу тебе, как ты умрешь. Ты с таким удовольствием обещал смерть беззащитным девушкам! Настал твой черед слушать.

— Господин,— прозвучал голос со стороны входной двери,— сейчас время задавать вопросы, а не рассказывать. Перед тем как умереть, этот человек должен кое-что нам рассказать.

Красные губы Князя изогнулись в усмешке и обнажили огромные белые клыки:

— Но ведь ты-то уже все знаешь, моя дорогая? Его вина доказана, и Хармон будет рад.

Желто-зеленым светом загорелись глаза Ктары.

— Он сам должен признаться, чтоб слышали и другие. Условия вашего соглашения с профессором Хармоном...

— Будь проклят профессор Хармон! Так я понимаю эти условия! И не пытайтесь, дорогая лишать меня удовольствия — я напьюсь крови из вен этого ничтожества!

«Князь! — зарокотал голос Хармона в передатчике.— Прежде всего надо допросить Йорджа».

— Я отказываюсь повиноваться вам, Хармон!

С этими словами вампир подскочил к Йорджу. Похоронщик завизжал, увидев приближающиеся к его шее огромные острые зубы. Но внезапно тиски, в которых оказался Йордж, разжались, челюсти Дракулы лязгнули и отодвинулись. Вампир застонал от боли, схватился руками за грудь и, сделав несколько неуверенных шагов, рухнул на пол между гробов.

Йордж стал постепенно приходить в себя и даже приобрел способность двигаться. Подняв голову, он встретил

взгляд женщины, стоявшей в дверях. Он никогда раньше не встречал ее. Одетая во все черное, она была удивительно красива. Йорджа восхитили ее глаза — светло-зеленые с горящими зрачками. Они пронзали его мозг, но ее взгляд странным образом успокоил его. Дрожь прекратилась.

— Мистер Йордж, вы должны рассказать мне о Дереке Уильямсе. Вы сказали, что это имя вам незнакомо. Это студент колледжа, несколько недель назад он был здесь. Вы убили его в этой самой комнате.

Йордж, чувствовавший себя удивительно легко и свободно, кивнул головой и улыбнулся.

— Да, паренек из колледжа. Конечно, я его помню. Как вы могли подумать, что я его забыл!

— Кто-нибудь и мог забыть, но не вы, Йордж, вы же профессионал.

— Несомненно. Да, он был в этой самой комнате. Все чего-то выискивал. Выдумал историю о том, что ему нужны свечи. Он видел тело девушки, и я не мог допустить, чтобы он ушел. Ну, вы понимаете, что я хочу сказать.

— В полной мере. Как он умер?

— Я приказал Питеру. Вы же его видели. Вы не поверите, он был так силен, что свернул бы шею быку, если бы я приказал.

— Что вы сделали с телом, мистер Йордж?

— С телом? — короткий смешок.— То же, что и всегда. Тело, разумеется, было погребено. Это мой прфессиональный кодекс чести. Да.

— В каком гробу? С кем вместе?

— Позвольте мне сообразить... В тот день было два трупа, от которых я должен был избавиться — этого мальчишки и девушки, которую он увидел. Кажется, ее звали Энн. Да, так один труп ушел на покой вместе с мистером Трейси. А девушка... Постойте... На следующий день у нас были похороны миссис Фоксворт... Теперь я вспомнил совершенно точно: молодая девушка ушла с мистером Трейси, а мальчишка — с пожилой леди. Я полагал, что в этом будет доля юмора или, по крайней мере иронии. Знаете, я верю в иронию.

— Так вы считаете себя виртуозом смерти, мистер Йордж?

Йордж широким жестом обвел мастерскую:

— Вы же видели, что я здесь совершаю. Вы все знаете. Разве этого мало?

— Достаточно,— сказала Ктара.— Человек, столь хорошо знакомый со смертью, и сам не испугается ее приближения, не правда ли?

— Он отнесется к этому профессионально.

Ктара пересекла комнату и приблизилась к Кэму. Глаза ее вспыхнули.

— Мистер Санчес, теперь нам нужно уйти. Я вас прошу, если сможете, заберите гроб Князя.

Голова Кэма прояснилась, боль ушла из тела. Он поднялся и ощупал себя, чтобы найти сломанные кости. Их не было.

Он подошел к гробу и взглянул на поверженного вампира.

— Его тоже взять?

Ктара покачала головой:

— Он сам найдет дорогу.

Кэм взглянул на Йорджа, который приветливо улыбался ему, с удовлетворением потирая руки.

— А с этим что?

— Он останется. Как сказал мой господин, я не могу лишать его удовольствия. А теперь поспешим.

С помощью Ктары, помогавшей ему своими мощными импульсами, Кэм выволок гроб на улицу и поставил его в автофургон. Затем они помогли Дженни сесть в ее машину. Что касается другой девушки...

— Мы можем вас отвезти,— предложил Кэм.

— Куда это отвезти? — Карлотта с подозрением посмотрела на него.

— В полицейский участок. Я думаю, вы хотели бы сделать заявление?

— Вам нужно это заявление?

Кэм задумался. Ей придется объяснять полиции, почему она оказалась у Йорджа...

— Нет, не думаю. У нас и так достаточно фактов против него.

— Он убил мою подругу,— сказала она.— Ее звали Энн Беламонте. Он сам мне об этом сказал. Может быть, поэтому...

Кэм покачал головой:

— Нет, пожалуй, не стоит. Полиция сама найдет ее тело. Вы можете идти домой, но предложение подвезти остается.

Она взглянула в кабину фургона и поежилась:

— Нет, спасибо. Я лучше пройдусь.

Кэм проводил ее взглядом, пока она не скрылась в темноте. Ктара сказала:

— Я все понимаю,— с легкостью сказал он.

Глаза Князя загорелись.

— Что ты можешь понять, похоронщик?

— Женщина сказала. Та, с кошачьими глазами. Не мне лично, а остальным, мистеру Юле. Вы собираетесь убить меня.

— Тебя это не волнует?

— Ни в малейшей мере. (Смешок.) Видите ли, я профессионал. Людей, подобных мне, вряд ли напугаешь этим: даже интересно — почувствовать смерть из первых рук. Женщина об этом говорила.

— Что ж, очень любезно с ее стороны. Но она ведь ошиблась, не так ли, похоронщик?

Йордж было захихикал, но резко оборвал смех. На лице появилось удивленное выражение: «Ошиблась?»

Князь подошел ближе.

— Разумеется, ошиблась. И ты сейчас поймешь это. Смерть — это конец, это проигрыш, конец твоего собственного я. Об этом никто не может судить, пока не испытает на себе. Ты ведь уже начинаешь чувствовать что-то похожее на страх, а?

— Да-да, есть немного.

Все ближе глаза вампира, все ближе его зубы, похожие на клинки.

— Чувство страха, которое охватывает тебя, усиливается и скоро достигнет абсолютного ужаса, потому что смерть твоя не будет обычной... Вся твоя кровь выйдет из тебя. И ты почувствуешь, как это произойдет, похоронщик. Ты почувствуешь, как капля за каплей уходит из тебя жизнь. Не ужасно ли самому быть свидетелем такой смерти?

— Да, о да. Это ужасно.— Его начинала бить дрожь.

— А не чувствуешь ли ты, как холодок ужаса пробегает по твоему телу, как коченеет твой мозг?

— О боже! Да!

— А не хочешь ли ты просить о милосердии? Не хочешь ли взмолиться, чтобы я пощадил тебя и ты не почувствовал, как мои зубы вгрызаются в тебя, рвут твое горло?

— Да-да, пожалуйста. Прошу тебя... Не надо, не надо!

— Ты, называвший себя виртуозом смерти, сейчас умрешь!

— Н-н-нет... Н-н-нет... Н—н-н-н-н—хр...

Содрогания его были похожи на судороги эпилептика. Йордж пытался кричать, просить о милосердии, умолять о снисхождении, но не смог выдавить из себя ни звука. Голосовые связки его застыли от подступающего ужаса.

Но в те мгновения, пока он еще был жив, он кричал, кричал, он так кричал... Молча.

Глава XV

Было девять часов утра следующего дня. Шестеро сидели за обеденным столом в своем оперативном штабе в долине Напа, который они должны были покинуть на следующий день. Они завтракали, все были в хорошем настроении, непрерывно шутили. Особенно в ударе был профессор Хармон. Сидя по праву хозяина во главе стола, он поднял бокал в шутливом приветствии:

— Выпьем за ближайшие полгода.

Жест относился к человеку благородной наружности, сидевшему на противоположном конце стола. Он единственный, казалось, не разделял общего настроения, почти ничего не ел, только немного поковырял вилкой на тарелке и чуть пригубил вина.

— Полгода? — спросила Дженни Хармон.— А что в них особенного?

Хармон улыбнулся:

— Князь это хорошо знает. Не так ли, Князь?

Дракула кивнул головой:

— Слишком хорошо знаю, профессор. Видишь ли, Дженни, мы с твоим дядей заключили небольшое пари. И, кажется, я проиграл.

Дженни засмеялась.

— Надеюсь. Князь Юла, потеря для вас небольшая, особенно после того что вы и все остальные сделали для меня.

В разговор вмешался Рой Амберс:

— Для тебя? А где бы я был сейчас, если бы ты не вмешалась и не помогла мне? Без тех записей...

— Ах да, пленки,— вздохнул Князь.— Очень умно. Вместе с найденными трупами они все доказали.

Дженни нахмурилась:

— Но вот только... Я помню, сильно испугалась и, может быть, поэтому чего-то не поняла, но, мне кажется, все было не так. Я помню, что спросила этого злодея Йорджа о Дереке Уильямсе, и он ответил по-другому,— не так как записано на пленке. Помните, он ведь сказал, что не интересовался именами? А потом он собирался убить нас.

Кэм и Хармон обменялись взглядами. Тщательное редактирование и перезапись заняли много времени, но это позволило придать событиям логическую последовательность и убрать некоторые факты в этой истории.

— В любом случае,— продолжала Дженни,— я благодарю судьбу, что вместе со мной был кот. Я обнаружила его, когда следила за вами, Кэм. Он, должно быть, прыгнул ко мне в машину, когда я уезжала с фермы. Я потом хотела оставить его в машине, но не смогла. Рой, если бы ты видел, как этот котяра...

— Кот? — переспросил Хармон.— Дженифер, разве тебя не учили зоологии в школе? Кот, о котором ты говоришь, это женщина, и прекрасная женщина.

Князь кивнул головой:

— И, как все женщины, непредсказуема.

Ктара ответила:

— Возможно, это ее животная натура заставляет ее так поступать.

— Если говорить о животной сущности,— сказала Дженни,— то в высшей степени справедливо, что этот ужасный горбун набросился на своего хозяина.

Хармон с удовлетворением посмотрел на Кэма. Именно Кэму принадлежала идея поменять местами куски пленки.

— Одним словом,— сказал профессор,— все завершилось. Я хотел бы предложить последний тост за Роя Амберса.

Бокалы были подняты, но Рой решил возразить:

— Этот тост не может быть последним, профессор Хармон. Последний тост произнесу я. Я хочу поднять бокал за Дженни — самого лучшего моего друга, которого я узнал в беде.

Он хотел еще что-то сказать, но та, за которую он провозгласил тост, перебила его. Она смотрела прямо на Кэма, который подмигнул ей при слове «друг».

— Извини, Рой, но здесь есть люди, которые настолько современны, что отказываются верить в дружбу, которая,

по их мнению, невозможна в наши дни. Ты не мог бы рассказать всем то, что рассказывал мне о своих планах на будущее?

— Конечно, никакой тайны нет. За то время, что я провел в тюрьме, я кое-что обдумал. И решил, что, если я выскочу из этой истории, то изменю свою жизнь. В следующем семестре я возьму другие профилирующие предметы и займусь медициной.

Дженни воскликнула:

— И это изменило твои планы насчет женитьбы?

— Видите ли, я вообще-то об этом еще не думал, но мое решение посвятить себя медицине надолго снимает эту проблему с повестки дня. Я полагаю, она подождет.

Взгляд Хармона встретился со взглядом Кэма.

— Ты имеешь в виду какую-либо конкретную девушку?

— Да, сэр. У меня дома, в Сиэтле. Я позвонил ей сегодня утром и рассказал о своих планах. Она меня поддержала. А теперь позвольте мне завершить тост?

Лицо Хармона выразило облегчение. Вряд ли оно сохранилось бы таким, если б он увидел, каким взглядом его племянница смотрит на Кэма.

— Пожалуйста, мой мальчик.

— За моего лучшего друга Дженни, за ее дядю и всех ее друзей. За всех вас.

Бокалы были подняты, и тут Дракула медленно произнес:

— Вы не всех упомянули, молодой человек. Вы не упомянули о том, что также сыграло важную роль в деле спасения вашей головы.

Хармон и Кэм с беспокойством взглянули на Князя, который, немного помолчав, добавил:

— Я имею в виду Госпожу Удачу.

Дженни улыбнулась.

— Не являясь зоологом-практиком, на что мне было указано ранее, я не могу не задать вам один вопрос по этому поводу. Вы действительно думаете, что удача — женского рода?

Князь обратил свой долгий взгляд на Ктару, которая с милой грациозностью приподняла свой бокал и улыбнулась ему. В голосе его прозвучала ирония, когда он ответил Дженни:

— Да, дитя мое. В данном случае я думаю именно так.

МАРТИН ДЖЕНСОН

ДЕРЕВНЯ СТРАХА

Глава I

Тихий звонок дверного колокольчика отвлек Остина Тренча от дел, которыми он занимался перед завтраком у себя в кабинете. Аккуратно закрыв блокнот, он прошаркал по каменному полу в прихожую и открыл тяжелую входную дверь. Стоявший на пороге почтальон почтительно улыбнулся и протянул ему небольшой сверток.

— Извините за беспокойство, викарий. Вам заказная бандероль. Распишитесь, пожалуйста.

Тренч кивнул головой, старательно, как школьник, вывел свою подпись в регистрационной книге почтальона и принял сверток.

— Большое спасибо,— пробормотал он и, предвидя привычную фразу о погоде или о состоянии сада, отступил в дом, чтобы по обыкновению ограничиться коротким ответом и на этом закончить дело.

— Признаться, викарий, ваши георгины просто великолепны.

— О да, действительно. Это заслуга садовника, мистера Хокинса. Нам его будет очень не хватать, когда он уйдет на пенсию.

Почтальон кивнул головой в знак согласия и собрался уходить.

— Да, это так. В наше время настоящих мастеров своего дела становится все меньше и меньше. Печально. Что ж, мне пора. Всего хорошего, викарий.

Почтальон покатил свой велосипед по извилистой дорожке. Проводив его взглядом до калитки, Тренч задержался на секунду в дверях, чтобы насладиться пением птиц, слабым шелестом листьев плюща и вдохнуть доносившийся с погоста пряный аромат свежескошенной травы.

Июньский день выдался на славу, солнце уже прогрело воздух и издалека доносился детский смех, напоенный радостью от общения с внешним миром. Тренч стоял и упивался совершенством природы, ощущая абсолютную целесообразность всего сущего. Переводя взгляд на сверток, он вздохнул. В такие минуты он был почти убежден, что, возможно, ему было бы лучше стать обыкновенным тружеником, хотя бы почтальоном, кем угодно, но только не человеком с таким огромным грузом забот, причинявших ему страдание.

Вернувшись в кабинет, Тренч осторожно прикрыл дверь и сел за письменный стол. Он начал было разворачивать бандероль, но потом передумал и на секунду взглянул в окно — его восхищенному взору предстали четкие, изящные линии вверенной ему церкви с коротким, мощным шпилем, увенчанным медным флюгером, блестевшим на солнце. Несмотря на возникавшее у него время от времени желание сложить с себя свои обязанности, он испытывал удовлетворение от того, что возглавляет этот прекрасный и славный своими традициями приход.

Вот уже двадцать три года Остин Тренч стоял во главе прихода, вот уже двадцать три года табличка с его именем, выведенным золотыми буквами, украшала западные ворота Уэлсфордской приходской церкви. За все эти годы он ни разу не уклонился от исполнения своего долга, упорно и самоотверженно трудился над тем, чтобы сохранить добрую славу деревни, лежавшей за воротами его дома. Он и сейчас собирался действовать решительно и без колебаний, не сворачивать с избранного им пути под давлением безнравственности, все более и более угрожавшей его приходу. Он собирался исполнить свой долг, чего бы это ему ни стоило.

Длинными сильными пальцами он сорвал со свертка обертку и извлек его содержимое — книгу под названием «Сумерки разума», напечатанным четкими белыми буквами на блестящей черной обложке. Отложив книгу в сторону, Тренч навел порядок на рабочем месте: сложил аккуратно на краю стола блокнот, карандаши, ластик и линейку. Смахнув с папки пыль и сор от ластика, он положил книгу прямо перед собой и открыл ее на вступлении. Он собирался почитать с полчаса, а потом, во время завтрака, состоявшего обычно из свежесваренного яйца и поджаренного хлебца, осмыслить прочитанное.

Тем же самым утром почтальон разнес по адресам три письма, примечательных тем, что они, как две капли воды, походили друг на друга: все три в самодельных конвертах, надписанных характерным почерком викария и с пометкой «Срочно» в верхнем левом углу. Одно письмо было адресовано Дэвиду Мэрриоту, директору только что возникшего Уэлсфордского общественного центра, второе — полковнику Гарри Роджерсу, президенту Уэлсфордского клуба консерваторов и третье — Тому Редклифу, молодому и, как говорили многие, блистательному председателю недавно созданного Уэлсфордского общества кинолюбителей.

Мэрриот разбирал почту на бильярдном столе в баре, находившемся в глубине общественного центра. Счета он откладывал в одну сторону, запросы — в противоположную, а всю остальную корреспонденцию бросал на середину стола. Письмо от викария подпадало под все три определения, и Мэрриот встал перед первой в тот день дилеммой. Он прочитал письмо дважды и, читая его во второй раз, понял, что никогда ранее к нему в руки не попадал документ столь чудно́й по своему содержанию:

«Уважаемый господин Мэрриот!

Прежде всего, позвольте мне воспользоваться представившейся возможностью и поблагодарить Вас за то, что в прошлом месяце Вы обратились именно в наш праздничный комитет с заявкой насчет проката у мужского клуба нескольких столов на козлах и мишени для игры в «дартс». Вы, конечно, в курсе того, что все средства от проката нашего имущества поступают непосредственно в скромный — что вызывает сожаление — фонд реставрационных работ, и я уверен, что Вы, как деловой человек, знаете, как важно вовремя платить по счетам. Поэтому позволю себе напомнить Вам, что сумма в пять фунтов, причитающаяся нам за прокат столов и мишени, до сих пор Вами не выплачена, что произошло, я уверен, по чистому недоразумению, которое Вы, несомненно, не замедлите устранить.

Я был бы Вам также необычайно признателен, если бы Вы прислали мне Ваши расценки за пользование Вашей открытой площадкой для игр, как я понял из разговоров с

прихожанами, компания, владеющая барами общественного центра, является также и владельцем вышеуказанной площадки. Мне пришла в голову мысль, что она идеально подошла бы для осуществления задуманного мною начинания, и поэтому, прежде чем приступить к воплощению своих планов, я хотел бы узнать, могут ли владельцы площадки предоставить мне ее на один день и, если могут, то за сколько. Могу заверить Вас в том, что, если сумма окажется приемлемой, оплата будет произведена незамедлительно.

И, наконец, перехожу к одному неприятному вопросу. Как мне стало известно, вот уже несколько недель какие-то молодые люди, все, как один, длинноволосые, шумного поведения и неприятного вида, собираются по вечерам на Вашей автомобильной стоянке и нарушают общественный порядок. Это вызвало столь сильное недовольство среди части прихожан, что мне пришлось дать им обещание вмешаться и попытаться исправить положение. Между моими прихожанами и Вашими посетителями, мистер Мэрриот, существует огромное различие. Мои прихожане в своем большинстве — жители деревни, с давних пор известной своей красотой и прочностью устоев. И поэтому мне прискорбно наблюдать, как наша деревня обезображивается присутствием вульгарных и наглых субъектов, а также их распущенных девиц, и я с ужасом слышу, как воздух вокруг наполняется громкой грубой бранью и сквернословием. Три года назад, когда вопрос о создании общественного центра обсуждался в совете, я высказал серьезные опасения по этому поводу, и ныне я вынужден с глубоким сожалением признать, что самые мрачные мои предсказания начинают сбываться. Поэтому, не соблаговолите ли Вы, как человек, несущий ответственность за поведение своих клиентов, принять меры к тому, чтобы молодым людям было запрещено употреблять спиртные напитки и буянить на глазах у окружающих. Естественно, было бы лучше и вовсе запретить им посещать Ваш центр, хотя я понимаю, что осуществление такой меры представляется весьма сложным делом.

Надеюсь, что Вы уделите самое пристальное внимание каждому пункту моего письма и не замедлите, по мере возможности, с ответом.

Искренне Ваш,
Остин Тренч, М. Г. Н.»

Мэрриот в конце концов решил пока что положить письмо викария в боковой карман пиджака. Предстояло много работы,— ведь общественный центр существовал не сам по себе. С самого начала он стал излюбленным местом отдыха, причем круг его посетителей не ограничивался только жителями деревни — сюда съезжались люди со всей округи. Центр включал в себя три бара, очень популярную дискотеку, две игровые комнаты, маленький концертный зал и спортивный зал. Спортивный зал не пользовался особым вниманием посетителей, но тем не менее оправдывал свое существование — он придавал центру вид благопристойного заведения.

Собрав три стопочки писем, Мэрриот понес их в другой бар с тем, чтобы работавшая там его жена могла принять по ним необходимые меры. Он шел, и на лице у него ширилась ухмылка — уж кто-кто, а он-то умел высмеять кого угодно. Этот старый викарий был как раз подходящим объектом для розыгрыша. У Мэрриота даже потеплело на душе, когда он представил реакцию парней, о которых шла речь в письме викария: он собирался пустить письмо по кругу — пусть они от души посмеются и придумают еще что-нибудь, чтобы досадить преподобному викарию. К тому же можно было бы устроить состязание на лучший ответ на это послание с призом победителю в один фунт. Некоторые из них были очень смышленые, гораздо умнее того сброда, что обычно собирался в баре и курительной комнате. Среди них была парочка школьных учителей, а один даже работал директором какой-то фабрики. Да, они от души посмеются, и все благодаря старине Мэрриоту, у которого всегда имелась в запасе какая-нибудь шутка. Секрет успеха, как он не переставал повторять себе, заключался в том, чтобы уметь все обратить себе на пользу. Только так можно добиться намеченной цели.

Полковник Роджерс во многих отношениях походил на Мэрриота, хотя никогда не признался бы себе в этом. Он, конечно, учитывал свое положение в обществе и поэтому в своем поведении соблюдал определенные приличия. Но в рамках этих приличий шутки вполне допускались, и среди членов клуба консерваторов, Гарри слыл отчаянным весельчаком. Он мог делать и говорить самые возмутительные вещи, но при этом проявлял сдержанность и сохранял присущий настоящему джентльмену такт; дамам он нравился, а всем мужчинам льстило называться его дру-

гом. Роджерс решил, что письмо от Остина Тренча заслуживает самого пристального внимания. К викарию нельзя было отнестись просто с презрением, как он того заслуживал. Комитету клуба следовало подготовить уважительный ответ, а после этого вопрос можно было, конечно, свести к шутке.

Прочитав письмо за завтраком, поданным ему в постель, Роджерс поднялся и кликнул жену, которая сидела в саду и пыталась хотя бы немного загореть перед предстоявшей поездкой в Испанию.

— Долли, поднимись ко мне на минутку. Хочу тебе кое-что показать.

Долли знала о том, что спокойное выражение лица — самое надежное средство от появления морщин, а она и так уже походила на сморщенную старуху. Поэтому, подавив в себе чувство раздражения, она перевернулась в шезлонге и поинтересовалась, так ли уж это важно.

Получив от мужа заверение, что да, она с неохотой поднялась и, осторожно ступая в туфлях на высокой пробковой подошве, вошла в дом, бормоча при этом те немногие ругательства, которые, как она считала, не требовали работы мышц лица.

Когда она появилась в спальне, муж протянул ей письмо.

— Прочитай, дорогая, и ты, наконец, начнешь понимать, что я имею в виду, когда говорю о докучливых стариках и старухах.

Долли выхватила у него письмо и, держа его на расстоянии вытянутой руки от глаз — нежелание носить очки было еще одной из ее причуд,— принялась читать вслух, в стиле леди Макбет, что у нее выходило очень неплохо — в свое время она готовила себя к сцене, но, по ее мнению, ее талант так и не нашел должного признания. Письмо гласило:

«Уважаемый полковник Роджерс!

Меня встревожило и потрясло сообщение местной газеты о том, что руководство Уэлсфордского клуба консерваторов обратилось в соответствующие органы с ходатайством о расширении перечня спиртных напитков, разрешенных к продаже. Несомненно, Ваш долг, как пре-

зидента клуба, состоит в том, чтобы не допустить осуществления подобного шага. Я всегда считал, что консерватизм — это состояние ума, которое определяет манеру поведения. Получается, вроде бы, что я ошибался все эти годы. Я не вижу ничего консервативного в безответственном стремлении не отставать от так называемых достижений других организаций путем копирования их наихудших черт. Вы, несомненно, должны отдавать себе отчет, что чрезмерное употребление алкоголя является таким же громадным социальным злом, что и захлестнувшая нас ныне волна распущенности и вседозволенности. Как мне кажется, Ваша главная задача заключается в установлении норм поведения; если это так, то тогда совершенно очевидно, что Вы поступаете безответственно, поддерживая это последнее решение, направленное на дальнейшее ослабление старых, добрых структур нашего общества. Вы нарушаете свои обязанности. Я намерен протестовать всеми доступными способами — я уже написал письма в адрес вашей национальной ассоциации и органа, ведающего выдачей разрешений. И все же я питаю надежду, хотя и слабую, признаюсь Вам, что Вы, как человек задающий тон во вверенной Вам организации, вернете чистоту моральных устоев и осудите гедонистский порыв, угрожающий рядовым членам Вашего клуба.

С уважением,
Остин Тренч.»

Уронив письмо на кровать, Долли пристально посмотрела на мужа.

— Старый кретин,— сказала она, раздувая ноздри, и сложила свои веснушчатые руки на обвислой груди.— Ну и что ты собираешься предпринять?

Роджерс почесал колкую щетину усов.

— Я, конечно, поступлю с этим письмом точно так же, как с любым другим. Прочитаю его на заседании комитета, и мы отправим викарию надлежащий ответ. Короткий, вежливый и твердый. Но теперь-то ты понимаешь, Долли. Эти чертовы хрычи, вцепившиеся зубами в свое место, считают себя вправе целиком распоряжаться всеми в приходе. Однако этот священник явно зарывается. Явно.

Долли посмотрела на свое отражение в зеркале, подтянула к вискам обвисшую кожу и на миг представила, как она могла бы выглядеть, если бы не джин, обильная пища и

годы, проведенные в Африке,— все это оставило свой след. Она подумала об Остине Тренче и о том, как хорошо он всегда выглядел: чистая, гладкая кожа, квадратное лицо с властным взглядом блестящих карих глаз, зубы цвета бледной слоновой кости и копна жестких седых волос. Ростом выше шести футов, всегда бодр и свеж, двигается как хорошо отлаженный механизм. Результат самоограничения, полагала она, умеренности во всем. По сравнению с ее мужем, с его отекшим от пива лицом, желтыми зубами и сутулой фигурой доходяги, викарий выглядел эдаким Адонисом[1] средних лет. От такого сравнения раздражение ее только усилилось.

— Тебе надо, черт возьми, устроить ему хороший разнос, чтобы он спустился с небес на землю, а то витает себе в облаках,— сказала она и отошла от зеркала. Муж снял пижаму и выглядел столь же удручающе, что и она сама.

Почувствовав на себе ее взгляд, Роджерс втянул живот и на прямых негнущихся ногах направился в ванную.

— В этом нет необходимости, дорогая,— уверил он ее, проходя мимо.— Существует старый армейский принцип, который следует применить в данном случае — никогда не стреляй по воробьям из пушки. Старина Тренч слишком привык всеми командовать. Резкий ответ на его проповедь — вот и все, что требуется. Увидишь.— Он закрыл за собой дверь ванной.

Долли выглянула в залитый солнцем внутренний дворик и решила еще часок позагорать, и только потом наложить макияж, чтобы подготовиться к общению с внешним миром. А мир этот был жесток. Люди, отказывавшие себе в развлечениях, выглядели как боги, а другие, такие как она, ее муж, большинство их приятелей, которые отличались жаждой жизни и наслаждались всеми ее прелестями, почему-то были вынуждены подолгу приводить себя в порядок и прибегать ко всякого рода ухищрениям и уловкам, прежде чем осмеливались хотя бы выйти на улицу. Тренч и его Бог косвенно отомстили им.

В отличие от семьи Роджерсов, Том Редклиф снимал небольшой, уединенный коттедж, построенный более сотни лет тому назад и скрывавшийся за мощной живой изго-

---

[1] Адонис — в греческой мифологии спутник и возлюбленный Афродиты — богини красоты; тоже отличается удивительной красотой.

родью, над которой угрожающе нависал дуб, должно быть, выглядевший приятным и безобидным деревцем во времена, когда дом этот только отстроили. Внутри дома царил тщательно продуманный, нарочито созданный беспорядок, который во всех своих мелочах должен был свидетельствовать о бурной культурной жизни его обитателя. В свои двадцать четыре года Редклиф решил, что, если он хочет добиться поклонения, которого жаждал по складу своего характера, ему следовало сделать ставку на создание образа исключительности, причем в достаточно узком кругу, с тем чтобы окружающие могли оценить его по достоинству. Работать ему не было необходимости — у него было достаточно крупное состояние, да к тому же он получал доход от сдачи в наем нескольких домов, которые достались ему в наследство. Он склонялся к мысли податься в киноискусство, но затруднение состояло в том, что такие же желания испытывали и некоторые очень талантливые люди. А Том не мог составить им конкуренцию. Он нуждался в объяснении того, что хорошо и что плохо, и, кроме того, выработка новых идей не относилась к его сильным сторонам. Что он действительно умел, так это пускать пыль в глаза. Поэтому, вооружившись знаниями, добытыми в результате трех лет поверхностного чтения специальной литературы и всех солидных журналов и газет по киноискусству, он создал свой миф. Общество кинолюбителей стало тем местом, где только им восхищались и где только его боготворили. Главное, к чему он стремился,— произвести на людей впечатление и шокировать их. Все по-настоящему известные люди поступали именно так. Если бы преподобный Тренч видел реакцию Редклифа на полученное им письмо, он бы удивился — молодой человек был в восторге.

— Ты только послушай! — воскликнул он, обращаясь к скомканному стеганому одеялу, лежавшему посередине его круглой кровати. Одеяло зашевелилось, из-под него выглянула белокурая женская головка, принадлежавшая довольно потасканной молодой особе, по лицу которой густым слоем была размазана косметика.

Редклифу нравились молодые, яркие и распутные девицы. Эта особа околачивалась у него уже больше недели, и поэтому она имела шанс со временем стать его верным другом.

— Что там? — Девушка попыталась улыбнуться — на большее после вчерашней, самой шикарной пьянки в ее жизни у нее не хватало сил. Ей показалось, что язык присох к нёбу, и она принялась делать быстрые глотательные движения, стараясь побороть неприятное ощущение и изобразить на лице подобие интереса. Только бы не поперхнуться и не закашляться, чтобы не испортить впечатления.

Потом она перевела взгляд на Редклифа, стоявшего перед ней во всем своем великолепии — в оранжевом бумажном свитере и расклешеных голубых джинсах. Если бы они вдруг разругались, она бы высказала ему все, что думала о его волосах. Ворхал носил парик, но, по крайней мере, честно признавал это. Редклиф был крашеным блондином, и при определенном освещении его волосы походили на медную стружку с зеленоватым отливом.

— Вот, письмо от местного викария,— сказал он, держа в руках листок бумаги,— Боже, просто невероятно. Надо будет вставить его в рамку. Послушай — он пишет о нашем обществе кинолюбителей: много болтовни о чувстве ответственности, о тенденциях к моральному разложению и все такое прочее. Но вот это место я тебе прочту, оно великолепно: «В вашей программе указано, что вы намереваетесь устроить в скором времени показ фильма под названием «Виридиана». Мне известно о непристойном характере его содержания. Я лично не видел этот фильм, но читал несколько рецензий на него, и все они, как одна, носили разгромный характер. Известно ли вам, что в данной картине демонстрируются акты неприкрытого святотатства, что в нем присутствуют сцены, в которых высмеивается сам Создатель, и что общая мораль фильма — если ее можно назвать моралью, в чем я сомневаюсь,— состоит в том, что вера в Бога не может существовать в так называемом просвещенном обществе? Мне очень огорчительно, что вы намереваетесь показать подобную мерзость в нашем приходе, да еще под флагом пропаганды культуры. Будучи молодым человеком, вы, вероятно, слишком увлечены поисками нового знания. Заклинаю вас подумать о глубинных последствиях, к которым могут привести ваши действия, прежде чем вы, сами того не желая, еще более углубите пропасть безнравственности и безбожия, что разверзается под ногами современного человека. Если вы пользуетесь влиянием в обществе, то обратите его во

благо. С нетерпением жду вестей о пересмотре вашей программы».

Редклиф подбросил письмо высоко в воздух и ликующе взмахнул руками, как будто выиграл в лотерею.

— Мы добились своего! Работаем всего шесть месяцев, но своего уже добились!

— Добились чего? — Девушка полагала, что всегда лучше переспросить, если не понимаешь, о чем говорит собеседник, даже если от тебя ждут понимания.

— Мы удостоились неодобрения истэблишмента, крошка, вот чего. На нас надвигаются силы подавления.

— Это хорошо? — Она села в постели, выставив напоказ очень крупные груди.

Ее не интересовала политика. Она добилась успеха у Редклифа тем, что сразила его своими познаниями в области кино. У нее был особый дар запоминать главные технические достоинства практически каждого просмотренного ею фильма. Такой дар не мог, конечно, гарантировать ей существенного восхождения наверх, впрочем уровень Редклифа ее вполне устраивал. Ей нравилась такая жизнь.

— Да это просто потрясающе! — Редклиф уселся на край туалетного столика и задумался.— Для начала напишу во все журналы. Еще позвоню в парочку обществ в Лондоне. Это их очень позабавит. «Одинокий голос в защиту свободы искусства» — чем не заголовок, а? — Он наклонился и ущипнул свою подружку за нос, потом за сосок.— Но самое главное, самое важное — мне необходимо написать ему просто безобразный ответ. И сказать, что к чему. На смену невежественному, всеподавляющему духовенству приходит чистое, либеральное, свободолюбивое движение художников.

Он обладал способностью говорить заголовками. Прошлой ночью, когда его подружка вонзила свои зубы ему в живот, он схватил ее за загривок и произнес: «Неистовая жертва награждает насильника бешенством». Выходило это у него спонтанно, что являлось следствием его постоянной готовности покрасоваться на публике.

Пока Редклиф расхаживал по комнате, составляя резкий ответ викарию, девушка встала с постели и начала вяло почесываться. Про себя она отметила, что на улице светило солнце и было тепло — словом, наступил еще один день, когда можно поваляться где-нибудь и расслабиться.

И незаметно вздремнуть, думала она под заунывный бубнеж Редклифа о роли Нормана Макларена в развитии документального кинематографа. Она нашла свою норку и жизнь казалась ей прекрасной.

— А викарий может закрыть твое общество? — лениво спросила она, нарушив ход мыслей Редклифа.

— Допускаю, что у него может хватить глупости попытаться сделать это,— ответил он.— Но прогресс остановить невозможно. Люди более достойные, чем он, предпринимали такие попытки, но у них ничего не вышло. Дело, видишь ли, в том, что викарий живет вне своего времени. Он социальный динозавр. И стоит на пути живого, развивающегося общества.— Редклиф хмыкнул и подмигнул.— Как диковинка, которую мы можем использовать для создания себе рекламы, он просто великолепен. Как человек, представляющий угрозу, он никто.

Насколько Тренч себя помнил, в тот день он впервые нарушил заведенный им распорядок. Обычно, по пятницам, утренние часы отводились для подготовки к проповеди. Он специально оставлял эту работу на конец недели, чтобы при необходимости включить в свое обращение к верующим все животрепещущие проблемы. К проповедям он готовился с тщательностью, стараясь не упустить что-нибудь существенное или не пройти мимо объекта для критики. Постоянных прихожан было немного, но Тренч знал, что очень многие жители деревни читают приходский журнал. Его послания отличались ясностью, точностью и верностью букве и духу законов церкви, которой он служил.

Каждая проповедь печаталась в журнале, обычно в сокращенном виде, и поэтому при их написании Тренч сразу достигал двух целей, экономя при этом драгоценное время. Никогда раньше Тренч не позволял себе откладывать эту работу на потом, но в тот день он приступил к ней гораздо позже, так как его внимание отвлекла полученная им утром книга.

В процессе чтения он делал подробные записи, иногда переписывал целые абзацы. Красными чернилами он ставил различные пометки на полях, понятные только ему одному. Прервав свои занятия только для того, чтобы быстренько — быстрее обычного — позавтракать, он проработал до половины второго, исписав в результате пять

крупноформатных листов. Никогда за всю свою жизнь он не работал так сосредоточенно и с таким удовлетворением.

Тренч откинулся на спинку стула и промокнул лоб белоснежным носовым платком. Он снова — в который раз за это утро — посмотрел в окно. Его деревня, думал он, его приход. Потом посмотрел на свои записи и медленно покачал головой. Его острый, ясный взгляд быстро пробежал по разложенным на столе листкам, выхватывая абзац там, строку здесь. И куда бы ни падал его взгляд, везде он находил подтверждение своим предчувствиям — научно обоснованные признаки ужасов, которые священнослужитель мог распознать и без помощи микроскопа. Он сложил бумаги и засунул их в ящик стола. Он хотел положить туда же и книгу, но потом передумал и решил взять ее с собой в сад. В разгар прекрасного дня, окруженный прелестными дарами щедрого Бога и Его изобильной Природы, Тренч думал о том, что время, отведенное на спасение этого чудесного мира, истекает. А ему еще предстояло определить свое собственное положение. Тренч считал, что если человечеству, миру и суждено спастись, то работу по их спасению должен начать именно такой человек, как он.

Глава II

На следующей неделе, в среду утром, Тренч получил ответы на все три письма. Он всегда был убежден в своей способности правильно реагировать на возражения и разумную критику; чего он не переносил — так это насмешки.

Короткая записка, отпечатанная на фирменном бланке Уэлсфордского клуба консерваторов, в резкой форме уведомляла священника о том, что содержание его письма принято к сведению, при этом сообщалось, что члены комитета считают себя достаточно компетентными для принятия решений по вопросам внутренней политики клуба без посторонней помощи. В конце стояла подпись секретаря, а не президента, кому письмо это первоначально было адресовано. Тренч довольно сильно расстроился, но это оказалось еще не все — следующей почтой поступило письмо от общественного центра. По мнению Тренча, с ним никогда за всю его жизнь не обращались так грубо.

«Уважаемый господин Тренч!

Спасибо за Ваше послание. В своем письме прилагаю пять фунтов в уплату причитающейся Вам суммы. Буду признателен, если получу от Вас квитанцию.

Что касается интересующих вас расценок, должен сообщить Вам, что в настоящее время мы не можем пойти на использование игровой площадки для политических или пропагандистских целей. Так как руководство центра полагает, что Ваши интересы пролегают между политикой и пропагандой, должен Вам с сожалением сообщить, что, по всей вероятности, Вам будет отказано в аренде площадки.

Ваши замечания, касающиеся молодых людей на автомобильной стоянке, были тщательно изучены. Хотел бы напомнить Вам, что у нас в стране существуют законы, направленные на борьбу с правонарушителями, и мне также хотелось бы отметить, что, насколько я в курсе, молодые люди, посещающие наш центр, не нарушили ни один из вышеуказанных законов. А я твердо верю людям, делающим то дело, за которое им платят деньги. Если же мои клиенты и допустили действительные, а не мнимые нарушения общественного порядка, то, я уверен, соответствующие органы разберутся в этом.

А пока что занимайтесь спокойно своим делом, и, я надеюсь, что в будущем Вы проявите аналогичную любезность в отношении руководства центра.

Искренне Ваш,
Дэвид Мэрриот».

Письмо от Редклифа носило настолько оскорбительный характер, что при чтении его краска приливала к щекам Тренча. Его потрясла не столько грубость, сколько наглость и высокомерие. Этот юноша имел нахальство оскорбить служителя церкви и даже намекнуть на то, что духовенство переживает свои последние дни. Особенно возмущали заключительные строки письма.

«В современном мире каждый человек должен стремиться к личной свободе, а не к всеобъемлющему набору предубеждений и ограничений, выдаваемому за демократию. По моему убеждению, Вы представляете силы тьмы.

Вам хотелось бы удушить просвещение с помощью своих традиционных орудий страха и невежества. Я посоветовал бы Вам спуститься на землю с высоты своего фанатизма и взглянуть на ту часть человечества, которая свободна от подобных оков. Я считаю за счастье жить в такое время, когда всем становится ясно, что Вы и подобные Вам являются паразитами на теле общества. Из вышеизложенного Вы можете сделать вывод, что я не имею намерения вносить изменения в мою программу».

Это язвительное послание, очевидно, сочинялось в великом веселье, и Тренч начал сравнивать свое положение с положением первых мучеников — отвергнутых и гонимых.

Но, подумав об этом спокойно, он понял, что никакой он не мученик. Церковь давно восторжествовала. Две тысячи лет христианского влияния создали образ жизни, воплощавший в себе лучшие человеческие добродетели — сдержанность, человеколюбие, уважение к земле и послушание Богу. Остин Тренч является хранителем этих традиций. А что надлежит делать хранителю перед лицом надвигавшейся опасности? Ясно что — не отступать и не сдаваться.

Церковь и ее служители не впервой подвергались гонениям и издевательствам. Тренч заставил себя вспомнить, что именно благодаря упорству и целеустремленности христианство одержало победу; несмотря на ужасные поражения служитель церкви никогда не сдавался. Он всегда настаивал на твердой приверженности Богом установленным принципам и всегда исполнял свое дело с неизменной честностью. Но теперь болезнь, поразившая общество, требовала чего-то большего, чем простое упорство. Борьба против создания общественного центра, против продления времени продажи спиртных напитков, против грубости и падения общественных нравов — твердая позиция Тренча по всем этим вопросам ни к чему не привела. Его просто не принимали во внимание, им пренебрегали. Церковь, если только он не ошибается, утрачивает свою силу. И поэтому возникает вопрос — что же делать?

Когда его терзали сомнения и требовалось сделать выбор, Тренч всегда поступал одинаково: он обращался к

Богу. И он твердо верил, что всегда получал ответ. Он не слышал раскатистого, громового голоса и не видел предзнаменований на небесах — нет. Ответ как бы исходил изнутри его. Как представитель Бога на земле, он заключал в себе сущность Бога, и, когда к нему обращались за помощью, эта сущность напрямую закладывала ответ в его сознание.

В ту среду, после полудня, в доме стояла мертвая тишина. Остин Тренч всегда жил один, и в доме царил образцовый порядок — следствие его пристрастия к аккуратности и чистоте, а также того факта, что кроме него беспорядок устраивать было некому. Он прошел в гостиную и уселся в большое, с широкими подлокотниками кресло, которое ему подарили прихожане по случаю десятой годовщины его пребывания во главе Уэлсфордского прихода. С этого места, где он сидел, ему был виден висевший над камином портрет его отца. Его отец тоже был священником, причем хорошим священником — бесстрашный слуга церкви, он привил своему единственному сыну чувство долга, которое ныне доставляло ему столько тревог. Между отцом и сыном существовало большое сходство, причем не только внешнее. Оба они считали, что законы Божии являлись высшими законами, основой для выработки всех других законов, и что все люди должны им безоговорочно подчиняться. Всматриваясь сейчас в портрет и чувствуя, как властный отцовский взгляд проникает в его сознание, Тренч подумал еще об одной черте характера, которая роднила его с покойным отцом. Он подумал о непорочности — своей и отца. Для отца непорочность служила подлинным источником трезвости суждений и твердости веры. Мать Тренча относилась к той категории женщин, которые ни при каких обстоятельствах не приемлют нравственной распущенности и потакания своим слабостям, и она поддерживала утверждение своего мужа о том, что плоть развратить столь же легко, как убить комара. Когда Тренч достиг зрелости, мать рассказала ему, что отец и она никогда не дозволяли себе так называемых плотских утех, за исключением того раза, когда они поставили себе целью произвести на свет своего наследника. Они боготворили друг друга, как того требовал брачный союз, но средством такого боготворения им служили непорочность и воздержание. Слова матери упали на благодатную почву, и за свои пятьдесят пять лет Тренч ни

разу не коснулся женщины. За исключением нескольких беспокойных лет отрочества, он никогда не испытывал ни малейшего влечения. С трудом отведя взгляд от портрета отца, Тренч ощутил новый прилив нравственной силы и целеустремленности, доставшихся ему в наследство от родителей.

Тренч принес с собой папку, в которой лежали листки с выписками, сделанными им совсем недавно из книги, полученной по заказу из одного Лондонского книжного магазина, а также выписки, которые он делал раньше: из старинной рукописи, обнаруженной им в здании церкви, и книги, содержащей нравственные заповеди пяти теологов семнадцатого века. Эти выписки казались Тренчу очень ценными, и, переворачивая и разглаживая листки, он начал говорить, пытаясь найти ответы на столь сильно волновавшие его вопросы.

— Господи, в смутное время обращаюсь к Тебе с мольбой осветить мой путь и указать мне, как лучше всего употребить Твое влияние. Вот уже длительное время меня все более и более одолевает беспокойство, и, обратившись к своей душе и проникнув в суть высказываний обеспокоенных прихожан, я выяснил подлинную причину происходящего со мной.— Объясняя свое затруднительное положение, Тренч говорил тихо, с достоинством, которое выработалось в нем еще в юношеские годы, сдержанно жестикулируя.— Вот уже около года я являюсь свидетелем неуклонного падения нравов, которое приобретает всеобъемлющие масштабы. Я, как мог, пытался воспрепятствовать этому, но мои попытки оказались тщетными. Болезнь распространяется, моя паства заражена ею, и мой внутренний голос говорит мне, что я сделал гораздо меньше того, что мне предписывает мой долг. Как врач, ставящий диагноз, я попытался проанализировать болезнь, поразившую человечество, понять, где ее корни, а где ветви. Возможно, работа по сбору фактического материала, которая нашла свое отражение в моих записях, самая важная из всех когда-либо предпринятых мною. Я подготовил анализ современного зла и, перечитывая мои записи снова и снова, установил, что человечество стоит на пороге самоуничтожения.

Ощутив волнение от мыслей, сопровождавших эти слова, Тренч замолк и на мгновение прикрыл глаза. В такие минуты, как эта, он знал, что его слова доходят до

Бога. Руки у него дрожали, и сила Бога-духа внутри него была столь велика, что едва умещалась в его теле. Он сделал глубокий вздох, чтобы успокоиться, и продолжал:

— В здании приходской церкви я обнаружил — как будто само провидение послало мне его — старинный документ, пророческую проповедь, написанную от руки каким-то давно отошедшим в иной мир священником. И в нем я нашел слова, которые, как я вправе считать, соответствуют истине.— Тренч опустил глаза на свои записи и прочитал: «Однажды длинноволосые люди с дикими глазами, одурманенные алкоголем и погрязшие в беспутстве, нанесут удар в самое сердце христианской нравственности и вырвут его из тела общества». Разве это не поразительно, Господи? Уже сейчас длинноволосые, пьяные юнцы поганят атмосферу нашей деревни, богохульствуют и своим безнравственным поведением наносят оскорбление христианской общине и тому облику, которым Ты их наделил. И опять в этом же пророчестве я читаю: «Остерегайтесь лживости развращенного братства, черного смеха и зараженного проказой вина безрассудного подражания». В нашей деревне существует подобное братство, два источника одного и того же проклятия — один, выставляемый как респектабельное место общения для узкого круга единомышленников, и другой — общедоступный и источающий отраву, телесную и духовную».

Тренч встал с кресла и подошел к окну. В его душе священника горел неугасаемый огонь Ветхого Завета. Он всегда считал, что лучше безжалостно вырезать раковую опухоль, чем, действуя мягко, наблюдая за тем, как она разрастается, тешить себя бесплодной надеждой на перемену к лучшему. У него возникло ощущение, что огонь в его душе разгорелся сильнее и теперь несет в себе еще более мощный заряд непорочной, несокрушимой правоты. Значило ли это, что Бог заговорил с ним и начал давать ему советы? Тренч взглянул на лежавшую перед ним деревню, на маленькие домики, на ухоженные улочки и видневшиеся сквозь деревья побеленные фасады лавочек. От ощущения непорочности, традиционной размеренности быта у него вдруг сперло в груди. Никому, никакому злу, сотворенному руками человеческими, не позволит он уничтожить и разрушить все это. При обычных обстоятельствах следовало действовать мягко, как Христос — в этом Тренч не сомневался,— но при иных, чрезвычайных,

обстоятельствах мягкость в деле спасения рода человеческого была неуместна. Эта мысль захватила Тренча, и он снова уселся в кресло, весь дрожа от озарившего его своего рода откровения. И чем понятнее он изложит свое дело, тем яснее будет ответ Господа.

— В последнее время,— продолжил он, с трудом несколько раз сглотнув, чтобы голос не выдавал его волнения,— много говорят и пишут, рассуждают и спорят о работе одного выдающегося человека науки. Я прочитал его работу, и она повергла меня в печаль. К нему, хоть и запоздало, но пришло чувство раскаяния, и он искренен в нем, ничего не могу сказать. В Америке он в течение нескольких лет работал в области создания средств разрушения. В мире ныне почитаются люди, связанные по роду своей деятельности с убийством. И если бы это было все, если бы люди, занятые такого рода деятельностью были просто поджигателями войны, тогда бы мое беспокойство не выходило за рамки опасений, существовавших на всем протяжении человеческой истории. Устроители войн и орудия войны всегда несли семена своего собственного уничтожения. Но человек превзошел самого себя. Ныне существует возможность вызывать боль и страдания в масштабах таких огромных и способами столь хитроумными, что над цивилизацией нависла угроза необратимого движения вспять. Этим людям слишком долгое время позволялось работать бесконтрольно. Например, я узнал следующее.

Тренч снова обратился к своим записям и зачитал целый абзац слово в слово, напоминая при этом служащего, докладывающего своему начальнику о финансовом состоянии компании:

— «Существует возможность — и для ее осуществления не требуется сложных приспособлений — вызывать изменения в характере человека. Путем искусного варьирования приемов можно полностью и окончательно изменить взгляды и мировоззрение человека. Предыдущие убеждения, независимо от того, насколько они искренни или глубоки, могут быть устранены в результате кратковременного воздействия соответствующего излучения. Насколько известно, такие генетические травмы остаются на всю жизнь. При достаточной концентрации и грамотном размещении необходимого оборудования в течение нескольких дней целый народ может быть лишен всех своих нравственных и политических устоев». Это ужасно, о Гос-

поди! В настоящее время над человечеством нависла ужасная опасность. Но это еще далеко не все. Дети скоро смогут рождаться внутри машин, вне утробы матери, наделяющей их человеческими чертами. Уже существуют устройства, способные изменить естественное течение мировых океанов; рыб заставляют плыть в другом направлении, а в птицах небесных вырабатывают ложные инстинкты дома. Человек решил взять природу в свои собственные руки. Бог подвергается насмешкам!

С пятнадцати лет Тренч страдал слабыми приступами, которые семейный врач почему-то назвал «небольшим недомоганием». Вот и сейчас, закончив свое обращение к Богу, он почувствовал симптомы болезни и, соскользнув с кресла на пол, содрогнулся от сильной боли, пронзившей его мозг. Свернувшись клубочком, как новорожденный, он корчился на ковре в конвульсиях, сотрясавших все его тело, а в это время в его мозгу ревел глас Господень.

«Бог ревнив, и Господь отомстит...» — голос был похож на его собственный и произносил слова, которые он уже много раз читал. Так вот значит, какие места из обширных теологических познаний Тренча счел нужным выделить Господь и какой образ действий он указал ему.— «Господь отомстит Своим противникам, Он накопил гнев для Своих врагов». В ушах Тренча стоял ужасный звон, у него появились позывы к рвоте. Но, перекрывая отвратительный звон, голос продолжал еще громче: «Потому что наступили дни мщения, когда сбудется все, что написано. Господь будет судить Свой народ и пылающим огнем мстить тем, кто не знает Бога. Я накажу тебя за все твои пороки. Ты не получишь очищения от всей твоей мерзости, пока не испытаешь на себе моей ярости. В мерзости заключено распутство. Возмездие мое грядет, аз воздам, сказал Господь!»

Когда последние слова отзвучали у него в мозгу, Тренч почувствовал, как спазмы сжали его внутренности, содержимое желудка подступило к горлу, и его вырвало сквозь стиснутые зубы. Он попытался прокашляться, чтобы легче было дышать, но от усилия у него еще сильнее закружилась голова, и он впал в беспамятство.

Постепенно Тренч стал приходить в себя — очень медленно, ощущая блевотину на лице, ужасный привкус во рту и боль в голове,— и сделал слабую попытку принять сидячее положение. Его брюки были испачканы, ботинок

слетел с ноги. Уцепившись за кресло и край стола, он рывком встал на ноги и направился в ванную. Там он разделся, встал в обжигающе горячую воду, намылил тело и чуть ли не до крови растерся губкой. Слабость долго не отпускала его. Он слил воду, наполнил ванную холодной водой, и только тогда дыхание его восстановилось и сознание полностью вернулось к нему.

Он еще долго сидел в холодной воде и думал о том, что произошло. Если Господь когда-либо и являлся людям, то в тот день таким человеком оказался Тренч. Он вспомнил рассказы святых мучеников, в которых вселялся Святой Дух, подробные описания их приступов и беспомощного состояния. Многие ли его современники, как бы ярко ни горел в них святой огонь, испытали нечто подобное? Тренч начал осознавать всю значимость этого события. Господь избрал его, чтобы направить Свой гнев против нечестивцев, он стал орудием самого высшего из всех законов. Осознание этого не смутило Тренча: если Господь избрал его, то, значит. Он знал, что Тренч лучше всех подходил для этого дела.

Он неохотно вылез из ванной и грубым полотенцем принялся растирать свое поджарое тело, пока не почувствовал, как по нему разлилась приятная, бодрящая теплота. Укутавшись в халат, он прошел в спальню и надел чистую одежду; все это время его не покидала мысль о возложенной на него миссии, и нараставшее чувство ответственности делало его сильнее. Господь очистил его, и Тренч был готов к предстоящему.

Потом он вернулся в гостиную и увидел, что листки с его записями лежали в стороне от того места, где он потерял сознание. Папка была раскрыта, несколько листков перевернуто, его взгляд упал на листок, содержавший только одну цитату. Почувствовав, что это знак, возможно прямое указание Господа, Тренч собрал листки с пола и прочитал выписку, сделанную им из книги Августа Брекона, безвестного, но преданного своему делу теолога, жившего в конце семнадцатого века. Беззвучно шевеля губами, Тренч прочитал отрывок — и сердце его бешено заколотилось, глаза расширились. Никогда раньше он не получал более ясного призыва к действию. «Для того чтобы восстановить мир Господень, установить и утвердить власть Бога, священнослужитель должен сделать все от него зависящее. Грешники и колеблющиеся должны

быть наказаны, а их дела вычеркнуты из памяти людской. Возмездие в отношении врагов церкви должно осуществляться быстро и решительно. Возмездие это исходит от Господа, а служители Бога являются орудием этого возмездия. При исполнении законов Божьих любые средства хороши — церковь должна возобладать, возобладать любой ценой».

Тренч положил бумаги на стол и прошел через тускло освещенную, прохладную прихожую и опрятную кухню в задний дворик. Приближался вечер, сочные звуки и богатые запахи жаркого дня начали постепенно уступать место легкому ветерку и более легким ароматам опускавшихся сумерек. Здесь царила Божья благодать, а за стеной находились морально разложившиеся люди, отщепенцы, которые намеревались уничтожить Богом данное совершенство. Тренч стоял и дышал полной грудью, теперь, когда Господь указал ему путь, он ощущал необычайный прилив сил.

— Им не удастся победить,— сказал он и поднял глаза к шпилю церкви, чувствуя, как исходящая от нее сила сливается с его собственной силой.— Мой путь ясен, и я благодарю Тебя, Господи. Если мой приход должен стать символом, то я не прекращу своих усилий, пока не очищу его от зла, и, таким образом, Господи, я дам надежду остальной части нашего больного мира.

Последние слова цитаты громко звенели у него в голове, когда он решительно зашагал обратно к дому: «Церковь должна возобладать, возобладать любой ценой».

Глава III

По пятницам вечером, если позволяла погода, «Желтые шлемы» собирались на автомобильной стоянке за Уэлсфордским общественным центром. Для любившей пошуметь молодежи стоянка оказалась идеальным местом отдыха; машины обычно парковались со стороны, прилегавшей к основным строениям центра, а остальная часть забетонированной площадки была свободна, и поэтому членам группы «Желтые шлемы» было где ставить свои мотоциклы и устраивать гонки друг за другом. Молодые люди на грубых, мощных машинах и в нарядах, понятных лишь посвященным, имели весьма незатейливые представ-

ления о развлечениях. Они составляли мотоциклы в кучу у стены и, выпив немного слабого пива, играли в пятнашки, гоняли пустую консервную банку и даже затевали жмурки. Но, несмотря на простоту развлечений, людей здесь собиралось довольно много. В состав группы «Желтые шлемы» входило пятнадцать человек, десять из них имели собственные мотоциклы. Каждую пятницу, вечером, ребята неслись наперегонки на своих «ямахах», «сузуки», «нортонах» и «триумфах» в сторону общественного центра, и рев их моторов разрывал тишину Паркер-роуд. Поначалу люди, конечно, жаловались, но потом, поняв, что ребята никому не причиняют вреда, смирились с еженедельными неудобствами. Прибыв на стоянку, «Желтые шлемы» оставались там до половины одиннадцатого, потом садились на свои мотоциклы и с шумом уезжали обратно в пригород Ковентри — туда, где они жили. На них никогда не поступало жалоб по поводу вандализма, насилия или хулиганства. Но, конечно, они вызывали и недовольство. Люди постарше с тревогой и неодобрением смотрели на то, как с десяток молодых людей и пяток их подружек пили из банок, сидя на бетоне, и громко разговаривали. Беспокойство, в основном, порождала атмосфера беспорядка. Так или иначе, в анархии и шальном поведении всегда есть оттенок опасности, а люди, привыкшие к размеренному, можно сказать рутинному, существованию, легко поддаются страхам. Один или двое таких людей подняли этот вопрос перед викарием, но, по их словам, они не жаловались, а лишь выражали некоторую озабоченность.

Возглавлял «Желтые шлемы» невысокий молодой человек крепкого телосложения по прозвищу Стрелок, у которого было двойное преимущество пред всеми остальными: раньше он состоял членом группы «Ангелы ада» и, кроме того, был совершенно лыс. Тот факт, что отсутствие волос на голове подчеркивало индивидуальность, а не вынуждало человека скрываться в четырех стенах, свидетельствовал о прогрессе. Стрелок, которому уже исполнилось двадцать, был старше других, и ему принадлежал самый большой мотоцикл. Шлем, выкрашенный в ярко-золотистый цвет, указывал на его положение в группе, а куртку украшало распятие из алюминия, покрытого позолотой, приклеенное над сердцем. Как и другие, он любил порисоваться, но не умел четко выражать свои мысли. И поэтому,

когда в пятницу вечером к нему подошел Мэрриот, чтобы поговорить о жалобе викария, Стрелок напустил на себя важный вид. Мэрриот объяснил, какую жалобу он получил, добавив при этом, что жалоба не нашла у него понимания, но все-таки он предупреждает Стрелка, и лучше бы недельку — другую его ребятам особенно не шуметь, чтобы показать свою добрую волю. Стрелок шмыгнул носом, понимая, что ему следовало каким-то образом выразить свое возмущение.

— Когда поступила жалоба от этого хорька, а?

— На прошлой неделе. Я отослал ответ, не волнуйся, приятель.— Мэрриот ободряюще сжал здоровенную руку Стрелка и ухмыльнулся. Хуже не будет, подумал он, если дать им ясно понять, на чьей он стороне. С этой молодежью ничего не знаешь наперед — вдруг ни с того ни с сего такое могут учинить...

— Слышали? — Стрелок повернулся к остальным, которые сидели вдоль стены и потягивали пиво.— Какой-то ошалевший викарий жалуется на нас.

Сидевшие зашумели.

— Как его зовут? — спросил один из них.— Можно подкатить к его дому и погудеть там минут десять.

Все засмеялись, кроме Стрелка. Тот, помня о своей роли, лишь скривил губы в сдержанной усмешке, а затем повернулся к Мэрриоту.

— Мне кажется, он просто нахал — это все, что я могу сказать. Мы ведь никогда не доставляли вам неприятностей, правда?

Мэрриот выразительно покачал головой.

— Никогда. Больше того, насколько мне известно, вы отвадили отсюда хулиганов. Не волнуйтесь, ребята...— Он широко улыбнулся и подмигнул.— Я не собираюсь принимать никаких мер. Малый — просто чудак, вот и все. Однако не давайте ему повода собрать на вас компромат. Вы знаете, что это за люди.

— Половине из них нужна хорошая трепка,— пробормотал Стрелок и присоединился к своим приятелям у стены. Он плюхнулся на сиденье мотоцикла рядом с девушкой и взял у нее из рук банку с пивом.— Чертовы викарии,— проворчал он и сделал большой глоток из банки.— Мой отец говаривал, что хуже них на земле только чума. Именно по милости одного викария он угодил в тюрягу.

Красивая девушка странного вида опустила свои лиловые веки и свернула трубочкой того же цвета губы.

— Да не волнуйся ты, Стрелок.— Она провела рукой по его гладкому черепу и смачно чмокнула в щеку.— Ведь жаловаться — это часть работы викария, согласен?

Стрелок поворчал еще немного и прекратил разговор на эту тему. Двое парней начали гонять проколотый мяч. К ним присоединилось еще несколько ребят, а потом и две девушки. Минут через десять от игры в футбол они незаметно перешли к «догонялкам». И как раз в тот момент, когда три парня отрывали пятерых своих приятелей от девушек, схвативших мяч, Стрелок поднял глаза и увидел, что на стоянке появился какой-то высокий человек и остановился в нескольких метрах от игравших. Он не произнес ни слова, а просто стоял и смотрел; последние лучи заходящего солнца играли в его серебристых волосах, а высокий жесткий воротник ярким белым пятном выделялся на фоне черного одеяния. Стрелок похлопал по плечу парня, стоявшего к нему ближе других, и через минуту игра прекратилась — ее участники медленно поднялись на ноги и, осторожно отряхивая пыль, уставились на молчаливую фигуру. Инстинктивно, из чувства солидарности, они сбились в кучу, и тогда человек заговорил.

— Меня зовут Тренч,— сказал он. Молодые люди сразу насторожились. Его голос, голос образованного человека, звучал властно, а следовательно враждебно.— Я пришел сюда поговорить с вами. Со всеми.

Стрелок почувствовал, что кто-то подтолкнул его вперед, пробормотав:

— Должно быть это он, тот, кто жаловался.

Выйдя вперед, Стрелок прочистил горло, но произнести ничего не смог. Он нуждался в подсказке. А пока молча стоял, испытывая лишь чувство неловкости.

— Мне стало известно, что вы регулярно приезжаете сюда, на эту автомобильную стоянку. И, будучи здесь, вы ведете себя, как я вижу, ненамного лучше диких животных. Вы принесли с собой шум, вы принесли с собой буйство. Вы нарушили спокойный ход жизни в нашей деревне. Вы не живете здесь, и поэтому я прошу вас вернуться туда, где вы научились своим диким выходкам.— Обращаясь к ним, Тренч смотрел прямо в центр группы, чтобы каждый из них ощутил на себе его взгляд. С Библией в скрещенных руках, викарий являл

собой поразительную картину. Его лицо было спокойно, но глаза светились горячечным блеском, моргая, он медленно опускал веки, а потом так же медленно поднимал их.

Стрелок не имел ни малейшего представления, как ему вести себя по отношению к викарию. Во всяком случае, пока не имел. Он всегда считал, что любого человека можно поставить на место, стоит только достаточно изучить его.

— Вы не уважаете тёла, которым наделил вас Господь,— продолжал Тренч, слегка потряхивая головой и не меняя выражения глаз.— Своим присутствием вы оскорбляете глаза и уши порядочных людей. Многие годы мы надежно уберегали этот приход от разврата и вседозволенности. Я не отступлю и сейчас. Вы должны покинуть эту деревню, вы все.

Бесцеремонность и, можно сказать, безграничная надменность, прозвучавшая в словах Тренча, послужили тем толчком, который помог Стрелку обрести дар речи. И когда он заговорил, стало ясно, что он готов поставить на карту все, только б не выставить себя в идиотском свете.

— Почему бы вам не попытаться перевоспитать нас, викарий? Ведь это входит в ваши обязанности, что — нет? Вы не должны нас вот так просто отшвыривать и оставлять все как есть. Вы должны сделать из нас хороших мальчиков и девочек.

Глаза Тренча расширились.

— Мое дело — дело Господа...— Он несколько утратил свой величавый вид и поморщился, пытаясь овладеть собой.— Не дано тебе спрашивать с меня, но мне дано приказывать тебе...— Тренч являл собой странное зрелище: одна из девушек не удержалась и прыснула в ладонь. Тренч поджал губы и выпрямился. В голове у него будто что-то заскрежетало. Знакомое ощущение. Оно появлялось всякий раз, когда с ним говорили в таком наглом и дерзком тоне. Его глаза с трудом фокусировались. Он должен сосредоточиться. «Спасение хорошо в более спокойные времена, когда нет большой опасности, нет чрезвычайных обстоятельств. Сейчас же пришло время отрезать и очищать. Дело Господа не терпит отлагательств».

Они смеялись над ним. Не громко и даже не вызывающе, но не скрывая своего веселья. Он напоминал им священников из старых фильмов на библейские темы. Вместо грозного представителя власти они видели пародию

на проповедника, угрожающего огнем преисподней, и, кроме того, он показался им пьяным. Чувство неуверенности прошло, Стрелок почувствовал себя в своей стихии. Он подошел к викарию поближе. Для него викарий был просто ошалевшим старым священником.

— Ты что — управляющий Его делами, да? Он что — послал тебя, чтобы выгнать нас отсюда и освободить Ему место под Его небесные колесницы? — Все загоготали и, хлопая Стрелка по плечу, подначивали его идти дальше.— Ты нас одной левой разгонишь, да, начальник? Или твой большой приятель, что на небесах, поразит нас громом и молнией?

Тренч почувствовал, как сквозь туман в голове прорывается дикая ярость. Никто в жизни так с ним не разговаривал. Его достоинство священника втаптывали в грязь. Этот сброд оскорблял его духовный сан.

— Прекратить! — закричал он, и, подняв Библию над головой, потряс ею перед гоготавшей толпой.— Над Богом не насмехаться! Как вы смеете выказывать такое неуважение!

— Смеем, потому что мы просто дикие животные,— сказал Стрелок, уперев руки в боки и угрожающе выставив вперед подбородок.— Мы не уважаем наши тела, да и всех остальных тоже, если верить тебе.

Тренч опустил поднятую руку и указал ею на ворота.

— Уходите, убирайтесь отсюда. Я вам приказываю...

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа,— закончил Стрелок, отчего его приятели взвыли от смеха.

— Это богохульство! — закричал Тренч и сделал шаг в сторону Стрелка, как будто собирался ударить его.

Толпа притихла.

— Только попробуй, викарий,— сказал Стрелок тихим голосом, глаза его при этом сузились.— Только попробуй дотронуться до меня.

Тренч оцепенел. Что же он делает? Он ставил под угрозу все мероприятие. Если он применит рукоприкладство по отношению к одному из них, то остальные набросятся на него, изобьют, может быть, навсегда сделают его калекой. Как же он тогда сможет исполнить волю Господа? Он должен пойти на хитрость, он не должен доверяться слабой, ненадежной плоти. Он отступил назад.

— Я не намерен дотрагиваться до тебя. Но ты будешь наказан. Попомни мои слова. Приказываю тебе в послед-

ний раз — покинь это место и больше никогда сюда не возвращайся!

Кто-то пренебрежительно фыркнул, и толпа опять разразилась смехом. Тренч продолжал стоять перед ними, кипя от негодования. И в этот момент появился Мэрриот, он быстро оценил обстановку.

— Так, викарий,— сказал он и, подойдя прямо к Тренчу, вызывающе сложил руки на груди. В костюме из зеленого шелка он походил на разбогатевшего букмекера.— Что все это значит?

Тренч уставился на него.

— Мне кажется, вы отлично знаете, что здесь происходит. Я потребовал от этих нечестивцев убраться с автомобильной стоянки.— Его лицо покраснело и покрылось потом. Ему было больно слышать, как эти варвары издеваются над Богом, и видеть, как они открыто попирают нравственность.

Лицо Мэрриота залилось краской.

— Вот как? Могу ли вас спросить, по какому праву вы здесь распоряжаетесь?

— По праву человека, стоящего на страже нравственности в этом приходе,— сказал Тренч срывающимся голосом.— У меня есть все права делать то, что я делаю.

— Послушайте, викарий. Я приказываю вам,— и у меня тоже есть на это все права: убирайтесь отсюда, и немедленно. Вы мешаете моим клиентам. Если вы не уйдете, я вызову полицию, чтобы вас отсюда убрали. Понятно?

Тренч потерял дар речи. Он посмотрел на скалящихся в ухмылке юнцов, потом опять на Мэрриота. Его окружала стена неприятия.

— Проваливайте, мистер Тренч. Я не шучу.— В свое время Мэрриот работал вышибалой и знал, когда человеку можно спокойно поддать. А Тренч нервничал, был ошеломлен. Самое время дать заключительный аккорд.— Я сейчас ухожу. И если, выглянув из окна, я все еще увижу вас здесь, то подниму трубку, и полицейские прибудут через две минуты.— Он повернулся и, подмигнув Стрелку, зашагал прочь, в сторону бара.

Тренч последний раз пристально посмотрел на стоявшую перед ним молодежь — он вглядывался в каждое лицо и везде видел только злорадство и скрывающуюся за усмешкой враждебность. Никакой надежды на исправление,

подумал он. Но Господь восторжествует. Он попробовал действовать напрямую и потерпел неудачу, но эта неудача только разожгла огонь его решимости. Любой ценой, какой бы она ни была, это место будет очищено от скверны.

Когда он повернулся и шел к выходу, кто-то кинул ему вслед пустую банку из-под пива и выкрикнул:

— Вот так-то, проваливай, викарий!

Он шел ровным шагом, с высоко поднятой головой и чувствовал, как крепнет его решимость. Они еще понесут кару, и Уэлсфорд избавится от них. Ему предстоял еще один визит, и он старался собраться с мыслями. От неожиданного звука за спиной он вздрогнул и отскочил в сторону — со стоянки на бешеной скорости выскочил мотоцикл и, проносясь мимо, едва не задел его. За ним выскочил еще и еще один, и, проезжая мимо, водители и их пассажиры смеялись и тыкали в него пальцами. О, что за время наступило, если люди позволяют себе спокойно насмехаться над священным лицом! Когда гул моторов стих, Тренч с трудом сглотнул и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Он заставил себя успокоиться. В конце концов сильные чувства и достойный вид вполне совместимы. А во время посещения клуба консерваторов он хотел выглядеть невозмутимым и рассудительным.

Незадолго до появления Тренча в клубе консерваторов несколько его членов как раз обсуждали личность викария. Письмо, которое он прислал в адрес клуба, прикололи к доске объявлений среди прочих забавных вещиц, и, хотя поначалу требования викария вызвали волну негодования, вскоре они превратились всего лишь в предмет для шуток. Банти Кармишел, одна из самых шумных женщин, регулярно посещавших клуб, припомнила, как мистер Тренч отчитал ее однажды за то, что она припарковала свою машину рядом с церковными воротами. А в следующее воскресенье он произнес проповедь о развязности и невоспитанности крашеных девиц, разъезжающих на грохочущих машинах. Другие тоже припомнили нечто подобное. Не подлежал сомнению тот факт, что Тренч рассматривал свой приход как мир в миниатюре, и когда он сталкивался с проявлениями зла, то открыто писал о них в местном журнале и громко говорил с кафедры проповедника. Если речь шла о греховности, то прихожане могли быть уве-

рены, что Тренч говорит о ком-то из местных жителей. У людей даже существовала игра — кто угадает, кого имел в виду викарий.

— Викарий чрезмерно религиозен и недостаточно человечен,— заметил своим властным голосом полковник Роджерс, опираясь о стойку бара.— Он даже говорит, словно читает по Библии, сами знаете. Я несколько раз с ним сталкивался и не припомню ни одного случая, когда бы его высказывания не напоминали какие-нибудь строки из Священного Писания.

Долли, сидевшая на вращающемся стуле у стойки бара, кивнула головой в знак согласия.

— Совершенная правда Старый дурак всегда говорит так, будто он не от мира сего А на Пасху! Боже мой!

— А что произошло на Пасху? — с интересом спросила Банти.

— Так вот, два года подряд мы ходили на Пасху на церковную службу. Викарий вел себя как сумасшедший. Он чуть ли не бился в припадке, когда со своей маленькой кафедры яростно вещал об исправлении, о Божьем спасении и всем таком прочем, и все же, когда он говорил, как все должны быть счастливы, вид у него был жалкий. Он, правда, маньяк.

— Совершенно верно,— вмешался в разговор полковник.— И оба раза в его глазах стояли слезы. Да, впечатление было просто угнетающее, хуже не бывает. Больше мы туда не ходим. В любом случае я всегда считал, что религия — это дело личное.

Несколько человек одобрительно буркнули. Здесь никто никогда не исповедовал атеизм или агностицизм. Эти вещи им были совершенно чужды. К тому же среди атеистов и агностиков встречалось слишком много большевиков и длинноволосых интеллигентов. Все члены клуба, до последнего человека, исповедовали христианство, но церковь не посещали, впрочем один из их числа, школьный учитель, недавно дал подходящее обоснование такому их поведению. Религия — личное дело каждого, а потому не стоит беспокоиться, и теперь частенько то один из них, то другой подчеркивал, что его вера носит личный характер. Как жаль, подумала Долли, что не нашлось подходящих слов, чтобы оправдать другие их недостатки.

— Мне кажется, от него в дрожь бросает,— сказала

девица с зубами как у кролика и великолепной фигурой. Она была замужем за местным строителем, и ее сексуальная распущенность стала притчей во языцех, но прямо ей об этом никто не говорил. Она считала, что от всех бросает в дрожь. Стоило кому-нибудь из членов клуба посмотреть на нее, как она тут же заявляла, что от него бросает в дрожь; делала она это явно намеренно, чтобы успокоить своего мужа, который был намного старше ее и, кроме того, столь же ревнив, сколь его жена талантлива в постельных забавах.

— Он так на тебя смотрит, когда идешь по улице...— продолжила она.— Уставится своими большими глазами, губы плотно сжаты. Все время кажется: вот-вот плюнет. И никогда не заговорит с тобой. Очень грубый, правда.

Полковник сделал попытку вернуться к самому очевидному недостатку Тренча.

— Ему в дом нужна женщина,— заявил он.— Он уже двадцать с лишним лет торчит там совершенно один. Он закис и налился желчью. И ничего не знает, кроме религии. Вот почему он потерял связь с реальностью, да. Он ведет очень неестественный образ жизни. А женщина могла бы отвлечь его от Библии. А может быть, и оживить чуток.

Все рассмеялись. Строитель похлопал свою жену по плечу.

— Почему бы тебе не пойти к нему и не дать ему немного тепла, дорогая? — Он от души рассмеялся своей маленькой шутке, другие же только ухмыльнулись и с глупым видом посмотрели друг на друга. Он всегда говорил своей жене подобные вещи. Ему нравилось видеть, как она ужасается от таких предложений. Это успокаивало его.

— О, какой ужас! — ответила она, содрогнувшись, как будто ей бросили что-то скользкое за шиворот. Ее муж удовлетворенно улыбнулся. Вот же олух, подумал полковник, который сам несколько раз баловался с его женой.

Долли решила отойти от темы викария и, хлопнув ладонями по тощим коленкам, произнесла:

— Скажем обо всем этом прямо и открыто — у викария просто нечиста совесть. Он помешан на грехе по той же самой причине, что и многие другие реформаторы. Причина эта — комплекс вины. Другого объяснения не требуется. Он очень странный человек, довольно суровый и

старомодный, и страдает комплексом, который старается перенести на остальных жителей деревни. Аминь.

Полковник заказал для присутствующих еще по одной и как раз собирался расплатиться, когда услышал шепот Банти:

— Легок на помине!

Роджерс повернулся — в дверях бара стоял Тренч и смотрел на него тяжелым, пристальным взглядом. Вид у него был больной.

— Викарий, какая приятная неожиданность! Присоединитесь к нам?

— Я не употребляю алкоголь.— Тренч тряхнул головой.

Люди, находившиеся в баре, сделали вид, что заняты разговорами или смотрят в окно, однако они все превратились в глаза и уши. Викарий в баре являл собой не менее странную картину, чем борзая на ипподроме.

— Вы, хм, пришли повидаться со мной, викарий? — Роджерс пальцем пригладил усы. Он нервничал. Тренч пристально смотрел в одну точку, которая, казалось, находилась в центре лба полковника. Перед тем как заговорить, он сцепил перед собой руки — в руках он все еще держал Библию.

— Я пришел повидаться со всеми вами,— сказал он, переводя гипнотизирующий взгляд с полковника на остальных присутствующих, которым становилось все труднее делать вид, будто их это не касается. Голос Тренча звучал пронзительно, казалось, викарий вот-вот закричит.— Я не удовлетворен вашим ответом на мое письмо. Мой долг повелевает мне употребить все имеющиеся в моем распоряжении средства, чтобы положить конец греховной распущенности и моральному разложению, захлестнувшим этот приход. Вы обратились с ходатайством о расширении продажи спиртных напитков. Вы должны отказаться от своего намерения. Вы должны остановиться и подумать о своем положении, о своей ответственности перед другими. О своем долге перед Богом.

Клуб консерваторов за всю историю своего существования не видел ничего более удивительного. Никто не мог припомнить, чтобы когда-нибудь в стенах клуба происходило нечто, столь же захватывающее. Случались скандальчики, иногда дело доходило до рукоприкладства, вечно строились догадки о том, кто с кем спит. И поэтому

просто не верилось, что в дверном проеме бара стоит викарий с сумасшедшими глазами и вопит о грехе и долге перед Богом.

Роджерс был президентом клуба, и поэтому, очевидно, ему следовало ответить за всех остальных. Он прочистил горло, поправил галстук и помотал головой наподобие того, как это делает старший чин перед тем, как устроить разнос своему подчиненному.

— А теперь послушайте меня, викарий. У вас нет никакого права устраивать здесь шум и выдвигать подобные требования. Есть правила, вы знаете...

— Правила? — Тренч сделал шаг вперед, его землисто-серое лицо слегка покраснело.— Правила? Как вы можете отстаивать свои жалкие правила, когда вы пренебрегаете Богом и Его правилами? Вам никому в голову не приходило, что вы, все здесь присутствующие, впустую расточаете драгоценное время?

Он снова окинул взглядом бар. Все притихли. Некоторые не скрывали злости, другие казались смущенными, кое-кто ухмылялся. Но все молчали.

— Существует правило, что вы не должны бесчестить свою плоть. И тем не менее вы сидите здесь и вливаете яд в ваши желудки, одурманиваете ваш разум дымом. Существует еще одно правило, согласно которому вы должны проявлять милосердие к ближним своим, однако вы приходите сюда сокращать свою жизнь и тратить деньги на яд. Было бы гораздо лучше, если бы вы употребили эти деньги на покупку хлеба для нуждающихся.

— На это у нас есть развитая система социального обеспечения! — выкрикнул кто-то возмущенно.

Тренч повернулся и пристально посмотрел на говорившего.

— Кое-кто из апостолов тоже переходил на противоположную сторону, не так ли? — Человек, задавший вопрос, некоторое время смотрел Тренчу в глаза, потом не выдержал и отвел взгляд; он попытался сказать что-то еще, но язык не слушался его.

Тренч опять обратил свое внимание на полковника.

— Я мог бы привести еще одно правило,— продолжал он уже обычным своим низким голосом, который раскатами разносился по бару.— Бог запрещает вам оскорблять слуг господних, а также насмехаться над ними или их словами. Как представитель Господа Бога я приказываю вам

отказаться от ваших планов. Пьянство — отвратительное зло. Вы ступили на преступный путь. Итак, что вы собираетесь предпринять?

Роджерс быстро огляделся вокруг. Подошли люди из бильярдной — они слушали через окна для раздачи. В открытое окошко выглядывал официант, у него отвисла челюсть и, как и все остальные, он ждал, когда Роджерс встанет на защиту членов клуба.

— Немедленно убирайтесь отсюда,— сказал Роджерс, лицо его при этом стало пунцовым.— Я впервые в жизни сталкиваюсь с подобной наглостью. Я свяжусь с вашим епископом, Тренч. Какая самонадеянность, черт возьми!

Тренч выпрямился, и полковник инстинктивно отступил назад.

— Значит, вы не прислушаетесь к моим словам?

— Конечно, нет.— Роджерс одернул манжеты и расправил плечи.— Работа клуба вас совершенно не касается. Если вы хотите получить право голоса, то для этого необходимо стать членом клуба. Но могу с уверенностью сказать, что здесь нет ни одного человека, который бы поддержал ваше заявление. А сейчас извольте выйти вон.

— Очень хорошо,— Тренч повернулся и молча проследовал в прихожую. Около двери он оглянулся и направил длинный прямой палец в сторону Роджерса: — Повеления Господа будут исполнены. Он восторжествует. Вы увидите.

С этими словами Тренч медленно вышел из бара. Полковник Роджерс повернулся к стойке и попросил бармена налить ему двойной коньяк. Он взял рюмку дрожащими пальцами и одним глотком наполовину осушил ее.

— Так-то лучше,— сказал он и вздохнул с облегчением; от выпитого глаза его увлажнились и в желудке разлилась приятная теплота.

— Этого кретина необходимо изолировать. Он совсем спятил.

— От него в дрожь бросает,— сказала жена строителя.

Долли, все еще сидевшая у стойки, вся передернулась, будто замерзла.

— Мне кажется, викарий обладает абсолютной верой в себя,— сказала она.— Он вселяет в меня ужас.

Тренч ровным шагом поднялся по дорожке к парадной двери своего дома и вошел внутрь. Он пытался, говорил он себе. Он увещевал их. А они отмахнулись от его слов. Они

с презрением отвергли его. Они отказались исполнить повеление Господа. Теперь они всю свою жизнь будут раскаиваться в этом. Нет никаких сомнений, что при общении с варварами увещевания бесполезны.

Он повесил накидку и шляпу в прихожей и сразу же направился в кабинет. Там он включил настольную лампу, сел за стол и достал из ящика несколько брошюр. «Познай врага»,— пробормотал он, глядя на название. Наконец он дошел до брошюрки под названием «Методы ведения партизанской войны в городе». Все брошюрки были приобретены им в одном из Лондонских издательств — он получал их по почте. Тренчу они были нужны для исследования болезней современного общества. А теперь он мог найти им и практическое применение. Он положил брошюру перед собой на стол и посмотрел на лежавшие рядом три письма. «Сожалейте о дне, когда вы надругались над Богом, Господом вашим»,— сказал он и смахнул письма в корзину для мусора. Открыв брошюру на первой странице, он положил руки на подлокотники кресла и углубился в чтение.

Глава IV

Возбуждение Тома Редклифа начало раздражать его подружку. Для нее демонстрация фильма в субботу вечером была всего лишь демонстрацией фильма; она не видела оснований для того, чтобы веселиться, носиться по комнате, распевать дикие песни и каждые несколько минут выкрикивать: «Долой церковь!» Но именно это он и проделывал. Он проснулся в семь утра; теперь уже пробило пять часов вечера, а он продолжал все в том же духе. Голди — это было не настоящее ее имя, а то, что ей дал Редклиф — попыталась улизнуть от него. Но он настоял на том, чтобы она осталась и помогла ему. Скука смертная. Ей пришлось расставлять стулья в зале общественного центра, долго стоять с веревкой в руке, пока Редклиф выравнивал экран, развешивать афиши, устанавливать стол в глубине зала и раскладывать на нем бланки для желающих вступить в общество и программки. Кроме того, ей пришлось готовить бесконечное число чашек кофе. Все это было ей не по душе. Она хотела, чтобы ее нежили и лелеяли. Если так будет продолжаться и дальше, она

уйдет. Она не собирается всю ночь горбатиться в постели, а на следующий день надрываться как тягловая лошадь, и все только ради одного удовольствия и крыши над головой. Загнанные лошади никому не нужны.

Она выкроила десять минут и, усевшись на полу, собралась было привести свои ногти в порядок, но не успела. В зал с грохотом ввалился красный от натуги Редклиф. Он нес шестнадцатимиллиметровый проектор в одной руке и тяжелый трансформатор в другой.

— Голди, быстро...

Голди вскочила на ноги; интересно, подумала она, не заработал ли он спасительную для нее грыжу.

— Вытащи подставку для проектора в центр зала.— Задыхаясь и с трудом переставляя ноги, он кивнул головой в сторону подставки.— Не хочу ставить эти штуки на пол, иначе я их больше не подниму.

Голди подбежала к подставке и начала ее подтягивать к центру. Но она дернула подставку слишком сильно, и бутылочка с клеем для пленки свалилась на пол и разлетелась вдребезги.

— Боже милостивый, ты хоть что-нибудь умеешь делать? — Редклиф поставил свой груз на пол, схватил тряпку и, опустившись на колени, принялся вытирать лужу.— Смотри, что ты наделала! — взвизгнул он.— Теперь этот чертов лак облезет. Пресвятая дева, да они с меня шкуру сдерут за это. Ты, сучка безмозглая...

Редклиф оторвал взгляд от пола и сделал это как раз вовремя — лицо Голди сморщилось, по нему ручьем потекли слезы.

— К черту твое дерьмовое общество кинолюбителей!

Она убежала в угол, бросилась в кресло и принялась судорожно искать носовой платок в карманах джинсов. Редклиф посмотрел на нее с секунду, бросил тряпку на остатки лужи и подошел к ней. Он обнял ее за плечи и ущипнул за щеку. Голди попробовала сбросить с себя его руку.

— Извини, малышка. Просто я закрутился, сама понимаешь, такой день и все такое прочее...

— А пошел ты! — огрызнулась Голди и вывернулась из его объятий.

— Ну, Голди, прекрати, ты же знаешь — я не хотел тебя обидеть. Когда столько всего навалилось, можно что-нибудь и ляпнуть.

— Дело не только в том, что ты сказал. Дело в твоем отношении ко мне в целом. Ты обращаешься со мной, как с прислугой, ты командуешь мной.— Она шмыгнула носом и взяла протянутый им носовой платок.— Я не привыкла к этому. Ты совсем не уважаешь меня.— По выражению лица Редклифа она поняла, что он приготовился к обороне, и ее понесло. Они в первый раз ругались по-настоящему.— Ты просто пользуешься мною, теперь мне это понятно. Тебе лишь бы трахнуть меня да заставить работать. Я для тебя шлюха и рабочая лошадка в одном лице, и все. Хорош гусь! Надоело до чертиков — я ухожу.— Она поднялась, чтобы выполнить свою угрозу.

Редклиф подключил все свое обаяние и последовал за ней с распростертыми руками.

— Что я буду без тебя делать? Черт! Если ты уйдешь, я тоже сверну здесь все и уйду. Голди, твоя помощь неоценима. Ну, я малость погорячился, но ты сама понимаешь, что за день сегодня и какое у меня состояние. Сегодня у нас «Виридиана». Это вещь. Мощный удар по всем твердолобым ревнителям загнивающей веры. Мы сделали это вместе, дорогая. Ты и я. Не кто-то там со стороны, не надоедливые молокососы, а только ты да я.— Он обнял ее и прижался губами к ее уху, зная, что победил.— Прости меня, Голди. Ты мне нужна, очень нужна.— Он с нежностью поцеловал ее.

Ну вот, хоть на что-то похоже, подумала Голди. Сразу тебе и уважение, и забота. Совсем не мешает время от времени припугнуть мужика. Пусть проявляет внимание. Она прижалась к нему.

— Ладно уж. Ты меня тоже извини. Я просто немного устала.

Почувствовав сильное облегчение от того, что он все-таки сберег рабочую силу, Редклиф похлопал Голди по спине и вздохнул.

— Тогда продолжим, пожалуй. До открытия лавочки надо еще кое-что сделать.

— А что мне делать? — спросила Голди и улыбнулась, как она надеялась, мило и обаятельно.

Редклиф попросил ее вытереть остатки клея на полу.

В половине восьмого начала собираться публика. Редклиф блеснул своими способностями организовывать подобные представления, осветив маленький зал оранжево-розовым светом, что придавало и без того уже интим-

ной обстановке необычайную теплоту. Пока Голди, одетая по данному случаю в новый наряд, рассаживала зрителей по местам, Редклиф стоял в глубине зала и то приветствовал прибывавших, то давал указания киномеханику, которого он нанял в местном кинотеатре. Киномеханик был профессионалом, и поэтому воспринимал указания маэстро с презрительным молчанием. Он привык работать на настоящем оборудовании, а не на такой смешной детской игрушке. Редклиф подчеркнул, что оборудование стоит две тысячи фунтов. Интересно, подумал киномеханик, имеет ли он представление о том, сколько стоит каждый проектор в кинотеатре? Всего тысячу, что ли?

— Механизм сопряжения стандартный. Полагаю, вы знаете, как с ним обращаться?

— Да, мистер Редклиф, знаю.— Два каких-то игрушечных шестнадцатимиллиметровых проектора, думал киномеханик, а воображает себя царем и богом.

— Сначала поставьте короткометражный фильм, он длится где-то минут десять. После этого я скажу несколько слов и запускайте основной. Мне кажется, первую часть лучше поставить на второй проектор заранее...

Киномеханик поднял руку, призывая его остановиться.

— Все ясно, сэр,— заверил он Редклифа. Киномеханик был одет в старый шерстяной костюм синего цвета, который от длительной носки блестел и коробился; он был простым человеком и поэтому с подозрением относился ко всему, что конструировалось в угоду моде, а не здравому смыслу, как, например, эти проекторы. С подозрением он относился и к Редклифу. Какой нормальный человек мог вырядиться на люди в белые клешеные брюки, черный свитер, а поверх нацепить серебряную цепочку и модные очки со стеклами пурпурного цвета? От такого сочетания любому художнику стало бы плохо.— Я хорошо знаю свое дело. Только покажите, где коробки с фильмом, остальное я сделаю сам.

Редклиф понял намек и указал на стоявшие друг на друге коробки.

— Будьте осторожны с этой копией «Виридианы», хорошо? Она стоит несколько сотен фунтов, да к тому же и не наша.

Киномеханик, привыкший обращаться с копиями стоимостью в несколько тысяч, вздохнул и принялся за дело.

— Том, по-моему, все пришли.— Голди выглядела очаровательно, под стать предстоящему событию.

— Тогда начнем.— Редклиф подмигнул ей, чтобы она еще раз почувствовала, что нужна ему. А то опять устроит забастовку с выходом — зачем рисковать? Он обернулся и подал знак киномеханику, чтобы тот поставил короткометражный фильм. Потом прошел к своему стулу у двери. Итак, вечер просвещения, подумал он. Пусть люди узнают, что к чему.

Киномеханик быстрыми и ловкими движениями вставил пленку, затем включил проектор, с появлением титров медленно погасил свет и постепенно увеличил силу звука — раздалась музыка. Редклиф откинулся на спинку стула и вцепился рукой себе в колено. Вот она его стихия — показывай фильмы, рассеивай светом мрак душных теней.

Через несколько минут он уловил, что Голди, сидевшая впереди, отчаянно подает ему какие-то знаки. Редклиф нагнулся вперед, пытаясь разобрать, что она говорит. Она показывала на проектор. Редклиф посмотрел в сторону. Киномеханик возился с коробками, собираясь поставить первую часть художественного фильма. Он стоял спиной к работавшему проектору и поэтому не видел, что через отверстия на верхней крышке проектора пробивались густые, плотные клубы дыма. Редклиф одним прыжком вскочил на ноги и пулей бросился к подставке с проектором.

— Боже всемилостивый,— зашипел он,— что вы сделали с моим проектором? Он горит!

Киномеханик с мрачным видом повернулся в сторону Редклифа; от того, что он увидел, у него полезли на лоб глаза и отвисла челюсть.

— Черт возьми!

Он схватился за сетевой шнур питания и резким движением выдернул его из проектора — мотор заглох. Потом он зажег свет в зале, чтобы выяснить, что случилось. Зрители заволновались, начали крутить головами, задавать вопросы, а кое-кто, увидев клубы дыма, поспешил к пожарному выходу. Редклиф быстро выбежал вперед и объяснил, что волноваться не стоит: небольшая поломка, которая только на вид — тут он засмеялся — и на запах кажется серьезной. Он принес извинения, пообещал возобновить показ через несколько минут и, кипя от злости, вернулся к проектору.

— Вот это да! Еще бы не загореться! — Киномеханик открыл верхнюю крышку, всматриваясь внутрь проектора.

— Что случилось? — спросил Редклиф с обвинительными нотками в голосе.

— Внутри полно расплавившейся пластмассы. Весь ламповый отсек в ней.

— Не может быть! — резко оборвал его Редклиф, хотя и сам видел, что механик прав.— Как же тогда мы получили изображение на экране?

— Вероятно, пластмасса лежала рядом с лампой, и когда та нагрелась, от высокой температуры расплавилась.

— Но как она попала внутрь?

Киномеханик пожал плечами.

— Это ваш проектор, точнее был ваш.

— Был? — почти взвизгнул Редклиф.

Киномеханик начал объяснять.

— Большое количество расплавившейся пластмассы просочилось в ту часть проектора, где расположен мотор. Сейчас она уже, наверно, застыла, поэтому и мотор, и все рядом лежащие механизмы выведены из строя. За исключением объектива, этот проектор можно выбросить на свалку. Посмотрите...

Он показал на лентопротяжный механизм, заляпанный затвердевшей пластмассой.

Редклиф готов был расплакаться.

— О, Боже, какая беда. Но как? Не понимаю!

Киномеханик решил перейти к делу.

— Понятия не имею как, мистер Редклиф. У вас здесь люди ждут продолжения фильма. Запасной проектор есть?

— Нет. Даже не думал, что может понадобиться.

— Сейчас вы так больше не думаете, правда? Что ж, попробуем тогда обойтись одним.

— Бог мой, вы хотите сказать, что между частями придется включать свет? Да, называется, посмотрели фильм.

— Боюсь, другого выхода у нас нет. Да, кстати...

Редклиф уже было направился объяснять положение вещей зрителям, но ему пришлось задержаться.

— Что еще?

— Эта пленка...— Он ткнул пальцем в сторону катушки, которая все еще стояла на сгоревшем проекторе.— Она тоже в пластмассе.

Редклиф даже задохнулся, когда услышал эти слова.

— Я одолжил эту копию в киноархиве. О боги небесные! Они мне такое устроят!

Киномеханик кивнул головой.

— Не сомневаюсь. Ну что, я тогда все подготовлю? А вы пойдите и объясните им, что их ожидает.

Через десять минут все было готово к показу. Застывший в ожидании Редклиф стоял и кусал ногти; он так волновался, что даже не заметил, как подошла Голди и, желая приободрить его, прижалась к нему. Огни медленно погасли, и зал начал наполняться звуками церковного песнопения, когда раздался оглушительный взрыв, который начисто сорвал кожух с проектора и отбросил киномеханика назад к стене.

Зрители рванулись к выходу прежде, чем Редклиф успел зажечь свет; когда же свет загорелся, его глазам предстал киномеханик, у которого из раны над левым глазом струилась кровь.

— Что, черт возьми, происходит? — взвизгнул он, повернувшись к Голди, а потом снова к киномеханику.

Киномеханик дважды тряхнул головой и пальцем потрогал лоб. Коснувшись раны, он поморщился от боли.

— Кое-кто ответит за это...— Он неуверенно шагнул вперед и глянул на сломанный аппарат.— Это все подстроено,— сказал он, осматривая обломки.

Объектив задрался вверх и отделился от передней панели того, что раньше называлось кожухом. За ним, в месиве искореженных деталей и механизмов, дымилась и тлела сгоревшая пленка.

— Это случилось, когда я включил лампу,— добавил киномеханик.— Что-то в ламповом отсеке. Боже, моя голова!

Голди попробовала помочь двум остолбеневшим мужчинам, но они никак не реагировали. Они просто стояли и смотрели то друг на друга, то на разорвавшийся проектор. Она глазами поискала что-нибудь, чтобы перевязать рану на лбу у киномеханика, и взгляд ее упал на полотенце для рук, лежавшее около коробок с пленкой. Когда она взяла в руки полотенце, она ощутила какой-то странный запах. Голди замерла и принюхалась.

— Том, мне кажется, здесь что-то не так.

Не в силах более смотреть на картину разрушения, Том подошел к Голди и вопросительно уставился на нее.

— Что?

— Этот запах.

Он принюхался — вид у него стал озадаченный. Наконец он что-то уловил, какой-то знакомый запах.

— Лак для ногтей? — предположил он.

При упоминании лака для ногтей киномеханик обернулся, подошел к ним и тоже принюхался.

— Амилонитрат,— сказал он.

— А он для чего? — спросил Голди.

— Растворяет пленку,— сказал киномеханик грустным голосом.— Вы бы заглянули в коробки с фильмом.

Оставшиеся части «Виридианы» превратились в студень, бесформенными комками налипший на металлические катушки.

— Я только приоткрыл крышку верхней коробки перед запуском проектора,— сказал киномеханик и в замешательстве потряс головой. Потом он повернулся и взглядом окинул пустой зал.— У вас остался только экран, мистер Редклиф.

Редклиф был вне себя от ярости. Все пропало, и в довершение ко всему он испытал такое унижение... У него не было даже предположения, как и почему это произошло. Одно ясно — ему конец, с ним все кончено. Он опустился на стул и уронил голову на руки. Голди подбежала к нему, обвила его руками, прижалась щекой к его щеке и начала тихим голосом его успокаивать. Редклиф поднял голову и холодно взглянул на нее.

— Проваливай,— сказал он и снова уронил голову на руки.

Глава V

У сержанта Клайда не было никаких сомнений. Основательность разрушения в сочетании с особо изощренным способом осуществления, свидетельствовала о появлении новой разновидности вандализма. Со всех концов страны поступали сообщения о подобного рода деяниях, отовсюду доходили рассказы о бессмысленных разрушениях, осуществляемых с дьявольской изобретательностью. Полиция была напугана, он не сомневался в этом. В последнее время тяга к разрушению усилилась по той причине, что населению стало доступно большое количество технических изобретений. Всякий раз, когда кто-

нибудь открывал разрушительный потенциал какого-нибудь химического вещества, новой пластмассы или, что невероятно, новой игрушки, об этом всегда становилось известно молодым головорезам с искривленной психикой, которые в разрушении видели своего рода созидание. Подобный случай произошел в Уэлсфорде впервые, но сержант признался себе, что ждал этого уже давно.

— Преступление, несомненно, направлено против вас, мистер Редклиф. Вы пользуетесь электрооборудованием, а именно ему отдают предпочтение эти маленькие поганцы. Я очень тщательно изучил факты и считаю — можно смело предположить, что это дело рук некой банды бездельников.

Редклиф не спал две ночи. Решение обратиться в полицию далось ему нелегко — он не любил полицейских. Но при сложившихся обстоятельствах, когда на него обрушился такой огромный ком неприятностей, делать вид, будто ничего не произошло, было бы весьма странно. В киноархиве угрожали предъявить иск за безвозвратно утерянный короткометражный фильм — тот оказывается, представлял собой исключительную ценность; компания, у которой он взял напрокат художественный фильм, готовила свой счет; один из шестнадцатимиллиметровых проекторов был оплачен только наполовину, и ни один из них не был застрахован; в Уэлсфордском общественном центре подняли шум по поводу повреждений, нанесенных стенам, потолку и полу зала; и в довершение ко всему Голди устроила у него в доме полный разгром и ушла. Он нуждался в помощи, а в полиции к нему проявили, по крайней мере, какое-то внимание. При упоминании о возможных виновниках происшедшего в нем проснулись — чего он никогда от себя не ожидал — чувства законопослушного гражданина: он страстно желал, чтобы их нашли.

— Вы знаете, кто они?

Сержант не хотел пока что делать каких-либо определенных заявлений. В Уэлсфорде редко представлялась возможность заняться настоящей полицейской работой. Кроме него самого, в штат местной полиции входили только два констебля и одна машина, да время от времени к ним наезжал инспектор. Место было тихое, и бо́льшую часть времени они занимались рутинной бумажной работой. Сейчас же, столкнувшись с тем, что действительно представляло интерес, он не собирался все запутать и испортить скоропалительными действиями или многословными обеща-

ниями. Он решил сказать ровно столько, чтобы Редклиф понял — перед ним толковый, расторопный, способный логически мыслить полицейский.

— Мне кажется, я знаю. Да, кажется, знаю. Но порядок есть порядок, мистер Редклиф. Тщательное, поэтапное расследование. у нас есть след, и я уверен, что если мы пойдем по нему с должной осмотрительностью, то придем к правильному решению. Не волнуйтесь.

— Как мне не волноваться! Пусть вы даже найдете виновных. Но мое общество кинолюбителей в развале, на мне висит долг не менее одной тысячи фунтов, да к тому же меня выставили дураком.— Он сделал паузу и оглядел крошечный полицейский участок.

На стенах висели традиционные плакаты и сильно пахло мастикой для пола. Место не соответствовало представлениям Редклифа о действенной организации, способной бороться с современными преступниками. Оно походило на любое другое учреждение, погрязшее в рутине. Главное — натереть полы до блеска и надежно приклеить плакаты, а в остальном — трава не расти. Редклиф хотел видеть действие, реальные результаты. Но сержант Клайд вместо этого говорит о необходимости поэтапного проведения расследования, предлагает не торопиться, а ведь преступники не будут его ждать.

— Вы думаете на кого-нибудь из общественного центра?

Сержант Клайд опять уклонился от прямого ответа.

— Все ваше оборудование хранилось в общественном центре, ваши фильмы пролежали там трое суток до показа. Следовательно, можно предположить, что в деле замешан человек, который знает или посещает это заведение.

— Вы упомянули банду бездельников. Вы думаете на какую-нибудь конкретную группу?

— Имеющиеся факты действительно наводят на такую мысль. И, кажется, одна группа уже вырисовывается в качестве главного объекта подозрений.

Редклиф перегнулся через стойку и пристально посмотрел на сержанта.

— Вы мне не скажете?

Сержант Клайд покачал головой и улыбнулся. Этот толстяк напоминал Редклифу картонного полицейского, наполненного конфетами, которого в детстве дарили ему на Рождество. Его улыбка раздражала своей претензией на

огромную мудрость, которой в нем, по-видимому, отродясь не бывало.

— Посмотрите на это дело вот с какой стороны, мистер Редклиф. Я могу понять вашу озабоченность и ваш гнев тоже. Но мне не полагается говорить вам, кто, по моему мнению, мог совершить это преступление, согласны? Понимаете, вы можете посчитать себя вправе расправиться с ним или с ними без суда. И в каком-то смысле мне будет понятно такое ваше стремление. Так что давайте следовать существующим правилам. Предоставьте это дело нам. Мы делаем все, что в наших силах.

Редклиф кивнул головой.

— Хорошо, действуйте, как считаете нужным. Но я надеюсь, вы дадите мне знать, как только у вас появятся какие-нибудь конкретные доказательства. Я хочу быть в курсе событий.

— Разумеется, мы будем держать вас в курсе, на этот счет не волнуйтесь. И я уверен, что все выяснится, мистер Редклиф. Справедливость восторжествует, не сомневайтесь.

Когда Редклиф ушел, сержант Клайд вернулся к столу и нажал маленькую медную кнопку на его крышке. Через некоторое время появилась его жена — в руках она держала кружку с чаем. Довольно худая — гораздо тоньше своего мужа — раздражительная женщина с черными глазами-бусинами. Она поставила кружку на стол и посмотрела через окно на удалявшегося Редклифа.

— По-моему, за ним нужен глаз да глаз, не меньше, чем за другими,— сказала она сердито.

— Твоего мнения никто не спрашивает, дорогая. Мистер Редклиф имеет право на свои причуды. Не можем же мы все одеваться одинаково, ты согласна?

— Дело не только в его одежде. Дело в нем самом. Он постоянно критикует власти и выдает советы, как, по его мнению, должно поступать правительство в том или ином случае. Он, наверно, коммунист.— Она покачала головой и, отвернувшись от окна, проверила, не запылилась ли стойка.

— Нет такого закона, по которому человеку запрещалось бы иметь взгляды, отличные от твоих, дорогая,— мягко сказал сержант, не глядя в ее сторону, и углубился в изучение бумаг, лежавших перед ним на столе.

— Ты все-таки присмотри за ним,— предупредила его

жена.— У него теперь есть предлог самому устроить что-нибудь эдакое. Люди этой породы могут быть мстительными.

— Ты просто невзлюбила Редклифа.— Клайд откинулся на спинку стула и посмотрел на жену, которая смахивала несуществующую пыль со стойки и медного колокольчика.— Он, может, и выглядит несколько странно, он даже может быть потенциально опасен, но в настоящее время у нас нет никаких оснований относиться к нему иначе, как к законопослушному гражданину, в отношении собственности которого совершено преступление. У него и так достаточно неприятностей, дорогая, а тут ты еще хочешь добавить.

Миссис Клайд повернулась и без единого слова удалилась в домашние покои. Сержант вздохнул и отхлебнул из кружки чаю. Ему, наверно, не следовало говорить о том, что за этим актом вандализма стояла какая-то группа людей. По сути, только одна группа достаточно регулярно посещала общественный центр. Это ребята на мотоциклах. Они были главными подозреваемыми, хотя ничто не указывало на их причастность к совершенному преступлению. Но дело в том, что, кроме них, не на кого даже подумать. Иногда приходится исходить просто-напросто из того, что один человек может совершить преступление, а другой нет. Клайд отхлебнул из кружки и снова вздохнул. Его жена и ее подозрения. К несчастью, она зачастую оказывалась права У нее был нюх на возможные неприятности. Если Редклиф начнет слишком активно совать свой нос в ход следствия, и в самом деле могут возникнуть осложнения, подумал он.

Тренч с крайним удовлетворением прочитал газетное сообщение о том, что Редклиф отказался от идеи создания общества кинолюбителей и собирается переехать в другое место. С неменьшим удовлетворением он воспринял факт полного уничтожения киноаппаратуры и непотребных фильмов. Вот оно — знамение. По указанию Господа Тренч ринулся в бой и, вооруженный абсолютной властью Богом установленных законов, немедленно добился впечатляющих результатов. Процесс очищения прихода от раковой опухоли вседозволенности начался. И он доведет его до конца

Правильный выбор времени нанесения удара всегда — ключевой фактор ведения боевых действий. Викарий с легкостью проник на территорию общественного центра. С собой он взял портфель, набитый пластмассовыми пластинками, бутылочками с растворителем и кусочками плавкой проволоки. Если бы его остановили, то он просто опять бы устроил шум по поводу молодых людей. Он был известен как человек настойчивый, и поэтому никто не усмотрел бы в его повторном визите чего-то необычного. Если бы он столкнулся с кем-нибудь в фойе концертного зала, то сказал бы, сославшись на незнание планировки здания, что пытается найти кабинет директора. Попав внутрь, Тренч быстро справился со своей задачей. Под отвратительный оглушительный шум, изрыгаемый музыкальным автоматом в одном из баров, Тренч разломал пластмассовые пластинки на мелкие кусочки и протолкнул их через вентиляционные отверстия внутрь проекторов — именно так рекомендовала поступить прочитанная им брошюра. Такой способ уничтожения средств ведения пропаганды, похоже, широко и успешно применялся в прошлом. Все получилось гораздо проще, чем он предполагал. Растворитель, приобретенный им у одного аптекаря в местечке километров за двадцать от деревни, издавал довольно-таки сильный запах, но когда он закрыл коробки, запах стал незаметен. Больше всего ему пришлось провозиться с плавкой проволокой. Тренчу долго не удавалось найти доступ к электрооборудованию проекторов. Но в конце концов он преуспел и в этом — нашел крышку, открыл ее и забросил внутрь пригоршню обрезков проволоки, как то рекомендовала та же самая брошюра. Затем он наскоро прибрал за собой и ушел. Ожидание оказалось делом весьма приятным. Никогда раньше он не испытывал такого восторга предвкушения: сидя дома и наблюдая за часами, он пребывал в состоянии приятного возбуждения, потому что знал, что с каждой минутой приближается час исполнения воли Господней.

Не впадая в эйфорию от достигнутого и не позволяя себе расслабиться, Тренч с усердием взялся за осуществление следующей намеченной им задачи. Она была не из легких, но он знал, что если человек верит Господу своему и делает все, чтобы угодить Ему, возможность исполнить задуманное обязательно представится. Кроме того, он принялся за изучение общего состояния нравственности в

Уэлсфорде. Ведь теперь, получив полную свободу действий, он мог осуществить спасение во всеобъемлющем масштабе. Некоторые факты морального разложения, не всегда очевидные, требовали уточнения. Он начал осторожно прислушиваться к людской болтовне, улавливать мимоходом брошенные слова и фразы, подслушивать женские разговоры в церкви, брать их на заметку и делать далеко идущие выводы. Важно было провести грань между грехом и свойственными человеку ошибками. Кое-что подлежало прощению, как, например, прегрешения, которые можно было отнести на счет настроения, погоды, состояния здоровья человека и обстановки в семье. Другие же проявления человеческой слабости имели более глубокие корни и несли в себе мощные бациллы зла. Тренч упорно искал пути их искоренения.

Начав претворять в жизнь поставленные перед собой задачи, Тренч почувствовал, что здоровье его улучшилось. Страшные головные боли, годами одолевавшие его, стали реже и уже не приносили ему столь сильных страданий. Приступы головокружения, с которыми он давно смирился, полностью исчезли. И только один момент продолжал вызывать его беспокойство: он так и не избавился от припадков и обмороков во время общения с Богом. Они, правда, случались не всегда, но достаточно регулярно. Тренч отнес это на счет личной слабости, естественной хилости человеческого тела, в которое вторгается божественная сила. Он намеревался победить и этот недостаток тоже. Он должен обладать достаточной силой, чтобы выдерживать присутствие Господа — к этому обязывало его положение посланника Бога. А пока что он писал и разрабатывал планы, регулярно в молитвах обращался за наставлением и испытывал праведную радость от предвкушения грядущего спасения.

Его совершенно не волновало, что он преступает закон. Человеческие законы представлялись ему чем-то эфемерным, хилым, набором правил, сведенных воедино склонными к ошибкам людьми для руководства своими склонными к ошибкам братьями. Тренч получил разрешение от Бога, и поэтому все земное не имело значения. Однако он считал важным не допустить разоблачения. Если его схватят, то пострадает дело, а, может быть, оно так и не будет доведено до конца. А это — настоящий крах. Поэтому надо

проявлять величайшую осторожность, тем более, что его положение отводило от него всякие подозрения. Все-таки священник, не обычный, рядовой человек.

Глава VI

Когда сержант задал свой первый вопрос, Стрелок сразу же понял, какую линию поведения ему следовало занять по отношению к этому полицейскому. Стрелок видел в нем тюфяка, человека, которого ничего не стоит обвести вокруг пальца, выказав доброжелательность и послушание. По мнению Стрелка, самая серьезная ошибка, которую совершали некоторые полицейские, заключалась в том, что они в каждом пытались разглядеть хорошее. Нет, Стрелок не считал себя исключительно плохим человеком. Но, по его убеждению, многие люди были отъявленными негодяями с прогнившим насквозь нутром, и обращаться с ними по-доброму, по-справедливости, было все равно, что лезть в клетку с тиграми. Из-за своей человечности сержант никогда не поднимется выше деревенского «фараона», тут Стрелок мог биться об заклад. Сначала он почувствовал раздражение, когда увидел, как через автомобильную стоянку в их сторону направляется человек в синей форме и каске. То викарий, то теперь «легавый». Он усматривал в этом своего рода совпадение, которое на поверку могло оказаться вовсе и не совпадением. Но стоило сержанту заговорить, как к Стрелку снова вернулась уверенность. Если все полицейские похожи на этого, то пусть тогда они все приходят и задают вопросы в любое удобное для них время.

Сержант всего лишь поинтересовался, не ошивался ли кто-нибудь из них в прошлые выходные в районе концертного зала. Как лидер и официальный представитель группы, Стрелок ответил, что они даже понятия не имеют, где находится этот зал. Сержант принял ответ и бросил оценивающий взгляд на своего собеседника, пытаясь подобрать к нему какой-нибудь ключик. В конце концов он решил втереться к ним в доверие, а может быть, Стрелку это только показалось.

— Послушайте, я объясню вам, почему я здесь.— Он присел на корточки и лучезарно, как отец родной, улыбнулся в ответ на их скрытую враждебность.— В прошлую

субботу в концертном зале случилась маленькая неприятность. Произошел небольшой взрыв, в результате чего кое-какое дорогостоящее оборудование и фильмы оказались на свалке. Теперь я, естественно, вынужден задавать вопросы всем, кого в прошлые выходные видели в зале или поблизости от него. Таков обычный, установленный порядок. Я верю вам на слово, что ни один из вас не приближался к концертному залу. Я человек разумный, и у меня нет оснований сомневаться в вашей честности.

— А у викария, похоже, полно оснований считать нас злодеями,— заметил Стрелок.— На прошлой неделе он пришел сюда и начал права качать.

Клайд осклабился.

— Мистер Тренч — преданный своему делу человек. Надо иметь это в виду.

— Угу,— согласился Стрелок.— Знаю. Но просто интересно, как он себя поведет, если вы подойдете к нему и спросите, что он делал в прошлую субботу. Наверно, из штанов выпрыгнет, а? Хотя, бьюсь об заклад, вам даже в голову не придет спросить его.

Сержант кивнул головой.

— Вы правы, это мне и в голову не придет. И зачем? Я ищу улики, зацепки. Вы что, серьезно считаете, что он может помочь мне? Если бы он знал что-то, то сам бы уже сообщил. И не верится, что он годится на роль подозреваемого. Забудьте свое раздражение и скажите честно, стоит ли мне терять на него время?

— Думаю, нет,— пробормотал Стрелок.

— Так. И вот еще что. Я понимаю, вы, должно быть, считаете, что к вам все время цепляются. Так оно и происходит в бо́льшинстве случаев. Но это цена, которую вы платите за свой образ жизни. Я тоже плачу свою цену: люди обычно не могут расслабиться в моем присутствии. Человеческие отношения — вещь обоюдная, сами понимаете.— После возникшей поначалу враждебности, подумал Клайд, они, кажется, почувствовали к нему симпатию. Главное — завоевать их доверие, напомнил он себе. Потому что враждебность возводит слишком много препятствий между следователем и фактами.

— А у вам есть другие зацепки? — спросил Стрелок.

— Вот об этом-то мне и хотелось с вами поговорить. Вы находились здесь в прошлую пятницу, вечером. Предположительно преступление могло быть подготовлено и в

тот день. Точно нам не известно. Поэтому я хочу, чтобы вы как следует напрягли свою память. Кроме мистера Тренча, не припомните ли вы еще кого-нибудь, кто бы слонялся вокруг или делал что-нибудь подозрительное.— Он смотрел на них глазами, полными тихого призыва о помощи. По его мнению, перед ним находились преступники, но пока что он не видел другой линии поведения.— Ну же, напрягите свою память.

Бородатый молодой человек щелкнул пальцами.

— Вспомнил. Там, у мусорных ящиков, я видел человека...— Он повернулся к своим приятелям.— А вы нет? Одет он был в древний френч и по виду напоминал фермера или кого-то в этом роде. Он стоял там целую вечность.

Стрелок покачал головой.

— Я его видел. Он вышел поблевать. И минут десять блевал — аж побелел весь, как полотно. Залез с головой в мусорный ящик и рычал там, как лев в пещере.

Все засмеялись, и сержант тоже. По долгу службы.

Начался дождь. Пока они разговаривали, тяжелая черная туча, весь вечер висевшая на горизонте, оказалась прямо над ними. Стрелок выставил руку и что-то проворчал. Одна из девушек заныла, и Клайд понял, что может лишиться своих собеседников. Факт малообнадеживающий. Будь они в чем-то виноваты, их расстройство по поводу ухудшившейся погоды выглядело бы более нарочитым. Тем не менее он счел необходимым надавить на них еще немного. Может, что и припомнят, если подольше потерзать их вопросами.

— Давайте переждем дождь внутри,— предложил Клайд.— Можно пойти в старую часть здания. Я уверен, директор не будет против.

— Не будет, если с нами полицейский,— заметил Стрелок.

Повернувшись к остальным, которые, как обычно, ждали его указаний, он сказал: — Пошли. Нет смысла мокнуть, да и домой в такую погоду не поедешь.

Пока они перебегали через автомобильную стоянку, дождь усилился. Некоторые из них громко сожалели о том, что только незадолго до этого отполировали свои мотоциклы.

В тепле винного погребка сержант снова спросил, не видел ли кто-нибудь из них незнакомых людей в районе

центра в прошлые выходные. Молодые люди, как могли, напрягали свои извилины, но никто не припомнил ничего необычного. Сержант заволновался. Он не сбрасывал со счетов возможность того, что аппаратуру и фильмы уничтожил кто-то из посетителей центра. Но тут возникал целый ряд трудностей. Будут сложности с директором центра: любое предположение о том, что он не доглядел за своими посетителями, в результате чего пострадала чужая собственность, находившаяся на хранении в помещении центра, вызвало бы бурю недовольства с его стороны и поток контробвинений. Сразу возникла бы атмосфера напряженности и подозрительности, деревня превратилась бы в разбуженный улей. И тогда могли появиться дополнительные неприятности. Слухи — величайшее зло для общественного сознания, и Клайд не хотел стать причиной появления каких бы то ни было домыслов. Пока что все пребывали в состоянии относительного спокойствия, полагая, что преступление совершено кем-то из парней на мотоциклах или каким-нибудь приезжим. Но Клайд не верил, что преступление — дело рук приезжего. Злодеяние спланировал и осуществил человек, который знал, где хранилась аппаратура. Существовали десятки причин, почему местные жители могли напакостить Редклифу: тот демонстративно афишировал свои связи с распутными женщинами, одевался нарочито причудливо, отпускал язвительные замечания по поводу дорогих их сердцу учреждений и приглашал странных личностей на просмотр фильмов сомнительного содержания. Да каждый второй мог бы сделать это. Убедившись в непричастности «Желтых шлемов» к совершению преступления, Клайд с ужасом осознал, что перед ним замаячила перспектива искать иголку в стоге сена.

Одна из девушек, которая сидела на подоконнике, вдруг начала подавать Стрелку отчаянные знаки.

Тот посмотрел на нее и нахмурился.

— Что случилось?

Она была так возбуждена и растеряна, что с трудом выговорила:

— Там на стоянке... Быстро!

Они все подбежали к двери и выглянули наружу. Стоявшие в куче блестящие мотоциклы отражались в мокром от дождя бетоне, и отражение это походило на удивительную многоколесную машину с торчащими во все

стороны рулями. Через мгновение стала ясна причина взволнованности девушки. Над мотоциклами подьнимался дымок, а между колес пробивалось пламя.

— Черт возьми, мой мотоцикл! — проревел Стрелок.— Какой-то ублюдок поджег мой мотоцикл!

Он побежал к мотоциклам; его приятели в напряженном ожидании и тревоге застыли в широком дверном проеме. Внезапно дым стал гуще, вблизи топливных баков взметнулись языки пламени.

— Вернись! Назад! — выкрикнул Клайд хриплым голосом.

Он рванулся было вслед за Стрелком, но притормозил, увидев, как взвивавшиеся вверх снопы пламени закружились в бешеном вихре и охватили баки трех мотоциклов. Одна из девушек закричала, и голос ее звучал все пронзительнее и пронзительнее, пока его не перекрыл оглушительный грохот разорвавшихся топливных баков. Одновременно поднялся вверх ослепительный огненный шар оранжевого цвета, и они увидели, как ударная волна подбросила Стрелка в воздух и швырнула его лицом вниз недалеко от ворот стоянки.

В течение невероятно долгой секунды сержант Клайд безуспешно пытался сдвинуться с места — ноги не слушались его. В состоянии полного шока Клайд, как завороженный, смотрел на разверзшийся перед ним ад. Разорвался еще один бак и струя горящего топлива перелетела через стену и разлилась по дороге. Клайд почувствовал, что движется, бежит туда, где лежало тело Стрелка, и на бегу машет рукой, призывая всех оставаться на своих местах. Девушка больше не кричала — она в обмороке лежала на земле, но этого никто не видел, потому что все ошарашенно вперились глазами в одну точку.

Для того чтобы потушить пожар, потребовалось двадцать минут. В дополнение к местной добровольной пожарной команде было вызвано подкрепление из трех округов. Какое-то время существовала серьезная опасность, что здание общественного центра сгорит дотла, но его удалось спасти, а вот уберечь от значительных повреждений — нет. Из-за сильного жара вылетели все стекла в окнах с тыльной стороны здания, горящее топливо попало через одну из дверей внутрь, в результате чего сгорел дверной косяк и дочерна прокоптился потолок. Директор центра Мэрриот в страшной злобе носился вокруг, как полоумный, и готов

был придушить любого, на кого бы ему указали как на возможного виновника случившегося. В конце концов на то время, что пожарные тушили пожар, его силой увели в полицейский участок.

Стрелок был жив, но получил повреждения столь серьезные, что, пожалуй, ему было бы лучше умереть. На него со всей силой обрушилась первая и самая мощная ударная волна, а в лицо полыхнул горящий бензин. Но основные травмы он получил при падении. От лба до уха его лысую голову прорезала рваная, зияющая рана. Пострадала вся правая сторона лица: через рваное месиво щеки и ноздри проглядывали осколки белых костей. Левая сторона была обожжена, изуродованные веки прикрывали пустую глазницу. На него пало проклятие не только выжить, но и остаться в сознании: он корчился в муках и жутко кричал сквозь обломки зубов; так продолжалось целую вечность, пока не приехала машина скорой помощи и врач не сделал ему укол, на время избавив его от мучений.

Никогда в жизни Клайд не чувствовал себя так отвратительно. Пока он осматривал тело Стрелка, его не покидало ощущение мрачной реальности насилия, с которым за годы службы в полиции он сталкивался, в основном, теоретически, и вот теперь оно перестало быть далеким и отвлеченным. Рядом с ним лежал изломанный, изорванный, искалеченный человек. Только минуту назад это было живое, разумное и полное сил существо. Пока парня не увезли в больницу, Клайду еще удавалось скрывать обуревавшие его чувства. Но когда он снова взглянул на место невероятной трагедии и увидел столб дыма, поднимавшийся над черными обломками некогда красивых и ухоженных мотоциклов, почерневшую штукатурку и зияющие пустотой окна общественного центра, бледные испуганные лица ребят, сбившихся в кучу у входа в винный погребок, его охватили гнев, ужас, и в то же время ему стало так мерзко и тошно, что он упал на колени и его стошнило. Рвало его долго, так долго, что ему подумалось — он не выдержит такого напряжения и умрет.

Из толпы, стоявшей за воротами стоянки, вышла его жена и, подойдя к нему, осторожно положила ему руку на плечо. Ее лицо утратило обычное раздраженное выражение, и, когда она пыталась успокоить мужа, губы ее подергивались.

— Успокойся, дорогой. Пойдем домой. Ты здесь больше ничем не поможешь. Пойдем домой.

Клайд поднял голову и посмотрел на нее. Его лицо осунулось и посерело, а тело все еще по инерции содрогалось. Он медленно покачал головой и неуверенно встал на ноги.

— Пойдем,— сказала жена и взяла его за руку.— Сегодня ты уже не в состоянии работать.

Он выдернул свою руку и сделал глубокий вдох и выдох.

— Меня ждет работа,— сказал он хриплым-хриплым голосом.— И я собираюсь ею заняться.

Он повернулся и показал в сторону винного погребка.

— Видишь тех ребят? Отведи их всех в участок. Они сегодня на многое нагляделись, слишком на многое. Свяжись с региональным отделом уголовного розыска и расскажи им, что случилось. Инспектор быстро приедет и займется этим делом. Да, и напои ребят чаем.

Он опять сделал глубокий вдох и выдох и зашагал прочь.

— Куда ты?

Он остановился и махнул в сторону деревни.

— Пойду повидаюсь с мистером Редклифом,— сказал он.

Стоя у окна кабинета, Остин Тренч через старую, доставшуюся ему от отца подзорную трубу наблюдал за тем, что происходило на автомобильной стоянке. И даже когда все закончилось и опустилась тьма, он не сдвинулся с места — сердце его учащенно билось, и выражение радости на лице сменилось выражением страдания. Он следил за происходящим, и у него спирало дыхание при виде величественной картины полыхавшего ада: он снова и снова поражался силе гнева Господнего. Тренч даже не предполагал, насколько яростен, велик и ужасен Его гнев. Он был потрясен.

Когда на улице окончательно стемнело и нельзя было разглядеть ничего, кроме фонарных столбов, Тренч наконец отошел от окна и сел в кресло. Он был вынужден признаться себе, что почувствовал сильную слабость. И неудивительно. Он испытал громадный подъем от того, что являлся участником столь грандиозных событий, и в самый разгар пожара и охватившей людей паники он ощутил дрожь по всему тела. Пережил он и еще одно ощущение, о котором постарался поскорее забыть — просто выбросил

его из головы. Та часть его тела, которая является вечным напоминанием о смертельной слабости человека, тот мерзкий отросток, что может самых могущественных превратить в дураков, вдруг ожил и напрягся. Случайность, решил он, ощутив, как он снова обмяк, стал вялым и безжизненным — таким, каким был всегда. Не более чем побочный эффект его общего возбужденного состояния. Он с ужасом отогнал от себя мелькнувшую было мысль о том, что ощущение доставило ему смутное наслаждение.

Как прекрасно быть слугой и орудием господина столь могучего, столь надежного и непорочного. Тренч упорно добивался поставленной цели, и, в чем он не сомневался, Господь ему покровительствовал. Он послал дождь, внезапный и проливной, чтобы Тренч мог незаметно пересечь дорогу, недалеко от которой он прятался, поджечь большой ком ваты и забросить его между мотоциклами на автомобильной стоянке. До того как пожар разгорелся, он успел вернуться домой и занять наблюдательный пункт у окна. Он хорошо видел, как орудия безбожников обернулись против них самих. Господь даже выделил главаря хулиганов, и, погнав его навстречу опасности, обрушил на него свой особый гнев.

Тренч поднялся, прошел в центр комнаты, сцепил руки на груди и опустил голову. «Мы побеждаем, о Господи,— сказал он.— Мы только начали выкорчевывать из мира Твоего распущенность и разврат — главные пороки, угрожающие этому саду любви Твоей. Мы победим, Господи. Я не подведу Тебя. Я исполнен цели Твоей и силы Твоей. Не оставляй меня без помощи, молю Тебя, дабы я мог быстрее выполнить нашу миссию. Все мои дела — во славу Твою».

Глава VII

Редклиф видел, что сержант Клайд ему не верит. И поэтому даже не пытался убедить полицейского в том, что молодые люди с автомобильной стоянки относятся к такому же типу людей, что и он сам, разве что, пожалуй, были попроще. Он же сам хотел знать — причем очень настойчиво,— кого сержант подозревает в уничтожении проекторов и фильмов. Его стремление узнать имена подозреваемых можно было приписать жажде мести. Сержант, со

своей стороны, сожалел о том, что выдал эту зацепочку Редклифу. И вот теперь произошла трагедия, носившая все признаки ответных действий. Редклиф не сомневался, что правда в конце концов всплывет наружу — хотя сейчас, по вполне понятной причине, подозрение просто не могло не пасть на него.

— Вы чертовски хорошо знаете, что я не одобряю насилия,— сказал он жалостливым голосом.

Клайд сидел в кухне на стуле и с безучастным видом наблюдал за тем, как Редклиф выстраивает защиту. Сержант просто ждал, когда он кончит говорить — в этом Редклиф не сомневался. Он не слушал его.

— Даже если бы я и хотел отыграться на этих ребятах, то все равно так бы не поступил.

— Да? И как бы вы поступили? — прервал свое молчание Клайд.

В комнате воцарилась мертвая тишина — Редклиф пытался найти ответ на вопрос полицейского.

— Откуда мне знать? — сказал он наконец.— Никогда не знаешь, как поступишь, когда преследуешь кого-нибудь. Да и вы сами, я уверен, не знаете.

— Откуда такая уверенность?

— Уверен и все тут. Черт возьми, сержант, вы просто пытаетесь поймать меня на слове. Неужели до вас никак не дойдет, что мне ничего не известно о сегодняшнем происшествии. Я все это время, весь этот чертов вечер просидел дома и никуда не выходил.

— Есть свидетели? — Клайд выглядел очень бледным и, несомненно, еще не оправился от потрясения.

— Нет, свидетелей нет. В настоящее время я живу один.

— А ваш плащ мокрый,— сказал Клайд, указав на белое пальто, которое висело на кухонной двери. На его спине и плечах блестели капельки воды.

— Боже всемилостивый, я выходил в сад...

— В проливной-то дождь? Не слишком ли оригинальничаете, мистер Редклиф?

Редклиф схватился руками за голову, как будто она могла вот-вот разорваться.

— Я заносил в дом растения. Вон те...— Он указал на три горшочка, стоявшие на подоконнике.— Я их выставлял наружу для поливки. Подойдите и потрогайте листья, ну же, подойдите.

— Верю вам на слово, что они мокрые, мистер Редклиф. Но вы могли намочить их, чтобы оправдать мокрый плащ на тот случай, если я вдруг появлюсь у вас, что я и сделал.

— Ну, ладно, хватит — надоело.— Окончательно расставшись со всякой надеждой на то, что ему поверят, Редклиф решил, что хватит пыжиться и изображать вежливость, когда общаешься с полицейским. И, как это часто бывает, отсутствие надежды заставило его проявить настоящие, подлинные черты характера.

— Не стоит тебе так себя вести, Редклиф.

— Ну вот, мы уже опустили слово «мистер», да? Теперь что, сорвем с себя куртку, покажем здоровенную свастику на руке, и выбьем из меня все мозги?

Клайд встал и отодвинул стул.

— Я тебя предупреждаю, не испытывай судьбу...

— Это я тебя предупреждаю, сержант. Попробуй хоть пальцем дотронуться до меня, и ты в мгновение ока, как в сказке, очутишься в своей собственной кутузке. Не испытывай судьбу. Впрочем, испытывай — не испытывай, какая разница, для таких, как ты. Ты живешь со своими суевериями и называешь это чутьем. Кто совершил преступление? Да, конечно, тот, кто живет здесь недавно. Все та же старая история. Охота на ведьм. Клич «Бей жидов!».

Клайд снова уселся на стул. Он промахнулся второй раз подряд за один вечер. Редклиф был невиновен. И если никакие разумные доводы не смогли бы сейчас послужить ему защитой, то эта вспышка гнева, когда он сорвался на крик и на шее у него набухли жилы, свидетельствовала о его непричастности к происшедшему. Человек, совершивший подобное злодеяние, не отказался бы так легко от зашиты и не ввязался бы вместо этого в словесную перепалку. Клайд чувствовал себя уставшим, ошарашенным и сбитым с толку. Он решил отправиться домой.

— Очень хорошо, мистер Редклиф,— сказал он тихим голосом, поднялся и направился к двери.— Я верю вам. Мне жаль, что вы не очень-то доверяете полиции, но, может быть, когда-нибудь ваше отношение к нам изменится. Извините за беспокойство.

Еще с целую минуту после ухода сержанта Редклиф стоял без движения и смотрел на дверь. Что случилось, удивлялся он, какую струну он задел ? Он подошел к буфету, достал бутылку джина и плеснул себе порядочную

порцию в бокал. Он отпил половину, и его передернуло. Он вообще-то не любил джин, но пить виски по случаю посрамления истэблишмента было бы слишком прозаично, а коньяк, несомненно, слишком шикарно. Вероятно, ему стоило попробовать водки. Зевая и почесывая голову, он опустился на стул. Его не оставляла мысль о том, что случилось. Клайд сказал, что один из парней находится в очень плохом состоянии. Это ужасно, даже если эти ребята действительно напакостили ему. А что если это не они, а кто-то другой, подумал он. И кто же все-таки это сотворил?

Редклиф почувствовал себя заинтригованным. Пока полицейские тычутся вокруг как слепые котята, истина, возможно, лежит у них под носом. И, возможно, подумал он, ему удастся добиться успеха там, где они бьются головой о стену. Здесь-то он и проявит себя. Идея раскрыть преступление буквально захватила его. Мотивация поведения человека и перевернутое сознание относились к тем двум темам, о которых он имел некоторое представление. Возможно, это сумасбродство — заниматься такими вещами ради удовольствия. Но это как раз во вкусе Редклифа. И, кроме того, он спасет свое реноме. Он обернет неудачу в успех. Ведь у других-то это получалось, а чем Редклиф хуже них?

Он тут же решил еще на время остаться в деревне. Если зацепки не окажется и он не найдет ничего стоящего, хуже не будет — он не собирался никому рассказывать о своих планах. Веселый и довольный, он допил остатки джина из бокала, подумал о сержанте Клайде и усмехнулся. По правде говоря, не такой уж он и тупица. Что-то ведь в его сознании подсказало ему, что он напал на ложный след. И он даже не выказал никаких признаков должностного гнева, когда Редклиф оскорблял его. Нет, не такой уж он плохой малый. Редклиф встряхнулся. Надо последить за собой, а то так не заметишь, как станешь помощником ребят в синей форме, а это для него опасно. Можно разрушить свой имидж.

Тренч приобрел маленькую черную записную книжку, наподобие той, что пользуются полицейские, и заносил в нее подробности осуществляемой им кампании. Это помогало ему объективно судить о масштабах развернувшегося

сражения. Он составил перечень вопросов, которые требовали его внимания, а на соседней странице фиксировал результаты своей деятельности — достаточно было одного взгляда, чтобы видеть, насколько успешно продвигаются его дела. Главное — это стремительность. У него не было сведений, подтверждавших его интуитивные предположения, он не сомневался, что при воздействии определенного стимула зло может быстро разрастись, поэтому его надлежало искоренить на корню — и делать его нужно быстро, хотя и осторожно. В списке имелась графа, своего рода барометр морального климата. Благодаря разработанному им коду, ключ к которому хранился у него в голове, заметки в записной книжке не могли быть использованы против него. Обыкновенная записная книжка, испещренная рядами знаков и волнистых линий. Записи свидетельствовали о том, что еще предстояла огромная работа, хотя, судя по тем же записям, за очень короткое время ему удалось добиться весьма существенных результатов.

На повестке дня стоял вопрос, не терпящий отлагательств,— что делать с клубом консерваторов. Надо было срочно принимать какие-то меры в отношении всех тех, кто проводил там свое время за поглощением дьявольского зелья. Они поступали отвратительно и хотели еще больше усугубить положение. Тренч собирался положить этому конец. По некоторым вопросам достаточно было принять простые меры, хватило бы его прямого вмешательства как священника, и не более того. Но существовали две проблемы, над которыми требовалось поразмыслить. Разрешая их, Тренч не мог не учитывать, что полиция активно занималась поисками виновных в совершении двух актов возмездия. Ему следовало быть осторожнее.

Эти две сложные проблемы сильно разнились по характеру. Первая имела отношение к доктору Эдварду Шорту. Он переехал в деревню около месяца назад и поселился в одном из красивейших домов недалеко от площади. Длинный и низкий коттедж в прошлом принадлежал директрисе местной школы. На первый взгляд казалось разумным, что в этом доме опять поселился человек науки. Но при более глубоком рассмотрении выявились неприятные факты. Доктор Шорт возглавлял исследовательские работы по разработке реактивного двигателя в научно-исследовательском центре, расположенном в пяти милях от Уэлсфорда. Данный факт, рассмотренный в связи с недавними

изысканиями Тренча, вызвал у него глубокую озабоченность. Получалось так, что деревня приютила человека, по роду своей деятельности занятого разработкой устройств, которые, как о том писалось в книге «Сумерки разума», «...очень скоро окажутся в руках не думающих ни о чем военных чиновников, людей войны, относящихся к человеческой жизни ничем не лучше дикарей». Сама мысль о том, что такому человеку дозволено существовать и создавать оружие и другие безбожные устройства, вызывала у Тренча отвращение. То, что этот человек проживает в настоящее время в его приходе — достаточное основание для того, чтобы он, викарий, принялся за изучение возможности его выдворения из деревни, причем быстрого.

Вторая проблема имела отношение к миссис Аните Кроутер, жившей не более чем в двухстах ярдах от дома ученого. Она тоже недавно поселилась в деревне — менее года назад. Старательно подслушивая разговоры и анализируя ходившие слухи, Тренч добыл кое-какие сведения, от которых у него волосы встали дыбом. Миссис Кроутер была тридцатидвухлетней, достаточно обеспеченной женщиной. Муж у нее умер, и она вела распутный образ жизни. Тренч с болью в сердце узнал, что ее дом нередко становится местом отвратительных оргий. Миссис Кроутер часто заходила выпить в местный бар, и перед закрытием она обычно уводила к себе какого-нибудь слабого духом прихожанина. Деревенские кумушки были необычайно хорошо осведомлены о характере сборищ, и выходило так, что там занимались всякого рода мыслимыми и немыслимыми непристойностями. Тренч не собирался потворствовать этому. В одном доме — разврат и непристойности, в другом живет человек, который стремится подчинить законы природы своим целям и заменить Бога машинами. Они не уйдут от гнева Господнего. Как не избежать гнева Его и всем тем, кто глумится над Богом и Его заповедями.

В понедельник, в три часа пятнадцать минут пополудни, Джек Харрис, уборщик Уэлсфордского клуба консерваторов, по обыкновению вошел в аккуратное здание клуба, чтобы подготовить бар и комнату для игр к вечерним мероприятиям. Он уже пять лет работал здесь и был доволен, что у него есть работа, причем в том возрасте, когда большинство других стариков едва сводят концы с

концами на свои пенсии, бесцельно и в полном одиночестве коротая время у каминов.

Вообще-то обязанности, которые выполнял Джек, по своему характеру относились к ведению экономa. Но этот клуб был богаче многих других, и поэтому зконом только пополнял запасы клубного бара и общался с членами клуба. Джеку такое положение вещей подходило как нельзя лучше. Работу свою он выполнял старательно, не забывал о мелочах и всегда делал чуть-чуть больше, чем от него требовалось. Он полагал, что до конца жизнь обеспечил себя работой.

День выдался яркий и солнечный, и поэтому, войдя внутрь, Джек поначалу ничего не мог разглядеть. Для создания обстановки интимности в вестибюле царил сильный полумрак. Если бы Джек мог видеть более отчетливо, то, проходя в бар, он заметил бы, как из угла, там, где стоял телефон, поднимаются тонкие струйки дыма. И если бы его обоняние не ослабло за годы курения трубки, он учуял бы запах бензина в баре.

Сначала ему предстояло убраться в баре. Работа эта была достаточно простой и легкой, и Джек давно уже не раздражался при виде переполненных пепельниц на стойке бара и сигаретных окурков, валявшихся повсюду в лужицах пива. С помощью щетки, влажной тряпки и мусорного ведра он за десять минут навел порядок и с удовлетворением отметил происшедшие изменения. Особое удовольствие он получал, внося последний штрих в картину чистоты и порядка — до блеска начищал медные ручки пивных краников. Эта работа относилась к числу тех небольших обязанностей, которые Джек принял на себя по своей собственной инициативе; каждый день он начищал все медные предметы в баре.

Работая, он насвистывал, потому что всегда верил, что веселый человек делает честь человечеству. Он никогда не чувствовал себя несчастным. Многие годы он прослужил в армии солдатом, затем работал каменщиком, пока из-за артрита и естественного упадка физических сил ему не пришлось уйти на пенсию. Он считал себя счастливчиком. Он проработал всю жизнь — с двенадцати до шестидесяти девяти лет. И тут, совершенно неожиданно, полковник предложил ему место в клубе. Ему сильно повезло, это точно.

Закончив начищать краники, он сделал паузу и приню-

хался. Наверно, у него разыгралось воображение, но он мог поклясться, что почувствовал запах гари, так — на какое-то мгновение. Вероятно, причина тому — нервное напряжение, в котором пребывали все после ужасного происшествия в общественном центре. Только когда увидишь такой пожар, начинаешь полностью осознавать всю опасность этого бедствия. За свою жизнь, особенно в годы первой мировой, Джек видел несколько грандиозных пожаров, и поэтому он всегда проявлял в этом вопросе осторожность. За час до отхода ко сну Джек в доме больше не курил. Мера предосторожности сама по себе очень простая, но сколько тысяч людей погибло, а могли бы жить да жить, если бы не их глупое легкомыслие. Если Джека и интересовало что-то, так это меры пожарной безопасности. Закрутив колпачок на банке с чистящей жидкостью, он снова замер. На этот раз он точно учуял запах дыма. Он поставил банку на стойку и прошел в вестибюль.

— О, Боже всемогущий!

Языки пламени лизали корпус телефона, а шкафчик для щеток был, похоже, весь охвачен огнем. Джек быстро оценил положение и, обернувшись, глазами поискал на стенах огнетушитель. Он его видел ежедневно, но сейчас, когда в нем была нужда, он никак не мог вспомнить, где его держали. Он рванулся за стойку и оступился. Потеряв равновесие, он тяжело грохнулся на пол и вскрикнул от боли, вызванной приземлением на локоть. Какое-то мгновение он лежал неподвижно, в полной уверенности, что сломал руку. Рукой он угодил во что-то мокрое, и через некоторое время почувствовал, что и брюки его в чем-то вымокли. Качаясь от боли, он сел на пол и огляделся вокруг. Весь пол был залит жидкостью. Он принюхался. Бензин! Он вспомнил, что, забегая за стойку, он задел что-то — банку или ведро. Приглядевшись, он увидел лежащую в углу пластмассовую канистру, а рядом с ней металлическую крышку. От боли у него кружилась голова, но надо было идти, предупредить о том, что случилось.

С огромным трудом он встал на ноги и тут увидел, что пламя пожирает ковер и ползет по обивке стоявших у окна кресел. При виде ужасного зрелища он вскрикнул и рванулся к окну. Он бежал и чувствовал, как его ноги обдает обжигающим воздухом; потом раздался хлопок, и на нем загорелись брюки. Он попытался закричать, но не смог — в легкие попал дым. Обезумев от ужаса, задыхаясь и

кашляя, он повернулся спиной к окну и попытался выбить стекло. От возбуждения и сильной боли рассудок его помутился, и он ударился о стену в полуметре от окна. Крик сорвался с его губ, ноги подкосились в коленях, и обмякшее тело медленно поползло вниз по стене. Он видел, как горят его ноги, но уже не чувствовал боли. Левая рука онемела и безжизненно повисла. Дышать было нечем. Бар наполнился дымом, из-за черных клубов, поднимавшихся от пылавшей обивки, нельзя было ничего разглядеть. Вокруг опустилась темнота, в которой, подчиняясь какому-то своему ритму, то вспыхивали, то гасли высокие языки пламени. Неожиданно его онемевшее, омертвевшее тело пронзила доселе неведомая боль. Глаза его расширились, и он беспомощно заскулил, с ужасом наблюдая, как горит его куртка и огненные капельки искусственного волокна оставляют ожоги на руках и груди. Он повернул голову — никаких других движений он делать уже не мог — и увидел, как на него страшно, медленно опускается пылающая портьера. Укутанный удушливой опаляющей пеленой, Джек открыл широко рот и издал беззвучный крик.

Пожар охватил все помещение и поглотил его как хищный, мстительный зверь. За каких-то пятнадцать минут от Уэлсфордского общественного центра осталась только почерневшая от огня коробка здания, в которой дымилось обгоревшее до неузнаваемости, скрюченное в последнем приступе боли и гнева тело Джека Харриса.

Глава VIII

Организацию похорон взял на себя сержант Клайд. У Джека Харриса не было родственников, а в деревне, похоже, никто не проявлял особого желания предложить свои услуги и заняться этим делом. Уже пошли разные слухи о том, что в Уэлсфорде действует некая сверхъестественная сила. Один умник, обладавший скорее воображением, нежели умом, сделал оригинальный вывод: все три жертвы недавних преступлений были морально падшими людьми. В послужном списке Стрелка фигурировало дело о попытке изнасилования. Об этом писала местная газета. Но это было всего лишь обвинение: суд его оправдал. Три года назад одна девушка подала заявление о

том, что она были изнасилована группой мотоциклистов. На этом обвинение и основывалось. Положа руку на сердце, девушка не могла поклясться, что Стрелок был в числе насильников: она не помнила его лица. Но для слухов достаточно и косвенных улик, отсюда: парень — насильник и моральный выродок. Далее следовал Редклиф. В деревне не было ни одного человека, кто бы не знал о нем и его распутном образе жизни. Третий довод вызвал у большинства людей удивление. Оказывается, Джек Харрис однажды соблазнил несовершеннолетнюю, которая, узнав о своей беременности, покончила жизнь самоубийством. В том, что многие никогда не слышали об этом, не было ничего удивительного: эта история произошла в 1925 году. И снова: против него даже обвинения не выдвинули, но факт отложился в памяти охочих до сплетен кумушек, готовых охотно им поделиться, когда он потребовался для создания мифа.

Предположение о сверхъестественном характере обрушившейся на них кары тоже имело свое обоснование. Жертвы понесли наказания согласно степени серьезности их преступных деяний. Редклиф был обыкновенный бабник, он никому не причинил зла. И поэтому он отделался легким наказанием. Грех Стрелка был посерьезнее. Пострадала девушка: она лишилась своей невинности (правда, люди, разносящие слухи, никогда не выясняли, потеряла ли она невинность тогда или еще раньше). Это было серьезное преступление, и он получил серьезные травмы, которые будут ему напоминать о себе всю жизнь. И, наконец, старый Джек. Он был виновен, как никто другой. Он овладел девушкой, еще ребенком, которая затем покончила с собой, понеся отвратительный плод грязного совокупления. Такой человек заслуживал только смерти, медленной и мучительной. Для людей, сохранивших простоту уклада жизни и продолжавших верить предрассудкам несмотря на доступность многочисленных знаний, данное предположение звучало соблазнительно правдоподобно. Сержант Клайд пришел в бешенство, когда жена пересказала ему ходившие по деревне слухи.

— Иногда мне кажется, что мы здесь продолжаем жить, как в средневековье,— прорычал он, сидя на кровати с традиционной кружкой какао. Сидевшая рядом с ним жена в белой ночной рубашке с наглухо застегнутым воро-

том на тонкой шее придавала вящую убедительность его утверждению.

— Но в этом есть доля здравого смысла, согласись,— не унималась она.

Он посмотрел на нее.

— Нет, я как раз так не считаю. По-моему, это чушь, придуманная этими желчными старухами, которые вечно толкутся у почты и дрожат от восторга, когда происходит какое-нибудь несчастье или трагедия.— Он поставил кружку на прикроватную тумбочку и поднял палец.— Ты понимаешь, что они фактически нарушают общественный порядок? Сеют панику. В Уэлсфорде живет много очень умных людей, но эти болтушки могут заразить всех своей тарабарщиной. Какие они все-так мерзкие, черт их подери!

— Думай, что ты говоришь.

— Ты тоже. Рассказываешь мне всякую пакость и пытаешься доказать, что в ней есть доля истины.

Он опять поднял кружку и отхлебнул какао. Он достаточно хорошо знал Джека Харриса и историю с девушкой. Сколько мужчин ненароком награждают девушек беременностью? Тысячи. Большинству из них везет больше, чем Джеку: они переезжают в другое место и через какое-то время о них забывают. А Джек остался, и вот смотрите, что он заслужил. Прошло всего два дня после его смерти, а они уже чернят его имя. Замшелость некоторых местных жителей расстраивала Клайда едва ли не больше, чем внезапно обрушившиеся на его голову пожары. Вот они факты — смотрят вам в глаза, надо все перевернуть, поставить с ног на голову, и тогда, может быть, найдется какое-нибудь дикое, совершенно невероятное объяснение. Здесь бесчинствует человек, у которого с головой не в порядке — это ясно; и он местный — это тоже ясно. Остается только вычислить — кто этим занимается.

Руководство отдела уголовного розыска намерено провести полное расследование с применением всех сил и средств. Они забирают дело себе, но Клайд никоим образом не расстраивался по этому поводу. Он попробовал, пошевелил мозгами, но у него не появилось даже намека на правильный ответ.

— Ты думаешь, они найдут виновника? — спросила жена со скрытой иронией в голосе.

— Абсолютно уверен. Это не привидение и не всемогущий мститель. Это реальный, больной человек, возможно

поджигатель, а может и того хуже. Но он реально существует. Он пользуется обычными, земными вещами, например бензином, креозотом и пенопластом. Они найдут его.

— Надеюсь, что ты прав,— зевнула жена, улеглась в постель и повернулась к нему спиной.— Посмотрим.

Сержант допил какое и кивнул головой.

— Да, посмотрим.

Еще большее раздражение Клайд почувствовал, когда хоронили Джека. И на это имелись основания. В то время, когда так необходимы спокойствие и здравый смысл, викарий, похоже, решил потворствовать предрассудкам своих прихожан. Стоя у края могилы в окружении более чем сотни людей, он произнес короткую речь, которая разозлила сержанта, удивила некоторых присутствующих и подтвердила темные опасения большинства. С головой, склоненной в печали, присущей человеку, который непосредственно связан со смертью, он походил на священного посланника эпохи средневековья. Тренч говорил глубоким, сочным голосом, не по бумажке — слова его несли в себе силу внутренней убежденности.

— В результате пожара от нас ушел брат, ушел в муках и страданиях. Могила примет его кости, но мы не может утверждать, что она даст покой его душе. Человеку не дано знать намерений Господа. У Бога свои доводы, и человек может о них только догадываться, а если он не глуп, то и видеть в них предостережение. Во всем есть божественная причина, и если мы увидим руку Господа в смерти нашего брата, тогда мы должны поискать у себя в душе ответ на вопрос: а не понесем ли и мы должную кару, если он заслужил столь ужасный конец? Жители нашей деревни охвачены беспокойством, волнением... А может быть, нас подталкивают обратно на праведный путь? В этот самый час, оплакивая уход из жизни нашего брата, мы все должны твердо решить — хватит нам подвергать опасности нашу собственную судьбу.

Дальше все прошло, как обычно. Разъяренный Клайд порывался немедленно взяться за Тренча, он едва сдерживался, но потом передумал. Старый викарий был ничуть не лучше безмозглых кумушек и сплетниц из числа прихожанок. У него это было профессиональным заболеванием — он слишком долгое время занимался вещами неощутимыми, не имеющими реальных оснований. Его вряд ли

стоило винить за то, что он воспользовался недавними событиями и напустил немного священного ужаса. Тем не менее Клайд чувствовал раздражение. Как тут оперировать фактами и здравым смыслом, когда народ верит в библейские сказки?

После похорон Тренч вернулся домой и заварил крепкого чаю. Все утро он плохо себя чувствовал, и во время службы на кладбище был даже момент, когда ему показалось, что он вот-вот упадет в обморок. Он отлично знал, в чем причина его нездоровья. После несчастного случая в клубе консерваторов он испытывал сильное чувство вины. Тренч знал и любил покойного. То, что Джек вошел в клуб через пять минут после воспламенения устройства замедленного действия, было настолько неожиданным, что Тренч, находившийся в безопасности у окна своего кабинета, чуть не сошел с ума и, переминаясь с ноги на ногу, принялся молиться о том, чтобы тот успел выйти, прежде чем огонь разгорится. Но Джек не вышел. Плохое самочувствие Тренча было вызвано не столько угрызениями совести, сколько последствиями наставления, полученного им в то самое утро. Во сне с ним напрямую беседовал Господь. Джек Харрис отправлен в ад. Разве непонятно? У Бога свои доводы. Более тщательно изучив факты, Тренч начал понимать, что происшествие имело под собой божественный замысел. Старик вошел в здание именно в то время — не позже и не раньше,— когда он мог попасть в ловушку. Просто так этого произойти не могло — имелся сценарий. Получив наставление, Тренч почувствовал слабость, как будто внезапно вылечился после тяжелой, изнурительной болезни.

Как он мог сомневаться в Господе? Разве Бог, специально назначив его исполнителем своей воли, позволил бы произойти несчастному случаю? Конечно, нет. Пока Господь правит, всему есть своя причина. Тренч с удовольствием отхлебнул чаю и напомнил себе, что не должен испытывать сомнений. Он выполняет божественную миссию, а такая миссия требует мужества, целеустремленности и великой веры; чего она не требует, так это сомнений.

Как он заметил, число полицейских в деревне увеличилось, и они заметно активизировались. Они, несомненно, придут и к нему, поэтому ему следует сдерживать свое рвение. Одно дело скрывать свои настоящие чувства и

совершенно другое — держать их под контролем. В конце концов, у него не было причин стыдиться содеянного; просто ради продолжения начатого дела он должен быть осторожнее с полицией.

Взяв с собой чашку с чаем, Тренч вышел в сад и сел на обшарпанную скамейку. За смятением, вызванным последними событиями, уже чувствовалась грядущая умиротворенность. В деревне, частично очищенной от порока, стало спокойнее, в атмосфере витала меньшая напряженность и угроза. Придет время и сюда вернутся угодные Богу безмятежность и чистота прошедших дней.

— Но я не должен расслабляться,— сказал Тренч громко.— Еще столько предстоит сделать.

Он провел ладонью по лбу. Солнце припекало, и на мгновение он почувствовал приступ головокружения. Без сомнения, приятное бремя забот по восстановлению славы Господней подрывало его здоровье. Припадки и головные боли стали реже, но, похоже, нарастали симптомы общей усталости. Отдых и хорошее питание — вот то, что ему нужно, сказал он самому себе. Простые средства. Простые средства всегда наиболее действенны.

Было ясно, что руководство отдела уголовного розыска снизошло наконец до проблем Уэлсфорда. В деревню прислали одного следователя в звании инспектора, двух — в звании сержанта и трех — в звании констебля. С точки зрения инспектора это было вопиющим разбазариванием людских ресурсов. Он мог был справиться и самостоятельно. Местечко небольшое, и, несмотря на весьма странный характер преступлений, от следователя не требовалось каких-то особых следственных приемов. Ходи да ходи и тщательно выспрашивай. Только это могло принести положительные результаты. Но на него навесили пятерых подчиненных, и вот теперь знай — укрепляй их моральный дух и выискивай работу для себя самого. На второй день следствия инспектор, высокий человек с орлиным взглядом по фамилии Бойл, вызвал деревенского сержанта в штаб следственной группы, разместившийся в местной гостинице, и задал ему ряд вопросов.

Клайд был доволен, что к нему относятся, как к любому другому свидетелю, и рассказывал о происшествиях подробно, но не привнося в свои ответы собственные выводы и умозаключения. Однако, когда в беседе возникли спорные вопросы, Клайд оказался втянутым в их обсуждение.

— Как вы думаете, местные жители очень невежественны? — спросил Бойл.

По выражению его лица и интонации было видно: он лично подозревает, что эта деревня — последний оплот провинциального невежества.

Этот вопрос вызвал у Клайда смешанные чувства, но он решил их не выказывать.

— Жизнь здесь течет в более медленном темпе, инспектор. Но я бы не сказал, что они невежественны.

— Вы знаете, ходит слушок, что во всех трех случаях осуществлено своего рода возмездие?

— Да, знаю.

— А вам не кажется, сержант, что это и есть замшелое мышление — признак невежества?

— Нет. Просто слух — как любой другой. Пару лет назад у одного фермера — он живет в четырех милях отсюда — начался падеж скота. Скотина мерла в буквальном смысле одна за одной. Ветеринару так и не удалось установить причину падежа. Через месяц кто-то пустил слух о том, что это фермеру ниспослана кара. За что — никто не знал. Когда речь идет о фермерах, всегда легко найти собственное обоснование тому, что они заслуживают наказания. Слух до сих пор держится.

— Это как раз и подтверждает мою мысль, согласны? Они темные, несовременные люди.

Клайд покачал головой.

— Я не закончил. Жители Уэлсфорда в целом, вполне современные люди. Но здесь есть несколько суеверных старух, да и несколько стариков тоже, которых действительно можно назвать невежественными людьми. Это они распускают большинство идиотских слухов. Основная масса жителей деревни, здоровое большинство, пропускают эти слухи мимо ушей. Они не темные люди, инспектор, они просто излишне восприимчивы.

— Это тоже свидетельствует о невежестве.

— По-моему, нет. Мне кажется, тут дело в том, что, несмотря на свой здравый ум, они мало ездили по свету. Большинство жителей родились здесь и, по-видимому, здесь же умрут. Они впечатлительны и не более того.

Инспектор пожал плечами.

— Верю вам. Но, чтобы делать правильные выводы, я должен знать, какая здесь царит обстановка. Насколько я понял из ваших слов, мне следует исходить из предположе-

ния о том, что местные жители несколько оторваны от действительности. По-моему, это и есть невежество.

Клайд знал, что, конечно же, инспектор прав. По городским стандартам, это местечко погрязло во мраке невежества. Социальные изменения, как, например, появление общественного центра и увеличение числа телевизоров, еще не скоро приведут к исчезновению укоренившихся предрассудков и обычаев. На это уйдет полжизни целого поколения. Но Клайд не мог не встать на защиту своей деревни — это было бы не патриотично.

— Будем действовать по принципу накопления сведений,— продолжал инспектор.— Заявления, мнения, соображения... Пойдем по домам. Все зацепки — если таковые появятся — будут отслежены. Я согласен с вашей оценкой и с мнением моих коллег, что за этим делом стоит кто-то из местных жителей. Мотив непонятен. Я пока что не могу найти связующее звено. И опять же, преступления совершены с поразительной тщательностью, поэтому я не считаю их случайными. Загадочное дело, но не сложное. Мы найдем виновного.

Клайд кивнул головой.

— Я уверен, что найдете, инспектор. Но пока вы доберетесь до преступника, вам придется выслушать много неприятного в свой адрес.

— Знаю, знаю,— вздохнул Бойл.— Так всегда происходит там, где живут невежественные люди.

Редклиф был убежден, что наткнулся на решение. Полицейские, как всегда, склонные не видеть очевидного, ходили из дома в дом, задавали всякие идиотские вопросы, а истина-то видна невооруженным глазом, она похожа на реющий яркий стяг. Нынешнее ощущение, близкое к уверенности, возникло у Редклифа после того, как он сделал одно простое умозаключение. Вечером того дня, когда сгорел клуб консерваторов, жена полковника, миссис Роджерс, пошла в бар «Бычья голова», чтобы найти утешение в вине. Вместе с небольшой группой своих приятелей она оплакивала утрату социальной гавани. Редклиф, уютно пристроившийся за соседним столиком с газетой и кружкой пива, невольно подслушал ее монолог и сильно удивился тому, что услышал. Он и не знал, что был не единственным человеком, кого викарий наградил своим проклятием.

— Этот проклятый монстр, Тренч,— сказала Долли своим охрипшим от алкоголя голосом,— он, наверно, сейчас пляшет от радости. Случилось то, чего он так хотел — клуб весь выгорел, от него остались одни развалины. Помните, что он сказал, когда читал нам свою проповедь тем вечером? «Господь восторжествует». Старый хрыч. Его, наверно, сейчас распирает от удовольствия. Так бы и придушила его.

Заинтригованный услышанным, Редклиф нашел директора центра, который все еще дулся на него за бардак, устроенный Редклифом в концертном зале.

— Да, викарий приходил к нам,— сказал он и принялся выражать чувства, аналогичные тем, что Редклиф уже слышал от Долли Роджерс.— Не сомневаюсь, священник сейчас потирает руки от удовольствия. То, что произошло, можно сказать, соответствует тому, о чем он предупреждал, посмотрите.

Он показал Редклифу письмо от Тренча и поведал подробности посещения священником автомобильной стоянки.

— Кстати, почему вас это интересует?

— Простое любопытство. Я пытаюсь найти того, кто уничтожил мою аппаратуру.

— И мой потолок, кроме того,— ввернул Мэрриот.

— Вот именно.— Редклиф старался выглядеть непринужденно. Если он раскусит этот орешек, то уж позаботится о том, чтобы все лавры достались ему.— Пытаюсь исключить подозреваемых, если вы понимаете, о чем я толкую.

Мэрриот сухо рассмеялся.

— Тренч? Подозреваемый? Сделайте одолжение... Это не про него. Он попик, понимаете? Причем до мозга костей. А ваш злодей — он сумасшедший, и вид у него должен быть злодейский.

Редклиф удивился.

— Вы верите в это, да?

— Безусловно. Я имел дело с разными людьми. В нашем деле этого не избежишь. Своих злодеев я знаю. И если мне попадется человек, который, по моему мнению, совершил это преступление, я сам наброшусь на этого ублюдка.

— Понятно. Все равно, спасибо. Как я уже сказал, я только пытаюсь исключить подозреваемых.

— Согласен. Можете совершенно спокойно исключить

Тренча. Он доверил бы Господу творить за себя свои злодеяния.— Мэрриот повернулся и пошел прочь.

— Бедняга, должно быть, верит в это. У него вера, как у меня геморрой,— хроническая.

Так вот где решение! Как просто. Для всех жителей викарий человек, не способный к насилию. Факты вполне очевидны, изобличающие улики налицо, но никто этого не хочет видеть. Сам факт строгой приверженности викария религии служит отличным прикрытием для любых дел. Редклиф твердо считал, что церковные законы разрешают практически что угодно. Действуя против людей, которых он предупредил, Тренч, должно быть, считает себя вправе так поступать. История древней Англии изобиловала конфликтами между церковными и светскими законами. Самые ярые ревнители веры среди священников, должно быть, скорбят о том, что канули в лету те времена, когда церковь имела право судить людей. Возможно, некоторые из них, такие, как Тренч, например, и сегодня готовы применить божественные законы к земным делам. Редклифу эта мысль показалась привлекательной. Другие люди, точнее большинство других людей, скорее всего отвергнут ее. Отсутствие воображения — вот в чем причина. Именно художники несут миру истину. Редклиф решил проверить свое предположение. Если он ошибается, то и бог с ним; но он был уверен, что прав. Он нутром это чувствовал.

Вечером Тренч вышел с корзинкой в сад. Было прохладно и стоял туман. Раздвигая ветви деревьев, он держал свой путь в сторону южной стены. Ублажая свою уже умиротворенную душу, он напевал какой-то религиозный мотив. Летними днями, на закате, он всегда вспоминал отца, как тот сидел в саду с черновиком текста проповеди на коленях и лицом, обращенным к заходящему солнцу. Отец всегда хвалился — если это считать подходящим словом,— что каждое утро видит, как солнце всходит, и каждый вечер — как оно заходит.

Он нашел растение, которое искал, и начал собирать ягоды. Их много ему понадобится, чтобы надавить сока, а потом несколько раз процедить его. Это растение с пурпурными, точеными ягодами, по-своему столь же краси-

выми, что и некоторые цветы, называлось беладонна. Оно всегда росло здесь, сколько Тренч помнил себя. У него были хорошие познания в области народной медицины, ее рецептов и методов, он неплохо разбирался в свойствах ягод. Тренч знал, что из сока белладонны получают гиоциамин и атропин; он также знал, как изготовить сироп смертельной концентрации. Жизнь вблизи природы имела свои преимущества. Огонь — удобное и эффективное средство борьбы, но меры предосторожности диктовали необходимость изменения тактики действий. Что могло заменить огонь лучше, чем дикорастущее растение, которым Бог украсил поля и веси? Оно, как и Господь, способно и убить, и излечить, и к тому же — что является положительным свойством — имеет приятный вкус, если его смешать с определенными веществами. Господь мудр и щедр; во сне он напомнил Тренчу о плодах в его саду и о том, что их можно применить для исполнения воли Господа. Ему представлялось удивительным и непостижимым то, как он был ведом от дилеммы к решению; благодаря абсолютной вере и преданности, он получал столь подробные указания, что ему оставалось только выполнить их.

Наполнив корзинку до половины, он вернулся в дом, расставил банки, разложил бумагу и всякую утварь. В разгар крестового похода он снова ощутил себя маленьким мальчиком, возбужденным от перспективы приключения. Он тщательно готовился к предстоявшим делам, чтобы не вызвать неудовольствия своего Господина.

Походя Тренч подумал о переменах, которые, возможно, произойдут в его быте. Впервые он дал объявление о найме экономики. Раньше он обходился собственными силами и не нуждался в чьей-либо помощи со стороны. Но теперь предпринятая им кампания поглощала все больше и больше времени, и в доме уже не было прежнего порядка. Правда, внутренний голос говорил ему, что его намерения нанять экономку не столь чисты. Разве не испытал он в последнее время возбуждения в самых отвратительных частях своей плотской оболочки? Разве, просыпаясь в последнее время, он не обнаруживал, что предмет стоит и тверд, как камень? И, наконец, не является ли этот его необъяснимый интерес к женщинам чем-то таким, что возбуждает эту часть его тела? Тренч действительно не отдавал себе отчета, почему такие мысли овладели им именно в тот момент, когда он решил нанять экономку. Он знал о

позывах плоти только то, что их надо гнать от себя, не обращать на них никакого внимания, когда они возникают. В доме нужна экономка и никаких других мыслей по этому поводу не должно даже возникать. Несомненно, это все плотские желания являются дьявольскими кознями. Сатана всегда где-то рядом, когда дело касается творений рук божьих. Тренч вдруг с удивлением обнаружил, что холодная ванна — вполне подходяще средство, чтобы заставить убраться от тебя Князя Тьмы.

С еще большим энтузиазмом он принялся перетирать и отжимать ягоды. Как всегда, великий Бог изобрел гениальный план и, как всегда, Тренчу оставалось только выполнить его.

Глава IX

В десять часов утра Редклиф громко и настойчиво постучал во входную дверь дома священника. Будучи полностью уверенным, что именно Тренч стоит за этими двумя пожарами, повлекшими за собой гибель его киноматериалов и оборудования, Редклиф не испытывал страха перед перспективой встречи со священником и совершенно не волновался о том, что может случиться, если Тренч использует силу в ответ на его обвинения.

У Тренча был настороженный вид, словно он занимался делом, которое хотел скрыть от посторонних глаз.

— Какая нечаянная радость,— сказал он, пытаясь говорить так, чтобы голос его звучал искренно, хотя это вряд ли могло бы кого-нибудь убедить: слишком угрюмо было его лицо.

— Прошу прощения, святой отец, не мог бы я войти? — С этими словами Редклиф вошел в дом. Подобной тактики — когда вы чуть-чуть впереди того, что намереваетесь сделать, и громко об этом заявляете,— Редклиф придерживался часто, особенно при общении с билетершами и официантами. Все это возымело действие и сейчас: Редклиф заметил, как Тренч отступил в сторону, даже не пытаясь ему помешать.

Священник провел его в гостиную и предложил сесть.

— Чем могу быть полезен в такое замечательное утро? — Тренч был любезен, несмотря на всю враждебность полученного им от Редклифа письма. Как всегда, он

был одет во все черное — за одним исключением, что с интересом отметил про себя Редклиф. У священника на шее висела золотая цепь — изящное, филигранной работы украшение. Заметив, очевидно, любопытный взгляд, который посетитель бросил на украшение, Тренч погладил цепь рукой и кратко объяснил, что это подарок его отца. Но он сказал неправду. Цепь была его единственным талисманом, воспоминанием студенческих дней. Эта вещь каким-то странным образом внушала ему удивительное спокойствие. Она была куплена им в дешевой ювелирной лавке по внезапному и непонятному желанию, которое было так же необъяснимо, как и та ценность, которую представляла она для своего владельца. Тренч сел в кресло напротив Редклифа и молча смотрел на него, ожидая объяснений.

— Вам не понравится то, что я собираюсь сообщить, святой отец,— предупредил Редклиф.— Однако я полагаю, что вы постараетесь опровергнуть мои подозрения и предчувствия. Эти подозрения касаются вас.

Тренч удивленно поднял брови:

— Вот как? Позвольте узнать, каким же образом?

Редклиф старался говорить спокойно, не запинаясь. За те несколько мгновений, что он сидел в кресле, его уверенность стала улетучиваться, а подозрения перестали казаться убедительными. У себя дома священник уже не так походил на злодея, как рисовалось Редклифу в воображении. Но он хотел остаться объективным и не собирался отступать от своего решения, хотя его непосредственное впечатление значительно уменьшило его уверенность.

— Последние трагические события в Уэлсфороде...— начал он, ненавидя себя за долгую паузу и необходимость сглотнуть слюну. Тренч так смотрел на него, что Редклиф пришел в замешательство. Ему казалось, что этот взгляд проникает в его мысли и, читая их, проверяет убедительность его слов.— Мои пленки и оборудование уничтожены, и еще два пожара... Гибель одного человека и увечья другого...

Тренч слегка покачивал головой в знак согласия.

— Ужасно, просто ужасно.

Говорить становилось все труднее. Редклиф явился сюда, чтобы прокричать в лицо этому человеку свои обвинения. Любую неуверенность в словах и поведении Тренча он готовился обратить в доказательство его вины. Но Тренч выглядел так мирно, у него было такое мягкое и

симпатичное лицо, он был так похож на доброго, всепонимающего дядюшку... Редклиф изо всех сил старался разозлить себя, вспоминая, что перед ним тот самый человек, который прислал ему такое отвратительное письмо.

— У меня есть все основания считать, что именно вы стоите за всеми этими тремя происшествиями. Сначала это было лишь подозрение. Но по мере того как я все больше задумывался над этим, мои подозрения превращались в уверенность, правда пока ничем не подкрепленную.

Тренч почувствовал тревогу, но выражение его лица не изменилось: оно оставалось все таким же безмятежным. Он по-прежнему совершенно спокойно сидел напротив Редклифа и смотрел куда-то чуть ниже его лба. Потом ему пришла в голову мысль, что решительное отрицание, возможно, было бы в данном случае более убедительным. И он стал говорить — очень медленно, спокойно, взвешивая каждое слово:

— Вы сказали — не подкрепленную?

— Да, до вчерашнего вечера. Я сделал около десятка телефонных звонков и нашел человека в Солихале, который продал три бутылки амилнитрата священнику.

— Я не понимаю.

Редклиф всеми силами старался заставить себя не верить этому человеку, хотя он держался так естественно и спокойно, так уверенно...

— Я думаю, что вы все понимаете, мистер Тренч. Пленка моего фильма была разъедена амилнитратом. За несколько дней до намеченного просмотра вы предупредили меня, чтобы я не показывал «Виридиану». И вечером в день показа пленка оказалась уничтоженной. Вы также угрожали ребятам на автостоянке возле общественного центра. Кроме того, вы побывали в клубе консерваторов. Три предупреждения и три таинственных акта насилия. Наконец, как я уже сказал вам, выяснилось, что священник купил большое количество химикалиев, которые меня разорили. Все сходится.

Тренч встал, подошел к окну, затем повернулся к нему, но Редклиф не мог рассмотреть выражения его лица на фоне яркого голубого неба.

— Очень любопытно, мистер Редклиф. Если бы я точно не знал, что вы ошибаетесь, боюсь, я сам мог бы поверить в убедительность ваших обвинений.

— Вы отрицаете их, не так ли? (Где же, черт побери, та уверенность, которая была у него вчера, подумал Редклиф. Ведь он так заводил себя, так отрепетировал свою злость и ярость! А теперь едва слышит свой собственный голос).

Тренч улыбнулся, и Редклиф увидел ровные белые зубы — свидетельство хорошего здоровья и честных намерений их владельца.

— Разумеется, отрицаю. Прошу вас, примите это спокойно. Хотя вы очень самоуверенны. Да простит вас Бог за ваши заблуждения.

Редклиф с трудом проглотил слюну.

— Не думаю, что заблуждаюсь.

Тренч продолжал улыбаться.

— Уверяю вас, вы ошибаетесь.

— Все равно, мистер Тренч, я обвиняю вас.

Тренч развел свои мягкие белые руки:

— В таком случае, что я могу вам сказать? Могу только предложить вам поделиться своими сомнениями с полицией. Пусть они проведут необходимое расследование. Тогда вы, возможно, убедитесь в моей невиновности. Пожалуйста.— Незаметно перейдя комнату, он стоял теперь очень близко от Редклифа.— Идите и расскажите полиции все, что знаете. Они во всем разберутся. Я верю в их способности.

Редклиф чувствовал себя отвратительно. Несмотря на все доказательства, он все больше верил Тренчу. Он слегка махнул перед собой рукой, словно пытаясь схватить свою исчезающую уверенность.

— Хорошо, я пойду, и мы посмотрим...

Тренч перебил его, он говорил убежденно, с большой сердечностью и так, словно разговаривал со своим старым знакомым:

— Ваши подозрения напомнили мне о том шуме, который возник как-то вокруг неких останков, якобы обнаруженных в церковном склепе. Вы слышали что-нибудь об этом, мистер Редклиф?

— Нет, абсолютно ничего.— Настроение Редклифа за последние минуты так изменилось, что он почувствовал острую необходимость как-то выразить свои извинения священнику за дерзкий ответ на его письмо. Он оказался в дурацком положении: у него были факты, твердые доказательства, но священник внес такие сомнения во все это — главным образом своим спокойным, дружелюбным

обращением,— что Редклиф почувствовал себя совершенно сбитым с толку. Его уверенность исчезла.

Тренч направился к двери, жестом пригласив Редклифа следовать за собой.

— Пойдемте, я покажу вам, что я имею в виду. Может быть, вы убедитесь тогда, что сплетни вырастают, благодаря богатой фантазии, из самых обычных фактов.

Они миновали кухню, вышли в сад и по петляющей тропинке направились к церкви. Когда они подошли к ее восточной стороне, Тренч вынул из кармана связку ключей и вставил один из них в скважину небольшой прямоугольной двери, прятавшейся в стене. Небольшая лестница вела вниз.

— Склеп закрыт для посторонних,— объяснил Тренч.— Потолок прогнил или еще что-то в этом роде. Но вы должны посмотреть.

Редклиф молча следовал за ним, испытывая дьявольские угрызения совести. Он чувствовал себя так неловко, что, если бы священник снова заговорил о необходимости обратиться в полицию для проведения расследования, он просто-напросто сбежал бы.

Внутри склепа стоял полумрак, воздух был затхлый. Орнамент, украшавший фасады четырех массивных надгробий, был выполнен из бронзы, позеленевшей, разрушенной от времени. Звенящая тишина висела во влажном липком воздухе, единственным источником освещения было маленькое окошко. Редклиф подошел к нему, выглянул наружу и, увидев свежую зелень травы, немного успокоился. Он еще никогда не спускался ни в один склеп, и, если все они похожи на этот, то никогда больше и не спустится. Стены склепа, отстоящие друг от друга всего на несколько метров, сходились наверху, образуя невысокий свод, словно предназначенный для того, чтобы давить на психику. Возможно, подумал Редклиф, я слишком поздно обнаружил, что страдаю клаустрофобией.

Тренч подошел к какому-то древнему ящику в дальнем конце склепа, открыл крышку и пригласил Редклифа заглянуть внутрь.

Редклиф взглянул и увидел груду тряпья, перевязанную посередине веревкой и по форме напоминающую фигуру человека. С первого и даже со второго взгляда можно было представить себе, что это лежит какой-то бродяга. Редклиф чувствовал, что Тренч что-то имеет в виду. Это было

тело, самое настоящее тело, и, только дотронувшись до него, можно было убедиться, что это старый ковер, завернутый в брезент. Редклиф в этом и убедился. Хороши эти священники со своими штучками!

— Вот это-то разглядели через окно склепа две пожилые дамы, и еще до того как я узнал об этом, слух распространился и превратился в целую историю, которая была преподнесена полиции в качестве твердо установленного факта.— Тренч рассказывал легко, с юмором, но не слишком увлекаясь, как того требовало его положение.— Как вы сами видите, никакое это не тело.

Редклиф обернулся, подбирая слова, чтобы выразить свои глубокие извинения. Он взглянул на священника и увидел, что тот держит что-то над головой. Это оказался столярный молоток. Он с удивлением смотрел на плоскую, массивную ударную поверхность инструмента, находящегося всего в полуметре от его головы. На губах священника змеилась легкая усмешка, костяшки его пальцев, сжимавшие рукоятку молотка, побелели от напряжения.

— Что...

Еще до того как Редклиф, увидел все это, сумел что-то понять, кусок металла начал стремительно приближаться к нему. Он ощутил удар по голове, немного выше переносицы, и понял, что треснула кость. Удивительно, но он не почувствовал боли, только ощутил, как подались и треснули кости его черепа под воздействием более прочного материала. И лишь в самый последний момент, перед наступлением полной темноты, когда глазниц, удерживающих глазные яблоки, уже не существовало, потому что превратились в костяную кашу, только тогда Редклиф впервые почувствовал боль, но пришло забвение, боль исчезла, как исчезли все звуки. Тишина.

Тренч отступил на шаг назад. Ноги Редклифа подогнулись, тело сначала осело вниз, затем завалилось вперед и растянулось на земле лицом вниз. Подумав несколько мгновений, Тренч снова поднял молоток и изо всей силы ударил еще раз по уже разбитому черепу Редклифа в том месте, где голова соединяется с шеей. Подождал. Тело даже не дернулось. Перед Тренчем тихо лежало то, что несколько мгновений назад было человеком, Томом Редклифом, представлявшим собой опасность, сейчас он уже не дышал и не был опасен.

Тренч положил молоток на место, в ящик для инстру-

ментов, и потащил тело к дальнему надгробию — сооружению с плоским верхом, находившемуся в самой темной части склепа. Когда он подхватил тело под мышки и попытался его поднять, из разбитой головы выпал сгусток крови и упал ему на ботинок. Брезгливость охватила Тренча, с досадой и раздражением он швырнул труп на надгробие. Труп упал поперек и та часть лица, которая ударилась о поверхность сооружения, обезобразилась еще больше: теперь только один глаз безжизненно уставился на дверь. Тренч с отвращением вытер куском тряпья кровь с ботинка, затем подошел к окну и провел окровавленным куском по маленьким стеклам. В помещении стало так темно, что он с трудом отыскал дверную ручку. Луч света, ворвавшийся внутрь через открытую дверь, пробил темноту и упал на распростертое тело, слабо осветив его. Жалкая, сломанная игрушка. Тренч вышел и прикрыл за собой дверь. Вставив ключ в замочную скважину, он повернул его два раза, потом несколько раз подергал ручку, чтобы быть полностью уверенным.

Отвернувшись от двери и уже собираясь идти, он поднял глаза к небу и его губы растянулись в широкой улыбке.

— Спасибо тебе, Господи,— тихо произнес он, ликуя. Полное подчинение божественной воле означало и самый простой способ действия, прямое и быстрое решение всех проблем. Единственный человек в городке, у которого были кое-какие подозрения, был направлен именно к нему в дом, а не куда-либо еще, значит Господь по-прежнему помогает ему. Что это за сила такая, подумал Тренч, направляясь домой. Какая высшая степень власти... И какое счастье, что он вместе со своим господином.

Глава X

Анита Кроутер переносила свое вдовство очень тяжело. Для нее это было проклятием, она жила под этим гнетом уже два года. В свои тридцать два она ощущала себя во всех смыслах на вершине зрелости: опытная, умная, образованная, красивая женщина, обладающая состоянием и имеющая страстную тягу к мужчинам. Этот голод, сколько она помнила себя, терзал ее постоянно. Так было и в те времена, когда был жив ее муж. Она называла это чрезмерной любвеобильностью или избытком физиоло-

гической потребности, которую он не сумел умерить. Теперь, когда его не стало, после долгих и безуспешных метаний и поисков, она пришла к такому состоянию, в котором пребывала в настоящее время. В качестве своевольной жены она смотрелась вполне шикарно. В качестве неразборчивой в связях вдовушки она чувствовала себя иногда обыкновенной шлюхой, и никуда от этого не денешься.

Ей нравился ее дом в Уэлсфорде. Она обставила его дорогой мебелью и пополняла всем, что могла найти и позволить себе купить. У нее действительно все было на уровне, не то что у других горожан, живущих в таких же домах. Обычно она просыпалась очень поздно и долго одевалась, убивая таким образом большую часть дня. Только вечер вселял в нее некоторую уверенность, и она старалась провести его так, словно он был последним в ее жизни. Анита была маленькая блондинка с таким лицом, какое можно увидеть на рекламе молока. Она старалась жить только своей собственной жизнью, чтоб не страдать от действительности. Этому в значительной степени помогал и алкоголь. Он же обычно помогал ей уснуть.

В четверг утром она поднялась непривычно рано. Приняла ванну, оделась, хотя на часах еще не пробило десять. Ей даже удалось съесть легкий завтрак. Она давно решила, что ей необходимо выйти замуж, хотя толком не знала зачем. Именно появившаяся наконец возможность заставила ее подняться чуть свет и одеться, как сказали бы в Европе, вызывающе сексуально. Местные кумушки, если бы они увидели ее наряд, конечно, назвали бы его неприличным. На ней был плотно обтягивающий грудь ярко-желтый шерстяной свитер без рукавов и оранжевая миниюбка, такая узкая и короткая, что не скрывала даже часть попки в прозрачных белых нейлоновых трусиках. Вот и все, никаких туфель, никаких чулок или колготок. Она экипировалась так в надежде на удачу: сосед, думала она, должен наконец-то попросить ее подписать с ним свадебный контракт.

Он был доктор, кажется, философии и большая шишка в области конструирования реактивных двигателей. Холостяк, вид у него всегда был задумчивый, что ему очень шло и являлось, считала Анита, следствием его любви к книгам и подавленных сексуальных потребностей. Звали его Эдвард Шорт. Анита уже целую неделю изо всех сил старалась привлечь его внимание и зазвать к себе на чашку

кофе. Сначала ее планы претворились в совместно проведенный вечер, без прислуги, с отличным ужином и танцами, и, наконец, совсем недавно игра достигла такой точки, что Эдвард, в сильном смущении, как всегда неуверенный в себе, стоя у нее в прихожей, позволил поцеловать себя и даже обласкать. Он обещал зайти как-нибудь утром в свободный день на чашку кофе. Анита решила, что сегодня как раз такой день: солнечный и подходящий во всех отношениях. Как только он попробует этот кусочек торта, так она подумала о себе, то будет просто счастлив распрощаться с хлебом и водой — так расценивала она его образ жизни. Он очень волнующий, ей бы не пришло в голову изменять ему. Да, если все тщательно продумать, это будет хорошая партия. Если же дело сорвется, можно утешить себя мыслью, что он не достанется и никому другому. Она хорошо знала свои возможности во многих областях, что же касается способности обольщать и заманивать в сети мужчин, она была гораздо выше среднего.

Эдвард пришел в одиннадцать часов. Не теряя даром времени, Анита провела его к себе на открытую веранду, залитую ярким солнечным светом, и усадила в шезлонг с мягкими подушками.

— Вы будете сидеть здесь,— сказала она, демонстрируя свою заботливость и гостеприимство, что, правда, не вязалось с ее возбужденным видом и вызывающим нарядом, и направилась в кухню приготовить кофе. Эдвард откинулся в кресле, улыбаясь самому себе и радуясь тому чувству, которое внушала ему Анита. У него никогда не заходило слишком далеко с другими женщинами. Работа, наука, природный талант и возможность доказывать свои теории не оставляли времени на что-нибудь, кроме профессиональных увлечений. Он думал, что у него все нормально в отношении женщин, как у любого другого мужчины, однако в действительности все его немногочисленные связи заканчивались где-то на полдороге и ничего в его сердце не оставляли. Анита, которая сразу же взяла инициативу в свои руки, распахнула в его душе такие двери, о существовании которых он и не догадывался. Она была очень доброжелательна, и он догадывался, что она искушена в любовных делах. Когда он додумался до этого, то пришел к выводу, что это как раз то, что ему нужно. Должен же быть кто-то, кто поможет ему, наставит в вопросах любви. Он решил, что ему очень повезло.

— А вот, наконец, и мы,— объявила Анита, входя с подносом. Отвергая такие качества, как деликатность и утонченность, ни в коей мере не являясь их последовательницей — она считала их ненужной потерей времени и препятствием к активным действиям,— Анита низко наклонилась, ставя поднос на стол, чтобы продемонстрировать свой туго обтянутый юбкой зад. Эдвард был потрясен.

— Вы меня испортите,— с трудом пробормотал он, чувствуя, как новое и волнующее чувство схватило его за горло и пожаром разлилось по всему телу, сосредоточившись где-то в паху.

Она выпрямилась и взглянула на него. Сидя очень низко, Эдвард мог наблюдать верхнюю часть ее ног, вплоть до белого нейлона.

— Я могу заботиться и беспокоиться только о людях, которых я люблю,— сказала она застенчиво. Это было правдой: чем умнее и образованнее человек, тем скорее он попадается на такие штучки, считала она. Вот и сейчас она заметила, что он покраснел от удовольствия.

— Вы действительно считаете, что обо мне стоит беспокоиться? — спросил он.

— Да, считаю.— Она повернулась и села в кресло напротив него, предоставив для обзора свои прелести.— Вы же знаете, Эдвард, какие чувства я к вам питаю.— Она улыбнулась, улыбка была продумана заранее, но не стала от этого менее естественной и сердечной. Он ей очень нравился. Бывает, что наткнешься в магазине на что-то нужное, и сразу хочется прижать к себе. Она обнаружила, что ей трудно спокойно сидеть рядом с ним. Ей все время хотелось дотрагиваться до него.

Эдвард наклонился вперед и начал разливать кофе. Руки его дрожали. Видя Аниту так близко и в таком ракурсе, одетую, но одетую так эротически вызывающе, он чувствовал себя польщенным. У тех женщин, что он знал раньше, единственным достоинством были их хорошие мозги. Все остальное ниже среднего. У Аниты голова работала отлично, но своеобразно, а все остальное было выше всяких похвал. Он с трудом заснул прошлой ночью, и все из-за того, что вспоминал Аниту и сходил с ума от ее пышных форм.

Они пили кофе в молчании. Анита с удовольствием отметила про себя, как легко ей удается пробудить в мужчине сексуальный настрой. Этим приемом она пользова-

лась часто. Если у нее возникало желание заняться любовью, она приглашала мужчин к себе домой, и хотя все они прекрасно знали, зачем они здесь, Анита поначалу держала их в отдалении, создавая то небольшое напряжение, которое помогало ей взинтить себя и получить большее наслаждение от последующего. По ее оценке Эдвард — она внимательно наблюдала за ним поверх кофейной чашки — завелся буквально через минуту. Будучи верной своему принципу — непосредственность действий,— она допила кофе и приступила к делу.

— Эдвард, вам не хотелось бы лечь со мной в постель?

Увидев такое в кино, Эдвард, наверное, поперхнулся бы кофе. Но сейчас ничего такого не случилось. Он поставил чашку на блюдце и внимательно посмотрел на нее.

— Вы имеете в виду — сейчас? — Щеки его ярко вспыхнули. Это развеселило и возбудило Аниту. Его ум, изощренный в науке, отказывался работать, он с трудом пытался скрыть замешательство. Было интересно за этим наблюдать. Очень многие мужчины оставались невозмутимыми в такой ситуации. Эдвард же был непосредственным, застенчивым человеком.

— Ну да. Прямо здесь.— Она прикрыла глаза и сглотнула слюну, как человек, испытывающий сильное желание.— Я страшно хочу тебя.

Эдвард отвел взгляд. Она нравилась ему, он был ее пленником. Но ее откровенное предложение шокировало его, хоть он и догадывался, что все идет к этому.

— Не знаю, что и сказать.

— Скажи «да».

— Да, я хочу тебя. Я не скрываю этого.— Он замолчал и тряхнул головой.— Это трудно объяснить, но я был не совсем готов к твоему вопросу. Пять минут назад я пришел сюда на чашку кофе. А сейчас ты меня спрашиваешь, не хочу ли я с тобой в постель.

— Твое желание возникло внезапно, ты даже сам не отдавал себе в этом отчета, вот почему я и спросила,— сказала Анита, демонстрируя глубину психологического анализа.— И ты застеснялся.

Он улыбнулся:

— Да, ты права. Если бы ты знала, что творится у меня внутри, мы бы лучше поняли друг друга.

Анита поднялась, близко подошла к нему и встала, слегка раздвинув ноги, зная, как это действует на

него,— она догадывалась, что он видит и чувствует.— Пойдем со мной, Эдвард. Я хочу тебя и хочу сейчас.

В спальне, уже раздетая, лежа на предмете своего вожделения, который просто сгорал от стыда, Анита начала потихоньку заводить его — при его полной неспособности помочь ей. Откровенное бесстыдство и обычная женская ласка,— все пошло в ход, она соблазняла Эдварда Шорта тщательно и осторожно, стремясь довести его до такого экстаза, который он вряд ли когда-либо испытывал. В течение часа они катались по кровати, ощущая одну только сладостную боль. Лишь скрип кровати и их стоны нарушали тишину спальни. Она положила все силы для достижения своей цели, казалось, она выполняет самую важную в ее жизни работу. Она пробуждала в нем жажду к себе, старалась войти в его плоть и кровь, чтобы он понял, что утолить эту жажду может только она — его единственная женщина. Позже Эдвард признался, что у нее это получилось.

— Я люблю тебя, Анита.

Она знала наверняка, что таких слов он до нее никому не говорил. Сердце ее прыгало. Раскинувшись на постели рядом с ним, сияющая и счастливая, как любая женщина, которую любят, она поцеловала его в ухо и прошептала: «Я тоже тебя люблю». Дело было сделано. Она сумела добиться того, чего хотела, и установить такие взаимоотношения, какие ей были нужны.

Пока они курили и наслаждались видом своих нагих тел, Эдвард рассказывал ей о своих чувствах — эта река слов после соития повергла ее в изумление. Если его чувства действительно были так сильны, как он говорил, то никакой нужды в совращении его постелью не было. Он и сам хотел ее. Он сознался, что почувствовал это с самой первой встречи. Краснея и стесняясь, он спросил ее, не хочет ли она быть для него не просто любовницей. После приличествующей моменту паузы она дала согласие и бросилась на него с такой страстью и естественностью, которые, как он считал раньше, могли существовать только в пылких юношеских мечтаниях.

В начале первого, уже совершенно обессилев, Эдвард вдруг вспомнил о намеченной встрече.

— Боже мой! — Он сел на кровати и стал собирать свои разбросанные вещи.

— Что случилось?

— Мне же надо идти к священнику.

Она усмехалась, глядя, как в полубессознательном состоянии он натягивает на себя трусы.

— Зачем? Ты ударился в религию?

Он поднялся и стал влезать в брюки.

— Священник позвонил и пригласил меня к себе. Он предложил выпить по чашке чаю и поболтать. Насколько я понимаю, он всегда таким образом общается с членами своего прихода. Я согласился. Он так дружески меня приглашал...

Анита нахмурилась.

— Я слышала, он старый церковный изувер. Лучше не рассказывай ему, чем ты занимался сегодня утром.

Эдвард рассмеялся и покраснел.

— Я даже не знаю, как это называется, то, что мы с тобой делали. Даже если бы я знал, боюсь, что эти слова немецкие и слишком трудны для произношения.— Он улыбнулся ей и закончил одеваться.

— Ты зайдешь вечером? — спросила Анита, зная, что начальная большая доза любви обычно приводит к стойкой привычке.— Мы сможем порезвиться, дорогой.

Он с воодушевлением кивнул. Для потрепанного жизнью ученого, подумал он, я оказался вполне хорош.

— Я бы очень хотел. В одиннадцать часов? Мне еще нужно кое-что сделать.

Она сказала, что это будет просто замечательно.

— Не позволяй священнику наставлять тебя на путь истинный и не вздумай покончить со всеми грехами,— предупредила она его.

Прощаясь, он вспыхнул от смущения и усмехнулся. Ничего себе утречко, подумал он, выходя в маленький заросший садик перед домом Аниты. Небольшой сеанс лечения телесных недугов с последующим излечением духа. Вот это полнокровная жизнь, вот когда ты действительно начинаешь жить, думал он.

Встреча, которую Тренч наметил на десять часов утра, прошла вполне удовлетворительно. И первая же претендентка на должность экономки идеально отвечала всем требованиям. Это была молодая женщина тридцати пяти лет, с полной грудью. Этим она походила на его мать.

У нее были темные волосы и типичное лицо сельской жительницы. Она была еще девушка, потому что ей некогда было выйти замуж — до тридцати лет она ухаживала за больной матерью. Привычка к постоянному ограничиванию желаний и нетребовательность к жизни привели к тому, что даже после смерти матери она оставалась одинокой. Она предпочитала продолжать помогать ближним. Строгий порядок в доме священника и простая жизнь в нем вполне ее устраивали. Со своей стороны Тренч нашел в ней женщину приятного склада. Он сразу сказал ей, что к своим обязанностям она может приступить уже с понедельника. Уже привыкнув к своим новым обязанностям — искоренять дьявола всюду, где только можно,— он с удовольствием подумал о том, что его дом по-прежнему будет содержаться в чистоте и порядке, а он может спокойно заниматься своим нелегким делом. Договорились, что эта женщина, ее звали Дороти Блейк, будет жить у него в доме. На втором этаже была комната для прислуги, уже долгое время пустовавшая, она идеально подходила для этой тихой и скромной женщины. У Тренча осталось приятное чувство завершенности дела, когда она ушла готовиться к переезду. После небольшого раздумья он пришел к заключению, что близкое соседство мисс Блейк возвращает ему утраченное в определенной степени чувство принадлежности к обществу.

Без пятнадцати минут двенадцать Тренч начал готовиться к встрече посетителя из научного мира. Ночью он испытал чувство беспокойства, как будто он что-то пропустил, что-то просмотрел. На рассвете он, наконец, вспомнил, что его беспокоило. Несомненно, это было утонченное божье послание, в котором Тренчу предписывалось стать исполнителем господней кары только в том случае, когда станет совершенно ясно, что никакие доводы не способны вывести этого человека на путь божий. Такое уточнение в отношении мистера Шорта было вызвано тем, что, по мнению Тренча, этот человек занимал особое положение в местном обществе. Он был отмечен печатью таланта, прилежания и усердия в науках, а священник очень хорошо знал, какой чистотой помыслов может обладать человек, погруженный в свои мысли и чье поведение соответствует всем этическим нормам. Такой человек, как мистер Шорт, вполне мог бы отречься от своей греховной деятельности. По крайней мере, ему будет предоставлена такая возмож-

ность. Но если это не поможет, подумал Тренч, тогда... Божьи законы абсолютны и должны соблюдаться, и для этого все средства хороши. Не должно быть места состраданию и жалости, когда стоит вопрос о спасении души не только одного из твоей паствы, но и всего человечества.

Глава XI

Расследование в Уэлсфорде, которым занималась группа криминальной полиции, продвигалось не сказать чтобы успешно. В руках инспектора полиции, возглавлявшего группу, скопилось большое количество информации, которую он называл «основной», однако в ходе ее обработки и анализа группа не пришла ни к каким выводам. Единственное, что можно было утверждать с большой долей вероятности,— это то, что группе приходится иметь дело с совершенно отсталыми, твердолобыми людьми. Обоснованные подозрения касались по меньшей мере пятидесяти местных жителей. Огромное количество домыслов, догадок да и просто суеверий и какого-то тупоумия никак не складывалось в единую целостную картину. Среди участников группы криминальной полиции усиливалась атмосфера раздражения и отчаяния. Вокруг разгуливал опасный преступник, плотно укрытый туманом деревенской подозрительности и недоверия к законам: каждый из местных жителей полагал, что полиция охотится именно за ним.

Сержант Клайд не принимал никакого участия в расследовании. Он был занят тщательным выполнением своих незатейливых повседневных обязанностей. Жители городка не расспрашивали его о ходе расследования, а он, в свою очередь, не спешил делиться информацией. Он, как и все, отдавал себе отчет в происходящем и, как и все, имел собственное мнение, но держал его при себе.

В четверг, как раз тогда, когда он собирался сделать перерыв на обед, сержант поднял глаза от бумаг и увидел молодую женщину, которая, стоя у входной двери, собиралась позвонить. Она была очень привлекательна и обладала тем шармом, который многие жители городка называли бы непристойным. Сержант уже видел ее раньше, только никак не мог вспомнить, где они встречались.

— Не стоит звонить, мисс. Достаточно легкого покашливания, чтобы привлечь внимание.— Он улыбнулся ей и

вышел из-за стола. Когда он подошел к перегородке, то заметил, что косметика на ее лице лежит не так идеально, как ему показалось издали. Да и глаза подкрашены небрежно, не говоря о том, что они просто красные. При близком рассмотрении волосы ее оказались крашеными, а помада потрескалась и частично обсыпалась. Старая история, подумал он. На расстоянии все выглядит лучше.

— Чем могу быть полезен?

Она откашлялась.

— Моя фамилия Коннели, Бетти Коннели, но Том называл меня Голди.

Клайд слегка нахмурился, он не перебивал ее, ожидая, когда она перейдет к цели своего прихода.

— Я подружка Тома Редклифа.

Клайд уже понял, в чем дело, и лицо его прояснилось.

— Я вспомнил вас, мисс. А я думал, вы уехали из Уэлсфорда.

Голди нервно улыбнулась. Ее что-то беспокоило, и вид у нее был уставший.

— Да, я уезжала, но сегодня утром вернулась назад. Видите ли, я хотела помириться с Томом. Но он исчез.

— Возможно, он уехал. По крайней мере, я слышал, что он собирался нас покинуть. У него здесь было так много неприятностей... Может быть, он оставил свой новый адрес на почте.

Голди покачала головой:

— Нет, я была там.

— Тогда,— развел руками Клайд,— может быть, он уехал только что? Знаете, молодые люди, вроде мистера Редклифа... На вашем месте я бы не стал беспокоиться.

— Вы не хотите меня понять,— настаивала Голди.— Его нет дома, но впечатление такое, что он только что вышел. Он никогда так не уходил из дому. Там гора немытой посуды, в спальне еще не убрано, задняя дверь открыта, ну, я не знаю... Такое впечатление ,что он выскочил на минуту и что-то не позволило ему вернуться.— Она тревожно посмотрела на Клайда.

Клайд вдохнул.

— Вы слишком быстро делаете выводы, мисс.— Он взглянул на часы и хмыкнул.— Значит, так. Я пойду вместе с вами, и мы вместе осмотрим дом мистера Редклифа. Уверен, мы найдем там что-нибудь такое, что сможет вас успокоить.

В доме был ужасный беспорядок. Клайд знал, что всегда можно узнать характер человека по тому, что его окружает, как он содержит свой дом, как относится к своим вещам. С этой точки зрения, Редклиф был человеком безалаберным и бестолковым. Когда-то Клайд был здесь, правда только на кухне, и, возмущенный, получил тогда, как ему казалось, полное представление обо всем доме. Сейчас, осматривая комнаты, залитые холодным дневным светом, вместе с девушкой, которая следовала за ним по пятам, он должен был признаться себе, что находится в тупике. Редклиф жил как пижон. Большинство вещей представляло немалую ценность, но они валялись в беспорядке, были покрыты пылью, и что-то в них было не так. Одежда была разбросана, несмотря на то что в спальне стоял отличный гардероб. Вещи свисали со спинок стульев, валялись кучами в углах или, скомканные лежали на полу. Такой беспорядок смутил Клайда. После нескольких минут осмотра он собрался уходить.

— Здесь нет ничего, мисс, что говорило бы о том, где он сейчас находится. Но если вы интересуетесь моим мнением, то я бы предположил, что простота нравов мистера Редклифа как раз и объясняет его отсутствие. Вероятней всего, он просто ушел и даже не побеспокоился закрыть дверь.

Чувствовалось, что сказанное не убедило Голди.

— Нет, здесь что-то не то. Он всегда закрывал дверь, если уходил. А если он вышел и оставил дверь незапертой, значит, был чем-то озабочен. А если так, то он был озабочен чем-то очень важным.

Клайд скрестил руки на груди и принял серьезный вид блюстителя порядка.

— Не кажется ли вам, мисс, что вы немного фантазируете? Достаточно ли хорошо вы его знаете, чтобы прийти к таким выводам?

Голди потерла глаза руками. Клайд решил, что она совсем не так хороша, как казалась. Девушки, подобные ей, совсем не уважают себя. Все в ней было какое-то дешевое, сверху приличное, а при ближайшем рассмотрении малоприятное.

— Я точно знаю, с ним что-то случилось!

Клайд пересек спальню и прошел в маленькую гостиную. Всюду были книги, бумаги, плакаты. Проводить следствие здесь было бы нелегким делом. Глядя вокруг, ничего

хорошего о характере Редклифа не скажешь, но нет и ничего такого, за что можно было бы зацепиться. Клайд решил еще раз все осмотреть, чтобы успокоить девчонку.

Он обнаружил книгу по колдовству сомнительного содержания, полную картинок; на них были изображены пещеры, заполненные скелетами, голые ведьмы, которые делали что-то неудобопроизносимое с различными предметами из дерева и кости. Клайд нехотя отложил книгу и продолжил поиски. Он нашел альбом с кинокадрами на грани дозволенного, который с трудом заставил себя отложить. Судя по всему, Редклиф имел склонность к вещам, в основе которых лежал секс. На небольшом столе были разбросаны буклеты, записные книжки, рисунки, рулоны пленки, страницы сценариев с уже обтрепанными углами, десятки разноцветных карандашей. Среди всего этого хлама Клайд обнаружил лист плотной бумаги, на котором большими буквами и словно бы детским почерком было написано любопытное предложение. Прочитав его, Клайд почувствовал острый интерес к Тому Редклифу.

— Что там такое? — спросила Голди.

— Я тоже думаю, что это такое.— ответил Клайд, внимательно глядя на лист. Он снова медленно прочел написанное, пытаясь вникнуть в смысл, понять значение этой фразы: «Необходимо помнить: полиция не знает, кого она ищет, и только беспристрастный разум сумеет когда-нибудь добраться до истины». Клайд перевернул бумагу и обнаружил, что это была афиша, объявлявшая о проведении благотворительной распродажи в помещении местной школы. Он сам получил точно такую же три-четыре дня назад. Он взглянул на девушку.

— Где вы остановились, мисс?

Она непонимающе посмотрела на него.

— Я хотела остановиться здесь. А что, что-нибудь не так? — Она подошла ближе, пытаясь прочесть надпись.— Скажите мне, что вы нашли?

Клайд осторожно свернул бумагу в трубочку и положил в карман своего кителя.

— Я думаю, мисс, вам стоит еще некоторое время побыть в Уэлсфорде, я попытаюсь вас где-нибудь устроить.

— Вы не хотите мне сказать, что все-таки происходит? — В голосе Голди дрожали слезы.— Я имею право...

— Да, да,— Клайд взял ее под руку и решительно повел к двери.— Ваши права будет соблюдены. Боюсь, сейчас ничего не могу вам сказать. Мы попытаемся подыскать вам комнату. Затем поговорим с инспектором.

Голди напряглась.

— Но это же ужасно. Зачем вам инспектор?

— Мисс, предоставьте это мне.— Клайд вел Голди к полицейскому участку. В комнате ожидания он попросил Голди немного посидеть: — Я сейчас позвоню. Вам не о чем беспокоиться. Все решится в свое время.

Клайд прошел внутрь и снял телефонную трубку.

— Пожалуйста, штаб группы криминальной полиции,— сказал он и стал ждать, вынув из кармана афишу и еще раз перечитав надпись. Через минуту в трубке послышался голос.

— Здравствуйте, это инспектор? Это Клайд, сэр, из полицейского участка. Видите ли, у меня есть очень любопытный документ, думаю, вам стоит на него взглянуть.

Инспектор попросил его выражаться яснее.

Клайд подумал, что с каждым днем настроение у инспектора ухудшается.

— Я все вам расскажу, когда мы встретимся, инспектор. Я сейчас осматривал один дом, там сейчас никого нет, судя по всему, он оставлен. В этом доме проживал мистер Редклиф, чьи материалы и оборудование были уничтожены во время пожара в общественном центре. В его доме я обнаружил лист бумаги с надписью.

По просьбе инспектора Клайд прочел ему фразу. На другом конце провода повисло долгое молчание. Наконец инспектор сказал, что скоро будет.

Тренч встретил Эдварда Шорта на ступенях своего дома и улыбнулся ему в знак приветствия.

— Очень рад вас видеть, доктор Шорт,— сказал он, пожимая ему руку.

По сравнению с ярким солнечным днем в холле было сумрачно, как в туннеле. Шорт плотно закрыл глаза, чтобы привыкнуть к темноте. Когда он вновь открыл их, то понял, отчего здесь так темно, свет с трудом пробивался сквозь сплошную завесу листьев, полностью закрывавших окно. Тренч, следовавший за Шортом, слегка подтолкнул его к полуоткрытой двери.

— Входите пожалуйста, доктор. Из окон моей гостиной открывается замечательный вид на сад.

Комната была великолепна. Старый, но хорошо сохранившийся ковер закрывал большую часть пола. Резная мебель красного дерева гармонировала с панелями, закрывавшими стены на половину их высоты. На стенах в строгом порядке висели портреты, выполненные маслом, и старинные рисунки в рамках. На большом столе у окна стояли предметы церковной утвари из стекла — стеклянные фигурки мужчин и женщин в ниспадающих одеждах с капюшонами. Солнечный свет, проходя сквозь стекло, отбрасывал цветные тени на полированную поверхность столешницы. В представлении Шорта как раз такая комната соответствовала старым временам.

— Здесь очень уютно, не так ли? — сказал Тренч и придвинул ему небольшой стул с мягким сиденьем.— Я часто прихожу сюда просто подумать.

Шорт улыбнулся в ответ.

— Могу представить, мистер Тренч, что значит для вас такой уголок. Я счастлив, что приобрел дом в этой деревне. Меня восхищают старые дома, они вселяют в человека чувство безопасности.

Тренч подкатил изящный сервировочный столик и принялся разливать чай.

— Я очень рад, доктор, что вам нравится старина,— сказал он, передавая Шорту чашку чая. Сам он сел со своей чашкой в кресло напротив.

Несомненно, Тренч импозантный мужчина, подумал Шорт. Крупная голова, правильные черты лица. Руки его жили самостоятельной жизнью, выполняя свою работу как бы независимо от хозяина, но постоянно готовые откликнуться на его волю. В представлении Шорта этот человек мог быть только священником. Черный костюм, казалось, был создан для него. Производила впечатление также его крепкая фигура. Когда они разговаривали по телефону, Тренч пригласил Шорта пообедать с ним. Шорт никогда не обедал, и это, судя по всему, произвело на священника впечатление. Возможно он усмотрел в этом определенную степень самоограничения. Шорт никогда не встречался со священником, но после телефонного разговора представлял его себе именно таким.

— К сожалению, моя любовь к старине ограничивается только архитектурой,— сказал Шорт, пробуя чай на вкус и

решив, что он вполне хорош.— По своему образованию и образу мыслей я — продукт своего времени.

Тренч улыбался, но его лицо сохраняло напряженность, казалось, мысли его были где-то далеко.

— Не кажется ли вам, доктор, что наше время требует от человека различных добродетелей? Надо успеть отделить зерна от плевел и тщательно определить, что хорошо и что плохо в нашей жизни. Ведь не все изменяется к лучшему, не правда ли?

Решив, что речь пойдет о старых и новых добродетелях, Шорт поудобнее уселся в кресле и скрестил ноги. До сегодняшнего дня у него никогда не было возможности выразить свою точку зрения на вопросы религии. Это могло оказаться очень интересным.

— Но так было всегда, мистер Тренч. Я уверен, когда мой дедушка был маленьким, его отец скорбел по поводу разрушительных изменений, происходящих в мире. Мы привыкаем, привязываемся к своим понятиям, чувствам, отношениям и, естественно, относимся с предубеждением к любым новым явлениям, так как боимся, что однажды наступит день, когда исчезнет все, что мы так любили и уважали.

Взгляд Тренча стал суровее. Ну что же, определенный прогресс уже достигнут. Настало время действовать: необходимо указать Шорту на все его ошибки, разоблачать ложные ценности, которых он придерживается. Дело обстояло гораздо серьезнее, чем думал доктор.

— Да, в том, что вы говорите, есть доля правды. Каждое поколение всегда оплакивает уходящий образ жизни, обычаи. Однако я говорю об устоявшихся традициях, об уже построенном здании нашей цивилизации. Впервые в человеческой истории полное уничтожение всего накопленного поколениями стало трагической реальностью. Мы на грани исчезновения. Вы согласны со мной, доктор Шорт?

— Нет, к сожалению.

Наступила долгая пауза. Шорт чувствовал себя неуверенно. Тренч напряженно уставился в чашку, будто искал там какие-то знаки. Двое мужчин застыли, как изваяния. Они сидели в этой тихой, залитой солнцем комнате, и один из них испытывал чувство неловкости, другой думал о том, нужно ли совершить акт возмездия или еще подождать, используя раньше все возможные способы убеждения.

Наконец Тренч вздохнул, улыбнулся своему гостю и сказал:

— Вы ученый, доктор. Насколько я знаю, вы работаете в области реактивных двигателей. Знаете ли вы, что, когда наступит время уничтожения, то реактивные двигатели будут способствовать распространению средств поражения, с их помощью будет доставляться вооружение? Несомненно, вы об этом знаете.

Шорт некоторое время молчал. Он не собирался оспаривать метафизические взгляды своего оппонента, он вообще не желал вести подобные споры.

— Я прекрасно понимаю, что такая точка зрения довольно распространена, я понимаю также, что политики и военные в один прекрасный момент могут сделать неправильный выбор и вовлечь всех нас в разрушительную войну. Но нельзя остановить прогресс науки только из-за того, что в мире существуют мощные силы, которые способны использовать результаты научных исследований в своих целях.

Тренч сумрачно посмотрел на Шорта.

— Доктор, военные и политики не смогли бы привести нас к катастрофе, если бы вы и другие ученые не создавали для них средств ведения войны. Трудно защититься от того, что вы создаете. Вы полностью посвятили себя делу искоренения христианской жизни на земле.

— Но это же вздор, священник.

— Нет, это правда! — Тренч вскочил на ноги, чуть не уронив чашку с чаем.— Вы являетесь одним из тех, и не последним, кто способствует гнусной попытке некоторых людей превзойти бога!

В ответе Шорта сквозила ирония:

— Человек уже превзошел бога в вопросах, касающихся мощи средств разрушения. Вы когда-нибудь видели, какие разрушения может вызвать одна водородная бомба малой мощности? — Шорт тут же понял, что высказался некстати.

Тренч поставил свою чашку на сервировочный столик, пересек комнату и подошел к столу. Он стоял спиной к Шорту, глядя в сад.

— Я не знаю, что может сделать водородная бомба,— сказал он тихо, не поворачиваясь.— Я знаю убийственную мощь последних образцов американских ядерных средств. Я не собираюсь вставать на точку зрения невежественного

человека, доктор. Я говорю с позиции человека, который знает человеческую душу и ее подверженность злу. Человек не имеет права говорить о своей невиновности, пока участвует в создании машин, предназначенных для уничтожения жизни на земле. Закон божий чист и ясен, его легко понять. Существует простая связь между различными видами греха. Разрушение порядка и здравого смысла — грех. Человек, который занимается научными исследованиями — независимо от того, имеет ли он представление об итогах своего труда,— несет ответственность за свою работу. Если это греховная работа, он тоже совершает грех.

Тренч повернулся и посмотрел на Шорта. У того чашка застыла в руке. Шорт слушал проповедь со все возрастающим любопытством.

— Прелюбодеяние, убийство, а также разрушительные результаты науки, доктор Шорт, являются злом. С ними необходимо бороться, искоренять их.

Увидев, что Тренч закончил свою речь, Шорт рывком поднялся на ноги и поставил чашку на столик.

— Глубоко сожалею, что испортил вам день, мистер Тренч,— сказал Шорт, избегая взгляда священника.— Я обыкновенный ученый и не имею никакого желания причинять вред кому бы то ни было. Я — профессионал, я просто делаю свою работу. Полагаю, вам лучше судить о наличии в ней зла. По-видимому, у нас нет общих тем для цивилизованного разговора, поэтому я полагаю, мне лучше сейчас уйти и дать вам возможность заняться тем, чем обычно занимаются священники.

Шорт направился к двери, но Тренч догнал его и положил руку на плечо. Шорт повернулся и тяжелым взглядом посмотрел на священника. Во взгляде священника была какая-то непреодолимая сила.

— Извините, доктор, я сожалею обо всем происшедшем.— Тренч отступил, приглашая Шорта пройти к окну. Он слегка подталкивал его, обнимал за плечи.— Взгляните, и вы поймете, чем я так озабочен.

Смущенный Шорт подошел к окну. Сад был великолепен. Среди цветов разнообразных оттенков играли тени от ветвей деревьев. Природа, как всегда, неотразимо действовала на все органы чувств, и Шорт имел достаточно мужества признаться себе, что священник был во многом

прав, боясь той опасности, которая, по его мнению, угрожает всему этому великолепию.

— Здесь просто замечательно, мистер Тренч. Вы очень счастливый человек.— Он взглянул на священника, который стоял рядом, задумавшись, его лицо было спокойно.— Извините, я был с вами слишком резок. Обычно я разговариваю, используя бесстрастные научные термины, а сейчас на меня что-то нашло. Прошу прощения за мою излишнюю эмоциональность.

Тренч слегка улыбнулся и повернулся к буфету.

— Вы очень внимательный человек, доктор. К причудам старого служителя Бога относятся или с презрением, или со злобой, иногда со скукой. Внимательность — вещь редкая.— Он взял графин и налил в бокал вина.— Пожалуйста, прошу вас попробовать моего вина.

Шорт улыбнулся и, поднеся бокал к носу, вдохнул запах вина:

— Замечательный букет, святой отец,— сказал он.— Вы сами его делаете.

— О нет, вино готовит один из моих прихожан, но ягоды из моего сада. К сожалению, я больше не могу его пить, вынужден баловаться только сухими винами. Но у меня есть стаканчик божоле, и мы с вами выпьем.— Он снова улыбнулся и налил себе из высокой зеленой бутылки. Оба приподняли бокалы.

— Доброго здоровья,— сказал Шорт, однако священник промолчал. По вкусу вино оказалось менее сладким, чем можно было ожидать, но приятным на вкус. Поэтому, когда священник предложил выпить еще, он согласился и через некоторое время обнаружил, что стал более разговорчивым. Он знал, что быстро пьянеет, поэтому редко позволял себе бокал вина.

— Возможно, я стану больше следовать традициям, когда женюсь и у меня появятся дети,— сказал он и с удивлением отметил чрезвычайно острую реакцию священника на эти слова.

— Вы собираетесь жениться?

— Да. Дело в том, что окончательное решение было принято сегодня утром. И довольно внезапно, но это даже и хорошо.— Он улыбнулся, вспомнив Аниту, но решил больше не говорить на эту тему, так как в его голове стали возникать различные эротические сцены. Он считал себя

не вправе думать о подобных вещах в присутствии священника.

Тренч сделал глоток вина и кивком головы предложил Шоту присесть.

— Вы намереваетесь остаться здесь, доктор?

— Да, здесь. Анита Кроутер, не знаю, встречались ли вы когда-нибудь с ней...

Челюсти священника сжались. После некоторой паузы он сказал:

— Да, я знаю эту леди.— Он сделал еще глоток, а когда отнял бокал от губ, на них играла угрожающая улыбка.

— Счастливый вы человек, доктор.

— Думаю, да. Никогда не думал, что я вообще когда-нибудь женюсь. И даже если и предполагал такое, мои претензии были не слишком высоки. Анита — замечательная девушка. Одна из миллиона. Когда я был студентом, такие девушки были в моде, и они обычно выходили замуж за профессоров. У тех, что попроще, вроде меня, не было ни единого шанса.— Он понимал, что говорит слишком много и слишком быстро, но вино действовало успокаивающе. Он опустошил свой бокал и не отказался, когда священник заново его наполнил.

Теперь они сидели молча, потягивая вино. На угрюмом лице Тренча появилось выражение удовлетворения, и, когда Шорт почти допил свой третий бокал, он пристально на него посмотрел.

Это началось через несколько секунд. Шорт открыл было рот, собираясь что-то сказать, но сильнейшая боль вонзилась ему в желудок. Глаза его расширились от боли и ужаса, он начал задыхаться. В том месте, где появилась боль, возникла и покатилась к горлу волна тошноты. Шорт застонал. В глазах все расплывалось. Он взглянул на Тренча, тот по-прежнему сидел рядом, обхватив ладонями свой бокал с вином, с лицом спокойным, как камень.

— Бога ради...— Шорт сполз с дивана и почувствовал, как желудок его стал сжиматься, пытаясь выбросить из себя то, что сжигало его. Он почувствовал, как его голова, тяжелая, как чугун, стукнулась о ковер. Его начало выворачивать, рот и нос заполнились жидкой огненной массой, которая мешала ему дышать. Ему удалось повернуться на бок. У него начались конвульсии, он был похож на марио-

нетку, которую дергают за ниточки. Ему не хватало воздуха, он извивался, пытаясь вздохнуть, что-то бормотал и стонал, а Тренч по-прежнему сидел, сжимая руками бокал, и на губах его кривилась злобная усмешка.

Это длилось долго, наверное, не меньше получаса. Наконец тело Шорта перестало биться, и он застыл, скрючившись, сжимая ладонями горло. Лицо его превратилось в черную маску, глаза налились кровью: белки глаз были покрыты множеством точечных кровоизлияний. Изо рта вытекали, смешиваясь, кровь, желчь и остатки отравленного зелья. Все это обильно покрывало ковер около его головы. Содержимое его мочевого пузыря и прямой кишки низверглось наружу, и Шорт лежал во всем этом — такой же ужасный, как сама его смерть.

Тренч допил вино и поднялся. Снял пиджак и закатал рукава рубашки. Дело, которое его ожидало, было не из приятных. Он представлял себе, как примерно все кончится, но это знание не уменьшало неприятного характера его работы. Сходив на кухню, он принес оттуда полное ведро горячей воды, стиральный порошок, тряпку, швабру, щетку и пару резиновых перчаток. Поставив ведро около трупа, он отошел в сторону и взглянул на лицо доктора Шорта. Так Господь поступит с каждым, кто осмелится бросить ему вызов. Тренч улыбнулся. Как все-таки странно, что владыка счел нужным, чтобы этот мужчина, из которого уже ушла жизнь, связал свою судьбу с местной проституткой. Очевидно, это тоже проявление его справедливого гнева.

Тренч глубоко вздохнул, надел перчатки и, встав на колени, подтянул к себе ведро. Смерть Шорта имела для него особое значение: тот, кто пытался испоганить землю, умер от плодов этой земли. Мысль эта была Тренчу приятна. Приятно было и то, что он выполнял поставленные перед ним задачи в хорошем темпе.

Глава XII

Полученная информация заинтересовала инспектора. Это было первое ценное свидетельство, которое попало ему в руки, первое указание на конкретного человека. Он уже минут двадцать сидел в кабинетике Клайда, прикидывая все за и против, выдвигая возможные возраже-

ния, одним словом, пытался прояснить свое собственное отношение к этому новому факту.

— Видимо, все-таки это он,— объявил, наконец, инспектор.— Можно не сомневаться — он. Что вы думаете по этому поводу, сержант?

Клайд согласился, что, исходя их предположений инспектора, по-видимому, все так оно и есть. Обвинения вполне четкие и совершенно обоснованные. По мнению инспектора, Том Редклиф — совершенно неуравновешенный тип, легко поддающийся соблазнам и вкусам того общества, путь в которое ему заказан. Поэтому он и приехал сюда, в эту деревню, где, по мнению инспектора, любой, чуть умнее идиота, мог рассчитывать на признание. Один только подбор книг в доме Редклифа указывал на его страсть ко всяким ужасам, а также на то, что он хорошо представлял себе возможности огня. Его девушка, пытаясь что-то объяснить, сказала, что у него полно и других книг — о поэзии, о цветах, о съемках фильмов, о технике секса. Даже если это и так, то ни о чем еще не говорит, отвечал инспектор. А вот его антиобщественное поведение говорит о многом. Кроме того, в половине его фильмов, если верить сценариям, в качестве действующего лица должен был присутствовать огонь. И вывод из всего этого простой: из всех жителей Уэлсфорда, у которых были возможности совершить преступление, Редклиф — подозреваемый номер один.

У него была масса свободного времени, у него не было постоянной работы. В деревне — ни родных, ни знакомых, перед кем он мог бы держать ответ. Холостяк, он проводил время с девицей, которую привез с собой. А то, что при пожаре у него погибла пленка и аппаратура, так это он сделал для того, чтобы отвести от себя подозрения. Это тоже было свидетельством, и о многом говорило.

— К тому же, когда сгорели мотоциклы, я сразу же заподозрил его,— сказал Клайд.— Правда, когда я пришел к нему, должен признаться, он убедил меня в своей невиновности.

Люди с приветом, заявил инспектор, всегда выглядят убедительно. Море примеров. Этот кусок бумаги и есть самый убедительный довод. Паронойя. Мания величия. Большинство пироманьяков отличаются этим.

«... только беспристрастный разум сможет когда-нибудь добраться до истины». Чудака, обеспокоенного

своей беззащитностью, подтолкнула на преступление его страсть к огню. Паранойя,— добавил инспектор (он много читал по этим вопросам),— несомненно, вызвана противоречием между способностями Редклифа и его доминирующими абмициями. Побыстрей бы нам найти этого сумасшедшего мерзавца,— подвел итог инспектор.— Теперь он исчез и, видимо, находится далеко.

Клайд поинтересовался, с чего лучше начать поиски.

— Слава Богу, этим будем заниматься не мы,— заверил его инспектор.— Редклиф ударился в бега, не так ли? Почувствовав запах крови, он потерял осторожность. Сейчас он может быть где угодно. Думаю, это дело Скотланд Ярда.

Нельзя сказать, что Клайда это сильно расстроило. Временами он ощущал, что напряженность становится постоянным фактором в жизни деревни.

— Вы собираетесь уезжать, сэр?

Инспектор зевнул и уставился на сержанта ничего не выражающим взглядом.

— Да, и уверен, что вы об этом особенно жалеть не будете, Клайд. Вы сможете вернуться к своим повседневным обязанностям или займетесь чем хотите. Мы соберемся, я выслушаю доклады подчиненных, и мы уедем не позднее вторника. Можете угостить меня на дорожку кружкой пива, чтобы показать, что ничего не таите на душе.— Он задержался в дверях.— Это приказ.— Он подмигнул и вышел.

Клайд усмехнулся и нажал на кнопку, расположенную на столе. Через некоторое время появилась его жена, озабоченная, с тряпкой в руках.

— Он уже ушел?

Клайд кивнул головой.

— Да, они уедут через несколько дней. Если ты еще не слышала, будет объявлен розыск Редклифа.

Женщина удивилась.

— Жуткое дело. А что они собираются делать с этой девушкой?

— Делать? Ничего. Она же не виновна, или ты думаешь иначе?

Правая бровь жены драматически поднялась вверх.

— Не виновата? Я бы так не сказала. Тут за километр тянет чем-то другим.

Клайд застонал.

— Ее моральные принципы — это ее дело, и ты это знаешь. По закону она в настоящее время считается невиновной. Так что ты со своей теорией попала пальцем в небо.

Она вздохнула, быстро протерла пыль со стола.

— Я ведь предупреждала насчет Редклифа, а?

Сержант Клайд сел, подвинул к себе журнал происшествий и открыл его. Иногда такое занятие, как заполнение журнала, помогало ему сохранить равновесие и оставить неизменным расстояние между ним и сумасшедшим домом графства.

Еще до наступления темноты Тренч уложил тело Эдварда Шорта в тачку, накрыл одеялом и покатил к склепу. Был теплый вечер, самое приятное время для прогулок и очень подходящее для выполнения заданий Господа Бога. Упавшие лепестки цветов вминались в землю под его ногами и под колесом тяжело груженой тачки. Аромат раздавленных цветов реял в воздухе и навевал воспоминания — печальные и приятные. О детстве. В детстве он часто бродил со своим отцом по их старому саду, и, отстав от него на несколько шагов, внимательно выслушивал названия деревьев, цветов и трав, определял виды птиц, впитывая в себя благодать этого маленького уголка природы и господней любви, которая была разлита повсюду. Казалось, что сегодня, в этот вечер, Тренч был, наконец, близок к своей конечной цели — восстановить безмятежность природы, созданной Богом. Нужно изгнать зло, и воцарится добро. Тренч мог бы поклясться, что сегодня сад благоухал, как никогда раньше.

Добравшись до склепа, он поставил тачку у маленькой лестницы, обошел ее, вынул из кармана ключ и вставил в скважину. С трудом повернув его, он толкнул дверь и чуть было не задохнулся от внезапного ударившего в нос запаха.

Тело Редклифа находилось в склепе недолго, но погода стояла необычно теплая и здесь было жарко, как в печке. Войдя в склеп, Тренч увидел раздувшийся труп: кожа на нем приобрела теперь темно-синюю окраску и влажно блестела, вздувшиеся вены напоминали ивовые прутья, голова по-прежнему была свернута на сторону. Ничто уже не напоминало Редклифа. Отечность придала его лицу

черты восточного, монголоидного типа. но, как ни странно, на нем еще можно было прочитать выражение боли и удивления. Разлагающиеся останки выглядели отвратительно, но сильнее всего подействовал на Тренча ужасный запах. Трудно было поверить, что одно-единственное тело могло так отравить воздух. Все вокруг было наполнено тяжелым зловонием, оно напоминало Тренчу запах испортившегося сыра, тухлых яиц, гнилого мяса одновременно. Тренч чуть было не упал в обморок. С большим трудом он выполз наружу. Запахи ада, подумал он. Гнусные серные испарения бездонной преисподней. Отец рассказывал ему об этом.

Желая поскорей закончить свою работу, Тренч крепко ухватил куль, завернутый в одеяло, и, с трудом передвигая ноги под тяжестью ноши, снова направился в склеп. Задержав дыхание, вошел и что было сил отшвырнул от себя тело доктора Шорта. Одеяло осталось у него в руках, а уже закоченевший труп тяжело упал под ноги Редклифа. Вдруг волосы на голове у Тренча встали дыбом, он застыл, крепко вцепившись в одеяло. Раздувшиеся, разлагающиеся останки Редклифа начали медленно оползать. При этом скопившиеся трупные газы через разверзшийся рот с шипением вырвались наружу, и Том Редклиф издал громкий, сводящий с ума стон. Подобно мягкой, тягучей массе ила расползшееся тело накрыло верхнюю часть только что брошенного трупа и, наконец, успокоившись, застыло.

Тренч почувствовал — еще мгновение и он забьется в истерике. Он с трудом повернулся и, волоча ноги, сделал несколько шагов к выходу. Ударившись о входную дверь, он завизжал как испуганный кот. Вырвавшись наружу, он простоял несколько минут не в состоянии повернуться и закрыть дверь. Контрасты, которые он наблюдал, имели апокалипсический характер. Вечная жизнь сада, обещанная тем, кто следовал по пути праведности и добродетели. И вечная смерть в склепе, ужасные реальности разложения для тех, кто преступил границы, нарушил священные законы, установленные Богом. Немного отдышавшись, Тренч сделал несколько шагов назад, чтобы закрыть дверь склепа.

Вернувшись в дом, он сбросил одежду и полез в ванну. Он долго намыливался и тер себя, чтобы смыть ужасный запах, который, казалось, пропитал все поры его тела, наполнил голову. Эти ужасы напомнили ему, что и он

смертен. Вытираясь и надевая чистую одежду, он думал об одном: не останавливаться. Его задача еще не решена, он не должен успокаиваться.

Пробило одиннадцать, затем полночь, и Анита Кроутер наконец поняла, что Эдвард не придет. Это ее не обеспокоило, но здорово возмутило. Эти ученые такие ненадежные, подумала она. Они постоянно витают в облаках и смотрят вдаль отсутствующим взглядом. Это, конечно, привлекательно, но не до таких же пределов — чтобы заставлять женщину ждать, особенно такую женщину, как Анита, которая любит мужчин больше всего на свете, и, когда ее ожидания не сбываются, она приходит в отчаяние. В начале первого она поставила на столик свой пустой стакан и приготовилась провести ночь одна.

День сегодня прошел явно неплохо. После ухода Эдварда она еще целый час не могла отойти от того, что случилось, и думала о своем будущем, она восхищалась искренностью Эдварда и обдумывала, как примет новый, явно высший, общественный статус. Чтобы тебя просто хотели — организовать очень легко. Но сделать так, чтобы тебя хотели, любили, восхищались — гораздо сложнее и редко удается. Но у нее получилось, и она была благодарна за это своей звезде, данной фазе луны — всему. Выйти замуж за ученого — это действительно удача. Ее покойный муж был бакалейщиком. Правда, состоятельным — он владел сетью магазинов и ездил на «бентли». Но, все равно, бакалея, по ее мнению,— не самый достойный вид бизнеса. Всегда нужно было что-то придумывать, чтобы приукрасить действительность и имидж собственного мужа. На вечеринках, ведя беседу с другими дамами, она всегда со страхом ожидала вопроса: «А чем занимается ваш муж?» Разумеется, у нее было припасено множество ответов: у него целая сеть магазинов, он занимается сбытом продуктов питания и так далее. Иногда, не моргнув глазом, она заявляла, что ее муж — финансовый магнат средней руки. Но когда ей приходилось отвечать на конкретные вопросы, вдаваться в подробности — все становилось на свои места: он был бакалейщиком и больше никем. Другие дамы вели разговоры о разных интересных делах, которыми занимались их мужья, а Анита пыталась вспомнить что-нибудь любопытное или смешное, или даже тра-

гическое, что могло бы случиться в этой торговой стране чудес среди яиц, сливочного масла, хлеба и джема, где правил ее муж. Бесполезно. Ей никогда не удавалось привлечь к себе внимание общества. И, несмотря на значительное состояние, которым обладал ее муж, у нее не было надежд войти когда-нибудь в то общество, где дамы замужем за блестящими, неотразимыми мужчинами, сделавшими сногсшибательную карьеру, например за дипломатами. Однако и ученый — это уже кое-что, новое чувство, новый взгляд на жизнь. И самое главное: он очень хорош в постели — это выяснилось после того, как он расстался со своей природной скромностью.

Закрыв все двери и потушив свет на первом этаже, Анита сбросила туфли и стала медленно подниматься по лестнице в спальню, наслаждаясь прикосновениями коврового ворса к ступням. По ее собственным наблюдениям, ее тело представляло собой сплошную эрогенную зону. Еще будучи подростком, она добивалась сильных эротических ощущений просто массируя подошвы ног грубым полотенцем. Ее руки также были способны вызвать сильнейшие сексуальные переживания, от которых у нее перехватывало дыхание; особенно чувствительны к нежному поглаживанию были внутренние поверхности локтевых сгибов. Такая повышенная чувствительность, по ее мнению, являлась ценным качеством. Большинство мужчин были такими неуклюжими, невнимательными к тонкостям секса, что только настроенность Аниты на эротику позволяла ей быстро заводиться и получать удовольствие даже при самой примитивной технике любви, которую, как правило, демонстрировали мужчины.

Она прошла по темной галерее, из которой была видна ее гостиная, и зашла в ванную. Она уже дважды мылась сегодня, но еще один разок не повредит. Включив свет, она подошла к окну, чтобы задернуть занавески, и увидела, что оно до сих пор раскрыто настежь. Сегодня было так жарко, поэтому, вероятно, окна и остались открыты по всему дому. Как глупо, подумала она, ходить по дому и крепко запирать все двери, совершенно не обращая внимания на окна. Слабая безопасность, как обычно говорил ее покойный муж. У него была масса таких коротких определений. Иногда она скучала без них. Вдохнув свежий ночной воздух, Анита наклонилась вперед и взялась за края распахнутой рамы... Внизу, в темном саду, кто-то был.

Сердце ее чуть не выпрыгнуло из груди, пока она торопливо закрывала окно. Кто-то подглядывал за ней. Ей рассказывали, что некоторые мужчины в деревне имеют привычку шляться теплыми летними ночами и, устроившись где-нибудь в кустах, наблюдать через освещенные окна за тем, что делается в доме. Она вспомнила, что несколько недель назад заметила в баре мужчину, который, не отрываясь, смотрел на нее. Он никогда с ней не заговаривал, только молча стоял где-нибудь в углу за стойкой и подглядывал на нее из-под полуприкрытых век. Ей не раз приходило в голову, что этот скользкий, неприятный на вид человек один из тех, кто обычно пристает к девушкам или заглядывает женщинам под юбку на автобусной остановке. Она была глубоко убеждена в своей проницательности, поэтому, закрывая окно на задвижку, не сомневалась, что человек, прятавшийся внизу у дерева, и есть тот мужчина из бара.

В окне были обычные прозрачные стекла, поэтому, естественно, ее хорошо было видно из сада. Эта мысль возбудила Аниту. Черт побери, она просидела целый вечер у себя в комнате, поджидая мужчину, представляя, чем они займутся, и ее просто распирало от неудовлетворенного желания. Конечно, справедливости ради необходимо признать, что подобные ощущения в аналогичной ситуации она испытывала и раньше. Она почувствовала, как вспыхнули ее щеки и перехватило горло, когда, стоя у окна, она начала расстегивать блузку. Еще раз обдумав ситуацию, она, как всегда четко, определила, что с того места, где находится этот человек, она видна только по пояс. Что ж, это можно исправить, если встать на табуретку около ванны. Левой ногой она придвинула к себе табуретку и встала на нее. Теперь, подумала, она, видно почти все. Непослушными пальцами Анита расстегнула последнюю пуговицу и сбросила блузку на пол. На ней остался белый, прозрачный, как паутинка, бюстгальтер, который буквально соскочил с ее грудей, когда она его расстегнула. Прерывисто дыша и слегка изогнувшись, отведя зад в сторону, она медленно и нежно провела ладонями по округлости груди, чувствуя сильное сексуальное возбуждение. Резко сжав пальцами соски, она позволила своим рукам соскользнуть ниже, к юбке, и расстегнуть ее. Потом она рывком расстегнула молнию, и юбка легко соскользнула с бедер. Анита посмотрела на себя и почувствовала, что глаза ее от

возбуждения стали заволакиваться слезами. Что же должен чувствовать тот человек, глядя на эту прекрасную, вызывающую женскую плоть, которая ему недоступна. Эта мысль чуть не свела ее с ума.

Скорчившись под деревом, Тренч с нарастающим ужасом, к которому, помимо его воли, примешивалось восхищение, наблюдал, как эта бесстыжая публичная девка сбрасывает с себя последнее, что еще на ней оставалось. В муках борьбы разума и плоти он видел, как она кладет руку на средоточие своей похоти, центр развращенности. Она дотрагивалась до себя, ласкала себя, извиваясь, как животное во время случки, волосы ее были раскинуты по плечам, груди покачивались из стороны в сторону. Он услышал какие-то звуки, удивился и вдруг понял, что этот стон сорвался с его собственных губ. Он разогнулся и отодвинулся в тень — подальше от этого грешного места, прочь отсюда. Его трясло как в лихорадке, он весь вспотел, как человек, долго пробывший на солнце. Отсюда, из гущи этого великолепного, благоухающего сада, дара Господня, Тренч наблюдал самое отвратительное и гнусное действо, которое когда-либо мог представить. В нем смешались ярость, желание карать, его собственная плотская слабость, неспособность повернуться спиной и убежать. Не довольно ли с него или он должен еще остаться? Он умолял Господа освободить его от этой тяжелой обязанности. Он достаточно насмотрелся. Но он не мог заставить себя уйти и изумленно наблюдал, как эта самка, медленно двигаясь, предстала перед ним наконец во всем своем бесстыдстве: ноги вызывающе разведены, руки по-прежнему ласкают тело. Глаза ее были широко раскрыты, и Тренч не сомневался: она смотрит именно туда, где он стоит. Едва ли она видит его, но взгляд ее так сосредоточен и пристален, так обжигает... Тренч отвернулся и бросился к воротам, в темноту, по-прежнему видя перед собой только это похотливое тело. Он бегом пересек небольшое поле, перепрыгнул через канаву, упал, снова побежал и, наконец, уперся в церковную ограду.

Несколько минут он простоял неподвижно, пытаясь успокоиться. Потом, отдышавшись, медленно побрел вдоль церковного двора, пересек по склону сад и направился к своему дому. На лужайке перед домом он снова почувствовал зловонье. Но он находился слишком далеко от склепа — запах не мог исходить оттуда, кроме того, склеп был

плотно закрыт. Нет — это снова знак, напоминание о необходимости покарать грешницу. Тренч почувствовал холодок, пробежавший по спине, его снова зазнобило. Он поспешно вошел в дом.

Спустя час, уже лежа на широкой кровати, уставившись на стену, освещенную неярким светом из окна, Тренч думал о том, что надо быть более осторожным. Конечно, Бог всегда оградит его, защитит от полиции или кого-то еще, проблема не в этом. В опасности была сама душа Тренча. Он пошел в сад по прямому указанию Господа, но переоценил силу своего духа, оказавшись в такой близости от дьявола. И эта предательская плоть между ног снова дала о себе знать. Тренчу удалось подавить порыв. Внимательно изучая Библию и религиозные трактаты, он не раз находил указание на то, что плотские грехи — самые опасные, самые разрушительные. Женщина может быть святым созданием и воплощением красоты, но может быть и воплощением похоти и разврата, вместилищем порока, совратительницей мужчины. Проститутка всегда была презираемой, ее побивали камнями, раздирали и разбрасывали ее плоть. Тренч читал и о том, что похотливость в женщинах как зараза, которую могут подхватить даже самые крепкие духом мужчины, и тогда душа их погибнет. Сегодня ночью Тренч испытал это на себе. Он заразился этой заразой, она проникла в него. Чему был свидетельством его упругий трясущийся кусок плоти. Слава Богу, Тренч сумел овладеть собой, он выиграл, но слабость поразила его да самой глубины души. А душа его должна быть защищена любыми средствами.

Он закрыл глаза и стал тихо, но истово молиться. Сегодня он стал свидетелем, что страшный грех прелюбодеяния все еще находит место в душах его паствы, но сам, он, благодарение Господу, прошел через это испытание. И ничто не остановит его движения по пути искоренения скверны. Перед тем как заснуть, Тренч еще раз попросил Бога дать ему силы и уберечь его от соблазнов, чтобы мог он противостоять любому греху, сохраняя свою бессмертную душу.

Глава XIII

По меньшей мере странно не давать о себе знать, подумала Анита. Она была дома все утро: протирала пыль, чистила ковры и делала массу всякой ненужной работы в надежде, что Эдвард позвонит. Но он не звонил. Около десяти часов утра она сама позвонила в научно-исследовательскую лабораторию. Его секретарша сказала (Аните показалось, что эта сука разговаривала с ней, не разжимая губ), что доктор Шорт на работу не приезжал. Бедняжка, должно быть, заболел, убеждала себя Анита, отгоняя другие мысли: кто знает — Эдвард мог оказаться среди тех мужчин, что давали задний ход и отказывались от обещания жениться. Она надела голубое джинсовое платье, набросила на себя легкий джемпер на пуговицах без воротника и вышла из дому. Проходя по саду, она обратила внимание на все еще открытую калитку в дальней его части.

Эдвард как-то сказал ей, что лучше, если она не будет приходить к нему в дом. Он не хотел попадаться на язык местным кумушкам. В этом случае, подумала Анита, и ему не стоило бы ходить к ней. Начни он прислушиваться к местным сплетням, наверняка услышал бы ее имя. Сплетни сплетнями, но она собиралась навестить его. Одна из обязанностей жены как раз и заключается в том, чтобы проявлять заботу о муже, поддерживать его в болезни и доставлять ему удовольствия, выполняя и другие функции. Пересекая узкую улочку, она засекла того чудака из бара, который, по ее мнению, получал вчера в саду удовольствие от импровизированного ночного шоу. Он стоял в дверях табачной лавки. Анита пристально на него посмотрела. Мужчина отреагировал своеобразно: сначала он сделал движение, чтобы войти в лавку, затем остановился и высморкался в нечистый носовой платок. Ага, пробрало, подумала она. Должно быть, она сумела вывести его из себя. Если это, конечно, был он. Сейчас она в этом сомневалась. Хотя обычно была уверена, что в таких делах она не ошибается. Но если не он, то кто же? Ситуация была интригующей.

По пути Анита перехватила рюмочку в баре, поболтала со случайными знакомыми, но так и не поняла, кто же был тот неизвестный в ночи. Она улыбнулась своим мыслям.

Она и прежде занималась такого рода эксгибиционизмом, но прошлой ночью показала высший класс.

Она шла по улице, и солнце уже пекло ей спину. По дороге она успела перебросить кое с кем парой слов. Кто-то из тех, кого она встретила, бывал у нее дома, а один или двое — с ними она не заговаривала — побывали у нее и в постели. После свадьбы, думала она, нужно будет обязательно куда-нибудь переехать.

У дома Эдварда она толкнула калитку и пошла по тропинке к дому. Она заметила, что пакеты с молоком никто не взял, а почта лежала сбоку от двери. Она постучала несколько раз, но не получила ответа. Обойдя дом, она постучала в окно спальни. Странно, подумала она. Вернувшись к парадной двери, она взяла почту. Эдвард говорил ей, что всегда торопится ее забрать, чтобы не сдуло ветром с узкого крыльца. Почта наверняка была важная, так как несколько конвертов были очень толстые и смотрелись солидно. Пока Анита задумчиво перебирала письма, из-за живой ограды сада просунулась старушечья голова.

— Вы ищете доктора? — спросила старуха, сморщенная, как печеное яблоко.

— Да. Вы не знаете, где он может быть?

Голова закачалась из стороны в сторону.

— Нет, не могу себе представить. Но я точно знаю, что дома его нет.

— Я тоже так думаю.

— Вчера он домой не вернулся.

— Вот как? — Анита шагнула к старухе, которая, видимо, с трудом оставалась на своем месте.— А когда вы его видели в последний раз?

— Он вышел вчера из дома между десятью и одиннадцатью часами утра. Я это хорошо помню, потому что сижу в это время у окна. Когда доктор выходил, передавали сигналы точного времени...

Анита почувствовала сильное беспокойство и оборвала словоохотливую рассказчицу:

— Вы хотите сказать, что с того времени он не возвращался?

— Точно вам говорю, что нет. Я бы обязательно услышала, как он вернулся.

— Боже мой! — Анита поблагодарила пожилую женщину и направилась домой, чтобы обдумать ситуацию.

После двух чашек кофе она решила, что имеются вес-

кие основания для небольшого расследования. Эдвард ничего не говорил ей о том, что куда-то собирается, в противном случае он распорядился бы не приносить молоко, а важную корреспонденцию оставить на почте. На работе также ничего не знали о его отъезде. Итак, что же могло произойти? Он не уезжал по делам, вышел утром из дома и, после того, как ушел от нее, на улице его больше никто не видел. По дороге домой, Анита расспросила об этом на почте, в газетном киоске, поговорила с дворником, который знал всех жителей, наконец, с хозяйкой кондитерской. Кроме владельца газетного киоска, который вообще ни видел вчера Эдварда, все остальные вспомнили, что видели его после двенадцати дня, но не позже.

Она решила обратиться в полицию. Вдруг Эдвард Шорт валяется где-нибудь в канаве — ограбленный или сбитый машиной, да мало ли что еще могло с ним случиться?

Сержант Клайд, судя по всему, был чрезвычайно удивлен исчезновением Шорта.

— Вчера сюда приходила молодая девушка, искала своего приятеля. Он тоже исчез из дома.

— Боже праведный! Его нашли?

Клайд улыбнулся:

— Нет, но нам бы очень хотелось. Боюсь, не смогу быть с вами откровенным до конца, миссис Кроутер, но все это весьма странно.

— Вы считаете, есть какая-то связь между этими исчезновениями? — спросила Анита, чувствуя, что дело приобретает серьезный оборот.

— О нет. Я бы так не думал. Тот, первый, был перекати-поле, если вы понимаете, что я имею в виду, у него не было никаких знакомых в деревне. Вряд ли доктор Шорт был с ним знаком. Они совершенно разные люди.

— Я не это имела в виду,— сказала Анита.— Я хотела сказать, нет ли связи между этими исчезновениями?

— Нет, если первый исчез по тем причинам, о которых мы думаем,— ответил Клайд.— Но я вполне могу понять вашу озабоченность. Доктор вел довольно упорядоченный образ жизни, неправда ли? И если он не уехал по служебным делам, я думаю, с этим делом стоит разобраться подробнее. Так вы говорите, после того как он ушел от вас, он направился к священнику?

— Совершенно верно. Он собирался встретиться со священником, посидеть, попить чаю и поболтать.

— Они не собирались обедать?

— Доктор Шорт никогда не обедает.

Клайд похлопал себя по животу.

— Очень мудро.

— Что вы думаете предпринять? — с тревогой спросила Анита, видя, что сержант не собирается покидать участок.

— Полагаю, мне следует пойти и поговорить с мистером Тренчем, священником, надо попытаться нарисовать себе картину передвижений доктора Шорта за вчерашний день. Конечно, вы представляете, что он скажет.

— Нет, а что?

— Он посоветует, чтобы мы обязательно проверили пруд.— Клайд было рассмеялся, но внезапно умолк, увидев встревоженное выражение на лице Аниты.— Я сейчас же пойду к священнику, миссис Кроутер.

Анита направилась к выходу, но остановилась в задумчивости:

— Сержант, а по поводу всех этих событий, что произошли за последнее время — пожары, смерть старика,— вы еще не пришли ни к каким выводам?

— У нас есть кое-какие соображения, но я не имею права обсуждать их с вами.

— Но Эдвард... Он исчез...

Клайд обошел вокруг стойки и положил свою ладонь на ее руку.

— Это только ваше воображение, миссис Кроутер. Люди всегда воображают что-нибудь ужасное. Я уверен, что доктор жив и здоров, но, тем не менее, я приведу необходимое расследование и буду держать вас в курсе.

— Спасибо, сержант.

Анита снова направилась в бар. Только две вещи могли исправить ее настроение — мужчины и выпивка. В данном случае, решила она, лучше всего подойдет порция джина. Возможно, это успокоит ее, и она поймет, что зря волнуется.

Клайд нашел священника в саду срезающим цветы старым перочинным ножом. Как только тень сержанта упала на ведро, стоящее рядом с Тренчем, тот обернулся и на мгновение на лице его появилось выражение человека, загнанного в угол. Но оно почти сразу исчезло, сменившись мягкой простодушной улыбкой.

— Сержант, вы меня напугали.— Он крепко пожал

сержанту руку.— Давненько вы не оказывали мне чести видеть вас. Проходите, давайте выпьем чаю.

Клайд еще не забыл возмущения, которое охватило его, когда он слушал проповедь Тренча на похоронах старого Джона Харриса. Тем не менее Тренч обладал особым, свойственным только ему обаянием, которое могло бы подавить и более сильную антипатию. И Клайд с легким сердцем последовал за ним на кухню. Увидев священника без пиджака, Клайд обратил внимание на два его качества, которых прежде не замечал. Во-первых, священник оказался очень подвижным и гибким человеком, что, как правило, свойственно людям более молодым и хорошо тренированным. Кроме того, без этой черной одежды, скрывавшей его прирожденное изящество, в нем можно было распознать человека, который, по крайней мере в делах, являл собой тип непременного победителя. Клайд обнаружил, что ему очень легко говорить с ним как, мужчине с мучиной.— Ради Бога извините за беспокойство, мистер Тренч, но...

В этот момент Тренч замер, держа чайник в руке.

— Вы никоим образом не беспокоите меня, сержант. Я здесь для того, чтобы принимать людей и выслушивать их, в этом и заключается большая часть моих обязанностей.

— Что ж, хорошо. Святой отец, я пришел, чтобы поговорить с вами о деле, касающемся исчезновения...

Видно было, что Тренч ждал продолжения, однако приготовление чая, очевидно, занимало его больше.

— Да? Могу ли я чем-нибудь помочь?

— Откровенно говоря, официального дела еще не заведено, но человек действительно исчез, не хочется думать, что навсегда, и я бы хотел проследить его передвижения.

— Вы полагаете, я могу помочь? — Тренч продолжал наблюдать за чайником, все еще сохраняя отрешенный вид. Клайд замечал такое за священниками и врачами. Всегда они чем-то озабочены. Клайд полагал, что люди, связанные с таинствами жизни, должны быть немного не в себе.

— Да, сэр. Человек, о котором я говорю,— доктор Эдвард Шорт. Он был вчера у вас около половины первого.

— А, доктор Шорт...— Лицо Тренча прояснилось при упоминании этого имени. Клайд почувствовал, что у священника проснулся интерес к разговору.— Он что же, пропал?

— Похоже на то. Так он приходил к вам, мистер Тренч?

Священник кивнул головой.

— Приходил. Это я пригласил его. Он ведь новый член нашей общины. Я счел необходимым оказать ему обычные знаки внимания и уважения. Не так уж много столь замечательных людей переезжают в нашу деревню. (Тренч начал заваривать чай.) — Что же заставляет вас думать, что он исчез?

— Он не был дома со вчерашнего дня. После того как он ушел от вас, его никто не видел.

Тренч молчал и сосредоточенно помешивал ложечкой в заварном чайнике. Затем он поставил чайник и вздохнул.

— Как странно. Надеюсь, вы проверили на работе и в других местах?

Клайд заверил его, что все сделано.

— Он пробыл у меня около часа. Значит, ушел он примерно в половине второго. Он сказал, что ему необходимо сделать какую-то работу.

Тренч налил две чашки чая и одну протянул Клайду. Он видел, что сержант в тупике и не знает, о чем еще спрашивать. Тренч пил чай и смотрел через окно в сад, не пытаясь ему помочь.

— Как он вам показался, мистер Тренч? Не было в нем чего-нибудь необычного? — Ничего лучшего Клайд придумать не мог.— Временное затмение разума — такое вполне может быть. Не мог ли Шорт изменить своему привычному распорядку?

— Сержант, я вчера встретился с ним впервые. Мне трудно сказать, выглядел ли он как обычно или нет. Но если вы хотите знать мое мнение, то я ожидал от него гораздо большего.

Глаза у Клайда загорелись. Тренч поставил свою чашку и непроизвольно отвел руку в сторону.

— Он высказывал довольно дикие взгляды о своем месте в обществе. Например, он упорствовал в мысли, что задача ученого — заменить Господа нашего в душе человеческой. Машины и формулы должны прийти на смену вере и красоте.

— Постойте, постойте,— Клайд вынул записную книжку и что-то в ней нацарапал.— Он был агрессивен, мистер Тренч?

— Да, он был агрессивен и позволил себе оскорбительные высказывания в отношении моей профессии. Ну, к этому я уже привык. Но, в целом, доктор Шорт очень неплохой человек. У него было много добродетелей, даже если они не все осознавались им.

— Святой отец, вы сказали «было». У нас пока нет оснований предполагать, что доктор Шорт мертв. По крайней мере, в настоящее время.

Тренч сидел молча, ухватившись за край кухонного стола. Тело его провисло между двумя напряженными руками. Взгляд был тяжел, лицо меняло выражение так быстро, словно Тренч подыскивал подходящее. Наконец он сказал:

— У меня особое чувство, сержант...

— Вы хотите сказать — он мертв?

— Я сейчас говорю по наитию, основываясь на интуиции. Ничего конкретного я, конечно, не знаю. Очевидно, это мои чувства определили мое высказывание об этом человеке.

— Конечно.— Клайд заглянул в записную книжку, но решил ничего не писать. Он допил чай и собрался уходить.

— Боюсь, что чувства необходимо подкрепить неопровержимыми фактами мистер Тренч. Тем не менее спасибо за помощь. Будем надеяться, что на этот раз ваши чувства подвели вас.

— Я тоже надеюсь.— Тренч проводил его до двери дома и долго смотрел вслед. Как только сержант исчез из виду, Тренч повернулся и резко схватился за нож, которым обрезал цветы. Лезвие было заточено как бритва. Он затачивал его регулярно, каждый месяц, с тех пор как купил нож — тридцать лет назад. Сжав челюсти, он вытянул вперед левую руку и плотно приставил конец ножа к открытой ладони. Острый край пробил кожу и впился в тело. Тренч с трудом подавил крик боли, когда сталь перерезала сухожилия и нервы. Вынув лезвие, он воткнул его в руку еще и еще раз, разрывая мышцы и сосуды. Уронив нож на пол, он некоторое время молча смотрел на него, затем оглядел израненную ладонь, наблюдая, как кровь, стекая по пальцам, падает на пол, на его ботинки, оставляя на них темные следы.

— Прости меня, Боже,— сказал он, чувствуя, что близок к обмороку. Он увидел, как в его ладони образовалось небольшое кровавое озерцо.— Я понапрасну поставил под

угрозу все дело, мой язык чуть не предал твою цель. Я наказал себя, Боже.

Он подошел к раковине и открыл кран, подставил ладонь под воду и наблюдал, как стекает кровь. Абсолютная твердость и постоянная бдительность — вот необходимые условия. Он всегда должен помнить об этом.

Вода вернула ему исчезающее сознание. Он завернул кран и осторожно вытер руку. В момент наибольшей близости к цели необходимо всегда помнить о величии стоящей перед ним задачи. Цель требует совершенной чистоты и он, Остин Тренч, сохранит эту чистоту, даже если для этого ему придется потерять часть своего тела. Господь, конечно, сделает все, чтобы сохранить свой инструмент возмездия, однако этот инструмент — сам Тренч — не должен испытывать Бога своими бесполезными сомнениями.

В ванной комнате он снова обмыл рану и тщательно перевязал ладонь. Рука была горячей и не сгибалась. Должно быть, он повредил что-то серьезное. Это хорошо. Ограниченность ее движения и боль будут постоянно напоминать ему о необходимости быть внимательным, у него есть еще правая рука — разящее копье Господа Бога. Этого и неподкупной веры ему хватит.

Глава XIV

Полковник Роджерс и его жена Долли были, казалось, озабочены только одним: сделать так, чтобы Анита чувствовала себя как дома. В субботу, в три часа дня, Долли позвонила и спросила Аниту, не желает ли она зайти к ним чего-нибудь выпить. Анита подумала, что в сложившихся обстоятельствах, пожалуй, стоит пойти, и приняла предложение. Полиция не пришла ни к каким выводам относительно исчезновения Эдварда, у них не было никакой зацепки, и Анита находилась в состоянии тревожного ожидания, напоминающем постоянную зубную боль. Никаких следов, ничего, что позволяло бы говорить о хорошем или плохом исходе. Поэтому, когда ее пригласили в гости, первым ее желанием было отказаться, ей совсем не хотелось никуда идти. Но ее здравый смысл, воспоминание о тысячах неправильных решений, подсказали ей, что будет лучше разделить свое беспокойство с кем-нибудь еще.

Ей было интересно сравнивать дом Роджерсов со своим. Сами дома, мебель, аппаратура были приблизительно одинаковыми. Но что касается вкуса — тут у Роджерсов был прокол. Материалы, которые они использовали для оформления интерьера и обивки мебели, были дорогие, но не гармонировали друг с другом, узор на них был ужасным, кошмарны были грубые массивные стулья и кресла, банальны картины на стенах, претендующие на хороший вкус.

Однако сами Роджерсы оказались вполне нормальными людьми. Так решила Анита. Весь их дом свидетельствовал о нерешительных и осторожных попытках соответствовать уровню жизни представителей среднего класса, как о том пишут в соответствующих журналах. Они провели много лет за границей и, может быть, живи они своим умом, то и сами смогли бы гораздо лучше обставить свое жилище, сделать его более уютным и привлекательным.

Поначалу разговор не клеился. Анита заметила, что Долли чем-то раздражена, перепрыгивает с темы на тему, а озабоченное выражение ее лица явно не соответствует тому, о чем она говорит. Полковник, сильно поизносившийся внешне и опустошенный внутренне годами, проведенными в армии, и частым прикладыванием к бутылке, был более прямолинеен. Все, что он говорил, он считал нужным произносить быстро и отчетливо. Анита подумала, что его речь похожа на равномерную стрельбу из пулемета. После того как присутствующие выпили по паре бокалов, разговор приобрел более оживленный характер, и Анита рассказала супругам о тайне, которая окутывала исчезновение Эдварда Шорта.

— Черт побери! — Полковник был возмущен.— Они ничего не обнаружили? Ужасно!

Долли покачала головой, будто всегда ожидала, что доктор Шорт исчезнет.

— Лучшее место для этого сержанта — рыбная лавка или что-нибудь в этом роде. В нем нет никакой активности. Иногда мне кажется, что он похож на большую беременную улитку. Но сейчас прибыла группа криминальной помощи, они живут в гостинице. Только и остается, что надеяться на них.

Анита пожала плечами. Она уже обратила внимание, что полковник устроился в низком кресле с пологой спинкой и его глаза находятся как раз на уровне ее коленей.

Такие вещи частенько случаются, подумала она, и было бы неплохо немного порезвиться, особенно сейчас. Она слегка развела колени — ровно настолько, чтобы заинтересовать его.

— Но ведь они занимаются другим делом и в начале следующей недели уедут.

Несмотря на преимущества своего положения по отношению к коленям Аниты, которое позволяло ему предметно заняться их изучением, при последних словах Аниты полковник резко выпрямился.

— Уедут? Но, черт побери, они же ничего не сделали!

— Боюсь, ничего больше не могу вам сказать. Они уезжают в понедельник или во вторник. Поэтому поисками Эдварда — не знаю, лучше это или хуже,— будет заниматься наша местная ищейка.

— Пожалуй, не скажешь, что Эдварду повезло,— сказала Долли.

— Для Уэлсфорда наступили тяжелые времена,— заметил полковник, усаживаясь и занимая прежнюю позицию.— Как вы знаете, я являюсь президентом уже не существующего клуба консерваторов. Мы потеряли все, вы в курсе? Из этого дьявольского пожара ничего не удалось спасти.

— Даже ключа,— вмешалась Долли.— Бедняга Джек, от него остался только пепел. Явно, это дело рук маньяка.

Анита кивнула головой.

— Все это очень странно. В нашей деревне десятилетиями ничего не случалось и вдруг — на тебе, одно происшествие за другим, да какие — просто с ума сойти!

— Не говорите.— Полковник прикончил свой стакан, налил второй и поставил его на столик перед собой, затем водрузил туда же и локти. Мы вас поэтому и пригласили. Надо побыть вместе, посочувствовать друг другу. Дело в том, что все эти случайности, или не случайности, все это имеет целью разобщить людей. Надо сплотиться в эти тяжелые времена. Мы хотим как можно скорее создать свой клуб. На этот раз я хотел бы собрать под одной крышей всех, у кого есть совесть и определенные взгляды. Но я хотел бы подчеркнуть одну вещь. Если что-нибудь случится, нужно знать, где искать виновного. Наше местное общество, хоть и очень маленькое, разбито на несколько групп. Большинство знают друг друга лишь понаслышке. Я надеюсь, когда мы все соберемся вместе и объединимся,

вы, Анита, примете приглашение стать членом нашего клуба.

Прямо целая речь, подумала Анита. Она знала, что подобные клубы, как правило, принимали только людей, имеющих определенную репутацию. Очевидно, что если Анита и имела какую-либо репутацию — а Анита была уверена, что имела, и ясно какую ,— то именно она и повлияла на решение полковника пригласить ее. А отсюда следовал вывод, что та репутация, которую имела Анита (а у нее не было никаких иллюзий на этот счет) и которая была причиной этого приглашения, суда по всему, полковника вполне устраивала.

— Полковник, я польщена. Огромное вам спасибо, для меня это большая честь.

— Вам понравятся все наши,— сказала Долли, в голосе ее прозвучала ирония.— Особенно, если священник пошлет на наши головы адский огонь и проклятия. Вот это будет дело.

Заметив недоумение в глазах Аниты, полковник рассказал ей о том, как перед самым пожаром их клуб посетил священник Тренч.

— Он удивительно странный человек. Просто какой-то средневековый тип. Он сходит с ума, когда кто-то веселится и радуется. Господь не должен допускать, чтобы существовали такие люди.

— А я так боюсь его,— сказала Долли вполне серьезно,— терпеть не могу этого типа. Но... вы знаете, я убеждена: прикажи он мне что-нибудь сделать — и я сделаю.

— Чем же это он так здорово отличается от других мужчин? — спросил полковник игриво, однако глаза его были серьезны.

Долли не ответила. Несмотря на нервное возбуждение, она казалась утомленной, вокруг ее газ появились морщинки.

— Тренч — просто дьявол, Анита. Вы когда-нибудь встречались с ним?

— Я видела его издалека. Знаете, Эдварда видели в последний раз, когда он шел к священнику. Тренч пригласил его поговорить.

Полковник открыл было рот и снова его закрыл. Он видел, что две женщины смотрят на него, и вынужден был объясниться.

— Я чуть было не сказал глупость. Прошу прощенья.

— Могу представить себе, что ты хотел сказать,— заверила его Долли.— Я бы не спустила этой старой свинье. Соблазнять людей своими речами...

— Долли, ради Бога!

— Хорошо, хорошо.— Она встала, подошла к камину, выхватила сигарету из коробки, стоящей на нем, нагнулась, чтобы прикурить от сигареты мужа.— Когда я вижу плохие сны, этот старый филин всегда в них присутствует.— сказала она, выпуская дым из носа.

— Я не хотела вас расстраивать, моя дорогая. Просто я выхожу из себя, как только начинают говорить об этом Тренче.

— Долли,— сказал полковник,— ты ведь первая начала.

— Ты прав, прости меня. Давайте забудем об этом, хорошо?

— Я нисколько не расстроилась,— сказала Долли. Она выглядела озабоченной.— А вот интересно, обращался ли Тренч со своей проповедью к тем ребятам, у которых сгорели мотоциклы? Помнится, почтальон мне рассказывал об этом.

— Так оно и было. Как раз в тот вечер, когда он ворвался к нам.— Полковник продолжал рассматривать колени Аниты, но она уже забыла про свою игру.

— А помните кинопросмотр, когда случился пожар? Тренч тоже был в этом замешан?

— Замешан? — спросил полковник удивленно.

— Я хочу сказать, он тоже осудил его публично?

— Да, насколько я знаю,— сказала Долли.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил полковник.

— Молодой человек, возглавлявший общество кинолюбителей, получил от Тренча письмо, почти такое же, как мы. Он отослал его копию в журнал.

— Какой журнал?

— В тот журнал, где полным-полно девок. Ты еще рассказывал мне, что купил его из-за интересной статьи. Ту статью, что сопровождала письмо Тренча, ты, конечно, не заметил.

Несмотря на все усилия казаться равнодушным, полковник покраснел.

— Должен признаться, я ее действительно не видел.

— Странная цепь совпадений, вам не кажется? — Анита почувствовала, как холодок пробежал по спине.— Неужели никто не обратил на это внимания?

Полковник покачал головой, улыбаясь.

— Тебе тоже кажется, что священник замешан во всех этих делах? — Он взглянул на жену.

Долли вздохнула.

— Может быть, если хорошенько в этом разобраться. Пожалуй, я могла бы в это поверить. Но если ты спрашиваешь серьезно, скорее всего, я отвечу — нет.

— Но почему? — Анита не могла усидеть на месте.— По-моему, все выглядит очень убедительно. Три пожара сразу после трех предупреждений священника. Разве мало?

На лице полковника отразилось милостивое снисхождение к высказанной мысли. Не замечая своего покровительственного тона, он сказал:

— Если бы вы лучше знали Тренча, то поняли бы: его нельзя заподозрить, даже если бы доказательств было в два раза больше.

— Но вы сами сказали, что он представляет собой самый страшный тип проповедника. По-моему, он совсем не похож на мягкого, кроткого служителя Христа.

— Так оно и есть,— сказала Долли.— Однако он удивительно искренен. Этот человек полностью предан вере. В ней вся его жизнь. Он человек упрямый и не перешагнет определенной черты, даже если его жизни будет угрожать опасность. Он непреклонен, как смерть, черт его побери.

— Совершенно верно,— подтвердил полковник.— Его агрессивность — только в голосе, в словах. Он большой любитель цветов, часами возится у себя в саду, ухаживая за ними. Он даже приплачивает садовнику из собственного кармана, чтобы тот как следует ухаживал за деревьями, кустами, клумбами, держал их в полном порядке. Он твердо верит, что если над кого-то покарать, то Господь сам это сделает.

В душе Аниты бушевал огонь, а теперь на нее будто вылили ведро холодной воды. Наверно, она слишком впечатлительная, не стоит уделять этому священнику столько времени в связи с этим делом. Эдвард, который собирался на ней жениться, пропал, этим и объясняется ее беспокойство, пусть даже ее желание выйти за него замуж было

и не совсем бескорыстно. Черт побери, куда же он мог подеваться?

Выпив еще стаканчик и поболтав о том о сем, Анита извинилась перед хозяевами и пообещала им позвонить, как только что-нибудь узнает. Они проводили ее до двери и долго смотрели ей вслед. Затем посмотрели друг на друга. Снова одни, без друзей, с которыми можно провести время. Хорошо бы удалось организовать новый клуб!

— Приятная штучка,— сказал полковник, закрывая двери.

— Тебе все удалось разглядеть, не так ли? — ехидно спросила Долли.— Я думала, ты свернешь себе шею, заглядывая ей под юбку. С возрастом ты становишься все хуже.

— Ты преувеличиваешь.— Полковник подошел к камину и уселся в кресло, перелистывая программу телепередач.

Долли взяла стаканы и отнесла их на кухню. Когда она снова вернулась в комнату, вид у нее был озабоченный.

— Послушай-ка,— сказала она,— я еще раз все обдумала. За этим действительно мог стоять Тренч. Возможно, он нас просто загипнотизировал, и мы совершенно не представляем каков он на самом деле.

— Даже если это так,— сказал полковник, продолжая просматривать программу,— будет лучше, если ты выбросишь это из головы, и как можно скорее.— Он начал шелестеть страницами, показывая, что желал был положить конец разговору.— Тренч просто старая баба, и ничего больше. Он совсем потерял свои мужские качества. Иди лучше сюда, по ящику передают какую-то пьесу.

Долли вздохнула и зажгла еще одну сигарету перед тем, как переместиться в кресло со своего мягкого стула, обитого сиреневым плюшем.

— Наверно, ты прав,— сказала она, сложив руки на груди.— Но все-таки приятно, если бы эта лицемерная свинья получила на свою голову хотя бы половину того, о чем я прошу.

Пока Анита закрывала двери в доме, тушила свет, раздевалась, она переходила от надежды к глубокому отчаянию. Эдвард сказал ей, что собирается на чашку чая к священнику, что тот пригласил его. Однако это могло быть и

просто предлогом. Возможно, он подошел к священнику по своему делу, например посоветоваться по личному вопросу. Чем больше она об этом думала, тем правдоподобней казалась ей эта мысль. Ведь Эдвард холостяк и вообще человек очень осторожный, вот он и решил поговорить с другим мужчиной, к которому относился с уважением. Что ж, вполне вероятно. Эдвард признался ей, что, кроме нее, у него нет никого, с кем бы он мог откровенно поговорить — ни в деревне, ни на работе. И он уехал, чтобы все обдумать. Но почему так внезапно — забыл письма на пороге, ничего не сообщил на работе? Вряд ли Эдвард мог поступить так безответственно.

Но все остальное, например, то, что Эдвард искал совета у священника, выглядело вполне правдоподобно. По крайней мере, это ниточка, которая куда-то ведет. Ее надежда подогревалась еще и ее уверенностью в своей интуиции. Она непременно пойдет к Тренчу и будет просить его — если надо, умолять,— чтобы он рассказал ей, по какому делу приходил к нему Эдвард. Любой ответ все-таки лучше, чем неизвестность.

С этой мыслью Анита заснула. Ей приснилось, что она снова с Эдвардом Шортом, они молчат и смотрят друг на друга, а вокруг какой-то странный пейзаж и не слышно ни одного звука.

Глава XV

В понедельник Тренч поднялся на час раньше, чем обычно. Он умылся, побрился, оделся и теперь заканчивал завтрак. Нетерпение, с которым он ожидал прихода экономки, стало особенно невыносимо после вчерашней вечерней службы. Он пытался убедить себя, что она ему совершенно не интересна, более того — безразлична, но пустота этого дома иногда так угнетала Тренча, что в какой-то момент он четко осознал: необходимо, чтобы в доме появилось еще одно живое существо, пусть чуждое ему или даже бессловесное. Господь всегда с ним, в этом сомнений у Тренча не было, и Господь повелевает укрощать свою плоть — одна из важнейших Его заповедей.

Не было никакого резона иметь в доме еще одного мужчину, поэтому идеальным вариантом была экономка. И сейчас, дожевывая бутерброд и допивая чай, Тренч

снова убеждал себя и Господа, что взгляды его не претерпели никаких изменений.

Точно в девять утра Дороти Блейк постучала в дверь и была принята со всей теплотой, на какую был только способен мистер Тренч в данном случае. Он показал ей комнату и сказал, что, как только она распакует свои вещи, он ждет ее в гостиной, где они подробно обсудят ее обязанности. Как только мисс Блейк закрыла за собой дверь, Тренч спустился вниз, ощущая при этом некоторую неловкость и смущение, словно нерадивый ученик, которого отчитал директор школы.

Не прошло и десяти минут, как в дверь деликатно постучали. Тренч преувеличенно громко и с интонацией, не соответствующей моменту, произнес: «Будьте любезны войти».

Тренчу сразу бросилось в глаза, что мисс Блейк переоделась. Странная дрожь охватила Тренча, он с трудом проглотил слюну. В его мозгу пронеслась ужасная мысль о том, что в этом самом доме несколько минут назад эта женщина сняла с себя одни вещи и надела другие. Мысль эта была явно неприятной, она просто шокировала его, более того — Тренч почувствовал, что вовлечен в какое-то темное, непотребное дело. Это же смешно, сказал он себе, но неприятное чувство осталось.

— Садитесь, пожалуйста, мисс Блейк. Я хочу рассказать вам о моем распорядке дня и распределить ваши обязанности таким образом, чтобы было удобно мне и не в тягость вам. Итак...— Он вынул из кармана лист бумаги и протянул ей.— Это распорядок на неделю. Время определено абсолютно точно. Большую часть своего свободного времени я провожу в саду, и это тоже указано. Естественно, в ненастную погоду и зимой распорядок немного меняется. На правой стороне страницы вы видите предлагаемое расписание для вас. Если вы с чем-нибудь не согласны, пожалуйста, скажите мне сейчас, и мы все исправим.

Пока мисс Блейк читала, Тренч изучал ее лицо. Широкое, с гладкой кожей, немного косящие глаза. Темно-серые, печальные — глаза человека, привыкшего к послушанию. Рот очерчен вполне решительно, однако без признаков капризности, которые часто встречаются у современных людей. И руки ее — это руки честного человека, с коротко подстриженными ногтями, такие руки не предназ-

начены для соблазнов. У нее была большая грудь, что, к его удивлению, не оттолкнуло Тренча. Его мать имела примерно такую же фигуру, и он вспомнил то чувство уюта и защищенности, которое испытывал в детстве. Мисс Блейк была одета скромно, юбка достаточно длинна и надежно закрывала колени. Тренч убедился еще раз, что сделал превосходный выбор. Именно на таких женщин Господь взирает с благосклонностью.

Она подняла глаза.

— Здесь все меня устраивает, мистер Тренч. Вы позволите мне оставить этот листок у себя?

— Разумеется.— Он улыбнулся ей. Ее голос, тихий и глубокий, очень подходил ей. Тренчу было приятно, что она будет работать у него дома.

— Я хотела спросить вас,— она пристально посмотрела на него,— вы мне не сказали, где находится ванная комната.

Этого он не ожидал. Он меньше всего задумывался о вопросах физиологии. Ему не приходило в голову, что его экономка будет нуждаться в посещении его ванной, была ему нестерпима.

— Ах да, извините, это полностью ускользнуло от моего внимания. Сейчас я покажу вам. Еще что-нибудь?

— Нет, только это, больше ничего. Спасибо.

Тренч показал мисс Блейк ванную комнату.

— Вот, пожалуйста. Но, видите ли, с утра...

— Я встаю очень рано, мистер Тренч, поэтому для вас не будет никаких проблем.

— Ну что ж, это просто замечательно, мисс Блейк.— Он замолчал, глубоко вздохнул и потер руки.— Тогда самое время начинать, правда? Я вас покину, чтобы вы могли заняться своими делами. Если вам что-нибудь понадобится, возникнут какие-то сомнения, я буду в кабинете.

Оказавшись в относительной безопасности за закрытой дверью кабинета, Тренч обнаружил, что ему не хватает воздуха. Он с удовлетворением подумал, что эта женщина, по-видимому, не доставит ему хлопот. Он всегда недолюбливал слишком разговорчивых людей и сторонился их. Ему был непривычно сознавать, что в его доме появилась еще одна человеческая душа. Он придвинул к себе недельный план и принялся изучать его. Встреча с членами общества была назначена на среду. Ну, это не займет много вре-

мени. Лекция о добродетелях сельской жизни перед дирекцией и учениками местной школы — этим он всегда занимался с удовольствием. Он написал эту беседу пятнадцать лет назад и за это время усовершенствовал ее. Тренч был уверен, что лекция написана как раз тогда, когда он впервые установил тесную связь с Богом. Раньше он не мог и помыслить, как глубоко войдет Господь в его душу и его жизнь. Беседа была посвящена различным вопросам — от разъяснения ценностей простой благочестивой жизни в деревне до проблем божественного правосудия и наказания порока.

Зазвонил телефон. Тренч поднял трубку.

— Мистер Тренч?

— Да, это я. С кем я говорю? — Женский голос был ему незнаком.

— Меня зовут Анита Кроутер.

Сердце его яростно забилось. Он был вынужден прижать трубку поплотней к уху, чтобы стучавшая в висках кровь не мешала слушать.

— Могла бы я пригласить вас к себе, мистер Тренч?

Он проглотил слюну. Спаси и защити меня, Боже, подумал он, это было бы как раз кстати.

— Спасибо, это очень любезно с вашей стороны.

— Я хотела бы поговорить с вами,— сказала она.

Тренч подумал: не испытывает ли она угрызений совести, не решила ли покаяться? В жизни всегда есть место надежде, и надеяться надо до последней минуты.

— Я подумала, что мне будет проще сделать это у себя дома.

— Рад буду быть вам полезным, если смогу, миссис... или мисс...

— Миссис Кроутер, святой отец. Я вам расскажу, как до меня добраться. Вас устраивает, скажем, в половине девятого вечера?

— Очень хорошо, миссис Кроутер. Пусть будет двадцать тридцать.

Он без всякого внимания выслушал, как она объясняла ему дорогу,— это ему было не нужно. На этот раз он вел себя очень осторожно, не дав ей почувствовать, что знает ее имя и что она собой представляет. Когда она повесила трубку, Тренч отодвинул свой недельный план и сжал виски ладонями. Голова опять начала болеть, но он знал почему. Это Господь его вызывал, напоминал ему, что он

приближается к важному рубежу. Если эта женщина действительно покается — она будет спасена. Если нет... Боль усилилась и стала невыносимой. Он закрыл глаза и крепко стиснул зубы, чтобы не закричать. Он сильней надавил ладонями на виски, но боль пронзила иглой изрезанную руку. Это было напоминание. Нужна осторожность. Сквозь сжатые зубы он подтвердил свою готовность: «Я не подведу тебя, Господи, я не подведу тебя».

Сержант Клайд, сидя за столом, держал у себя на коленях маленькое чайное блюдце. На нем лежал кусок слоеного пирога, приготовленного его женой, от которого он никогда не мог отказаться. Конечно, не стоило сейчас есть, ведь он был на дежурстве, но трудно было дожидаться обеденного перерыва, не попробовав этой прелести. Тарелка на коленях — единственно, что примиряло его со службой. Однако это продолжалось недолго. Кто-то вошел в участок, и сержант ничего не осталось, как поставить тарелку на стол и встать. Лицо посетителя показалось ему знакомым, хотя Клайд не мог вспомнить ни фамилии, ни занятий вошедшего.

— Здравствуйте, я отниму у вас не больше минуты вашего времени,— сказал мужчина. По всему видно, этот маленький человек, средних лет отличался большой уверенностью в себе. Клайд вспомнил, что когда-то он держал магазин химических товаров в Уэлсфорде, а потом переехал в город.

— Пожалуйста, мистер Томас. Я не ошибся?

— Отличная у вас память. А я вот ваше имя забыл.

— Клайд. Чем могу быть полезен?

Мужчина вынул из кармана лист бумаги.

— Я обещал себе это сделать еще неделю назад, но только сейчас попал к вам. Сейчас я вам все объясню. Видите ли, это вопрос непростой, поймите меня правильно. У меня довольно большой магазин химических товаров. Несколько недель назад один из моих продавцов продал амилнитрат. Я видел покупателя, и если бы даже не знал его, запомнил бы его лицо. Это был местный священник, Тренч.

Сержант нахмурился.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Теперь я подхожу к самому интерес-

ному. Конечно, в это трудно поверить, но я прочел заметку в газете, где говорилось о пожаре в общественном центре. Там было упоминание об амилнитрате.

— Вы правильно сделали, что зашли сюда и все мне рассказали.

— Я ничего не имею против этого человека, амилнитрат у него могли украсть те, кто устроил пожар. Но все это очень подозрительно.

Но Клайда было тяжело смотреть.

— Он купил две огромные бутыли, этого хватит на долгие годы, ведь больше пятнадцати граммов за один раз вы не израсходуете. Вот здесь у меня записано, сколько он купил. Мы ведаем учет, чтобы пополнять запасы.— Он помолчал.— Говоря откровенно, я не могу себе представить, что он может совершить что-нибудь подобное, хотя — кто знает.

Клайд поблагодарил мистера Томаса и попрощался с ним.

Итак, все окончательно запуталось. Будь это кто-нибудь другой — и вопросов не было бы. Но Тренч, почему именно он? Клайд испытывал уважение к тем, кто занимался делом. Когда исчез этот новый житель, мистер Шорт, Клайд немедленно провел необходимое расследование. Когда же поступили сведения об исчезновении Редколифа, сержант занялся этим делом с большой неохотой. Оба случая совершенно не похожи один на другой. Исчезновение недисциплинированного, ненадежного человека, перекати-поле, не вызывало недоумения. Но пропал занятой человек — и это уже другое дело. Мистер Тренч уже в течение двадцати лет священник Уэлсфордской церкви, человек строгих принципов, с незапятнанной репутацией. Немного чудаковатый, старомодный, но, в сущности, добрый человек, лучший из всего прихода. Если сейчас пойти и начать задавать вопросы по поводу покупки этого химического препарата, наверняка последует такая реакция, которой Клайд всегда стремился избежать. В глубине души он не мог поверить, что священник связан со всеми этими актами вандализма. Однако все указывало на это. Что же делать?

Он думал об этом весь обед. У него было желание немедленно предпринять самые решительные действия в отношении Тренча, но он остановил себя: не торопись, обдумай все хорошенько. В данных обстоятельствах у него

оставался единственный выход: не заниматься этим делом самому. Группа криминальной полиции уже готовится к отъезду, но здесь возникает новое обстоятельство, может быть важное. Как раз тот случай, когда, по мнению Клайда, дело надо расследовать очень осторожно, не торопясь, с соблюдением всех правил. Однако его разум мешал ему немедленно приступить к расследованию. Он боялся, что священник может оказаться невинным. Конечно, лучше всего взвалить это дело на плечи приезжих детективов, но чем больше он об этом думал, тем более скверно себя чувствовал,— это походило на предательство. Клайд пришел к выводу, что он слишком мягок, чтобы быть хорошим исполнителем закона. То, что было естественным для большинства его коллег, представлялось ему настоящим мучением.

Наконец Клайд принял решение. Собственно, это не было решением — просто он пришел к убеждению, что в данных условиях необходимо предпринять хоть что-нибудь. С этим он и отправился спать, решив, что если утром утвердится в своем желании арестовать Тренча, то немедленно пойдет и арестует. И наоборот, если ночные размышления приведут его к заключению о том, что все это спорно и неточно, он передаст дело в криминальную полицию — пусть они и занимаются расследованием. Разрешив таким образом свои сомнения, он занялся другими своими обязанностями.

Глава XVI

Когда преподобный Тренч поднял бронзовую ручку замка и негромко ею постучал, он заметил, что руки у него трясутся. Он очень плохо себя чувствовал после обеда. Сильная головная боль, боль в прорезанной ладони, терзавшая всю руку, а также нервное напряжение, которое он испытывал, стараясь скрыть ничем не объяснимый приступ,— все это истощило его силы. Судя по всему, экономка о чем-то догадывалась, это можно было понять по ее настороженному виду. Тренч полагал, что она слышала его крик, а он наверняка кричал, когда его колотило во время припадка. Голос его звучал с небольшой хрипотцой, видимо, он надорвал связки. Он почему-то был уверен,что после сегодняшнего мероприятия его напряжение спадет, жить ему станет легче.

Дверь открылась, и миссис Кроутер взглянула на него тем же пристальным, напряженным взглядом, который он запоминал с той ночи, когда, скорчившись, прятался в ее саду под деревом. Трудно было поверить, что стоящая перед ним женщина и та развратная сука, которая вела себя так вызывающе,— одно и то же лицо.

— Спасибо, что нашли время зайти, мистер Тренч.

Он пробормотал что-то в ответ и последовал за ней, остро чувствуя запах, который исходил от нее — тяжелый, неестественный, совсем не похожий на запахи цветов и деревьев. Когда она закрывала дверь, Тренч украдкой оглядел ее. Она была одета очень строго — облегающее белое платье, наглухо закрытое до шеи. Руки обнажены, обута в сандалии на деревянной подошве, без чулок. Ему запомнились тонкие золотистые волоски у нее на руках. Напоминание о ее звериной сущности, подумал Тренч и с напряжением улыбнулся.

— Я вам очень благодарна, что вы смогли уделить мне время,— сказала Анита.— Я очень обеспокоена и надеюсь, что вы, может быть, облегчите мои страдания.

Она прошла к буфету, немного задержалась у сервировочного столика, на котором стояли бутылки.— Не хотите чего-нибудь выпить, мистер Тренч?

— Нет, спасибо. Я редко это себе позволяю.— Он заметил, что она, тем не менее, налила один стакан. Джин, показалось ему.

Держа стакан в руке, он вернулась и села напротив него. Выражение ее лица не соответствовало ее внутреннему напряжению. Похоже было, она собирается с духом, чтобы начать разговор.

— Так чем же я могу вам помочь, миссис Кроутер? — спросил Тренч. Он чувствовал себя напряженно, словно находился где-нибудь в баре или в ином увеселительном месте.

— Дело касается моего жениха, моего неофициального жениха, доктора Шорта. Мы собирались пожениться...

— Просто замечательно.— Тренч изо всех сил старался казаться заинтересованным.

— Но дело в том, что он исчез, мистер Тренч.

Тренч понял, что он не услышит здесь никаких покаяний, признаний в греховности, к нему не станут взывать с просьбой о духовном наставничестве.

— Я в курсе событий, миссис Кроутер. Сержант Клайд приходил ко мне по этому делу. Боюсь, я ничем не могу вам помочь. Да, я видел доктора Шорта, но куда он ушел после нашего разговора, я не знаю.

Анита сделала несколько хороших глотков из стакана, и Тренч заметил, что, хотя порция была большая, напиток не был разбавлен.

— Сказать по правде, мистер Тренч, я просто хотела узнать, почему Эдвард приходил к вам. Он сказал мне, что вы его пригласили, и я подумала, может быть он хотел поговорить с вами по личному делу?

Тренч решительно покачал головой.

— Мы затрагивали с доктором Шортом исключительно духовные вопросы, и он действительно был у меня по моему приглашению, это правда.— Он откашлялся.— Неужели вы думаете, что он нуждался в каком-либо участии с моей стороны?

Анита печально покачала головой.

— Нет, конечно, вряд ли. Вы и Эдвард — совсем разные люди. Просто я заставила себя поверить, что у него была какая-то проблема и он поделился ею с вами. Будь это так, мы могли бы хоть предположить, где он теперь находится.

Тренч вздохнул.

— К сожалению, миссис Кроутер, я так мало узнал от доктора Шорта, что вряд ли могу помочь вам. Мне очень жаль.

— Ну что ж.— Анита пожала плечами и допила остатки из стакана.— Мне нужно было просто спросить у вас об этом по телефону.— Мне нужно было просто спросить у вас об этом по телефону, чтобы не заставлять вас совершить это утомительное путешествие.

— Могу заверить вас, я не испытываю никаких неудобств.— Он увидел, что она поднялась и налила себе еще порцию джина. В его присутствии она позволила себе демонстрировать свою невоздержанность.— Скажите, миссис Кроутер, вы всегда пьете так много?

Анита замерла, не донеся стакан до рта. Оправившись от удивления, она сделала два больших глотка.

— Когда я пью, то обычно пью много, как сегодня.— После первого стакана глаза ее слегка увлажнялись.— У вас есть возражения насчет выпивки, мистер Тренч? — Она села и скрестила ноги. Она ожидала ответа.

Тренч некоторое время сидел молча, прикидывая, какие у него взаимоотношения с этой женщиной. Никакого следа раскаяния — он был сейчас на том же месте, с какого начинал. И теперь должен приступить к своим основным обязанностями — представителя Господа Бога.

— Да, я не одобряю употребление крепких напитков. Другое дело — умеренное потребление вина. Вино согревает, но не поражает разум.

Анита сделала еще несколько глотков. В ее положении требовалось очень немного, чтобы ей захотеть излить на священника все, что накопилось у нее на душе.

— Мне это нравится,— сказала она.

— Многие вещи, приятно действующие на наши чувства, поражают наш разум, тело и душу. Пьянство — одно из самых страшных прегрешений.

Анита наклонилась вперед, уперевшись локтем в колено и подперев ладонью щеку.

— Скажите, святой отец, если бы у вас была власть, вы бы запретили спиртные напитки?

— Нет, я не стал бы их запрещать. Должно существовать искушение, чтобы человек сопротивлялся ему. Я лишь наказывал бы тех, кто не только не пытается удержаться, но и подавляет свою свободную волю, дарованную нам Господом нашим.

— Мне кажется, я поняла не все, что вы сказали.

— Мне кажется, вы и не хотели понять.— Обстановка все больше накалялась, отчуждение росло.— Некоторые грешат, не чувствуя, что совершают грех. Таким людям достаточно покаяться в своем заблуждении. Но совсем другое дело — совершить грех и получать от этого удовольствие.

— Да,— произнесла Анита, почти допив содержимое стакана,— я определенно получаю удовольствие от греха, должна вам признаться, святой отец. Жаль, но придется разочаровать вас.

— Вы об этом не сожалеете. Вы получаете удовольствие от своей распущенности.

— Мистер Тренч, это не тот тон, каким надо со мной разговаривать. Я взрослый человек и, вполне возможно, что ваша распущенность...

Глаза Тренча округлились.

— Моя?

— Да, ваша. Ваше, по меньшей мере, странное отно-

шение к вопросам вежливости и хорошего поведения. Я нахожу его совершенно оскорбительным. Вам следовало бы задуматься об этом, ведь вы общаетесь с разными людьми. То, что я пью и мне наплевать на ваше мнение об этом,— это мое личное дело.— Алкоголь стал действовать сильнее, лицо Аниты раскраснелось.

Тренч поднялся и посмотрел на нее сверху вниз. Его трясло.

— Вы — отвратительное существо.— Глаза его впились в нее.— Вы погрязли в разврате.

Он глыбой возвышался над ней и был похож на ангела-мстителя. Она мгновенно вспомнила о том, что этот человек мог быть замешан во всех странных происшествиях в городке. И взорвалась.

— Ах, ты старый ханжа, клеветник проклятый! — Она вскочила на ноги, но Тренч все равно был намного выше ее. Огромный, сильный мужчина. Может быть, в других обстоятельствах это и привлекло бы ее, но только не сейчас. Они стояли так близко, что она чувствовала на себе его дыхание, вырывавшееся из его полуоткрытого рта и опалявшее ее щеку.

— Как вы смеете говорить со мной в подобном тоне?..

— А кто ты такой, черт тебя дери? Замаскированный Господь Бог? Ты из тех, кто прикидываются этакими старыми добрячками и думают, что им будут поклоняться только за то, что они носят облачение проповедника. Мне на это наплевать, Тренч! На меня это не действует!

Тренч почувствовал, как страшная боль возвращается в его голову, пронзает мозг, давит на глазные яблоки. Он сделал глубоких вздох и сжал свою пораненную руку. От боли сознание полностью вернулось к нему, он как бы очнулся от наваждения.

— Ты проститутка, похотливая шлюха, отвратительная грешница...

Анита начала смеяться. Тренч недоумевающе смотрел на нее. Женщина откинула голову назад, плечи у нее тряслись от смеха, грудь тяжело вздымалась и опускалась под действием болезненного приступа веселья.

— А ты...— Она передернула плечами, чтобы прийти в себя, и направила свой палец с накрашенным ногтем ему в грудь.— Ты просто замшелый пень...— Вместе с этими словами она выбрасывала свое возмущение, растерянность, свою женскую беззащитность, которые переросли в

смех — все нарастающий и перешедший наконец в истерику:

— Боже мой, он просто уморил меня!

Тренч стал предостерегающе поднимать руку, но в этот момент ее качнуло вперед и его пальцы коснулись ее груди. Словно человек, дотронувшийся до оголенного провода, Тренч отпрянул назад, а ее смех перешел в визг, но уже более осмысленный: она смеялась теперь над его промашкой и неловкостью. Ловя воздух раскрытым ртом Анита отступила назад и опять ткнула в него пальцем:

— Гадкий, противный священник! — Она задыхалась от дикого смеха и чуть было не рухнула на пол.

— Прекрати, сейчас же прекрати ты, проститутка! — закричал Тренч, его трясло, лицо свело судорогой так, что один угол рта вздернулся вверх. Зубы его выбивали дробь, он почти перестал соображать.

— Тебя это не заводит, папаша? — Анита положила руку себе на грудь и сжала ее. Глаза ее сузились, она выставила вперед нижнюю челюсть, показав маленькие белые зубки. Кончик языка облизывал верхнюю губу.— Ну что, Тренч, как тебя тряхнуло, когда ты дотронулся до женщины? — Она положила другую руку себе на живот и начала себя ласкать, сжимая и разжимая пальцы после каждого движения и наблюдая за его реакцией из-под полуприкрытых век.

Тренч оказался в трудном положении. Это была проверка, последнее испытание его силы. Его глаза уже полны ее пороком, его нос не может больше вдыхать отвратительный запах ее духов, сдерживая гнев, пытаясь сохранить остатки разума, он вдруг почувствовал, как этот предатель, этот плотский Иуда в его штанах вдруг зашевелился, стал твердеть, зараженный подлой бабьей похотью. У Тренча чуть не остановилось сердце, он застыл, истово молясь, со страхом чувствуя, как во всем его теле нарастает возбуждение.

— Бьюсь об заклад, ты никогда не пробовал такого лакомого кусочка, святой папаша,— прокричала Анита, сидя на ручке кресла, чрезвычайно довольная собой и в дым пьяная. Она нащупала на шее пуговки и стала расстегивать платье, глядя на Тренча.— Смотри сюда, Тренч, сюда.— Она распахнула платье и выставила напоказ свои груди, слегка поддерживаемые тоненьким бюстгальтером.

Мягкое тело затрепыхалось, когда она стала кончиками пальцев быстро оглаживать грудь.

Тренч бросился вперед, разведя перед собой руки, чтобы схватить ее. Анита соскользнула с кресла на пол и упала на спину, приподняв и раздвинув ноги, согнутые в коленях, предоставив для обозрения Тренчу соблазнительные плотные ляжки, между которыми виднелась тонкая полоска трусиков. Подобно раненому животному, Тренч замычал, отвел назад ногу и со страшной силой ударил ее. Когда его идеально начищенный ботинок врезался в ее грудь, что-то хрустнуло. Анита закричала. Он ударил ее снова, на этот раз ботинок опустился на открытый рот, закрывая, запечатывая рвущиеся оттуда звуки. Изо рта вырвался приглушенный стон, и кровь обильно потекла между размозженных губ. Тренч отступил от поверженного тела, внутри у него все бурлило, глаза вылезали из орбит...

— Дьявол гнездится в твоем продажном теле...— Его голос звенел и вибрировал на высокой ноте, заполняя комнату.— Господь не простит тебе твоих грехов. Вечное проклятие падет на тебя за все твои гнусные деяния.— Он нагнулся и схватил ее руками за шею. Вспомнив, что занавеси на окнах раздвинуты, он, продолжая держать Аниту за шею, потащил ее на кухню. Ноги ее волочились по полу и цеплялись за мебель. С грохотом упала на пол сковорода, стоявшая на плите. Собрав все силы и стараясь не обращать внимания на острую боль в ладони, Тренч все сильней сдавливал ей горло. Анита уже задыхалась, ее лицо приобрело синий оттенок. Губы, которые еще минуту назад были ярко-красными от крови и помады, стали лилово-синими, кончик языка болтался во рту, как бы пытаясь вывалиться. Тренч остановился, большими пальцами рук плотнее уперся в обе стороны гортани и начал изо всех сил давить. Через несколько мгновений он почувствовал, что сухожилия и мышцы подались под его руками. Он отвел взгляд от ее перекошенного и искаженного мукой лица и посмотрел на ее раскинутые ноги. Трусики сбились и едва держались на бедрах. Тренч застонал и снова сдавил ей горло так, что пальцы его рук встретились. Из горла Аниты вырвался сухой сдавленный звук, и она затихла — ни звука, ни движения.

Тренч с трудом встал на ноги и отвернулся от распростертого на полу тела. Блудница мертва, грех наказан. Он

снова взглянул на тело: даже мертвая, она продолжала предлагать себя.

— «Тела их будут расчленены и брошены на ветер...» — Тренч вспомнил, как она стояла у окна и похотливо изгибаясь ласкала свое нагое тело. Тренч быстро огляделся и заметил большой, с тяжелой рукояткой нож, который лежал на скамейке рядом с мойкой. Схватив его, он заметил, что к ручке ножа подходит провод, а на ручке находится переключатель. Судорожно вздохнув, он опустился на колени рядом с телом. Электрический нож жужжал у него в руке. Голову опять пронзила боль, напоминая о священном долге — карать порок, глаза его на мгновение затуманились. Он взял мертвую голову за волосы и рывком приподнял ее, затем поднес движущееся лезвие к шее. Мгновенно, без всякого усилия, оно вошло в тело. Кровь брызнула на пол и полилась потоком. Тренч задрожал от ярости, когда лезвие уперлось в шейные позвонки. Напрягшись и мыча от усилия, он кромсал тело, разрывая кожу, мышцы, разбрызгивая кровь. Кости не поддавались. Тренч отшвырнул нож. Почти отделенная от тела голова Аниты лежала на полу под неестественным углом к телу. Огромная разверзшаяся дыра образовалась в том месте, где хозяйничал нож. В вытекающей крови отражался свет.

Ничего не соображая, чувствуя только переполняющую его дикую злобу, Тренч метался по кухне, выдергивая ящики из столов, рывком распахивая шкафчики, разбрасывая вокруг их содержимое. Наконец он нашел то, что искал — блестящий секач для рубки мяса. Вернувшись к телу, он поднял тяжелое острое лезвие и ударил по неразрубленной шее. На третьем ударе, собрав в крике всю оставшуюся силу, ему удалось раскрошить позвоночный столб. Изуродованная голова отделилась от тела. Все еще держа в руках нож, Тренч наносил беспорядочные удары по телу, кромсая живот, грудь, бедра... Из огромных ран стали вываливаться внутренности.

Обессилев, Тренч уронил нож и, с трудом оторвавшись от пола, поднялся на ноги, даже не замечая, что весь пол залит кровью. В голове у него раздавались слова: «...и разбросал по ветру...». Он поднял голову Аниты, держа ее за потемневшие и скользкие от крови волосы. Найдя взглядом дверь, он рванулся вперед, забыв о том, что оставил за собой. В холодном темном саду он швырнул голову на

газон позади дома и бросился бежать через те же ворота, через которые уже убегал несколько ночей назад.

Тренч не мог вспомнить, как оказался у заднего крыльца своего дома. Только что он был в саду мертвой блудницы, и вот он уже у себя. Ясно, что Господь перенес его сюда. Ничего не нужно бояться, раз его действия направляются божественным промыслом. Господь прикроет его своей десницей. Вина и позор падут на другого. Он тихо открыл дверь и оказался внутри, впервые почувствовав на себе тяжелый запах крови, пота и слизи, покрывавших его одежду, руки и лицо.

Пока Тренч в темной кухне сбрасывал с себя пропитанную кровью одежду, пожилая дама, живущая рядом с доктором Шортом, с трудом передвигаясь на больных ногах, направлялась к телефонной будке. Она была уверена, что на этот раз стоит потратиться на два пенса и пожаловаться в полицию. Прогуливаясь со своей маленькой собачкой, она услыхала страшный шум, доносившийся из дома у начала улицы. Этот шум напугал даже ее собачку. Все это очень подозрительно — похоже, в доме дрались или занимались чем-то еще похуже. Пусть полиция разберется. Весь этот кавардак ужасно подействовал на ее собачку, а люди не имеют права пугать бедных беззащитных животных.

Глава XVII

Тренч помылся на кухне, надел свежую одежду. Свой подвиг он совершил, но облегчения не чувствовал — не спадающее возбуждение терзало его тело. В течение нескольких минут он пребывал в мрачном настроении, не в состоянии понять, в чем дело. Он прикрыл глаза и попытался успокоиться, как делал обычно перед выступлением в церкви. На этот раз прием не сработал, но ответ на мучивший его вопрос он все-таки нашел.

Он все еще не очистился от греха той женщины. Его чресла, которые в течение многих лет совсем не давали о себе знать, были послушны его воле, в последнее время пребывали в возбужденном состоянии, в какой-то мере ему удавалось справляться с этим, но спокойного сна он теперь не знал. Он уничтожил источник этой плотской заразы, но его тело оказалось зараженным. Ее похоть проникла в

него, лишила его сил. Он поднялся и медленно побрел по дому, чувствуя, как усиливается тяжесть внизу живота. Он поднялся по лестнице и на цыпочках направился к своей спальне.

У комнаты мисс Блейк он остановился, замер на месте. Луч света вспыхнул и озарил темноту, окружавшую его, он все понял — это было как удар грома, после которого пролился благодатный дождь. Это она. Это из -за нее у него все ожило, и он стал мучиться как мужчина. Положив руку на глаза, он с фотографической точностью увидел весь план Господень. Тренч со свойственным ему прилежанием вел поиски греха, используя для этой цели все имеющиеся свидетельства. И Бог вознаградил его, указав ему грех, который он сам не мог найти. Эта женщина, должно быть, скрывает в себе секрет разврата, вдали от глаз людей, но не от глаз Господа. Продолжающаяся борьба в теле Тренча явилась ключом к пониманию. Зараза, которая попала в него, исходила от этой женщины, которую он нанял. Теперь ему стало ясно, почему он взял ее на работу. Никто иной, как Бог, приказал ему.

Не теряя ни секунды, Тренч повернул ручку двери и ворвался в комнату, в глаза ему ударил яркий свет лампы, стоявшей на тумбочке у кровати.

— О, Господи,— застонал Тренч, увидев, как Дороти Блейк с испугом обернулась. Она была совершенно нагая и держала в руках ночную рубашку.— Ты мучаешь меня испытаниями!

Он подскочил к женщине и схватил ее за горло, почувствовав резкую боль в руке. Его рукам пришлось сжиматься таким образом уже дважды за последний час, и Тренч устал и ослабел. Дороти оказалась сильной, она яростно боролась, фактически не уступая ему в силе. Тренчу долго не удавалось повалить ее, и это разъярило его еще больше. Обнаженный живот женщины касался его, он видел и ее широко расставленные ноги — крепкие, мускулистые. Его взгляд гипнотически притягивал к себе темный таинственный треугольник внизу ее мягкого белого живота. Тренч горел, его трясло, мерзкий кусок его плоти налился и стоял, как никогда раньше, Тренч почувствовал, что полностью растворяется в этом новом для себя ощущении, которое он уже не мог подавить и которому полностью подчинился. Но это был грех, страшное проклятие, он помнил об этом. И он боролся уже не за свою плоть, а

за свою душу. Ему удалось схватить ее за горло, она поскользнулась и начала падать на спину. Навалившись на нее все телом, он подмял ее и сразу же вспомнил ту, другую женщину, ее раздвинутые ноги, порочное тело, грешное в жизни и в смерти. Придавив женщину своим весом, он беспомощно наблюдал движения ее огромных грудей, и тут на него снизошло еще одно озарение. Господь заставил его вытолкнуть изо рта слова:

— Освободись от своего греха! Верни грех ей!

Почти в бессознательном состоянии Тренч оседлал испуганную до смерти, полузадушенную экономку и, крепко держа ее одной рукой за горло, другой принялся расстегивать брюки. Он никогда в жизни не делал этого, но знал, что нужно делать. Им снова руководили. В ушах его гремела музыка, он схватил свой рвущийся орган и весь подался вниз, готовый разрядиться в нее и полностью освободить себя от греха, которым она и ее сестры в пороке наградили его. Он терял над собой контроль, его тело, душу, разум охватила страсть, которой он раньше не знал. Он застонал и забился в экстазе, собирая всего себя, чтобы обратиться к Господу со словами благодарности, но для его разума это оказалось непосильно. Чувствуя, как поднимается на неимоверную высоту чувственный взрыв, Тренч понял, что может не выдержать, умереть, он снова яростно сдавил горло женщины и одновременно забился в освобождающих его тело судорогах, а голова его наполнилась таким грохотом, что он уже не слышал бессвязных звуков, срывающихся с губ умирающей Дороти Блейк.

С большой неохотой согласился Клайд проверить жалобу. Миссис Кейт была нудной и сварливой старухой, однако сержант все же реагировал на все ее жалобы, так в противном случае они поступали снова.

Было совсем тихо, когда он подошел к дому миссис Кроутер. Свет горел, ни никого не было видно. Он постучал несколько раз во входную дверь и, не получив ответа, обошел дом с другой стороны. Кухня тоже была освещена, но занавески задернуты. Он постучал снова и, наконец, с решительностью, которая была ему совершенно не свойственна, повернул ручку. Обнаружив, что дверь не заперта, он вошел.

Сначала ему показалось, что он падает в обморок, и,

кажется, он даже закричал. В его голове молнией промелькнуло несколько возможных вариантов реакции на подобную ситуацию. На самом же деле сержант вошел в кухню и застыл, постепенно наполняясь чувством ужаса. Весь пол был залит кровью и еще каким-то студенистым веществом. В огромной луже крови лежало обезглавленное тело, изрубленное, с зияющими ранами, с раскинутыми под самыми невероятными углами конечностями. Одна рука, не тронутая, белая, с аккуратно подстриженными и наманикюренными ногтями, застыла, слегка приподнятая, и казалась совершенно инородным телом среди этой бойни. Простояв некоторое время, Клайд неуверенно, задом, выполз из кухни и закрыл дверь. Затем, трясясь от ужаса и отвращения, побежал. Пробежав несколько шагов, он почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Пролетев немного во воздуху, он упал, сильно ударившись обо что-то спиной. Пытаясь подняться, он оттолкнулся рукой от земли и нащупал нечто, от чего упал второй раз. Со скоростью, совершенно не вязавшейся с его размерами и весом, Клайд поднялся на колени и в неясном свете, падавшем из кухонного окна, разглядел человеческую голову, всю облепленную чем-то липким и скользким. Подошвы его ботинок тоже стали скользкими, покрывшись страшным, чудовищным на ощупь веществом. Он наступил на голову. Клайда охватила паника, желудок его выворачивало. Он вскочил на ноги, ринулся вперед и вылетел в стерильную чистоту залитой электрическим светом улицы. С трудом перебирая ногами, он поспешил к гостинице.

Обессиленный и опустошенный, Тренч ударом ноги открыл дверь склепа, и опять в нос ему ударила тугая, вязкая волна дьявольского зловония. Внутри ничего не было видно, но он хорошо помнил, где лежат оба трупа. Раскачав тело Дороти Блейк, он швырнул его вниз и услышал, как оно мягко шлепнулось. Новая волна запахов разлагающихся тел окутала его, забивая нос, рот, уши. Вот и все, подумал Тренч. Все грехи, все пороки, людское безбожие собрались в этом склепе, оставалось только замуровать их здесь и превратить в безвредную пыль.

Тренч почувствовал, что все его тело стало липким и скользким, и решил, что этот налет надо смыть, совершить, так сказать, последний акт очищения. Он должен

убрать со своей кожи зловонный пот, собрать и сбросить с себя эти испарения, очиститься, перед тем как вернуться в светлое, свободное от скверны человеческое общество. Он ощупью стал пробираться к дальней стене склепа, туда, где находился ящик со сломанными инструментами, разным садовым барахлом и тряпками. Где-то здесь должна быть банка с очищающей жидкостью. Шаря в темноте одной рукой, другой он снимал с себя одежду — уже второй раз за сегодняшнюю ночь.

Инспектору не потребовалось много времени, чтобы сделать единственно верный вывод.

— Я вышибу тебя отсюда, Клайд,— сказал он сержанту.— Если у тебя была хоть какая-то информация, касающаяся расследования, ты обязан был поделиться ею со мной. Ладно, в любом случае дело сделано, нам остается только взять его.

Небольшая группа полицейских в саду позади дома Аниты Кроутер напоминала собрание бойцов Армии Спасения. Ни один из них не захотел дожидаться приезда закрытого фургона с патологоанатомом в доме. В пять минут инспектор организовал все, что необходимо, включая объявление выговора трясущемуся до сих пор сержанту.

— Так. Теперь ясно, куда мы направимся прежде всего.— Он указал на двоих в гражданской одежде.— Вы пойдете со мной. Все остальные дожидаются прибытия технического обеспечения.

— Куда вы собираетесь идти? — спросил Клайд. Он чувствовал, что после событий сегодняшней ночи в нем что-то изменилось.

— К священнику, разумеется.— Инспектор посмотрел на него и спросил с некоторым удивлением: — Черт побери, вы же сами только что дали мне след, или нет?

— Я только сказал, потому что подумал, что мне следовало бы... Я бы не стал так напрямую связывать мистера Тренча с этим делом.

— Ну, а я это сделаю. А лучшее из того, что можете сделать вы, сержант,— пойти домой и лечь в постель. Вы похожи на смерть. Остальные действуют в соответствии с обстановкой,— добавил он.

В сопровождении своих помощников инспектор сел в

машину и уехал, оставив Клайда в полной растерянности — мысли его путались, ему было худо, как никогда. Он чувствовал, что дни его службы в полиции сочтены.

Прибыв на место, инспектор объяснил помощникам, что он собирается делать.

— Вполне вероятно, что мы идем по ложному следу. И тем не менее, как только мы встретимся с Тренчем, я постараюсь его здорово встряхнуть, не физически, конечно. Я хочу убедиться, испугается ли этот человек, станет ли нервничать. Если я увижу, что он что-то скрывает, буду форсировать события. Вы должны стоять за мной с угрожающим видом. Вы — власть. Понятно? Вперед.

Они прошли через калитку, миновали церковь. Около лестницы, ведущей в склеп, двое из них — инспектор и детектив помоложе — одновременно застыли. Через мгновение остановился и третий.

— Черт побери, откуда это вонь? — крутил головой инспектор, пытаясь установить источник этого странного запаха.

— Оттуда.— Молодой детектив показал в направлении склепа. Сделав несколько шагов, он прошептал через плечо: — Дверь приоткрыта.

Они на цыпочках приблизились к лестнице, напрягая зрение и пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте. Инспектор приставил палец к губам.

— Тише! Там кто-то есть.— Он подошел ближе, чуть наклонился вперед и прислушался, затем быстро вернулся назад.

— Боже мой, эта вонища идет оттуда!

Они постояли неподвижно еще некоторое время. Из склепа не доносилось ни звука. Наконец, инспектор вздохнул.

— Будет лучше, если мы посмотрим. Тимминс, судя по всему, вы не так чувствительны к запахам, как мы. Загляните туда.

Все трое подошли к лестнице и спустились на одну ступеньку, а старший детектив Тимменс осторожно шагнул на следующие две обвалившиеся ступени, шаря в кармане в поисках огня. Подойдя к двери, он вынул зажигалку. Пламя осветило его лицо и сделало похожим на сказочного демона. Он слегка толкнул дверь и вошел, держа в руке зажигалку. И в этот момент перед Тимменсом возникла из темноты рука, толкнула его в грудь и дернула зажигалку к

себе. Рванувшись к двери, инспектор и молодой детектив в мгновение оказались около лежащего Тимменса и застыли. Внутри склепа, охваченная пламенем, стояла обнаженная фигура священника, преподобного Тренча, похожая на горящее распятие. Одной рукой он все еще сжимал тряпку которой стирал с себя скверну. Он что-то говорил, затем, когда пламя слизало с его кожи пленку бензина и начало пожирать тело, голос его перешел в крик.

— Огонь! Господень очищающий огонь... Огонь и клинок... Божий огонь...— Остальные слова Тренча превратились в разлившийся далеко вокруг жуткий вопль.

— Боже всемогущий! — Тимменс зажал уши руками.

В медленном, завораживающем взгляд движении тело Тренча начало извиваться и оседать, потом колени его подогнулись, и он рухнул на пол скомканной горящей массой. В отблесках затухающего погребального костра три человека, застывшие у входа, увидели в глубине склепа фантастическую картину: на распадающихся и уже потекших останках Тома Редклифа лежало лицом вниз кажущееся еще живым белое тело Дороти Блейк, безжизненное лицо доктора Шорта, повернутое в сторону двери, дополняло этот ужасный натюрморт.

Пораженный ужасом инспектор только и мог сказать.

— Это какой-то жуткий сон. Чертовски жуткий сон.

Из дома священника по телефону детектив Тримминс делал подробное сообщение начальнику региональной группы криминальной полиции. На кухне инспектор изучал испачканную землей одежду, а еще один полицейский внимательно исследовал другие комнаты. инспектору с трудом удалось заставить работать свои мозги. Молодой детектив, переходя из комнаты в комнату, что-то насвистывал, будто не понимая, зачем он здесь.

Тимменсу понадобилось не менее десяти минут, чтобы изложить основные факты. Теперь он тоже пришел на кухню и слегка дотронулся до плеча инспектора.

— Сэр, они хотят поговорить с вами.

— Кто?

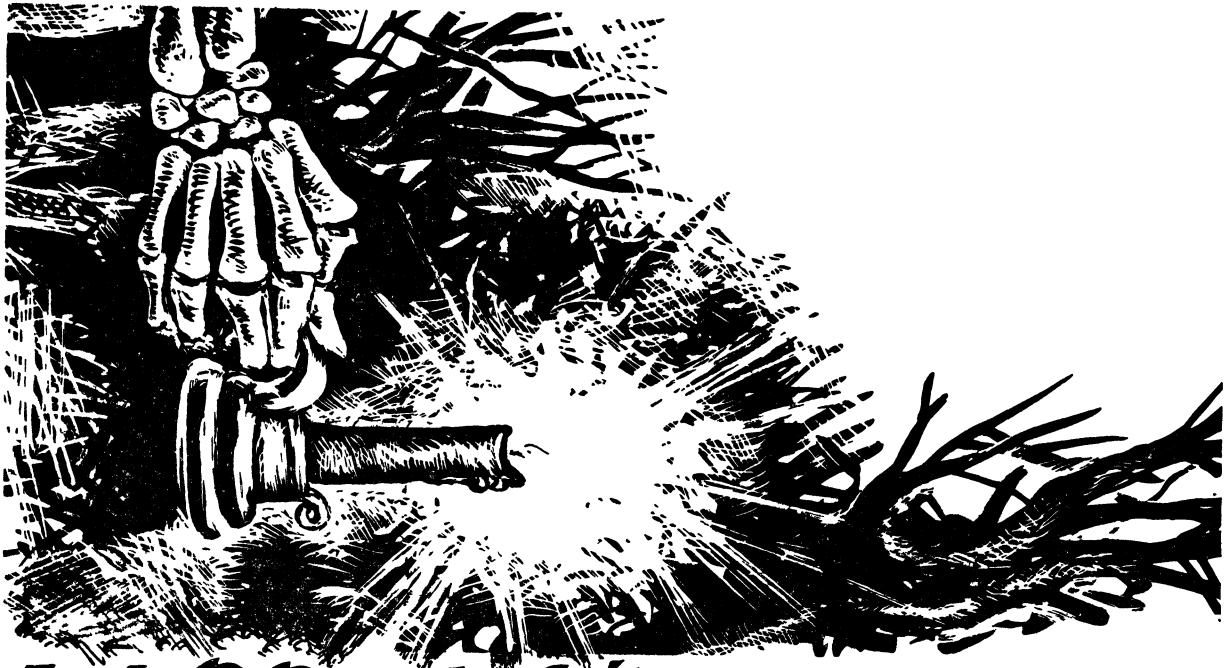
— Начальник и старший констебль.

Инспектор прошел в холл и взял трубку.

— Слушаю. Да, сэр, говорите.— В течение трех минут он выслушивал лекцию о том, чем отличается дуб от других пород деревьев. Потом начальник региональной службы, а затем и старший констебль напомнили ему, что

заняться священником следовало бы еще несколько лет назад. Человек, настолько замешанный в преступлениях, не мог не вызывать подозрений. Во время возникшей в разговоре паузы инспектор успел сказать, что, конечно, он все понял и сделает выводы, но, судя по всему, священник находился как будто под божественной защитой, потому что ничего из того, что они обнаружили до сегодняшнего дня, не указывало на него. Инспектор понимал, разумеется, что теперь всех собак спустят на него, ведь в любом деле должен быть стрелочник. Он вздохнул и заверил начальника, что останется здесь до тех пор, пока следствие не будет закончено.

— Расхлебывать придется долго, сэр. Здесь такая каша. Просто дьявольская каша.



РАССКАЗЫ

Монтегю Саммерс

ФРИТЦ ХААРМАНН — «ВАМПИР ИЗ ГАННОВЕРА»

17 апреля 1925 года на первой странице утреннего номера лондонской газеты «Дейли экспресс» было помещено следующее невероятное сообщение:

> **МОЗГ ВАМПИРА. ПЛАН ЕГО СОХРАНЕНИЯ ДЛЯ НАУКИ.**
> 16 апреля, четверг. Берлин (Центральные новости).
> Тело Фритца **ХААРМАННА,** казненного вчера в Ганновере за совершение двадцати семи убийств, не будет захоронено до тех пор, пока его не обследуют в Геттингенском университете.
> Ввиду исключительности характера преступлений — большинство жертв Хаарманна были закусаны до смерти — данный случай вызвал огромный интерес среди немецких ученых. Руководство университета, вероятно, примет меры по извлечению и сохранению мозга Хаарманна.

Фритц Хаарманн, прозванный «вампиром из Ганновера», родился 25 октября 1879 года. Его отец, Олле Хаарманн, работавший кочегаром на паровозе, был хорошо известен как грубый, своенравный и вспыльчивый человек. Фритц, младший сын в семье, отца боялся и ненавидел одновременно. В юности Фритц Хаарманн учился в церковной школе, а затем в школе унтер-офицеров Нью-Брайсаке. Показательно то, что он всегда отличался скудоумием, тупостью и неспособностью к учению, но таким, по-видимому, и должен быть хороший солдат. Когда его демобилизовали по причине слабого здоровья, он вернулся домой и вскоре предстал перед судом по обвинению в совращении малолетних. Он был признан невменяемым и направлен в сумасшедший дом в Хилдесхайме. Оттуда ему

удалось совершить побег и после этого найти пристанище в Швейцарии. Некоторое время спустя он вернулся домой, но из-за ежедневных яростных стычек с отцом жизнь дома стала для него невыносимой. Поэтому он снова поступил на военную службу и был направлен в образцовый 10-й егерский батальон, расквартированный в городе Калмар в Эльзасе. Там он проявил себя с наилучшей стороны, и поэтому, когда ушел на пенсию по состоянию здоровья, характеристики на него были самые положительные. Он вновь вернулся домой, и скандалы возобновились, дело нередко доходило до драки. В 1903 году он прошел обследование у врача-специалиста, доктора Андре, который признал его умственно отсталым, но, однако, не нашел оснований для помещения его в сумасшедший дом. Постепенно Фритц Хаарманн опустился до положения бродяги; иногда он приторговывал на улицах, бывало, жульничал и воровал. снова и снова попадал он в тюрьму то за воровство, то за кражу со взломом, то за непристойные действия, то за мошенничество. В 1918 году он вышел на свободу после длительного срока заключения. Германия была уже другой. Он вернулся в Ганновер, и в старом квартале города ему удалось открыть небольшой продовольственный магазин. Там же он занимался уличной торговлей мясом, на которое в ту пору продуктового дефицита и всеобщего голода был громадный спрос. Было у него и еще одно занятие. Он был «стукачом»: уголовник, превратившийся в тайного агента и осведомителя, он наводил полицию на людей, находившихся в розыске. «Сыщик Хаарманн» — такое прозвище дали ему покупательницы. От них не было отбоя, потому что в его магазине всегда имелся большой выбор свежего мяса, а цены на него каким-то образом неизменно были ниже, чем у других мясников и поставщиков продовольствия в этом квартале.

В центре Ганновера находился Большой железнодорожный вокзал. И именно в эту часть города стекались огромные толпы людей со всех уголков истерзанной Германии. среди них были дезертиры, бродяги и бездомные. Сюда стекались беженцы из других городов. Они искали работу, пытались раздобыть продукты, бессмысленно и лениво склонялись по городу, не зная, чем себя занять. Легко представить, что, несмотря на отчаянную нехватку сил и средств, полиция по мере возможности внимательно следила за тем, что происходило на вокзале и в его окрестно-

стях, а Хаарманн помогал ей в этом. В полночь, в глухие ночные часы он обычно проходил по залам ожидания пассажиров третьего класса мимо скрючившихся во сне людей, внезапно будил какого-нибудь испуганного юнца, требовал показать билет и допытывался, откуда и куда он следует. Обычно юнец рассказывал, всхлипывая, какую-нибудь грустную историю, а добрый Хаарманн предлагал ему место для ночлега и еду в своем доме, расположенном в деловой части города.

Насколько это сейчас возможно установить, первым юношей, оказавшимся таким образом дома у милосердного Хаарманна, был убежавший из дома семнадцатилетний Фридель Роте. 29 сентября 1918 года его мать получила почтовую открытку, и так уж случилось, что в тот же самый день вернулся с войны отец Фриделя. Родители были полны решимости найти своего сына, и вскоре начали поиски. Одни из приятелей Фриделя сообщил им, что их пропавший сын познакомился с каким-то сыщиком, который и предложил тому крышу над головой. Нашлись и другие зацепки, и, приложив невероятные усилия, так как у полицейских властей были куда более важные дела, чем поиски беглых школьников, семье Фриделя все-таки удалось заставить полицейских произвести обыск в доме Хаарманна на Целларштрассе 27. Когда полицейские внезапно ворвались в дом Хаарманна, то там обнаружили Хаарманна и какого-то юношу в такой недвусмысленной позе, что, даже будучи дружками Фрица, они вынуждены были его арестовать. В соответствии со статьей 175 уголовного кодекса Германии за исключительно непотребные действия Хаарманн был приговорен к девяти месяцам тюремного заключения. Четыре года спустя в ожидании суда по обвинению в двадцати четырех убийствах Хаарманн показал: «В тот момент, когда полиция арестовала меня, голова Фриделя Роте лежала под газетой за кухонной плитой, позднее я ее выбросил в канал».

В сентябре 1919 года Хаарманн познакомился с Гансом Грансом, красивым молодым человеком, который позднее оказался вместе с ним на скамье подсудимых. Гранс относился к тому опасному типу выродков-психопатов, который только в наши дни стал явлением довольно обычным. В нем соединились самые отвратительные человеческие пороки: жулик и вор, скандалист, тайный осведомитель и провокатор, убийца, громила, сутенер и, что хуже всего,

шантажист. Влияние этого Ганимеда на Хаарманна было абсолютным. Именно по его наущению совершались многие убийства: в ноябре 1923 года семнадцатилетний Адольф Ханнаппель был убит лишь из-за того, что Грансу понравились его брюки; 5 января 1924 года за свою «франтовскую рубашку» поплатился жизнью тоже семнадцатилетний Эрнст Шпикер. Именно Гранс разрабатывал детали совершения преступлений, именно он очень часто и заманивал жертву.

В 1918 году Ганновер, город с населением в 450 тысяч человек, был широко известен тем, что в нем проживало много гомосексуалистов. По крайней мере в списках полиции значилось около пятисот человек, предлагавших себя в этом качестве. Из них самые красивые и шикарно одетые посещали кафе Кропке на Джорджштрассе, одном из первых бульваров в новом Ганновере; другие же встречались со своими друзьями на вечеринках гомосексуалистов в Каленбергер Форштадт или в старом зале для собраний; и, наконец, на самой нижней ступени находилась танцплощадка «У пижона Гисси», где ловили клиентов бедные юнцы. Именно там, например, Гранс и подцепил юного Эрнста Шпикера, которому безвкусная рубашка стоила жизни.

Рассказывая о поведении Хаарманна на суде, газеты того времени писали: «На протяжении всего длительного судебного разбирательства Хаарманн вел себя совершенно благодушно и невозмутимо... Подробности зверских убийств, за которые Хаарманн вскоре заплатит своей жизнью, крайне отвратительны. Все его жертвы были в возрасте от 12 до 18 лет, и было доказано, что обвиняемый действительно продавал людям человеческое мясо. Как-то раз он сделал колбаски у себя на кухне, а потом он и его покупатель приготовили их и съели... Некоторые психиатры утверждают, что двадцать четыре убийства вряд ли исчерпывают полный список зверских преступлений Хаарманна, и, по их оценке, общее число жертв достигает пятидесяти человек. Почти по всем пунктам обвинения Хаарманн делал подробнейшие признания, и целыми днями суд выслушивал повествование о том, как он расчленял тела жертв и как избавлялся от останков. Он постепенно отвергал мысль о своем безумии, однако, при этом неизменно утверждал, что все убийства были совершены в состоянии транса, и что он не отдавал отчета в своих действиях. Дан-

ное утверждение было, однако, отвергнуто судом, в решении которого указывалось, что по собственным словам обвиняемого, ему требовалось сжимать жертву таким образом, чтобы можно было прокусить горло. Подобные действия обязательно носили до определенной степени осмысленный и целенаправленный характер».

В одной из газет о Хаарманне было сказано следующее: «Он обвиняется в убийстве двадцати семи молодых людей, и ужас от этих деяний многократно усиливается утверждением о том, что подсудимый, якобы, продавал покупателям своего магазина мясо тех жертв, которых не съел сам... Вместе с Хаарманном на скамье подсудимых оказался молодой человек, его друг Ганс Гранс, которого обвинили в непосредственном участии в убийствах, а впоследствии в подстрекательстве к их совершению и получении похищенной собственности. Полиция продолжает розыск третьего человека по имени Карл, также мясника, который, как утверждалось, дополняет зловещее трио... прокурор имеет около двухсот свидетельств того, что все пропавшие юноши были умерщвлены тем же самым ужасным способом. Хаарманн обычно приводил молодых людей к себе домой и после обильной трапезы начинал расхваливать их внешность. Затем он убивал свои жертвы, прокусив им горло. Их одежду он выставлял на продажу в своем магазине, а тела расчленял и выбрасывал с помощью Карла».

На открытом суде, однако, Хаарманн признал, что Гранс часто сам подбирал для него жертвы. Он также утверждал, что Гранс неоднократно избивал его за то, что ему не удавалось убить ту «дичь», которую он ему приводил. Бывало Хаарманн хранил трупы до их расчленения у себя в шкафу. Позади его дома протекала река, и кости и черепа выбрасывались в воду. Некоторые из них были обнаружены, но их происхождение оставалось тайной до тех пор, пока полицейский инспектор не нанес внезапного визита домой к обвиняемому для выяснения причин конфликта между Хаарманном и спасшейся жертвой.

Подозрения наконец пали на него главным образом из-за того, что в мае, июне и июле 1924 года в реке Лейн были обнаружены человеческие кости черепа. Газеты писали, что в течение 1924 года исчезли, по крайней мере, 600 человек: из них бóльшая часть были юноши от 14 до 18 лет. Ночью 22 июня, на железнодорожной станции произошла ссора между Хаарманном и юношей по имени Фромм,

который обвинил первого в непотребных действиях. Оба были доставлены в центральный полицейский участок, и пока Хаарманн находился там, его дом в Красном Ряду подвергся тщательному обыску, в результате чего были найдены неопровержимые доказательства его злодеяния. Вскоре Хаарманн обвинил Гранса в пособничестве, так как к тому времени их отношения уже окончательно испортились. Хаарманн был приговорен к смертной казни через отсечение головы, и приговор был приведен в исполнение с помощью тяжелого меча. Гранс был приговорен к пожизненному заключению, впоследствии этот приговор заменили двенадцатью годами тюремного заключения. В соответствии с законом Хаарманн был казнен в среду, 15 апреля 1925 года.

Данный случай является, вероятно, одним из самых необычных доселе случаев вампиризма. Жестокий эротизм в сочетании со смертельным укусом в горло типичен для вампира, и, может быть, выбор казни — через отсечение головы — не был простой случайностью, ибо этот способ один из наиболее эффективных для уничтожения вампира.

Конечно, в широком смысле слова, получившего ныне такое распространение, Фритц Хаарманн был самым настоящим вампиром.

Август Дерлет

БАШНЯ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ

Среди бумаг покойного сэра Гарри Эверетта Барклая, проживавшего в Лондоне на Чарингкросс, было найдено письмо следующего содержания:

10 июня 1925 года.

Мой дорогой Марк,

Не получив ответа на мою открытку, могу лишь предположить, что она не дошла до тебя. Пишу тебе из своего летнего дома, расположенного в очень уединенном месте на вересковой пустоши. Питаю надежду, что скоро ты меня приятно порадуешь своим приездом (на вероятность которого ты намекал), потому что этот дом как раз из разряда тех, что могли бы тебя заинтересовать. Он очень схож с родовым замком Баскервилей, описываемым сэром Артуром Конан-Дойлем в романе «Собака Баскервилей». Ходят туманные слухи о том, что это место — пристанище злых духов, но я им совершенно не верю. Тебе известно, что мир духов мало меня волнует: мой основной интерес распространяется на колдовство. Мысль о том, что сие тихое местечко, затерянное среди мирных английских пустошей, сделалось пристанищем сонма злых духов, кажется мне весьма глупой. Как бы то ни было, местные окрестности крайне благоприятны для здоровья, да и сам дом в некоторой степени образчик старины, что питает мою слабость к археологии. Поэтому, как ты понимаешь, существует достаточно много вещей, способных отвлечь мое внимание от глупых слухов. Здесь со мной находятся Леон, мой камер-

динер, и старый Мортимер. Ты помнишь Мортимера, который готовил для нас такие великолепные холостяцкие ужины?

Я здесь только двенадцать дней, но уже обследовал весь дом снизу доверху. На чердаке я наткнулся на ветхий сундук, в котором обнаружил девять старых книг. У некоторых из них были оторваны титульные листы. Я поднес книги к чердачному окошку, чтобы рассмотреть их повнимательнее, и в одной из них узнал наконец «Дракулу» Брэма Стокера, причем, это я сразу установил, одного из самых первых изданий.

По прошествии первых трех дней на пустошь опустился сильный, типично английский туман. Как только погода закапризничала, угрожая полностью испортить прекрасное настроение от стоявших погожих деньков, я перетащил все находки с чердака в дом. О «Дракуле» Стокера я уже упоминал. Кроме него, есть книга де Роша о черной магии. Книги Орфило, Сведенборга и Калиостро я пока что отложил в сторону. В моем распоряжении также «Ад» Стриндберга, «Тайное учение» Блаватской, «Эврика» По и «Атмосфера» Фламмариона. Ты, мой дорогой друг, легко можешь себе представить, как взбудоражили меня эти книги, имеющие непосредственное касательство к теме колдовства. Орфило, как ты знаешь, был только химиком и физиологом; Сведенборга и Стриндберга обоих можно зачислить мистиками; По, чья «Эврика» оказала мне мало пользы в деле изучения черной магии, тем не менее, восхитил меня; остальные же пять были для меня дороже золота: Калиостро, придворный фокусник из Франции; мадам Блаватская, жрица оккультного учения; «Дракула» со всеми его вампирами; «Атмосфера» Фламмариона с описанием различных верований; и де Роша, о котором могу процитировать несколько строк из «Ада» Августа Стриндберга: «Я не снимаю с себя ответственности, а только лишь прошу читателей запомнить, что если когда-нибудь у них появится желание заняться магией, особенно тем, что именуется волшебством, или, точнее, колдовством, то они должны знать, что его реальность бесспорно доказал де Роша».

Честно говоря, друг мой, мне захотелось узнать, и у меня были на то веские причины — что за человек жил здесь до меня, каким был тот, кто так увлекался столь разными писателями, как По, Орфило, Стриндберг и де Роша. И я решил это выяснить несмотря на туман. Поскольку по

соседству со мной никто не живет, то ближайший источник информации — это деревня, расположенная в нескольких милях отсюда. Этот факт сам по себе довольно-таки странен, тем более что место для летнего дома здесь, похоже, хорошее. Я отложил книги и, сообщив камердинеру о своем намерении прогуляться до деревни, отправился в путь. Не успел я удалиться от дома, как меня нагнал Леон, который решил прогуляться со мной. Мортимер остался один в окутанном туманом доме.

В деревне мы мало что узнали. Из разговора с одним бакалейщиком, единственным общительным человеком, встретившимся нам на пути, мы выяснили, что последнего обитателя дома звали баронет Лорвилль. У меня сложилось впечатление, что местные жители побаивались покойного и поэтому говорили о нем неохотно. Наш бакалейщик рассказал нам историю о том, как однажды темной ночью несколько лет назад здесь исчезли четыре девушки. Люди верили, да и сейчас верят, что они были похищены баронетом. Эта мысль мне кажется крайне нелепой, тем более что суеверные местные жители ничем не могут обосновать свои подозрения. Кстати, тот же самый бакалейщик, кроме всего прочего, сообщил нам, что дом Лорвилля называют «башней летучей мыши». Это также представляется мне бездоказательным, потому что за все время моего пребывания в доме я не заметил ни одной летучей мыши.

Мои размышления по данному поводу были бесцеремонно прерваны Мортимером, который пожаловался на летучих мышей в погребе — довольно странное совпадение. По его словам, они все время задевали его по лицу и он боялся, что они запутаются у него в волосах. Мы с Леоном, конечно, спустились вниз, чтобы посмотреть на них, но так ни одной и не увидели, хотя Леон и утверждал, что одна наткнулась на него, в чем я сомневаюсь. Вполне возможно, что эти заблуждения вызваны внезапными сквозняками.

Данное происшествие, Марк, было лишь предвестником странных событий, которые происходят с тех пор. Я перечислю тебе наиболее значительные из них в надежде, что ты сможешь дать им разумное объяснение.

Три дня назад события начали принимать серьезный оборот. В тот день Мортимер подбежал ко мне и, едва переводя дух, сообщил, что в погребе лампа постоянно гаснет. Мы с Леоном провели расследование и установили,

что, как и говорил Мортимер, и лампа и спички в погребе гасли. Я могу объяснить данный факт только вероятным возмущением воздушных потоков. И действительно, электрический фонарик не гас, но при этом, казалось, светил тускло, чему я даже не берусь дать объяснения.

Вчера Леон, а он благочестивый католик, отлил немного святой воды из флакона, который он всегда носит при себе, и направился в погреб с твердым намерением изгнать оттуда всех злых духов, если таковые там имеются. Как я недавно заметил, у основания ступенек лежит большая каменная плита. И вот когда Леон спустился по ступенькам вниз, большая капля освященной воды упала на эту плиту, и сквозь заклинания, которые он бормотал, послышалось ее шипение. На середине заклинаний Леон вдруг замолк, а потом стремительно побежал прочь, невнятно выкрикивая, что погреб вне всякого сомнения, является ни чем иным, как вратами в ад под охраной самого дьявола.

Сознаюсь тебе, мой дорогой Марк, что это необычайное происшествие повергло меня в замешательство.

Вчера вечером, когда мы сидели втроем в просторной гостиной, лампа вдруг без всякой причины погасла. Я пишу «без всякой причины», потому что не сомневаюсь, что лампа погасла не просто так, а под воздействием сверхъестественных сил. За окном стояла безветренная погода, а я, сидя как раз напротив лампы, почувствовал прохладное дуновение. Больше этого никто не заметил. Впечатление было такое, что кто-то, сидевший прямо напротив меня, сильно дунул на лампу или же ее обдала крылом пролетевшая над ней крупная птица.

Нет сомнений в том, что с домом что-то действительно неладно, и я намереваюсь выяснить, что, чего бы мне это ни стоило. (Здесь письмо резко обрывается, как будто его собирались закончить позднее).

Два врача, склонившиеся над телом сэра Гарри Барклая в поместье Лорвилля, наконец закончили обследование.

— Я не могу объяснить причину столь невероятной потери крови, доктор Мордант.

— Я тоже, доктор Грин. Он настолько обескровлен, что лишь чудо могло бы спасти ему жизнь! — Доктор Мордант негромко засмеялся: — что касается потери крови, то

я было подумал о внутреннем кровоизлиянии и апоплексии, но абсолютно не нахожу признаков чего-либо подобного. Судя по выражению его лица, а оно столь ужасно, что мне даже трудно на него смотреть...

— Вы правы...

— ...он умер от сильного испуга или же от того, что стал свидетелем чего-то ужасного.

— Последнее более вероятно.

— Я считаю, что нам следует засвидетельствовать смерть в результате внутреннего кровоизлияния и апоплексии.

— Согласен.

— Значит так и сделаем.

Врачи склонились над открытой тетрадью на столе. внезапно доктор Грин выпрямился, порылся рукой в кармане и достал спичку.

— Вот спичка, доктор Мордант. сожгите эту тетрадь и никому о ней не говорите.

— Да. Так будет лучше.

Выдержки из дневника сыра Гарри Э. Барклая, найденного рядом с его телом в поместье Лорвилля 17 июля 1925 года.

25 июня. прошлой ночью мне привиделся странный сон. Мне снилось, что в лесу вокруг замка моего отца в Ланкастере я встретил красивую девушку. Не знаю почему, но мы обнялись, и наши губы сошлись в поцелуе, и это продолжалось не менее получаса! Какой странный сон! Похоже, мне снилось еще что-то, хотя я и не могу вспомнить что именно, но когда утром я взглянул на себя в зеркало, то увидел бледное, без единой кровинки и довольно искаженное лицо.

Позднее Леон сказал мне, что он видел похожий сон, а так как он убежденный женоненавистник, то я не могу дать этому сколько-нибудь убедительное объяснение. Странно то, что мы одновременно видели совершенно схожие сны.

29 июня. Ранним утром ко мне подошел Мортимер и сообщил о своем твердом намерении немедленно покинуть дом на том основании, что прошедшей ночью он точно повстречался с привидением. Красавцем стариком, добавил он. Похоже, Мортимер пришел в ужас от того, что старик поцеловал его. Должно быть все это ему приснилось.

И лишь благодаря этому доводу мне удалось убедить его остаться, причем я взял с него торжественное обещание не распространяться по данному случаю. Позже Леон сказал мне, что прошедшей ночью его сон повторился во всех подробностях и что он неважно себя чувствует. Я посоветовал ему обратиться к врачу, но он наотрез отказался. Что касается, как он выразился, ужасного кошмара, то нынешней ночью он окропит себя святой водой, что, по его утверждению, избавит его от всякого воздействия сил зла, если таковое имеется и каким-либо образом связано с увиденными снами. Странно, что он все приписывает действию злых сил!

Сегодня я провел небольшое расследование и выяснил, что описание внешности баронета Лорвилля во всех мелочах совпадает с описанием внешности «привидения» из сна Мортимера. Я также узнал, что при жизни последнего представителя рода Лорвиллей в округе исчезло несколько детей. Не хочу сказать, что эти факты каким-либо образом связаны, просто, похоже, исчезновение детей невежественное местное население приписывает баронету.

30 июня. Леон утверждает, что благодаря мощному воздействию святой воды, тот сон не повторился (а вот я его снова видел прошедшей ночью).

1 июля. Мортимер уехал. Он говорит, что не может жить в одном доме с дьяволом. По-видимому, он действительно видел приведение старого Лорвилля, хотя у Леона эта мысль и вызывает смех.

4 июля. Прошедшей ночью мне опять привиделся тот же самый сон. С утра я чувствовал себя совершенно больным. Но в течение дня мне удалось легко избавиться от этого чувства. Леон израсходовал всю святую воду, но завтра воскресенье, и он предполагает пополнить свои запасы во время богослужения в деревенской церкви.

5 июля. Сегодня утром я побывал в деревне и попытался найти другого повара. Совершенно не понимаю, что происходит. Никто не желает идти в дом, даже, как они заявляют, за сто фунтов в неделю. Мне придется обходиться без повара или запросить кого-нибудь в Лондоне.

Сегодня с Леоном приключилась неприятность. Когда он ехал домой после церковной службы, почти вся святая вода выплескалась из бутылки, а потом и сама бутылка с остатками святой воды упала на землю и разбилась. Леон

обескуражен и собирается при первой возможности получить другую у приходского священника.

6 июля. Прошедшей ночью нам обоим опять привиделся тот же самый сон. Чувствую достаточно сильную слабость, да и Леон тоже. Леон сходил к врачу, и тот поинтересовался, не было ли у него порезов или серьезных травм, сопровождавшихся большой потерей крови, и не страдал ли он от внутренних кровоизлияний. Леон дал отрицательный ответ, и доктор прописал ему употреблять в пищу сырой лук и еще что-то. Леон забыл о своей святой воде.

9 июля. Снова тот же самый сон. Леону привиделся другой сон, на этот раз о старике, который, как он рассказывал мне, укусил его. Я попросил его показать место, куда он был укушен стариком из сна, и когда он расстегнул воротник рубашки, то на его горле, вне всяких сомнений, были видны две маленькие ранки. Мы оба чувствуем крайнюю слабость.

15 июля. Сегодня Леон покинул меня. Я твердо убежден, что он внезапно помешался, потому что утром этого дня у него возникло непреодолимое желание спуститься в погреб. По его словам, что-то как будто тянуло его туда. Я не стал его останавливать. Прошло немного времени: я сидел, углубившись в чтение томика Уэллса, и тут услышал, как Леон, пронзительно крича, взобрался по ступенькам, ведущим из погреба. Потом он пронесся, как сумасшедший, через комнату, где я находился. Я бросился бегом за ним, загнал его в комнату и там силой остановил. Я потребовал от него объяснений, но кроме невнятных стенаний так ничего и не услышал.

«Боже, монсиньор, немедленно уезжайте из этого проклятого места. Уезжайте, монсиньор, умоляю Вас. Дьявол... дьявол!» Тут он рванулся от меня и побежал что было сил прочь из дома. Я за ним. На дороге я позвал его, он что-то крикнул в ответ, но ветер донес до меня только отдельные слова: «Ламе... дьявол... бо... же... плита... Книга Тота». Слова, столь важные как «дьявол», «боже» я практически пропустил мимо ушей. Но вот Ламе звали женщину-вампира, хорошо известную только некоторым избранным колдунам, а «Книга Тота» была египетской книгой о магии. В течении нескольких минут меня обуревали дикие фантазии о том, что «Книга Тота» спрятана где-то в доме и, поразмыслив о том, как лучше всего увязать между собой «плиту» и «Книгу Тота», я наконец при-

шел к убеждению, что книга находилась под плитой у основания ступенек в погреб. Я собираюсь пойти вниз и проверить.

16 июля. Я нашел ее! «Книгу Тота». Как я предполагал, она лежала под каменной плитой. Духи, ее охранявшие, очевидно, не хотели, чтобы я нарушил покой их уединения, и устроили настоящий смерч, наподобие бури, пока я пытался отодвинуть плиту в сторону. Книга скреплена тяжелым замком старинного образца.

Прошедшей ночью я опять видел тот же самый сон, но в этот раз, я могу почти поклясться, в добавление ко всему, я видел призраки старого Лорвилля и четырех красивых девушек. Какое совпадение! Сегодня я чувствую сильную слабость и едва могу передвигать ноги. Нет сомнений в том, что этот дом кишит, но не летучими мышами, а вампирами! Ламе! Если бы я только мог найти их тела, я бы пронзил их насквозь острыми кольями.

Сегодня я сделал новое поразительное открытие. Я спустился вниз, к месту, где лежала плита, и булыжник ниже выемки, в которой до этого находилась «Книга Тота», сошел с места под моей тяжестью, и я оказался в углублении с десятком скелетов — все скелеты принадлежали маленьким детям! Если в этом доме действительно обитают вампиры, то вполне очевидно, что это скелеты их несчастных жертв. К тому же, я твердо уверен, что где-то ниже есть пещера со спрятанными в ней телами вампиров.

Просматривая книгу де Роша, я натолкнулся на отличный план обнаружения их тел! Я воспользуюсь «Книгой Тота», чтобы призвать вампиров к себе, и я заставлю их показать мне то место, где они прячут свои чувственные тела. Де Роша пишет, что это можно сделать.

9 часов вечера. Самое время начать призывать вампиров. Кто-то проходит мимо, и я надеюсь, что этот кто-то не помешает мне исполнить задуманное. Как я уже отметил ранее, книга скреплена тяжелым замком, и пришлось изрядно потрудиться, чтобы открыть ее. Когда мне удалось, наконец, сорвать замок, я открыл книгу и начал искать в ней то место, которое мне было необходимо для того, чтобы призвать вампиров. Я нашел его и начинаю произносить мои заклинания. Атмосфера в комнате медленно меняется, и становится невыносимо темно. Воздушные потоки злобно кружат по комнате, лампа погасла... Я уверен, что вампиры скоро появятся.

Я прав. В комнате начинают появляться тени. Они становятся все более и более различимыми. Теней пять: четыре женские и одна мужская. Их черты очень отчетливы. Они украдкой бросают взгляды в мою сторону... А вот сейчас они уже злорадно уставились на меня.

Бог мой! Я забыл поместить себя в магический круг и очень боюсь, что вампиры нападут на меня! Как я прав. Они двигаются в мою сторону. Бог мой!.. Ну остановитесь же! Они останавливаются! Старый баронет пристально смотрит на меня, его блестящие глаза горят ненавистью. Четыре женщины-вампира сладострастно мне улыбаются.

Сейчас или никогда у меня есть шанс снять их злые чары. Молитва! Но я не могу молиться. Я навсегда удален из-под очей Господа за то, что я призвал Сатану на помощь. Но даже к Сатане я не могу обратиться с мольбой... Я нахожусь под пагубным гипнозом злобного взгляда, исказившего лица баронета. В глазах четырех красавиц-вампиров появился зловещий блеск. Они скользят в мою сторону, руки вытянуты мне навстречу. Передо мной их изгибающиеся отвратительные тела; их малиновые губы скривились в дьявольской победной усмешке. Мне невыносимо смотреть на то, как они облизывают губы. Я сопротивляюсь,напрягаю всю силу воли, но что значит одна только воля против адского полчища вампиров?

Боже! Присутствие этой мерзости поганит саму душу мою! Баронет продвигается вперед. От его отвратительной близости у меня возникает мерзкое ощущение чего-то непристойного. Если я не могу обратиться к Богу, тогда я должен молить Сатану дать мне время начертить магический круг.

Я не могу сопротивляться их злобной силе... Пытаюсь подняться, но не могу... Я больше не владею своей волей! Вампиры смотрят на меня с демоническим вожделением... Я обречен умереть... и все же жить вечно среди Неумерших.

Их лица все ближе и ближе к моему, и скоро я впаду в забытье... Все что угодно, лишь бы... лишь бы не видеть зловещих вампиров вокруг себя... Ощущение острой, жгучей боли у горла... Бог мой!.. Это... .

Ричард Матесон

ВЫПЕЙ КРОВИ МОЕЙ

Прослышав о сочинении Жюля, жители квартала окончательно уверились в его сумасшествии. Подозрения на этот счет имелись давно. От его пустого взгляда бросало в дрожь, грубый гортанный голос не вязался с тщедушным видом, бледность кожи отпугивала детей, да и сама кожа висела на нем как неживая. Он ненавидел солнечный свет.

А уж его желания окружающие воспринимали вообще как дикость. Жюль хотел быть вампиром.

Тут все как один заговорили о том, что родился он в ночь, когда ветер с корнями вырвал деревья. Что родился он с тремя зубами. Что зубами он хватался за грудь матери и с молоком всасывал кровь. Говорили о том, что с наступлением темноты он кудахтал и лаял в своей детской кроватке. Что пошел он в два месяца. Что имел привычку сидеть, уставившись на луну. Вот о чем говорили люди.

Жюль, единственный ребенок в семье, постоянно вызывал беспокойство родителей, быстро заметивших отклонения в его развитии. Ребенок казался им слепым из-за своего отсутствующего взгляда, но врач рассеял их опасения. Кроме того, по мнению врача, Жюль, имея такую крупную голову, мог быть либо гением, либо идиотом. Он оказался идиотом.

До пяти лет ребенок не вымолвил ни одного слова. Но однажды, во время ужина он сел за стол и произнес слово «смерть». Родители не знали, радоваться ли им или горевать. В конце концов они решили, что Жюль вряд ли понимает значение этого слова.

Но Жюль понимал.

С того самого момента он начал впитывать каждое сказанное ему слово, слова на вывесках, слова из журналов и книг, в результате чего его словарный запас вырос настолько, что окружающие поражались. Но Жюль не только запоминал слова, но и придумывал свои собственные. По сути, придуманные им слова состояли из нескольких слов,

слитых воедино, и обозначали то, что Жюль чувствовал, но не мог выразить обычными словами. Когда другие дети играли на улице, Жюль обыкновенно сидел на крыльце дома. Он сидел на крыльце, таращился на тротуар и придумывал слова.

До двенадцати лет Жюль в общем-то не доставлял никому неприятностей. Но без них, конечно же, не обошлось. Однажды его застигли в парке в тот момент, когда он раздевал Оливию Джонс. В другой раз он был обнаружен за вскрытием котенка на собственной кровати. Но между этими скандальными происшествиями прошли годы, и о них забыли. В целом, в этот период жизни Жюль окружающим был всего лишь неприятен.

Школу он посещал, но учить ничего не учил, проведя в каждом классе по два-три года. Все учителя знали его по имени. По некоторым предметам, например, чтению и письму, Жюль имел почти блестящие знания. По другим же был безнадежен.

Однажды в субботу двенадцатилетний Жюль пошел в кино. На «Дракулу». После фильма, выходя из зала в толпе мальчиков и девочек, он напоминал пульсирующий комок нервов. Придя домой, Жюль на два часа заперся в ванной комнате. Родители колотили в дверь, грозили, но он им так и не открыл. Когда он все-таки вышел из ванной и уселся за стол ужинать, палец у него был забинтован. Лицо его выражало удовлетворение.

Утром следующего дня Жюль пошел в библиотеку. Было воскресенье, и он весь день просидел на ступеньках в ожидании, что ее откроют. Но этого не произошло, и он ни с чем вернулся домой. В понедельник утром он вместо школы снова пошел в библиотеку. На полках он нашел «Дракулу». Взять почитать книгу он не мог, потому что не имел читательского билета, а чтобы стать читателем библиотеки, надо было привести кого-нибудь из родителей. Поэтому он спрятал книгу в штаны и вынес ее из библиотеки. Обратно он ее так и не вернул. Жюль нашел местечко в парке и прочитал всю книгу. Был уже поздний вечер, когда он закончил чтение. По пути домой, перебегая от одного фонарного столба к другому, он взялся перечитывать заново.

Придя домой, Жюль не слышал, как его отчитывали за отсутствие на обеде и ужине. Наскоро поев, он прошел к себе в комнату и дочитал книгу до конца. Родители поин-

тересовались, откуда у него книга. Жюль соврал, что нашел ее.

Шли дни, а он перечитывал книгу снова и снова. В школу же больше не ходил. Поздно ночью, когда он в изнеможении засыпал, мать выносила книгу в зал, чтобы показать отцу.

Как-то раз родители обратили внимание на строчки, неровно подчеркнутые Жюлем темным карандашом. Среди них были: «Губы алели свежей кровью; струйка крови стекла по подбородку, запятнав белизну ее изысканного смертного одеяния». Или: «Когда кровь хлынула наружу, он одной рукой взял мои ладони и сильно сжал в своей, а другой схватил меня за шею и притянул к себе так, что мои губы оказались прижатыми к ране...» Тут мать не выдержала и выбросила книгу в мусоропровод. Утром, обнаружив пропажу, Жюль закатил истерику и не отстал от матери, пока она не сказала ему, где книга. Он бросился вниз, в подвал дома и, перерыв кучи мусора, все-таки нашел ее. С кофейной гущей и яичным желтком в руках он уединился в парке и снова перечитал книгу.

Целый месяц он с жадностью перечитывал книгу. Наконец он изучил ее содержание настолько хорошо, что в тексте отпала необходимость. Теперь он просто размышлял о прочитанном. Из школы приходили уведомления о прогулах. Мать взвыла. И Жюль решил некоторое время походить в школу. Он хотел написать сочинение.

И однажды на уроках им дали такое задание. Когда дети закончили писать, учительница спросила, есть ли желание прочитать написанное перед классом.Жюль поднял руку. Учительница удивилась. Движимая состраданием и желанием подбодрить мальчика, она, улыбнувшись, сказала:

— Хорошо. Дети, прошу внимания. Сейчас Жюль нам прочтет свое сочинение.

Жюль встал. Он был возбужден. Листки бумаги дрожали в его руках:

— Моя мечта,— начал он.— Написано...

— Жюль, деточка,— перебила его учительница,— Встань лицом к классу.

Жюль повернулся лицом к классу. Учительница опять ласково ему улыбнулась, и он начал сначала:

— Моя мечта. Написано Жюлем Дракулой.

Улыбка застыла на лице учительницы.

— Когда я вырасту, я хочу быть вампиром.

Улыбка резко сошла с лица учительницы. Глаза полезли из орбит.

— Я хочу жить вечно и расквитаться со всеми, и сделать всех девочек вампирами. Я хочу, чтобы от меня исходил запах смерти.

— Жюль!

— Я хочу, чтобы у меня изо рта неприятно пахло мертвой землей и скелетами, и милыми моему сердцу гробами.

Учительница вздрогнула и нервно забарабанила пальцами по зеленой папке. Не веря своим ушам, она бросила взгляд на детей. Те пораскрывали рты. Кое-кто хихикал. Но только не девочки.

— Я хочу быть совершенно холодным, иметь гниющую плоть с чужой кровью в жилах.

— Достат... кх-кх-кх! — Учительница поперхнулась,— Достаточно, Жюль! — наконец произнесла она.

Жюль продолжал читать, но уже громче и с каким-то остервенением:

— Я хочу вонзать мои ужасные белые зубы в шеи жертв. Я хочу, чтобы они как бритва проходили сквозь плоть к жилам,— свирепо читал Жюль.

Учительница вскочила на ноги. Дети дрожали. Никто больше не хихикал.

— Потом я хочу вырвать свои зубы из тела жертвы, и кровь сама потечет мне в рот и согреет мне горло, и...

Учительница схватила его за руку. Жюль вырвался и, убежал в угол, спрятался за табурет. Оттуда он выкрикнул:

— ...и кровь будет каплями стекать с моего языка и губ на горло жертвы! Я хочу пить кровь девочек!

Учительница бросилась к нему и вытащила его из угла. Жюль вцепился в нее руками; и пока его тащили в кабинет директора школы, он, не переставая, вопил:

— Это моя мечта! Это моя мечта! Это моя мечта!

Было страшно.

Дома родители заперли Жюля в его комнате и сели поговорить с директором и учительницей. Голоса последних звучали как на похоронах. Так они рассказывали о случившемся.

Во всем квартале родители учеников обсуждали это происшествие. Поначалу многие из них не поверили услышанному, посчитав все ребячьей выдумкой. Но потом рассудили так: раз их дети способны придумать такое —

значит у них дурное воспитание. Оставалось поверить.

После этого случая отношение окружающих к Жюлю стало открыто недоброжелательным. Его избегали. Как только он появлялся на улице, родители загоняли своих детей домой. О нем распускались разного рода слухи и небылицы.

Из школы снова начали приходить уведомления о прогулах. Жюль заявил матери, что в школу больше не пойдет. И ничто не могло повлиять на его решение. На школе он поставил крест. А когда к нему домой приходил классный руководитель, он залезал на крышу и прятался там.

Год прошел впустую.

Мальчик целыми днями слонялся по улицам: он что-то искал, не зная сам, что именно. Он искал в парке. Искал в мусорных ящиках. Искал повсюду. Но не находил того, чего хотел. Он мало спал. Почти не разговаривал. И постоянно ходил с потупленным взглядом. Он забыл придуманные им слова.

И вот... Как-то раз во время своих хождений он забрел в зоопарк. Когда Жюль увидел кровососущую летучую мышь, его как будто ударило током. Глаза его расширились и темноватые зубы тускло заблестели в довольной улыбке. Теперь Жюль каждый день приходил в зоопарк и смотрел на летучую мышь. Он обращался к ней и называл ее Графом, сердцем чувствуя, что в действительности это был человек, поменявший свое обличие. Ему в голову пришла мысль о втором рождении.

Жюль украл из библиотеке еще одну книгу. В ней было все о живой природе. Он нашел страницу с описанием кровососущей летучей мыши и вырвал ее, а саму книгу выбросил. Эту страницу Жюль выучил наизусть. Он знал, как летучая мышь нападает на жертву и ранит ее. Как пьет кровь жертвы, напоминая при этом котенка, лакающего молоко. Как передвигается на флангах сложенных крыльев и задних конечностях, похожая в этот момент на черного мохнатого паука. Почему питается только кровью.

Прошло несколько месяцев, а мальчик все ходил в зоопарк и смотрел на летучую мышь, продолжая с ней разговаривать. Она стала единственным утешением в его жизни, единственным реальным символом его мечтаний.

Однажды Жюль заметил, что низ проволочной клетки не был плотно закреплен. Он быстро огляделся вокруг. Рядом никого не было. День стоял пасмурный, поэтому

посетителей было немного. Жюль дернул за низ сетки. Проволока чуть-чуть подалась. Тут он увидел, что кто-то вышел из клетки с обезьянами. Отдернув руку, он зашагал прочь, насвистывая только что придуманный мотивчик.

Поздно ночью, когда все спали, Жюль под храп родителей прошмыгивал босиком мимо их спальни. На ходу обувался и бежал в зоопарк. Если сторожа не было поблизости, Жюль занимался тем, что дергал за сетку. Он старался поднять ее как можно выше. Перед тем, как бежать домой, он возвращал сетку на место. И никто ни о чем не догадывался. Днем же он часами простаивал у клетки, смотрел на Графа, довольно улыбался и обещал скоро выпустить его на волю. Он рассказывал Графу обо всем. И о том, что хочет научиться спускаться по стене вниз головой. Жюль просил Графа не волноваться. Говорил, что скоро тот будет на свободе. И вот тогда они смогут вместе бродить по свету и пить девичью кровь.

В одну из ночей Жюлю удалось оттянуть сетку и проползти в клетку. Было очень темно. На коленях он подполз к деревянному домику. Прислушался, пытаясь услышать писк Графа. Жюль просунул руку в темный проем. При этом что-то нашептывал. Он подскочил, когда почувствовал иголочный укол в палец. С выражением огромного удовольствия на худом лице Жюль вытащил трепещущую мохнатую тварь наружу. Он выполз из клетки вместе с летучей мышью и побежал прочь от зоопарка. Побежал по темным пустынным улицам. Близился рассвет. Свет коснулся темных небес и окрасил их в серый цвет. Пойти домой Жюль не мог. Надо был найти какое-нибудь укромное место. Пройдя вниз по аллее, он перелез через забор. В руке он крепко сжимал летучую мышь. Она слизывала капельки крови с его пальца.

Он пересек дворик и зашел в небольшую лачугу. Внутри было темно и сыро. Было полно щебня, жестяных банок, отсыревшего картона и нечистот. Жюль убедился, что летучая мышь никуда не ускользнет. Затем плотно закрыл дверь на засов. Сердце учащенно билось, руки и ноги дрожали. Он отпустил летучую мышь. Она улетела в угол и прицепилась к деревяшке. Жюль нервно сорвал с себя рубашку. Губы его дрожали. Он улыбался как сумасшедший. Он сунул руку в карман брюк и вытащил маленький перочинный ножик, украденный им у матери. Он открыл нож и провел пальцем по лезвию. Порезался до мяса. Тря-

сущимися руками ткнул себя в горло. Кровь потекла по пальцам.

— Граф! Граф! — кричал он в безумной радости.— Пей мою красную кровь! Выпей меня! Выпей меня!

Он споткнулся о жестяные банки, поскользнулся, пытаясь нащупать летучую мышь. Летучая мышь оторвалась от деревяшки, перелетела на противоположную стену и там зацепилась. Слезы текли по его щекам. Он стиснул зубы. Кровь стекала по его плечам и худой детской груди. Его знобило. Он проковылял к противоположной стенке лачуги. Зацепился за что-то, упал и распорол бок об острый край жестяной банки. Он вытянул руки и схватил летучую мышь. Прижал ее к горлу. Опустился на прохладную влажную землю и лег на спину. Вздохнул. Он начал стонать и хвататься за грудь. Черная летучая мышь сидела у него на шее и беззвучно сосала его кровь. Жюль почувствовал, что жизнь постепенно покидает его. Он вспомнил прожитые годы. Свое ожидание. Своих родителей. Школу. Дракулу. Свои мечты. Все было ради этого. Ради этого неожиданного триумфа. Глаза его раскрылись. Над ним плыла стена омерзительной лачуги. Стало тяжело дышать. Он раскрыл рот, чтобы вздохнуть воздух. Он жадно всасывал его. Воздух был отвратительным. Жюль закашлялся. Его худенькое тельце содрогалось на холодной земле. Туман в голове рассеивался. Он рассеивался по мере того, как все меньше и меньше крови оставалось в его жилах.

Внезапно он ощутил убийственную ясность ума. Жюль осознал, что лежит полуголый среди мусора и позволяет летучей мыши сосать свою кровь. Со сдавленным криком он дотянулся рукой до пульсирующей мохнатой твари и оторвал ее от себя. Отбросил в сторону. Летучая мышь прилетела обратно, обдав его струей воздуха от хлопающих крыльев. Жюль, шатаясь, встал на ноги. Нащупал дверь. Он с трудом различал предметы. Попытался приостановить кровотечение. Ему удалось открыть дверь. Затем, выбравшись в темный дворик, он упал лицом в высокую траву. Он попытался позвать на помощь. Но ничего кроме шипящего подобия слов ему не удалось вымолвить.

Он услышал шум машущих крыльев. Затем шум внезапно прекратился. Сильные руки осторожно подняли его. Сквозь пелену смерти Жюль увидел высокого темноволосого человека, глаза которого горели как рубины.

— Сын мой,— услышал Жюль.

Стивен Грендон

МЕТЕЛЬ

Шаги приближающейся тетушки Мэри вдруг затихли недалеко от стола, и Клодетта обернулась взглянуть. Тетушка стояла, застыв как изваяние и крепко сжав перед собой трость; ее неподвижный взгляд был устремлен на стеклянные двери, расположенные как раз напротив двери, через которую она вошла.

Клодетта бросила взгляд на сидевшего напротив мужа, тоже наблюдавшего за тетушкой. Выражение его лица ничего ей не подсказывало. Она снова обернулась — тетушка испытующе смотрела на нее холодным молчаливым взором. Клодетта почувствовала себя неуютно.

— Кто раздвинул шторы на окнах с западной стороны?

Услышав голос, Клодетта покраснела.

— Я, тетушка. Извините меня, я забыла о вашем запрете.

Старуха издала странный мычащий звук и снова уставилась на стеклянные двери. Она сделала едва уловимое движение, и служанка Лиза выбежала из тени зала, откуда с крайним неодобрением наблюдала за Клодеттой и ее мужем. Подбежав прямо к окнам на западной стороне, она задернула шторы.

Тетушка Мэри медленно заняла свое место во главе стола. Прислонив трость к боковине стула, она потянула за цепочку у себя на шее, переместив лорнет к себе на колени. Она перевела взгляд с Клодетты на своего племянника Эрнеста.

Затем ее взгляд застыл на пустом стуле с противоположной стороны стола, и она заговорила, казалось, не видя ни Клодетту, ни ее мужа.

— Я запретила вам обоим после захода солнца раздвигать шторы на окнах с западной стороны. И вы должно быть уже заметили, что и вечером и ночью эти окна всегда зашторены. Я специально позаботилась о том, чтобы разместить вас в комнатах с окнами на восток, да и гостиная тоже находится в восточной стороне дома.

— Я уверен, что Клодетта не имела намерения досадить вам, тетушка,— вдруг вмешался Эрнест.

Старуха подняла брови и продолжала бесстрастным голосом:

— Я не считала нужным объяснять причину моей просьбы. И не собираюсь объяснять ее сейчас. Но хочу предупредить, что раздвигая шторы, вы подвергаете себя вполне конкретной опасности. Эрнест знает об этом, а ты, Клодетта, еще нет.

Клодетта озадаченно глянула на мужа. Заметив это, старуха добавила:

— Можете считать меня эксцентричной, выжившей из ума старухой, но я вам советую прислушаться к моим словам.

Неожиданно в комнату вошел молодой человек. Буркнув присутствующим в знак приветствия что-то невнятное, он плюхнулся на свободный стул.

— Опять опоздал, Генри,— произнесла старуха.

Пробубнив что-то в ответ, Генри начал торопливо есть. Старуха вздохнула и тоже наконец приступила к еде, а за ней Клодетта и Эрнест. Старый слуга, все это время стоявший за стулом тетушки Мэри, удалился, не преминув, однако, одарить Генри презрительным взглядом.

Спустя некоторое время Клодетта подняла голову и осмелилась сказать:

— Тетушка Мэри, а вы здесь не настолько оторваны от внешнего мира, как это мне казалось.

— И ты права, дорогуша. С телефоном, машиной и всем прочим. Но вот еще каких-нибудь двадцать лет назад, поверьте мне, дела обстояли совершенно иначе,— улыбнувшись от нахлынувших воспоминаний, она поглядела на Эрнеста.— Твой дедушка был еще жив тогда, и частенько снежные заносы лишали его всякой связи с окружающим миром.

— Там в Чикаго, когда слышишь разговоры о «северных районах» или «висконсинских лесах» кажется, что все это далеко-далеко,— заметила Клодетта.

— В общем-то, это действительно далеко,— встрял в разговор Генри.— Кстати, тетушка, я надеюсь, вы сделали приготовления на тот случай, если нас отрежет на день-другой? Кажется, снег собирается, да и по радио обещают метель.

Старуха, хмыкнув, посмотрела на Генри.

— Да ты, Генри, сдается мне, уж как-то слишком обеспокоен. Боюсь, что едва ступив на порог моего дома, ты уже пожалел о своем приезде. Если ты волнуешься по поводу метели, то я прикажу Сэму отвезти тебя в Ваусау, и тогда завтра ты сможешь попасть в Чикаго.

— Да нет же.

Наступило молчание, и тогда старуха тихо позвала Лизу. Служанка вошла в комнату и помогла ей встать со стула, хотя, как Клодетта успела заметить и сказала об этом мужу, тетушка в особой помощи не нуждалась.

У двери тетушка Мэри, невозмутимо грозная, с тростью в одной руке и нераскрытым лорнетом в другой, пожелала всем доброй ночи и исчезла в темной коридоре, откуда послышались удаляющиеся шаги ее и почти безотлучно находившейся при ней служанки. Бóльшую часть времени кроме них двоих в доме никто не жил, и лишь очень непродолжительные наезды ее племянника Эрнеста — «мальчика дорогого Джона» — и Генри, о чьем отце старуха никогда ничего не говорила, скрашивали приятную дремоту их тихого существования. Сэм, обычно ночевавший в гараже, в счет не шел.

Клодетта нервно взглянула на мужа, и тут Генри высказал то, что больше всего занимало их мысли.

— Похоже она сходит с ума,— заметил он бесстрастно. И не дав Клодетте возможности возразить, поднялся и вышел в гостиную, откуда доносилось передаваемая по радио музыка.

Клодетта бесцельно повертела в руках ложку и наконец вымолвила:

— Эрнест, мне действительно кажется, что она немного не в себе.

Эрнест снисходительно улыбнулся.

— А я так не считаю. У меня есть соображения по поводу того, почему она держит зашторенными окна на западной стороне.

Там погиб мой дед: однажды ночью он ослабел от холода и замерз на склоне холма. Не могу сказать точно,

как все произошло: в тот день меня здесь не было. И мне кажется, она не любит, когда ей напоминают о его смерти.

— Но откуда тогда исходит опасность, о которой она говорила?

Эрнест пожал плечами.

— Вероятно дело в ней самой — что-то внутри терзает ее, а она в свою очередь терзает нас,— он замолчал на мгновение, а потом добавил.— По-моему, она действительно кажется тебе несколько странной, но такой она и была всегда, сколько я ее помню. В следующий свой приезд ты этого просто не заметишь.

Клодетта поглядела на мужа и наконец произнесла:

— Эрнест, мне не нравится этот дом.

— Чепуха, дорогая.— Эрнест приподнялся со стула, но Клодетта остановила его.

— Послушай, Эрнест. Я совершенно отчетливо помнила, что тетушка Мэри запретила раздвигать шторы, но у меня было такое чувство, что я должна это сделать. Я не хотела, но что-то заставило меня,— голос ее дрожал.

— Но, Кладетта,— спросил Эрнест несколько озабоченно,— почему ты раньше мне об этом не сказала?

Она пожала плечами.

— Тетушка могла подумать, что я ищу отговорку.

— Ну, ничего серьезного нет. Ты немного переволновалась, а тебе это вредно. Забудь о случившемся. Думай о чем-нибудь другом. Пойдем послушаем радио.

Они поднялись и вместе направились в гостиную. У двери они столкнулись с Генри. Он отступил немного в сторону и сказал:

— Уж я-то должен был знать, что мы здесь окажемся отрезанными от внешнего мира,— и прежде чем Клодетта успела возразить что-либо, добавил.— Хорошо-хорошо, еще только окажемся. Начинается ветер, идет снег, а я знаю, что это значит.

Генри пропустил Клодетту с мужем в гостиную, а сам направился в пустынную столовую. Там он на мгновение остановился и посмотрел на длиннющий стол. Затем, обогнув его, он подошел к стеклянным дверям, раздвинул шторы и, щурясь, уставился в темноту. Эрнест увидел его стоящим у окна и крикнул из гостиной:

— Генри, тетушка Мэри не любит, когда там раздвигают шторы!

Генри, обернувшись, ответил:

— Ну, она пусть и дальше боится, а я рискну.

Клодетта, всматриваясь в ночь поверх головы Генри вдруг воскликнула:

— Посмотрите, там кто-то есть!

Бросив быстрый взгляд через стекло, Генри сказал:

— Нет там никого: это снег, а ветер гоняет его туда-сюда.

Задернув шторы, Генри отошел в сторону.

Клодетта заметила неуверенно:

— Но я могу поклясться, что видела, как кто-то прошел мимо.

— Тебе это могло показаться с того места, где ты стоишь,— предположил Генри.— Но я лично считаю, что на тебя слишком подействовали чудачества тетушки Мэри.

При этих словах Эрнест сделал резкий жест, и Клодетта оставила замечание без ответа. Клодетта продолжала сидеть, вперившись неподвижным взглядом во все еще колыхавшиеся шторы на стеклянных дверях. Некоторое время спустя она поднялась и вышла из гостиной, прошла вниз по длинному коридору в восточное крыло дома, нашла комнату тетушки Мэри и осторожно постучала в дверь.

— Войдите,— послышался голос старухи.

Клодетта открыла дверь и вошла в комнату. Тетушка Мэри сидела в ночной сорочке, а ее непременные атрибуты в виде лорнета и трости покоились на бюро и в углу соответственно. Выглядела она на удивление добродушной, в чем Клодетта сразу созналась самой себе.

— Хм, а ты думала, я переодетое чудовище, не правда ли? — спросила старуха, улыбаясь, что не было на нее похоже.— На самом деле я не чудовище, как ты убедилась, да к тому же сама, вроде бы, побаиваюсь окон на западной стороне.

— Я хотела вам кое-что сказать об этих окнах,— начала Клодетта и вдруг замолкла.

Молодой женщине стало не по себе от странного выражения, появившегося на лице старухи: оно отражало не гнев или неудовольствие, а затаенную мучительную неизвестность. Что ж, старуха испугалась!

— Ну и? — быстро спросила старуха.

— Я на какое-то мгновение посмотрела в окно, и мне показалось, что снаружи кто-то есть.

— Вот именно, показалось, Клодетта, у тебя играет воображение. А может быть, все дело в метели.

— Играет воображение? Допускаю. Но метели не было: ветер задул позднее.

— Я сама так часто обманываюсь, дорогуша. Иногда я утром выходила посмотреть, нет ли следов, и никогда их не находила. Хоть у нас и есть телефоны и радиоприемники, все же начинается метель, и к нам попасть практически невозможно. Ближайший сосед живет у подножия длинного покатого склона, а это три мили отсюда, да к тому же на всем пути лесá. Ближайшая дорога проходит там же.

— Но я видела так отчетливо. Могу поклясться.

— Может быть, утром выйдешь посмотреть? — резко спросила старуха.

— Вот еще.

— Значит, ты ничего не видела?! — Это был наполовину вопрос, наполовину приказ.

— Тетушка, ну зачем вы все усложняете,— заметила Клодетта.

— Так ты видела или не видела?

— Не видела, тетушка Мэри.

— Очень хорошо. А сейчас может поговорим о чем-нибудь более приятном?

— Ну, конечно... Извините, тетушка. Я не знала, что там погиб дед Эрнеста.

— Хм, он тебе все-таки рассказал, да?

— Да, Эрнест сказал, что именно по этой причине вы не любите видеть холм после заката солнца; что вы не любите, когда вам напоминают об этом.

Старуха взглянула на Клодетту — лицо ее ничего не выражало.

— Бог даст, Эрнест так никогда и не узнает, насколько он был близок к истине.

— Что вы этим хотите сказать, тетушка Мэри?

— Ничего, что тебе следовало бы знать, дорогуша,— она снова улыбнулась, и лицо ее стало менее суровым.— А сейчас, Клодетта, тебе, пожалуй, лучше уйти: я устала.

Клодетта послушно поднялась и направилась к двери. У двери старуха остановила ее, спросив:

— Как погода?

— Идет снег, по словам Генри, сильный ветер, и дует ветер.

При этом известии на лице старухи отразилось неудовольствие.

— Плохо, совсем плохо. А если сегодня кому-нибудь вздумается тащиться на этот холм? — спросила старуха как бы у самой себя, забыв о том, что Клодетта стояла у двери. Вдруг, вспомнив о присутствии молодой женщины, она произнесла.— Но ты же знаешь, Клодетта. Спокойной ночи.

Выйдя из комнаты, Клодетта прислонилась спиной к закрытой двери и попыталась понять, что могли означать слова старухи: «Но ты же знаешь, Клодетта». Она недоумевала — странные слова. Странно и то, что на какой-то миг старуха совершенно забыла о ее присутствии.

Клодетта отошла от двери и, едва повернув в восточное крыло, натолкнулась на Эрнеста.

— А, вот ты где,— сказал он.— А я все гадал, куда ты подевалась.

— Я немного поговорила с тетушкой Мэри.

— Генри опять выглядывал в окна на западной стороне, и теперь он считает, что там кто-то есть.

Клодетта резко остановилась.

— Он действительно так считает?

Эрнест с серьезным видом кивнул головой.

— Впрочем, метет ужасно, но могу представить, как твое предположение подействовало на него.

Клодетта повернулась и зашагала обратно по коридору.

— Пойду расскажу тетушке Мэри.

Эрнест хотел было остановить ее, но пока он раздумывал как бы получше это сделать, стало уже поздно — его жена постучала в дверь тетушкиной комнаты, отворила ее и вошла внутрь.

— Тетушка Мэри,— сказала Клодетта,— не хотела вас опять беспокоить, но Генри снова выглянул в окно столовой, и теперь и он считает, что там кто-то есть.

Слова молодой женщины подействовали на старуху магическим образом.

— Он видел их! — воскликнула она.

Затем старуха вскочила на ноги и подбежала в Клодетте.

— Как давно? — спросила она, вцепившись в руки

молодой женщины.— Говори быстро. Как давно он их видел?

От удивления Клодетта на мгновение лишилась дара речи, но только на мгновение. Чувствуя на себе пристальный взгляд старухи, она вновь заговорила:

— Недавно, тетушка Мэри. После ужина.

Старуха отпустила Клодетту и как-то обмякла.

— О,— выдавила она из себя, повернулась и медленно прошла к столу, прихватив из угла трость.

— Значит, там все-таки кто-то есть? — выкрикнула Клодетта, когда старуха уселась на стул.

Долго-долго, как показалось Кладетте, старуха хранила молчание. Затем она слегка кивнула головой, и едва различимое «да» сорвалось с ее губ.

— Тогда давайте впустим их в дом, тетушка Мэри.

Бросив короткий серьезный взгляд на Клодетту, старуха уставилась на стену и ответила ровным низким голосом:

— Мы не можем впустить их в дом, Клодетта... потому что они неживые.

В мозгу Клодетты немедленно вспыхнули слова Генри: «она сходит с ума», и невольный испуг выдал ее мысли.

— К сожалению, я не сумасшедшая, дорогуша. Хотела бы ею быть, но я в полном рассудке. Вначале там была только девушка. Потом к ней присоединился мой отец. Довольно-таки давно, когда я была молодой, отец сделал нечто такое, о чем впоследствии раскаивался до конца своих дней. Человек он был крайне вспыльчивый, до бешенства. Как-то раз, а дело происходило вечером, отец узнал, что один из моих братьев — отец Генри — находится в интимных отношениях с одной из служанок, очень привлекательной девушкой, чуть старше меня. Он считал, что виновата девушка, хотя ее вины в этом не было, и потому немедленно выгнал ее прочь из дома несмотря на поздний час. Зима еще не наступила, но дни стояли холодные, а жила девушка чуть ли не в пяти милях отсюда. Мы просили отца не выгонять ее — что-то нам будто подсказывало, что быть беде — но он отмахнулся от нас. И девушке пришлось уйти.

Через некоторое время после ее ухода задул злой ветер, перешедший в жестокую бурю. Отец уже раскаялся в своем скоропалительном решении и послал мужчин на поиски. Но поиски оказались безуспешными. Утром следующего

дня ее замерзший труп обнаружили на длинном склоне холма к западу от дома.

Вздохнув и чуть помедлив, старуха продолжала свой рассказ.

— Спустя годы девушка вернулась. Она пришла в метель, как когда-то ушла. Но она стала вампиром. Мы все ее видели. Случилось все так. Мы сидели за ужином в столовой, и тут отец увидел ее. Ребята уже к этому времени поднялись наверх, и за столом находились только отец и мы, две девочки — я и моя сестра. Так вот — мы ее увидели, но сразу не узнали: мы различили только смутную фигуру, с трудом передвигающуюся в снегу за стеклянными дверями. Отец выбежал к ней наружу, приказав нам послать мальчиков за ним следом. Больше живым мы его не видели. Утром мы обнаружили его труп на том же самом месте, где годами раньше было найдено тело девушки. Он тоже умер от переохлаждения. Прошло несколько лет, и девушка вернулась со снегом, но не одна, а с нашим отцом. Он тоже превратился в вампира. Они оставались до последнего снега и все время пытались выманить кого-нибудь наружу. Я уже знала, что делать, и поэтому зимой зашторивала стеклянные двери на период от захода до восхода солнца, потому что они никогда не уходили дальше западного склона.

— Ну, теперь ты все знаешь, Клодетта.

Клодетта, вероятно, хотела сказать что-то, но не успела произнести и слова, потому что сначала услышала за дверью быстрые шаги, затем в дверь постучали, и в дверном проеме вдруг появилась голова Эрнеста.

— Идите скорее, обе,— крикнул он почти весело,— На западном склоне люди — девушка и старик — а Генри пошел за ними.

Затем с видом победителя он оставил их. Клодетта вскочила на ноги, но старуха опередила ее и, проскочив мимо, чуть ли не бегом помчалась по коридору, на ходу громко призывая Лизу. Лиза выбежала из комнаты прямо в ночном чепце и ночной сорочке.

— Позови Сэма, Лиза,— приказала старуха.— Пусть поспешит ко мне в гостиную.

Старуха вбежала в гостиную, Клодетта за ней. Стеклянные двери были распахнуты настежь, и Эрнест стоял снаружи на заснеженной террасе и звал Генри. Старуха

сразу подскочила к нему и встала рядом прямо в снег, не обращая внимания на сильную метель.

Поросший лесом западный склон затерялся в снежной пелене. Ближние деревья были чуть видны.

— Куда же они подевались? — спросил Эрнест, повернувшись к старухе, думая, что рядом с ним стоит Клодетта. Увидев старуху, он озадаченно вымолвил.— Ба, тетушка Мэри... да вы же почти раздеты. Простудитесь.

— Не волнуйся, Эрнест. Я в порядке. Я распорядилась позвать Сэма, чтобы он помог тебе в поисках Генри, хотя боюсь, вы не найдете его.

— Вряд ли Генри ушел далеко: он только что вышел.

— Но ты не знаешь, куда он пошел. И он уже достаточно далеко отсюда.

Тут к ним присоединился запыхавшийся Сэм. На нем было наброшено пальто. Сэм был значительно старше Эрнеста — почти одного возраста со старухой. Он вопросительно взглянул на нее:

— Опять они пришли?

Тетушка Мэри кивнула головой.

— Тебе придется отправиться на поиски Генри. Эрнест поможет. И запомни: держитесь вместе. И не отходите далеко от дома.

Клодетта вынесла Эрнесту пальто, а потом обе женщины встали у стеклянных дверей. Они стояли там и смотрели на удалявшихся мужчин, пока тех не поглотила стена бушующего снега. Потом женщины повернулись и вошли в дом.

Старуха уселась на стул, обращенный к стеклянным дверям. Лицо ее было бледным и изможденным, и выглядела она, как отметила Клодетта позднее, так, как будто «в ней что-то надломилось». Долгое время они сидели молча. Затем, тихо вздохнув, тетушка повернулась к Клодетте и сказала:

— Теперь их там будет трое.

И тут, причем произошло это так быстро и внезапно, что никто ничего толком не понял, за стеклянными дверям появились Сэм и Эрнест — они вдвоем тащили Генри. Старуха подскочила к дверям, чтобы открыть их, и трое запорошенных снегом мужчин оказались в комнате.

— Мы нашли его... но, боюсь, он довольно сильно промерз,— сказал Эрнест.

Старуха послала Лизу за холодной водой, а Эрнест

побежал переодеться. Клодетта пошал за ним, и уже в комнате рассказала ему то, что раньше поведала ей старуха.

Эрнест рассмеялся.

— И ты поверила, Клодетта? Сэм и Лиза — те верят, я знаю. Давным-давно Сэм рассказал мне эту историю. Мне кажется, что шок от смерти деда оказался для всех троих слишком сильным потрясением.

— Но история с девушкой, да и потом...

— Боюсь, что история с девушкой — правда. Неприятная история, конечно, но она действительно имела место.

— Но и Генри, и я видели этих людей! — слабо возразила Клодетта.

Эрнест стоял, не шевелясь.

— Это так,— сказал он.— Я тоже их видел. Они и сейчас там, и мы должны их найти! — Эрнест снова накинул на себя пальто и, сопровождаемый диким протестующим воплем Клодетты, вышел из комнаты. У двери гостиной его ждала старуха, до слуха которой донесся крик Клодетты.

— Нет, Эрнест... ты не должен туда больше ходить,— сказала она.— Там никого нет.

Эрнест осторожно обошел ее, и, пройдя в комнату, позвал Сэма:

— Ты пойдешь, Сэм? Эти двое еще там: мы почти забыли о них.

Сэм как-то странно посмотрел на него.

— Что вы хотите? — спросил он резко и вызывающе посмотрел на качавшую головой старуху.

— Там девушка и старик, Сэм. Мы должны их найти.

— А, девушка и старик,— сказал Сэм.— Так они мертвые!

— Тогда я пойду один,— заявил Эрнест.

Тут вдруг Генри вскочил на ноги, вид у него был совершенно отрешенный. Сделав несколько шагов вперед, он оглядел присуствующих невидящим взглядом. И неожиданно заговорил. Каким-то неестественным детским голосом.

— Снег,— забубнил он,— снег... красивые руки, такие маленькие, такие прекрасные... ее красивые руки... и снег... красивый прекрасный снег кружится и падает на нее...

Генри медленно повернулся и посмотрел на стеклянные двери. Все посмотрели туда же. Ветер прибивал снег к

дому, образуя сплошную белую стену. На какое-то мгновение Генри замер, и тут из снега появилась белая, покрытая инеем фигура девушки. Ее блестящие глаза источали какое-то особое очарование.

Пытаясь удержать Герни, старуха бросилась к нему с вытянутыми руками, но было поздно: ее племянник успел подбежать к дверям, раскрыть их и, несмотря на окрик Клодетты, исчез в снежной стене.

Тут Эрнест рванулся к дверям, но старуха обхватила его руками, и почти повиснув на нем, запричитала:

— Не ходи. Генри уже не поможешь.

Клодетта подбежала к ней на помощь, а Сэм с угрожающим видом встал у стеклянных дверей, закрытых от ветра и зловещего снега. Так они и держали его, не выпуская.

— А завтра,— сказала старуха суровым шепотом,— мы должны пойти к ним на могилу и проткнуть их кольями. Надо было раньше это сделать.

Утром они обнаружили скрюченное тело Генри под старым дубом, там же, где годами раньше были найдены тела старика и девушки. На снегу виднелся едва различимый след — длинная неровная полоса,— отставшийся от того, что какая-то сила тянула тело Генри за собой волоком. А вот отпечатков ног вокруг не было: остались лишь непонятные впадинки, как будто ветром выметенные от снега. И кругом один только ветер.

На теле Генри остались отметины снежных вампиров — небольшие следы от нежных девичьих рук.

Роберт Блох

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦ

Весь день, пока внизу в деревне грохотала орудийная канонада, он отдыха. Когда уже начало смеркаться и грохот залпов затих вдали, он понял, что все закончилось: наступающие американские войска форсировали реку. Наконец они ушли, и он снова был в безопасности.

Граф Барсак вышел из тайника среди развалин большого замка, расположенного близ деревни, на вершине поросшего лесом холма.

В черном плаще, темноволосый, с черными глазами и синюшными подглазиями на бледно-восковом лице, он стоял высокий и худой — худой как скелет, безобразно худой — и кривил в усмешке ярко-красные губы. Во всей его внешности только губы имели цвет жизни.

Граф стоял в сумерках и усмехался: пробил час — можно приступить к игре.

К игре под названием смерть, к игре, им уже множество раз сыгранной.

Он играл смерть на сцене Гранд-Гиньол в Париже. Тогда его звали просто Эрик Карон, тем не менее он имел определенную известность как исполнитель необычных ролей. Затем началась война, а с ней появился шанс.

Задолго до падения Парижа под ударами немецких войск он стал тайным агентом Райха. Деятельность на шпионском поприще складывалась удачно, и его очень ценили: помогал талант актера.

И он добился-таки высшей награды — получил главную роль, правда, не на сцене, а в реальной жизни. Играть без света юпитеров, в кромешной тьме — это ли не воплоще-

ние актерской мечты. Да к тому же играть в пьесе, самим тобой написанной.

— Все проще простого,— доложил он своему начальству.— Замок Барсака необитаем со времен Великой французской революции. Даже днем никто из деревенских не рискует приблизиться к нему. Из-за легенды, согласно которой последний граф Барсак был вампиром.

Предложение приняли. В большом тайнике неподалеку от замка установили коротковолновый передатчик и разместили там троих опытных радистов, работавших по очереди. И возглавил всю операцию он — «граф Барсак». Ангел-хранитель, а точнее демон-хранитель.

— Ниже по склону холма находится кладбище,— сообщил он своим подопечным.— Это скромное место последнего приюта бедных невежественных людей. Единственное внушительное сооружение там — родовой склеп Барсаков. Мы вскроем его, вынесем останки последнего графа наружу и устроим так, что жители деревни обнаружат пустой гроб. После этого они никогда более не осмеляться приблизиться ни к склепу, ни к замку, потому что получат подтверждение правдивости легенды: граф Барсак — вампир, и он снова бродит по свету.

Тогда возник вопрос:

— А если будут скептики? Если кто-нибудь не поверит?

— Поверят,— последовал незамедлительный ответ.— Потому что по ночам буду появляться я — граф Барсак.

И когда он показался в гриме и черном плаще, все вопросы сразу отпали: это была его роль.

Да, это была его роль, и он отлично с ней справился. Взбираясь по лестнице, граф одобрительно покачивал головой. Он вошел в фойе замка. Крыши не было, и только паутина скрывала от взгляда сияние восходящей луны.

Да, это была его роль, но всему приходит конец. Американские войска стремительно наступают, значит пора опустить занавес, пора раскланяться и уйти со сцены. Об уходе он позаботился заранее.

С началом отступления немецких войск склепу нашли еще одно применение. Там устроили надежный склад антиквариата, принадлежавшего Герингу, а в замок пригнали грузовик. Трое радистов получили новые роли: они

должны спуститься на грузовике вниз к склепу и погрузить в него ценности.

Ко времени появления графа все должно быть погружено. Затем они наденут похищенную американскую военную форму, возьмут поддельные документы и пропуска, проскочат через линию фронта за рекой и в установленном месте присоединятся к немецким войскам. Он предусмотрел всякого рода случайности. Когда-нибудь в своих мемуарах...

Но думать об этом сейчас было некогда. Граф посмотрел на небо — луна взошла высоко. Пора отправляться в путь.

Ему не очень-то хотелось уходить. Там, где другие видели только пыль и паутину, он видел сцену — декорации его самого удачного спектакля. Играя роль вампира, он не пристрастился к вкусу крови, но как актер, он обожал вкус славы. А здесь он достиг ее.

«Расставанье есть сладкая печаль». Строка из Шекспира. Шекспир писал о привидениях, ведьмах и вампирах: он знал, что публика — тупая масса — верила в подобные вещи. Верила тогда, верит и сейчас. Великий актер всегда может заставить своих зрителей поверить.

Выйдя из замка в ночную тьму, он спустился по тропинке к раскачивающимся деревьям.

Именно там, среди деревьев, он как-то вечером, несколько недель назад натолкнулся на Раймонда, старосту деревни Барсак, который, вероятно, рыскал неподалеку от замка с намерением чем-нибудь поживиться. Суровый, величавый, седой старик оказался на самом деле его самым чутким зрителем. Едва завидев маячившую во тьме фигуру графа, старый дурак враз лишился своей величавости и, по-женски заголосив, бросился бегом прочь.

И именно старика следовало бы поблагодарить за распространение слухов о возвращении графа-вампира. После той встречи староста и придурковатый мельник по имени Клодес привели на кладбище группу вооруженных крестьян. Войдя в склеп Барсаков, они обнаружили, что гроб графа открыт и пуст. Ужас обуял их!

Крестьяне не могли знать, что прах из гроба развеяли по ветру, а кроме праха там больше ничего не было. Не могли они знать и о том, что случилось с Сюзанной.

Вспоминая прошедшие дни, граф добрался до небольшого ручейка и пошел вдоль него. Здесь он тоже как-то

натолкнулся на девушку, дочку Раймонда. И какая удача! — она была не одна, а со своим возлюбленным, Антуаном Лефевром. Они обнимались. Антуан был хром на одну ногу, и в свое время данное обстоятельство спасло его от службы в армии, но, едва завидев скалящегося графа в черном плаще, он побежал быстрее лани. Сюзанна к своему несчастью осталась, и от нее пришлось избавиться. Граф закопал ее тело в лесу меж валунов, так что обнаружить труп не представлялось возможным. Тем не менее он сожалел о содеянном.

Однако, в конечном счете, все сложилось как нельзя лучше: суеверный Раймонд еще раз убедился, что вампир вернулся. Он своими глазами видел призрак, видел открытый пустой гроб. Его дочь исчезла. И старик запретил кому-либо приближаться к кладбищу, лесу, замку.

Бедный Раймонд! Старостой он больше не был — деревню разрушили при обстреле. Невежественный, сломленный старик, он только и делал, что нес бессвязную чушь о «живом мертвеце».

Граф улыбнулся и продолжил свой путь. легкий ветерок развевал его плащ, и отбрасываемая им тень напоминала летучую мышь. Он уже мог разглядеть кладбище с покосившимися могильными камнями, торчащими из земли, будто гниющие в лунном свете пальцы прокаженного. Вероятно, величайшей данью его таланту актера было то, что на самом деле он испытывал отвращение к смерти, к мраку, к тому, что таилось в ночи. Он не выносил вида крови, и в нем развилось чувство почти патологического страха перед замкнутым пространством склепа.

Да, это была великая роль, но он благодарил судьбу за то, что пьеса близилась к концу. Хотелось сыграть заключительную сцену и сбросить с себя личину существа, самим им придуманного.

Приблизившись к склепу, он разглядел в темноте очертания грузовика. Вход в склеп был открыт, но оттуда не доносилось ни звука. Следовательно, радисты закончили погрузку и подготовились к отъезду. Оставалось только переодеться, снять грим и отправиться в путь.

Граф подошел к темному пятну грузовика. И тут...

И тут они набросились на него: он почувствовал, как зубцы вил впились в спину и, ослепленный светом фонарей, услышал, чей-то суровый голос, приказавший ему не двигаться.

Он и не двигался. Он мог только следить взглядом за тем, как они сходятся вокруг него. Они — Антуан, Клодес, Раймонд и другие. Угрожая ему вилами, с десяток крестьян уставились на него со смешанным чувством ярости и страха.

Да как же они посмели?

Вперед вышли капрал американской армии. Так вот где ответ: капрал американской армии и еще один человек в форме и со снайперской винтовкой. Это из заслуга. Ему даже не было нужды смотреть на сваленные в грузовике, изрешеченные пулями тела трех радистов, чтобы понять что произошло. Американцы перестреляли его людей, застав их врасплох, а потом позвали крестьян.

Американцы забросали его вопросами: «Как тебя зовут? Эти люди работали по твоему приказу? Куда вы собирались отправиться на грузовике?» Спрашивали по-английски, конечно. Но граф молчал, хотя прекрасно понимал английскую речь. Он только улыбался и качал голов. Вскоре, как он и предполагал, американцы оставили его в покое.

Капрал повернулся к своему напарнику.

— Хорошо,— сказал он,— поехали.

Тот кивнул головой в знак согласия, залез в кабину грузовика и включил зажигание.

Капрал направился к машине, но не дойдя до нее, повернулся к Раймонду:

— Мы переправим грузовик через реку. Присмотрите за нашим другом. Через часок вам пришлют караульных забрать его.

Раймонд в ответ кивнул головой. Грузовик исчез в темноте. Стало совсем темно: луна исчезла за тучей. Граф оглядел своих охранников, и улыбка исчезла с его лица. Сброд, куча угрюмых невежественных идиотов. Однако, вооруженных. Ни единого шанса на побег. Крестьяне все таращились на него и что-то бормотали.

— Отведите его в скеп.

Граф узнал голос Раймонда. Крестьяне повиновались его приказу и начали вилами подталкивать пленника вперед. И тут у графа затеплился первый слабенький лучик надежды. Крестьяне подталкивали его крайне осторожно, близко к нему не подходили и под его взглядом опускали глаза.

Они боялись его, и потому заталкивали в склеп. Американцы уехали, и страх вернулся к ним — они боялись его присутствия, его силы. Ведь в их глазах он был вампиром. Он мог превратиться в летучую мышь и исчезнуть. По этой причине они решили закрыть его в склепе.

Граф пожал плечами и оскалился своей самой зловещей улыбкой. Когда он вошел в склеп, крестьяне отпрянули назад. Граф повернулся и, поддавшись порыву, завернулся в плащ. Это был инстинктивный заключительный жест, соотвествовавший его роли, и реакция зрителей оказалась адекватной. Крестьяне издали стон, а старый Раймонд осенил себя крестом. В чем-то их реакция доставляла больше удовольствия, чем аплодисменты.

Во тьме склепа граф позволил себе слегка расслабиться. Он ушел со сцены. Жаль, что ему не удалось уйти так, как это задумывалось, но таковы превратности войны. Скоро его отвезут в американский штаб и там допросят. Ему, конечно, не избежать кое-каких неприятностей, но самое худшее, что его может ожидать — это несколько месяцев в лагере военнопленных. И даже американцы склонятся перед ним в знак восхищения, когда услышат историю о мастерском обмане.

В склепе было темно и пахло плесенью. Граф беспокойно ходил взад-вперед. Он ободрал колено о край пустого гроба, стоявшего на возвышении внутри склепа. Он неволько вздрогнул и ослабил завязки плаща. Хорошо бы снять этот плащ, хорошо бы выбраться отсюда, хорошо бы навсегда покончить с ролью вампира. Он хорошо сыграл эту роль, но сейчас ему страстно хотелось уйти.

Из-за двери послышалось тихое бормотание, к которому примешивался другой, едва уловимый звук — что-то похожее на царапанье. Граф подошел к закрытой двери и внимательно прислушался: тихо.

Чем там занимаются эти придурки? Он желал скорейшего возвращения американцев. Внутри стало слишком жарко. И почему вдруг стих шум снаружи? Может быть, они ушли?

Да. Они ушли. Американцы велели им ждать и охранять его, но они испугались. Они действительно считают его вампиром: старый Раймонд убедил их в этом. И тогда они убежали. Они убежали, а значит, он свободен и может идти... Граф открыл дверь.

И увидел их, увидел их, стоящих в ожидании. Сурово взглянув на него, Раймонд сделал шаг вперед. В руках он что-то держал, и граф узнал этот предмет и понял, что за странный звук он слышал. В руках у Раймонда был длинный, заостренный на конце деревянный кол.

И тогда граф во всю глотку завопил, что это лишь трюк, что он не вампир, что они — куча суеверных идиотов.

Не обращая внимания на его вопли, крестьяне затащили его обратно в склеп, затолкнули в открытый гроб и, удерживая его там, стали ждать, когда мрачнолицый Раймонд проткнет сердце вампира заостренным колом.

И только тогда, когда кол пронзил его тело, граф понял, что значит слишком хорошо играть свою роль.

Синдей Хорлер

СЛУЧАЙ СО СВЯЩЕННИКОМ

До совсем недавнего времени, вплоть до его смерти, я, покрайней мере раз в неделю, навещал католического священника. То обстоятельство, что сам я протестант, никоим образом не отражалось на нашей дружбе. Отец Р. был одним из самых замечательных людей, когда-либо встреченных мною на жизненном пути. Он очень располагал к себе и был «бывалым человеком», в лучшем смысле этого столь часто неверно трактуемого оборота. Он проявлял живой интерес к моей писательской деятельности, и мы часто обсуждали вместе различные сюжеты и ситуации.

История, которуя я собираюсь рассказать, случилась где-то полтора года тому назад, за десять месяцев до его болезни. В то время я работал над романом «Проклятие Дуна», где речь шла о том, как один злодей воспользовался страшной легендой, связанной со старинным поместьем в Девоншире, и употребил ее для достижения своих целей.

Отец Р. выслушал сюжет и к моему громадному удивлению заметил:

— Для некоторых людей ваш роман может стать предметом насмешек, потому что они не позволят убедить себя в том, что предания о вампирах заслуживают доверия.

— Да, это так,— парировал я.— Но, все-таки, Брэм Стокер взбудоражил читательское воображение своим «Дракулой», одной из самых ужасающих и не менее захватывающих книг, когда-либо вышедших из-под писательского пера, и мои читатели, я надеюсь, воспримут описываемые мною события как обычную «выдумку» автора.

— Несомненно,— ответил священник, кивнув головой.— Кстати,— продолжил он,— я верю в существование вампиров.

— Вы верите? — у меня по спине пробежали мурашки. Одно дело писать об ужасах, но совершенно другое — присутствовать при том, как они начинают облекаться во вполне конкретную форму.

— Да,— сказал священник,— я вынужден верить в существование вампиров по той простой и одновременно невероятной причине, что с одним из них я лично встречался.

Я приподнялся со стула. Я не сомневался в правдивости слов священника, и все же...

— Не сомневаюсь, мой дорогой друг,— продолжил он,— мое признание может показаться весьма необычным, но, уверяю вас, это правда. История, которую я собираюсь вам рассказать, приключилась со мной много лет назад и в другом месте, где конкретно, не нахожу нужным уточнять.

— Поразительно... вы что действительно видели вампира вот так же, как я сейчас вижу вас?

— Не только видел, но и разговаривал с ним. До сегодняшнего дня я ни одной живой душе, кроме одного брата-священника, не рассказывал об этом случае.

Меня, вне всякого сомнения, приглашали послушать. Набив табаку в трубку, я поудобнее устроился на стуле напротив пылающего камина. Мне уже доводилось слышать о том, что правда невероятнее вымысла — и вот теперь, похоже, я получил необыкновенную возможность стать свидетелем того, как мои самые смелые фантазии бесславно померкнут перед реальными событиями!

— Название небольшого городка не имеет значения,— начал свою историю священник,— достаточно упомянуть, что находится он на западе Англии и живет в нем довольно много весьма состоятельных людей. В семидесяти пяти милях от него расположен большой город, и тамошние предприниматели, уходя от дел, часто переезжали в Н. доживать остаток своих дней. Я был молод, моя деятельность приносила мне большое удовлетворение. Но тут произошло... Впрочем, я забегаю вперед.

Я находился в очень дружеских отношениях с местным врачом: он часто навещал меня, когда у него выпадало свободное время, и мы беседовали о разных вещах. Мы пытались найти ответы на многие вопросы, которые, как

убеждает мой жизненный опыт, не имеют решения... по-крайней мере, в этом мире.

Однажды вечером мы сидели у меня дома, и мне показалось, что он как-то странно посмотрел на меня.

— Что вы думаете об этом Фарингтоне? — спросил он.

Так вот, по любопытному совпадению, он задал свой вопрос именно в тот момент, когда я сам подсознательно подумал о Фарингтоне.

Человек, называвший себя Джозефом Фарингтоном, был в городе человеком новым: он совсем недавно поселился там. Уже только данное обстоятельство могло стать питательной средой для разговоров, не говоря о том, что он приобрел самый большой дом на холме, возвышающемся в южной части города — самом лучшем жилом квартале; что, видимо, не считаясь с расходами, он обставил дом с помощью одного из самых известных лондонских торговых домов; что он часто устраивал приемы, однако, желающих во второй раз попасть к нему в гости во «Фронтоны», похоже, не оказывалось. Ходили, знаете, слухи, что Фарингтон «какой-то чудной».

Я, конечно, знал об этом — все сплетни до мельчайших подробностей доходят до ушей священника — но все же колебался с ответом на прямо поставленный вопрос.

— Признайтесь, отче,— сказал мой собеседник, видя мои колебания,— вам, как и всем нам... вам не нравится этот человек! Фарингтон выбрал меня своим личным врачом, но лучше бы его выбор пал на кого -нибудь другого. Какой-то чудной он.

И снова — «какой-то чудной». Слова врача все еще звучали у меня в ушах, а я уже мысленно представил себе облик Фарингтона таким, каким я его запомнил, когда увидел прогуливающимся по главной улице: он прогуливался, а все вокруг исподтишка поглядывали в его сторону. Крупного телосложения, само воплощение мужественности, Фарингтон источал столько здоровья, что на ум невольно приходила мысль — этот человек не умрет никогда. Розоволицый, с волосами и глазами черными как смоль, он передвигался с гибкостью юноши. Однако, судя по его биографии, лет ему было никак не меньше шестидесяти.

— Знаете, Сандерс,— поспешил я утешить моего друга,— сдается мне, Фарингтон не доставит вам много хлопот. Здоров, как бык.

— Вы не ответили на мой вопрос,— упорствовал врач.— Забудьте о своем сане, отче, и скажите мне, что вы конкретно думаете о Джозефе Фарингтоне. Вы согласны, что от него бросает в дрожь?

— Вы... врач... и говорите такое! — пожурил я его, не желая высказывать свое истинное мнение о Джозефе Фарингтоне.

— Ничего не могу с собой поделать... Я чувствую перед ним невольный страх. Сегодня днем меня вызвали во «Фронтоны». Как и множество других людей подобного телосложения, Фарингтон немного ипохондрик. Ему показалось, что у него что-то не в порядке с сердцем.

— И что же?

— Да он сто лет проживет! Но, поверьте, отче, мне было невыносимо тяжело находиться с ним рядом: в нем есть что-то пугающее. И я испугался... да, испугался. Все время, что я находился в доме, меня обуревал страх. Мне было необходимо поделиться с кем-нибудь своими страхами, ну а вы — самый надежный человек в городе, и потому я здесь... Но, как вижу, вы свое мнение держите при себе.

— Предпочитаю не спешить,— ответил я. Такой ответ показался мне наиболее верным.

Два месяца спустя после беседы с Сандерсом не только город, но и всю страну потрясло и ужаснуло зверское преступление. В поле обнаружили труп восемнадцатилетней девушки, местной красавицы. Ее лицо, в жизни столь прекрасное, в смерти сделалось отталкивающим из-за застывшего на нем выражения смертельного ужаса.

Бедняжка была убита, причем убита таким способом, что людей прямо-таки трясло от ужаса. На горле у нее зияла огромная рана: казалось, что на нее напал какой-то хищник из джунглей...

Может показаться нелепым, но нетрудно догадаться, каким образом подозрения в этом дьявольском преступлении начали связывать с именем Джозефа Фарингтона. Настоящих друзей ему завести не удалось, хотя он вовсю старался быть общительным. Да еще Сандерс. Он был хорошим врачом, но отнюдь не самым тактичным человеком и, несомненно, его отказ навещать Фарингтона в

качестве врача — вы помните, как он на это неоднократно намекал в нашей беседе — вызвал толки. В любом случае, люди пребывали в крайне взвинченном состоянии, и, несмотря на отсутствие против него каких-либо прямых улик, о нем заговорили как о фактическом убийце. Некоторые горячие головы среди молодежи даже поговаривали о том, чтобы как-нибудь ночью поджечь «Фронтоны» и зажарить Фарингтона в его постели.

И когда напряжение достигло апогея, я, сам того не желая, как вы можете себе представить, оказался вовлеченным в это дело. Фарингтон прислал мне записку с приглашением на ужин. Записка эта заканчивалась словами:

«Мне надо с Вами кое-что обсудить. Пожалуйста, приходите».

Я, как слуга церкви, не мог оставить его просьбу без внимания, и поэтому принял приглашение.

Фарингтон принял меня радушно, угостил великолепным ужином; на первый взгляд все было в порядке. Но... странная вещь, едва увидев его, я ощутил неладное. Как и врача Сандерса, в присутствии Фарингтона меня охватило чувство беспокойства — я испытывал страх. От него исходили флюиды зла; в нем ощущалось что-то дьявольское, отчего у меня в жилах стыла кровь.

Я, как мог, старался скрыть свое замешательство, которое еще более усилилось после ужина, когда Фарингтон завел речь об убийстве бедняжки. И тотчас же страшная догадка пронзила мой мозг: Фарингтон — убийца, он чудовище!

Призвав все свои силы, я принял его вызов.

— Вы выразили желание встретиться со мной сегодня вечером, дабы снять с души ужасное бремя,— сказал я.— Вы не станете отрицать свою причастность к убийству несчастной девушки?

— Нет,— медленно ответил он,— не стану. Я ее убил. Меня толкнул на это демон, которым я одержим. Но вы, как священник, должны свято блюсти тайну исповеди, и не должны никому говорить о моем признании. Дайте мне еще несколько часов: я сам решу, что мне делать.

Чуть спустя я покинул его дом. Фарингтон больше ничего не хотел рассказывать.

— Дайте мне еще несколько часов,— повторил он на прощание.

В ту ночь мне привиделся дурной сон. Я почувствовал, что задыхаюсь. С трудом глотая воздух, я подбежал к окну, распахнул его настежь... и без чувств повалился на пол. Очнувшись, я увидел склонившегося надо мной Сандерса — его вызвала моя верная экономка.

— Что случилось? — спросил врач.— У вас было такое выражение лица, как будто вы заглянули в ад.

— Именно так,— ответил я.

— Это имело какое-нибудь отношение к Фарингтону? — спросил он без обиняков.

— Сандерс,— от избытка чувств я вцепился ему в руку,— существуют ли в наше время такие ужасные существа, как вампиры? Скажите мне, умоляю вас!

Врач — добрая душа — заставил меня сначала сделать глоток коньяка и только потом ответил. Точнее сам задал вопрос:

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Звучит невероятно... и я надеюсь, что на самое деле мне все только приснилось... но я лишился чувств оттого, что, едва распахнув окно, увидел — а может, мне лишь показалось — как мимо пролетал Фарингтон.

— Я не удивлен,— сказал врач.— Обследовав изуродованное тело бедной девушки, я пришел к выводу, что она погибла в результате чего-то ужасно аномального.

— Хотя в наши дни мы практически ничего не слышим о вампирах,— продолжил он,— это не означает, что дьявольские силы больше не находят приюта в обычных людях, наделяя их сверхъестественными способностями. Кстати, на что по форме походило существо, которое, как вам показалось, вы видели?

— Оно напоминало большую летучую мышь,— ответил я, содрогаясь.

— Завтра,— сказал Сандерс решительным голосом,— я отправюсь в Лондон — в Скотланд-Ярд. Может, меня там и осмеют сначала, но...

В Скотланд-Ярде его не осмеяли. Но преступники со сверхъестественными способностями были не совсем по их части, и, кроме того, они сказали Сандерсу, что прежде чем осудить Фарингтона, им потребуются доказательства. И даже если бы я осмелился нарушить клятву священ-

ника,— а это при любых обстоятельствах совершенно исключалось — то все равно моих показаний было бы недостаточно.

Решение этой задачи нашел Фарингтон — он покончил с собой. Его обнаружили в постели с простреленной головой.

Но, по словам Сандерса, только тело погибло, а злой дух парит над землею в поисках другой человеческой оболочки.

Боже, помоги его несчастной жертве!

ВАМПИР ИЗ «КРОГЛИН-ГРАНЖ»

История,
рассказанная капитаном Фишером,
в изложении Августа Харе

Фамилия Фишер,— так начал свой рассказ капитан,— может кому-то показаться очень плебейской, однако, этот род имеет очень древнее происхождение и вот уже много сотен лет владеет в Камлерленде очень любопытным особняком со странным названием «Кроглин-Гранж». Отличительная черта особняка состоит в том, что никогда за всю свою очень длинную историю он не превышал одного этажа; но перед ним есть терраса с прекрасным видом вдаль и обширным участком, простирающимся до церквушки в лощине.

Когда с годами семья Фишеров разрослась и обогатилась настолько, что «Кроглин-Гранж» показался им мал, у них достало здравого смысла не пристраивать еще один этаж и тем самым сохранить вековую неповторимость особняка. Они уехали на юг и поселились в Торнкомбе, что неподалеку от Гилдфорда, а в «Кроглин-Гранж» пустили жильцов.

Им крайне повезло с постояльцами: двумя братьями и сестрой. В округе ими не могли нахвалиться. Соседи победнее видели в них само воплощение доброты и благодетели; те, кто стоял на более высокой социальной ступени, отзывались о них как о достойном пополнении небольшого местного общества. Что касается самих жильцов, то они были в восторге от своего нового места жительства. Планировка особняка могла привести в отчаяние кого угодно, но только не их. Одним словом, «Кроглин-Гранж» устраивал их во всех отношениях.

Зиму новые жильцы «Кроглин-Гранж» провели с максимальным для себя удовольствием: они пользовались

любовью жителей округи, и их приглашали на все вечеринки.

Наступило лето. Один из дней выдался невыносимо, убийственно жарким. Из-за палящего зноя заниматься активной деятельностью не представлялось возможным, и братья провели день за чтением книг лежа в тени деревьев, а их сестра просидела на веранде, томясь от безделья. Рано поужинав, все собрались на веранде и просидели там без движения до позднего вечера, наслаждаясь вечерней прохладой и любуясь окружающей природой. Солнце скрылось, и над лесополосой, отделявшей их участок от погоста, появилась луна. Взобравшись высоко в небо, она залила всю лужайку серебристым светом, оживила и выпятила длинные тени деревьев.

Пожелав друг другу спокойной ночи, молодые люди разошлись по своим комнатам. Оказавшись у себя, девушка закрыла окно на щеколду, но ставни запирать не стала — этом тихом месте опасаться было нечего. Она улеглась в постель, но из-за сильной духоты никак не могла заснуть. тогда она подоткнув повыше подушки, стала любоваться восхитительной, чарующей красотой летней ночи. Через какое-то время ее внимание привлекли два огонька, мерцавшие среди деревьев. Присмотревшись, девушка увидела, что огоньки являются частью чего-то темного и несомненно мерзкого, временами то пропадающего в тени деревьев, то возникавшего вновь, но уже более крупным и явственным. Оно приближалось, не останавливаясь ни на секунду. Ее охватил панический ужас. Ей невыносимо хотелось выбежать из комнаты, но дверь находилась близко от окна и была заперта изнутри на ключ — пока откроешь, тварь подойдет еще ближе.

Девушке хотелось закричать, но голос не слушался ее — язык как будто присох к горлу.

Вдруг — впоследствии она так и не смогла объяснить почему — ей показалось, что ужасная тварь свернула в сторону, начала обходить дом и больше к ней не приближалась. Тотчас же выпрыгнув из постели и подбежав к двери, она попыталась открыть ее, но тут услышала настойчивое царапание по стеклу. Ее несколько успокоило то, что окно надежно закрыто. Но вдруг царапанье прекратилось, и послышался какой-то долбящий звук. И тогда девушка с ужасом поняла, что существо пытается отогнуть свинцовую ленту и протолкнуть кусок стекла внутрь! Шум

не прекращался, пока ромбовидный кусок стекла не вывалился внутрь комнаты. В отверстии возник длинный костлявый палец — задвижка была открыта, и окно распахнулось. Существо залезло через окно внутрь и прошло через комнату к кровати, куда, охваченная ужасом, безмолвно забилась девушка. Схватив девушку своими длинными, костлявыми пальцами за волосы и подтянув ее голову к краю кровати, существо... с силой вцепилось зубами ей в горло.

От укуса к ней вернулся голос, и она издала истошный крик. Братья выскочили из своих комнат, ткнулись к ней в дверь, но та была заперта изнутри. Им пришлось сбегать за кочергой, чтобы выломать дверь. Когда они наконец ворвались в комнату, существо уже успело улизнуть через окно, а сестра без сознания лежала на краю кровати, и из раны на шее у нее обильно текла кровь. Один из братьев бросился в погоню за чудовищем, но безуспешно: оно гигантскими прыжками неслось прочь от дома, и в конце концов, как показалось юноше, скрылось за стеной погоста. Тогда он вернулся в комнату сестры. Девушка ужасно мучилась — рана оказалась весьма серьезной — но сильная духом и не склонная к каким-либо фантазиям или суевериям, она, едва придя в себя, сказала сидевшим у ее кровати братьям: «Я очень сильно пострадала. То, что случилось, совершенно невероятно, и на первый взгляд не имеет объяснения, но объяснение есть. И поэтому давайте подождем. В конце концов окажется, что какой-нибудь сумасшедший сбежал из дома для умалишенных и набрел на наш дом». Через некоторое время рана затянулась, и девушка почувствовала себя хорошо. Однако, пришедший по просьбе братьев врач никак не хотел поверить в то, что она столь легко могла перенести такое ужасное потрясение, и поэтому настаивал на перемене обстановки для восстановления ее моральных и физических сил. И тогда братья решили повезти сестру в Швейцарию.

Будучи от природы любознательной, девушка, попав в новую страну, сразу же принялась за ее изучение. Она составляла гербарии, делала зарисовки, ходила в горы. Но когда наступила осень, то именно она стала настаивать на возвращении в «Кроглин-Гранж». «Мы сняли дом,— сказала она,— на семь лет, а прожили там всего один год. Найти же других жильцов в одноэтажный дом будет тяжело, поэтому давайте лучше вернемся туда — ведь

сумасшедшие сбегают не каждый день, не так ли.» Девушка настаивала, а братья не возражали, и семья вернулась в Камберленд. Разместиться в доме как-то совершенно иначе не представлялось возможным из-за планировки. За девушкой осталась та же самая комната, и нет необходимости говорить, что она всегда закрывала ставни, которые, однако, как и во многих других старых домах, оставляли открытой верхнюю часть окна. Братья разместились вместе в комнате прямо напротив комнаты сестры, и всегда держали там наготове заряженные пистолеты.

Зиму они провели покойно и счастливо. Наступила весна. Как-то ночью в марте девушку разбудил хорошо запомнившийся ей звук — настойчивое царапанье по стеклу — и, взглянув вверх, она увидела, что через верхнюю часть окна на нее смотрит та же самая, отвратительная, коричневого цвета сморщенная физиономия с блестящими свирепыми глазами. Тут она закричала во всю силу своих легких. Ее братья выбежали из своей комнаты с пистолетами в руках и помчались к парадной двери. Открыв ее, они увидели, что существо уже во весь опор несется по лужайке прочь от дома. Один из братьев выстрелил и ранил его в ногу. Но, даже раненому существу удалось добежать до стены, перелезть через нее на погост и, как им показалось, скрыться в склепе, принадлежавшем давно исчезнувшему роду.

На следующий день братья созвали всех жителей округи и в их присутствии вскрыли склеп. Их глазам предстала ужасающая картина. В склепе было полно вскрытых гробов, а их содержимое беспорядочно разбросано по полу. Только один гроб стоял нетронутый. Крышка на нем была только сдвинута с места. Приподняв ее, они увидели то же самое отвратительное существо — коричневого цвета, сморщенное, похожее на мумию, но вполне сохранившееся — которое заглядывало в окна «Кроглин-Гранж». На ноге у него осталась свежая отметина от пистолетной пули. И они сделали то единственное, что может уничтожить вампира — сожгли его.

Фриц Лейбер

ДЕВУШКА С ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ

Хорошо, я расскажу вам, почему один вид этой девушки вызывает у меня мурашки по спине. Почему я терпеть не могу появляться в деловой части города и смотреть на то, как мужики пускают слюни, когда на рекламных щитах небоскребов видят ее рядом с бутылкой какого-нибудь популярного напитка, пачкой сигарет или еще бог знает с чем. Почему я больше не читаю журналов, зная, что наверняка она где-нибудь появится с бюстгальтере или в ванне с пенящейся водой. Почему мне противно думать о том, что миллионы американцев впитывают в себя эту ядовитую полуулыбку. Впрочем, эта целая история — история, куда более серьезная, чем может показаться.

Нет, не подумайте только, что я вдруг стал относиться к порокам рекламы и присущему американцам комплексу перед шикарными девицами с интеллигентским пренебрежением. Для человека с такой работой как у меня это было бы просто смешно. Но ведь не станете же вы спорить, что желание подзаработать на сексуальной привлекательности — уже своего рода извращение. Впрочем, меня это устраивает. Так вот, предположим, мы знаем, каким должно быть и Лицо, и Тело, и Взгляд, и все прочее. И поэтому вполне возможно появление некоего субъекта, соединяющего в себе самое лучшее настолько полно, что мы волей-неволей назовем ее Девушкой и украсим ее внешностью все рекламные щиты от Таймс-сквер до Телеграф-хилл?

Но эта Девушка — не такая, как другие. Она ненастоящая. Она отвратительная. Она порочная.

Сейчас не эпоха средневековья, скажете вы, и то, на что я намекаю, ушло в небытие вместе с колдовством.

Однако, я и сам не вполне уверен, на что я намекаю. Вампиры ведь бывают разные, и не все из них сосут кровь.

И были же убийства, а может, и не убийства. Кстати, позвольте спросить у вас вот что. Почему, когда Америка одержима Девушкой, о ней совершенно ничего не известно? Почему она не появляется на обложках «Тайм» и почему там не публикуются какие-нибудь забавные факты из ее жизни? Почему нет статей о ней в «Лайф» или «Пост»? Профиля в «Нью-Йоркер»? Почему «Чарм» и «Мадмуазель» не написали сагу о ее карьере? Еще не доросла до этого? Чепуха!

Почему ее не снимают киношники? Почему ее не донимают телевизионщики? Почему мы не видим ее целующейся на политических сборищах? Почему ее не выбрали королевой какого-нибудь конкурса?

Почему мы не читаем о ее вкусах и увлечениях, о ее взглядах на положение в России? Почему репортеры из отдела светской хроники не берут у нее, одетой в кимоно, интервью на последнем этаже самого высокого отеля в Манхэттане и не рассказывают нам о ее приятелях?

И наконец — самое поразительное — почему нет ни одного ее портрета нарисованного с натуры?

Нет и все тут. Если вы слышали что-нибудь о коммерческом искусстве, но наверняка знаете, что все эти чертовы картинки сработаны с фотографий. Мастерски? Еще бы. Там у них этим занимаются самые классные художники. Вот так-то.

А сейчас я вам отвечу на все «почему». Дело в том, что никто — от шнурка до начальника — в мире рекламы, новостей и бизнеса не знает, откуда Девушка взялась, где она живет, чем занимается, кто она и даже как ее зовут.

Вам не послышалось. Более того, никто никогда не видит ее, за исключением одного бедолаги-фотографа, делающего на ней денег больше, чем ему когда-либо снилось. Бедолаги-фотографа, чертовски жалкого и вечно чего-то боящегося.

Нет, я понятия не имею, как его зовут и где его мастерская. Но знаю, что такой человек должен быть, и не сомневаюсь нисколько, что чувствует он себя именно так, как я описал.

Да, я мог бы найти ее, если бы захотел. Впрочем, не уверен — она, наверняка, уже скрылась в другом месте. К тому же, и искать ее не хочется.

Что, думаете, у меня крыша поехала? Мол, в век атома подобное невозможно? Никто, даже Гарбо, не может спрятаться от людских глаз?

А я знаю, что кое-кто может, потому что год назад я и был таким бедолагой-фотографом. Да, год назад, когда Девушка впервые выплеснула свой яд здесь, в этом нашем большом городишке.

Да, я в курсе, что год назад вас здесь не было и что вы не знаете об этом. Но если порыться в подшивках местных газет, то среди рекламы можно, пожалуй, найти несколько старых фотографий с ее изображением — мне кажется, что «Ловлибелт» до сих пор пользуется одной из них. У меня самого была куча фотографий, но я сжег их.

Да, я сорвал на ней свой куш. Не так много, конечно, как должно быть заколачивает на ней этот другой фотограф, но все же достаточно, во всяком случае, на виски мне до сих пор хватает. Она странно относилась к деньгам. Но об этом позже.

Вы сначала представьте меня год назад. Я снимал помещение под мастерскую на четвертом этаже «Хаузер Билдинг», в этой крысиной норе неподалеку от Ардлей-парк.

До этого я работал в мастерских «Марш-Мейсон», а когда мне там обрыдло, решил начать собственное дело. Новое место ужасало — никогда не забуду, как там скрипела лестница — но обходилось мне дешево, и там было достаточно светло.

Дела шли паршиво. Я непрерывно мотался по всем рекламодателям и агентствам. Некоторые из них не имели ничего против меня лично, но мои работы им не подходили. Я оказался совсем на мели. Задолжал с арендной платой. Черт, даже на девчонку не хватало денег.

Случилось все одним из серых, мрачных дней, ближе к вечеру. В доме стояла мертвая тишина. Я как раз закончил проявлять несколько снимков, которые делал на свой страх и риск для «Ловлибелт Гарлз». «Будфорд'з пул» и «Плейграунд». Моя натурщица уже ушла. Некто мисс Леон. Она преподавала основы гражданского права в средней школе и, побочно, не так давно стала мне позировать, тоже на свой страх и риск. Едва взглянув на отпечатки снимков, я понял, что мисс Леон вряд ли подойдет «Ловлибелт», да и мне тоже. Я уже собирался прекратить работу.

И тут услышал, как внизу хлопнула парадная дверь, кто-то поднялся по лестнице — и в мастерскую вошла она.

В дешевеньком, блестящем черном платьице. В черных туфлях-лодочках. Без чулок. С серым матерчатым пиджаком в обнаженных до плеч худеньких руках. Очень худеньких руках, но разве сейчас такие не встречаются больше?

И далее тоненькая шея, слегка вытянутое и почти чопорное лицо, копна темных, разлохмаченных волос, и из-под них на тебя смотрят самые голодные глаза на свете.

Знаете, пожалуй, именно в этих глазах причина того, что ее изображение развешано сегодня по всей стране. В них напрочь отсутствовала вульгарность, но одновременно они смотрели на тебя с голодным вожделением, воплощая саму чувственность и нечто большее, чем чувственность. Вот что все ищут со дня сотворения мира — что-то чуть большее, чем чувственность.

Стою я, значит, парни, наедине с Девушкой, а в мастерской уже темнеет, да и в доме почти никого. Ситуация, которую миллионы американских мужчин, несомненно, рисовали себе с различными красочными подробностями. А я как себя чувствовал? Испуганным.

Я знаю, так иногда бывает, когда ты наедине с девушкой и предвкушаешь, что сейчас дотронешься до нее, и от этого начинает колотиться сердце, и бросает в дрожь. Но если в этот раз я и ощущал нечто подобное, то совсем по иной причине. По крайней мере, о близости с ней я не думал.

Я помню, как сделал шаг назад, как неловко отдернул руку — и фотографии, лежавшие на столе, разлетелись по полу.

Я ощущал едва уловимое головокружение, как будто из меня что-то вытягивали. Так, чуть-чуть.

Вот и все. Потом она раскрыла рот, и я на время опять почувствовал себя в норме.

— Я вижу, вы фотограф,— сказала она.— Вам натурщица нужна?

Судя по ее манере говорить, образованностью она не отличалась.

— Вряд ли,— ответил я, подбирая фотографии с пола. Понимаете, она не произвела на меня впечатления. При нашей первой встрече я не уловил коммерческих возможностей ее голодного взгляда.— Раньше этим занималась?

Ну, она не поведала мне ничего определенного, и я начал проверять, что она знала о рекламных агентствах,

мастерских, расценках и всем таком прочем. Довольно быстро раскусив ее, я сказал:

— Послушай, за всю свою жизнь ты никогда не позировала фотографу. Ты просто зашла сюда наудачу — вдруг да выгорит.

Она призналась, что я в общем-то попал в точку.

Все время, пока мы разговаривали, меня не оставляло ощущение, что она зондирует почву, как это обычно делает человек в незнакомом месте. Не то, чтобы она сомневалась в себе или во мне, а так, в общей обстановке.

— А ты думаешь, любая может стать натурщицей? — спросил я из чувства жалости.

— Конечно,— ответила она.

— Послушай,— не утерпел я,— фотограф может извести с десяток негативов, прежде чем получит более-менее приличное изображение обычной женщины. А сколько ему, по-твоему, придется их извести, чтобы получить действительно запоминающуюся, шикарную фотографию?

— Мне кажется, у меня получится,— сказала она.

Мне бы надо было вытолкать ее за дверь прямо тогда. Но то ли меня восхитило, как эта немногословная малышка хладнокровно стояла на своем. То ли меня тронул ее голодный взгляд. А вероятнее всего, мне было стыдно, что все с пренебрежением относились к моим фотографиям, и захотелось сорвать на ней раздражение, показав ей, что она представляла на самом деле.

— Хорошо, сейчас ты у меня поймешь, что к чему,— сказал я ей.— Я сделаю парочку твоих снимков. Но запомни: снимаю тебя просто так, на всякий случай. И если кто-нибудь когда-нибудь захочет вдруг воспользоваться твоей фотографией — что может произойти, приблизительно, с вероятностью один к двум миллионам — я оплачу твои услуги по твердым расценкам. И никак иначе.

Она одарила меня улыбкой. Первой.

— Вот и славно,— сказала она.

Ну, я сделал три-четыре снимка — лицо крупным планом: ее дешевенькое платье мне как-то не приглянулось. По крайней мере, мой сарказм она выдержала. Потом я вспомнил о материалах для «Ловлибелт», и, видимо, меня все еще обуревала досада, потому что я выдал ей корсет, приказав переодеться в него за ширмой. Так она и сделала, причем безо всякого волнения, как я того ожидал. И раз уж

мы зашли так далеко, я решил, что, пожалуй, стоит еще отснять сцену на пляже для ровного счета, и на этом закончить.

Пока мы снимали, я не ощущал ничего особенного, разве что регулярно повторявшиеся слабые приступы головокружения, и я никак не мог понять, то ли у меня неприятности с желудком, то ли я неосторожно поработал с реактивами.

И все же, знаете, меня тогда не покидало чувство тревоги.

Швырнув в ее сторону листок бумаги и карандаш, я сказал:

— Напиши свое имя, адрес и номер телефона.

И ушел в проявочную.

Чуть позже ушла и она. Я даже не попрощался с ней. Меня взбесило, что к позам она относилась с внешним спокойствием, не суетилась и не выражала мне благодарности — разве что разок улыбнулась.

Я проявил негативы и сделал несколько снимков. Взглянув на них и решив, что они ненамного хуже фотографий мисс Леон, я машинально засунул их в пачку с фотографиями, с которыми следующим утром собирался пробежаться по возможным клиентам.

В тот день я работал достаточно долго и поэтому порядком выдохся и разнервничался. Однако, не решился транжирить деньги на спиртное, чтобы расслабиться. Есть особенно не хотелось. И, кажется, тогда я пошел на дешевенький фильм.

Я совсем не думал о Девушке, только, может быть, слегка удивлялся, что, не имея в тот момент подружки, не приударил за ней. Внешне она принадлежала э-э-э... как бы это сказать, ну, к явно более доступному социальному слою, чем мисс Леон. Но с другой стороны, конечно, имелись всякого рода оправдания моего бездействия.

Утром следующего дня я приступил к поиску заказов. Сначала я отправился на пивоваренный завод Мюнша. Там требовалась «Девушка Мюнша». Папаша Мюнш испытывал ко мне своего рода привязанность, хоть и подшучивал над моими работами. Кстати, одаренный от природы, он хорошо разбирался в фотографии. Пятьдесят лет назад он мог бы быть одним из тех безденежных ребят, что стояли у истоков Голливуда.

Отыскал я его в цехе завода, где он занимался своим

любимым делом. Отставив покрытую капельками кружку и чмокнув губами, он вытер толстые руки о свой здоровенный фартук и сграбастал тонкую пачку моих фотографий.

Цокая языком, он добрался где-то до середины пачки и тут увидел ее. Я кусал себе локти от досады, что принес эту фотографию.

— Это она,— сказал вдруг папаша Мюнш.— Фотография так себе, но девушка мне нужна именно такая.

Дело было решенным. Хотел бы я знать сейчас, почему папаша Мюнш сразу же разглядел ее, а я нет. Думаю, причина в том, что я сначала увидел ее во плоти, если так можно выразиться.

А тогда при разговоре с ним мне просто стало плохо.

— Кто она? — поинтересовался папаша Мюнш.

— Так, одна из моих новых натурщиц,— ответил я, стараясь придать голосу оттенок непринужденности.

— Приведи ее сюда завтра утром,— распорядился он.— Да, и притащи свое барахло. Будем снимать здесь. Ну-ну, полно тебе, взбодрись,— добавил он.— Хлебни-ка пивка.

Шел я, значит, от него и думал, что папаша Мюнш обмишулился, что завтра она, скорее всего, сорвет из-за своей неопытности съемки и что — бог его знает, что еще может произойти.

Однако, когда я почтительно выложил фотографии поверх розовой папки на столе мистера Фитча из «Ловлибелт», ее фотография была первой.

Мистер Фитч, бывший кинокритик, откинулся на спинку стула, покосился в сторону, и, поманив длинным пальцем мисс Виллоу, сказал:

— Хм. Что вы думаете об этом, мисс Виллоу? Конечно, при таком освещении всего не ухватишь. Может нам попробовать «Чертенка Ловлибелт» вместо «Ангела». Н-да, девушка... Подойдите сюда, Биннз.— Опять движение пальцем.— Я хочу услышать мнение женатого мужчины.— Он не смог скрыть того, что попался на крючок.

Совершенно то же самое произошло и в «Будфорд'з пул» и в «Плейграунд», разве что Да Коста не потребовалось мнение женатого мужчины.

— Что надо,— сказал он, облизывая губы.— Ну, вы, ребята-фотографы, того — ого-го!

Обратно в мастерскую я несся, как на пожар. Там на столе я схватил листок бумаги, который давал ей, чтобы она оставила имя и адрес.

На нем ничего не было.

Стоит ли говорить, что последующие пять дней оказались, пожалуй, наихудшими из прожитых мною при обычных обстоятельствах. К утру следующего дня я так и не знал, где она, и начал тянуть резину.

— Она болеет,— сказал я папаше Мюншу по телефону.

— В больнице что ли? — удивился он.

— Все не так серьезно,— ответил я.

— Тогда тащи ее сюда. Что, головка побаливает?

— Извините, не могу.

У папаши Мюнша возникли подозрения.

— У тебя действительно есть эта девчонка?

— Конечно, есть.

— Ну, тогда не знаю. Если бы я не признал твою дрянную работу, принял бы ее за натурщицу из Нью-Йорка.

Я рассмеялся.

— Эй, послушай, давай тащи ее сюда ко мне завтра утром, понял?

— Попытаюсь.

— Нечего тут пытаться. Тащи сюда и все.

Он не догадывался, как я пытался. Я обегал все агентства по найму натурщиц и бюро по трудоустройству. Как заправский сыщик выяснял о ней в фото-и художественных мастерских. Потратил последние гроши на объявления во всех трех газетах. Просмотрел альбомы с фотографиями выпускников средних школ, просмотрел фотографии государственных служащих. Заглядывал в рестораны и закусочные — искал среди официанток, обегал магазинчики и универмаги — искал ее среди продавщиц. Осматривал толпы, выходящие из кинотеатров. Как зверь, рыскал по улицам города.

Вечерами я заглядывал на улицу проституток. Мне почему-то казалось, что я могу ее встретить там.

К вечеру пятого дня я понял, что обречен. Папаша Мюнш установил мне контрольный срок — уже не первый, но в этот раз последний — и он истекал в шесть часов вечера. Мистер Фитч от заказа уже отказался.

Сидя у окна мастерской, я смотрел на Ардлей-парк.

И тут появилась она.

Я так часто прокручивал у себя в мозгу эту сцену, что мне не составило труда притвориться. И даже слабое головокружение мне не помешало.

— Привет,— сказал я, почти не глядя в ее сторону.

— Привет,— ответила она.

— Еще не пропала охота?

— Нет,— в ее голосе не звучало ни вызова, ни стеснения. Просто констатация факта.

Я бросил взгляд на часы, поднялся на ноги и отрывисто произнес:

— Послушай меня, я дам тебе шанс. У меня есть клиент, которому нужна девушка приблизительно твоего типа. И если ты постараешься, то у тебя может появиться возможность стать профессиональной натурщицей. Если поспешим, то застанем его еще сегодня,— добавил я, складывая свое снаряжение.— Пошли. И кроме того, если хочешь пользоваться моей благосклонностью, не забудь оставить свой номер телефона.

— Ух, ух,— услышал я в ответ. Она как стояла, так и стояла.

— Что это значит? — спросил я.

— Я не собираюсь идти ни к какому твоему клиенту.

— Черт тебя подери,— выкрикнул я.— Ты что, придурочная?

Она медленно качнула головой.

— Ты меня не проведешь, малыш, никак не проведешь. Я им нужна,— и она улыбнулась мне во второй раз.

В тот момент я подумал, что она, вероятно, прочитала мои объявления в газетах. Сейчас я не столь в этом уверен.

— А сейчас я скажу тебе, как мы будем работать,— продолжила она.— Ты не узнаешь ни моего имени, ни адреса, ни номера телефона. Никто не узнает. И мы будем снимать только здесь. И только вдвоем: я и ты.

Вы можете себе представить, какой я тут поднял шум. Что я только ни делал — кричал, терпеливо объяснял, бесился, угрожал, снова умолял.

Я был готов надавать ей по физиономии, если бы она не представляла собой фотографический капитал.

В конце концов мне ничего не оставалось, как позвонить папаше Мюншу и изложить ему ее условия. Я понимал, что у меня не было ни шанса, однако позвонил.

В ответ я услышал возмущенный рев, троекратное «нет», после чего папаша Мюнш бросил трубку.

Ее это совершенно не обеспокоило.

— Начнем снимать завтра утром, в десять часов,— сказала она.

Избитые фразы из киножурналов были в ее вкусе.

Около полуночи мне позвонил папаша Мюнш.

— Не знаю, в каком сумасшедшем доме ты ее откопал,— сказал он,— но я согласен. Подходи ко мне завтра утром, и я попробую вдолбить тебе в голову, какие именно фотографии мне нужны. Да, кстати, я очень рад, что вытащил тебя из постели!

После этого положение начало выправляться. Даже мистер Фитч пересмотрел свое решение: два дня поупрямился, ссылаясь на полную невозможность принять такие условия, и все же принял их.

Конечно, сейчас вы все зачарованы Девушкой, и вам не понять, какого самоотречения потребовало от мистера Фитча согласие отказаться от руководства съемками моей натурщицы для своего журнала.

Утром следующего дня она пришла вовремя, как и обещала, и мы приступили к работе. Одно о ней скажу: она никогда не уставала и не возмущалась тем, как я дергаюсь, когда снимаю. Дело спорилось, и только вот ощущение того, что из меня что-то осторожно вытягивали, не пропадало. Может быть и вы испытывали нечто подобное, глядя на ее изображение.

Когда мы закончили съемку, оказалось, что существовали и другие правила. Было уже середина дня и я собрался спуститься с ней на улицу, чтобы где-нибудь перекусить.

— Ух, ух,— произнесла она.— Я спущусь одна. И послушай, малыш, если ты когда-нибудь попробуешь пойти за мной или хотя бы высунешь мне вслед голову из окна — ищи тогда себе другую натурщицу.

Вы можете себе представить, как весь этот идиотизм накалил мои нервы... и разбередил мое воображение. Помню: я открыл окно после ее ухода... сначала подождал несколько минут... а потом, стоя там и вдыхая свежий воздух, попытался понять, что за этим скрывалось — то ли она пряталась от полиции; то ли была избалованной дочкой чьих-то родителей; то ли она втемяшила себе в голову, что быть эксцентричной — модно; то ли, что вероятнее всего, папаша Мюнш оказался прав — она не совсем нормальная.

Но меня ждали мои фотографии.

Оглядываясь назад, просто диву даюсь, как быстро тогда ее чары начали завладевать городом. Вспоминая последующие события, я прихожу в ужас от того, что происходит со всей страной... а может быть, и миром. Вчера прочитал в «Тайм» что-то насчет того, что изображение Девушки появилось на рекламных щитах в Египте.

Оставшаяся часть моего рассказа поможет вам разобраться, почему я испытываю такой сильный, всеобъемлющий ужас. Но у меня еще есть теория, которая кое-что проясняет, хоть и касается одной из тех вещей, что находятся за «определенным пределом». Теория эта имеет отношение к Девушке, и сейчас я ее выдам вам в двух словах.

Вы знаете, как современная реклама заставляет всех людей плясать под свою дудочку. И вы знаете, что ныне психологи не столь скептически, как раньше, настроены по отношению к телепатии.

Добавьте сюда еще вот что. Предположим, что одинаковые желания миллионов людей сфокусировались на одном человеке с телепатическими способностями. Скажем, девушке, которую они сложили в своем воображении.

Представьте, что она знает самые потаенные неутоленные желания миллионов мужчин. Представьте, что она проникает в эти желания глубже, чем те, кто их испытывает; что она за похотью видит ненависть и желание смерти. Представьте, что она подгоняет себя под это целостное представление, одновременно оставаясь совершенно недоступной. Еще представьте неутоленные желания, которые, возможно, испытывает она в ответ...

...Однако, мы сильно уклонились от событий моего рассказа. А некоторые из них таковы, что им просто нельзя не верить. Как нельзя не верить деньгам. А мы делали деньги.

Помните, я собирался рассказать вам о ее странном отношении к деньгам. Так вот: я боялся, что она будет тянуть из меня как только сможет. Ведь она прижала меня к стенке своими условиями.

Но она не просила больше того, что ей полагалось по твердым расценкам. Позднее я заставил ее брать больше — целую кучу денег. Но она всегда принимала деньги с нескрываемым пренебрежением, как будто, выйдя из моего

дома, собиралась сразу же вышвырнуть их на ближайшей помойке. Что она возможно и делала.

В любом случае, у меня появились деньги. Впервые за многие месяцы мне хватало на то, чтобы напиться, купить новую одежду и проехаться на такси. Я мог приударить за любой девчонкой, какую бы ни пожелал. Только выбирай. И я, конечно же, шел и выбирал...

Но сначала давайте я вам расскажу о папаше Мюнше.

Папаша Мюнш не был первым, кто попытался познакомиться с моей моделью, но, мне кажется, он был первым, кто действительно свихнулся от нее. У него менялось выражение глаз, когда он разглядывал ее фотографии. Оно становилось сентиментальным, благоговейным. Мамаша Мюнш умерла два года назад.

Он все хитро придумал. Выудил у меня кое-какие сведения, которые позволили ему прикинуть время ее прихода на съемки, и вот как-то утром, с грохотом протопав по лестнице, он ввалился ко мне в мастерскую за несколько минут до ее появления.

— Мне надо ее видеть, Дейв,— сказал он.

Я спорил с ним, подшучивал, объяснял ему, что он просто не представляет себе, насколько серьезно она относится к своим идиотским условиям, особо напирая на то, что он нас своим приходом без ножа режет. И к моему крайнему удивлению, я даже раскричался на него.

Он отнесся ко всему в несвойственной для него манере. Только повторял без конца:

— Дейв, мне надо ее видеть.

Внизу хлопнула дверь.

— Это она,— сказал я, понижая голос.— Вам надо уйти отсюда.

Он не уступал, и мне пришлось затолкать его в проявочную.

— И тихо там,— прошептал я.— Я скажу ей, что не могу работать сегодня.

Я понимал, что он попытается посмотреть на нее и, вероятно, вырвется наружу, но мне ничего больше не оставалось делать.

Я услышал ее шаги на четвертом этаже. Но в дверь она не вошла. Мне стало не по себе.

— Выгони эту задницу оттуда! — вдруг выкрикнула она из-за двери. Негромко, своим самым обычным голосом.

— Я поднимусь этажом выше,— сказала она.— И если эта толстопузая задница сейчас же не выметется на улицу, то больше никогда не получит ни одной моей фотографии, разве что ту, где я буду плевать в его дерьмовое пиво.

Папаша Мюнш, побледневший, вышел из проявочной. Покидая мастерскую, он даже не взглянул в мою сторону. Больше в моем присутствии он не смотрел на ее фотографии.

Ну, хватит о папаше Мюнше. Теперь я расскажу о себе. Я поговаривал с ней на данную тему, намекал и даже пытался приобнять ее.

Она убрала мою руку так, будто это была мокрая тряпка.

— Нет, малыш,— сказала она.— Мы на работе.

— А потом...— упорствовал я.

— Правила остаются в силе,— и она одарила меня, кажется, пятой улыбкой.

Трудно поверить, но она никогда ни на йоту не отступала от своей идиотской линии поведения. Мне запрещалось приставать к ней в мастерской — наша работа очень важная, а она любила ее, и поэтому отвлекаться не следовало. В другом месте мы встретиться не могли, а если бы я попытался разыскать ее, то нашим съемкам пришел бы конец, а вместе с ними пришел бы конец и гонорарам, а я же не настолько глуп, чтобы считать, будто мое фотографическое мастерство имело хоть какое-то отношение к гонорарам.

Конечно, я не был бы мужиком, если бы не пробовал еще и еще. Но все мои приставания с презрением отвергались, и улыбок больше не было.

Я изменился. Я вроде как тронулся и чувствовал легкость в голове — иногда мне даже казалось: еще чуть-чуть и мозги мои выскочат наружу. Я все время ей что-то рассказывал. О себе.

Я как будто постоянно бредил, но работе это совершенно не мешало. Я не обращал внимания на головокружение. Оно казалось естественным.

Обычно стою, и вдруг на мгновение прожектор превращается в лист раскаленного добела железа, или тени начинают напоминать скопища моли, или камера превращается в огромный черный углевоз. Но в следующее мгновение все опять приходит в норму.

По-моему, иногда я ее до смерти боялся. Она мне каза-

лась самым ужасным человеком на свете. Но в остальное время...

И я говорил и говорил. Неважно, что я делал — подавал освещение, добивался позы, возился с аппаратурой или щелкал — неважно, где находилась она — на подставке, за ширмой, в кресле с журналом — я болтал без умолку.

Я рассказал ей все о себе. Рассказал о моей первой девушке. Рассказал о велосипеде моего братца Боба. Рассказал о том, как однажды сбежал из дома на товарняке и какую трепку мне задал отец, когда я вернулся. Рассказал о морском путешествии в Южную Америку и синем ночном небе. Рассказал о Бетти. Рассказал о матери, умершей от рака. Рассказал, как меня избили в драке в аллее за баром. Рассказал о Милдред. Рассказал о моей первой проданной фотографии. Рассказал о том, как выглядит Чикаго, если на него смотреть из парусной лодки. Рассказал о моем самом продолжительном запое. Рассказал о «Марш-Мейсон». Рассказал о Гвен. Рассказал о том, как познакомился с папашей Мюншем. Рассказал о том, как я разыскивал ее. Рассказал о том, что испытывал в тот момент.

Она никогда не обращала ни малейшего внимания на то, что я рассказывал. Я даже не был уверен, слышала ли она меня.

И вот, когда мы работали над нашими первыми заказами для центральных рекламных агентств, я решил проследить за ней.

Подождите, попробую более точно определить, когда. Что-то вы, наверняка, помните из центральных газет — те вроде как бы убийства, о которых я уже говорил. По-моему, шесть убийств.

Я говорю «вроде как бы» потому, что полиции так и не удалось доказать, что смерть во всех шести случаях наступила не в результате сердечных приступов. Естественно, возникают подозрения, когда здоровые люди умирают от сердечного приступа, тем более ночью, когда они одни и далеко от дома — и сразу возникает вопрос: а что они там делали.

Шесть смертей породили страх перед «таинственным отравителем». И впоследствии возникло ощущение, что убийства не прекратились в действительности, а совершались и совершались, но так, чтобы не вызывать столь явных подозрений.

Вот это-то и пугает меня сейчас.

Но тогда, решив проследовать за ней, я почувствовал только облегчение.

Я заставил ее как-то раз работать допоздна, пока не стемнело. В предлоге нужды не было: нас завалили заказами. Я подождал, пока хлопнет парадная дверь, и бегом слетел вниз по лестнице. На мне были ботинки с резиновой подошвой. Я надел темный плащ, в котором она меня никогда не видела, и темную шляпу.

Я постоял в дверном проеме, пока не разглядел ее. Она шла по Ардлей-парк в центр города. Стоял теплый осенний вечер. Я шел за ней по другой стороне улицы. Тем вечером я намеревался только выяснить, где она жила. Это дало бы мне зацепку.

Она остановилась перед витриной универмага Эверлея. Стоя там спиной к людскому потоку, она разглядывала витрину.

Я вспомнил, что мы по заказу универмага сделали большую фотографию, предназначенную для демонстрации дамского белья. Именно на эту фотографию она и смотрела.

Тогда мне показалось в порядке вещей, что она любуется сама собой, ведь это была ее работа.

Когда подходили люди, она чуть-чуть отворачивалась или отходила в тень. Затем подошел какой-то мужчина. Один. Я не очень хорошо разглядел его лицо, на вид он был средних лет. Остановившись, он тоже стал смотреть на витрину. Она вышла из тени и встала рядом с ним.

Как вы, ребятки, почувствуете себя, когда вот так вот разглядываете фотографию Девушки, и вдруг она оказывается рядом — ее рука в вашей? Реакция того мужика была ясна как божий день: для него сбылась сумасшедшая мечта. Они недолго поговорили. Затем остановили такси. Сели в него и уехали. В тот вечер я напился. Походило на то, что она как бы знала, что я следил за ней и избрала такой способ досадить мне. Может быть знала. И, может быть, пришел конец. Но утром следующего дня она появилась в обычное время, и я снова погрузился в бредовое состояние, только теперь к этому примешивалось нечто новое.

В тот вечер, когда я последовал за ней, она выбрала место под фонарным столбом напротив рекламных щитов с Девушкой Мюнша.

Сейчас мне страшно подумать о том, как она, притаив-

шись, ждала своего часа. Где-то минут через двадцать показался открытый автомобиль. Поравнявшись с ней, автомобиль притормозил, потом дал задний ход и остановился у обочины.

Я находился ближе, чем в прошлый раз. И хорошо разглядел лицо парня. Моего приблизительно возраста.

Утром следующего дня то же самое лицо смотрело на меня с первой страницы газеты. Машину обнаружили припаркованной в переулке. А его — в машине. Как и в других случаях — якобы убийство — причина смерти оставалась неясна.

В тот день в моей голове путались самые разные мысли. Но только пару вещей я знал наверняка — я получил первое по-настоящему серьезное предложение от одного центрального рекламного агентства, и, когда мы закончим работать, я возьму Девушку за руку и спущусь с ней вниз по лестнице.

Она не выказала удивления.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросила она.

— Да.

Она улыбнулась.

— Я все думала, когда ты сделаешь это.

Мне было хорошо. Я прощался со всем, но я держал ее под руку.

Осенний вечер выдался теплым. Мы прошли через улицу и оказались в парке. Там было темно, но по всему небу разлилось желтовато-розовое сияние рекламных огней.

Мы долго шли по парку. Она молчала и не смотрела на меня, но я видел, как у нее подергивались губы, и чуть спустя ее пальцы сжали мою руку.

Мы остановились. В траве. Она опустилась вниз и потянула меня за собой. Положила мне руки на плечи. Я смотрел ей сверху в лицо. На нем слегка играли желтовато-розовые блики рекламного зарева. Голодные глаза походили на темные кляксы.

Я возился с ее блузкой. Она убрала мою руку, но не так, как в мастерской.

— Я не хочу этого,— сказала она.

Сначала расскажу вам, что я сделал потом. Затем расскажу, почему. И наконец расскажу, что она мне сказала.

Что сделал я? Убежал. Я не помню всех подробностей — меня шатало, и розовое небо качалось над темными

деревьями. Но вскоре я доковылял до какой-то улицы. На следующий день я закрыл мастерскую. Потом, спустя месяцы, когда, вернувшись, я открыл дверь, звонил телефон и на полу валялись нераспечатанные письма. Более Девушку я во плоти, если я правильно выражаюсь, не видел.

Я убежал, потому что не хотел умирать. Я не хотел, чтобы из меня вынули жизнь. Вампиры ведь бывают разные, и те, что сосут кровь, не самые худшие. Если бы не предостережение в виде приступов головокружения, если бы не случай с папашей Мюншем и если бы я не наткнулся на фотографию того парня в утренней газете, меня ожидала бы та же участь, что и других. Но до меня дошло, что могло произойти, пока еще оставалось время вырваться из ее сетей. До меня дошло, что откуда бы она ни была родом и чьим бы творением она ни была, она — квинтэссенция ужаса позади яркой рекламы. Она — улыбка, выманивающая твои деньги и твою жизнь. Она — глаза, без конца соблазняющие тебя, а затем показывающие тебе смерть. Она — существо, которому ты отдаешь все, ничего не получая взамен. Она — существо, которое забирает все, ничего не отдавая. Вспомните мои слова, когда вас потянет к ее изображению на рекламных щитах. Она — приманка. Она — наживка. Она — Девушка.

А вот что она сказала: «Хочу тебя. Хочу все лучшее в тебе. Хочу все, что делает тебя счастливым и несчастным. Хочу твою первую девушку. Хочу тот блестящий велосипед. Хочу ту взбучку, что устроил тебе отец. Хочу твою камеру. Хочу ноги Бетти. Хочу синее небо, усыпанное звездами. Хочу смерть твоей матери. Хочу твою кровь на булыжной аллее. Хочу губы Милдред. Хочу твою первую проданную фотографию. Хочу огни Чикаго. Хочу джин. Хочу руки Гвен. Хочу, чтобы ты хотел меня. Хочу твою жизнь. Насыть меня, малыш, насыть меня».

Деннис Уитли

ЗМЕЯ

Хотя Карстерз и жил по соседству со мной, я его, конечно, почти не знал — он лишь недавно поселился в наших местах. От него несколько раз поступали приглашения зайти в гости, но мне каждый раз что-нибудь да мешало откликнуться на них. Вот и тогда — в конце недели — на мою голову объявился некто по имени Джексон.

Инженер по специальности, он приехал из Южной Америки с отчетом об одной шахте, к которой проявляла интерес моя фирма. Будучи в целом совершенно разными людьми, мы быстро исчерпали общие темы для разговора, и наше дальнейшее общение стало принимать натужный характер. Поэтому в воскресенье вечером мне захотелось сменить обстановку, и я подумал, почему бы не взять Джексона и не заглянуть вместе с ним к Карстерзу.

Карстерз весьма обрадовался нашему приходу: он жил совершенно один, не считая слуг. Было немного странно, зачем ему понадобился такой громадный дом, а впрочем, каждый волен поступать как ему заблагорассудится. Он пригласил нас в дом и усадил в удобные кресла.

Стоял один из тех безветренных летних вечеров, когда через открытые окна доносится аромат цветов и отовсюду веет таким спокойствием, что мысль о предстоящем возвращении в город начинает восприниматься отвратительным и бессмысленным бредом.

Насколько я понял, правда смутно, Карстерз нажил свое состояние на горном деле, но вот когда и где — осталось для меня загадкой. Как бы то ни было, вскоре и он и

Джексон с головой углубились в обсуждение технических вопросов. Я никогда в подобных вещах не разбирался и поэтому довольствовался ролью слушателя, потягивая напитки в тиши напоенного ароматами вечера; в глубине сада среди деревьев во всю мочь заливался соловушка, призывая свою подружку.

А началось все с летучей мыши; вы знаете, как летними вечерами они залетают через открытые окна — залетают совершенно бесшумно, незаметно для вас. И вы потом с газетой в руках и с беспомощностью идиота носитесь за ними, а они то здесь, то там — то там, то здесь. Конечно, мерзкие твари, но в сущности безобидные, и поэтому меня удивил ужас, охвативший Карстерза. Чтобы такой здоровый и крупный мужчина так сильно испугался? В жизни своей ничего подобного не видел.

— Выгоните ее! — завопил он.— Выгоните ее,— и спрятал свою лысую голову под диванными подушками.

Кажется, рассмеявшись, я посоветовал ему не волноваться — мол, все в порядке, и выключил свет.

Летучая мышь разок-другой перелетела зигзагом со стенки на стенку и выпорхнула в окно столь же бесшумно, как и впорхнула.

Когда Карстерз выглянул из-под подушек, его крупное лицо, в обычном состоянии багрового цвета, напоминало беленое полотно.

— Она улетела? — спросил он испуганным шепотом.

— Конечно, улетела,— уверил я его.— Неужто вы всерьез испугались, столько шуму наделали, как будто сам дьявол вам явился.

— Может быть, и дьявол,— заметил Карстерз серьезно. Пока он поднимался и усаживался, я обратил внимание на его выпученные глаза; меня подмывало засмеяться, но я удержался: он явно трусил.

— Закройте окна,— распорядился он резко, а сам взял бутылку виски и приготовил себе довольно-таки крепкий напиток. Казалось бы грех закрывать окна в такую ночь, но дом принадлежал ему, и поэтому Джексон исполнил его распоряжение. Потом, когда мы снова расселись по своим местам, Карстерз с неохотой извинился за устроенную им сцену.

При данных обстоятельствах разговор, естественно,

зашел о колдовстве и тому подобном. Джексон сказал, что в лесах Бразилии он слышал несколько довольно странных историй, но на меня это не произвело впечатления, потому что несмотря на свою чисто английскую фамилию, он сам сильно походил на полукровку, а даго всегда верят в подобные вещи.

С Карстерзом, британцем до мозга костей, дело обстояло иначе, и когда он меня серьезно спросил, верю ли я в черную магию, то я не засмеялся и насколько мог серьезно ответил, что нет.

— Вы глубоко заблуждаетесь,— заявил он твердо,— и вот что я вам скажу: если бы не черная магия, мы бы не сидели сейчас вместе.

— Вы шутите,— запротестовал я.

— Нет,— сказал Карстерз,— тринадцать лет я скитался на своих двоих по Южно-Африканскому Союзу, «бедный белый», если вы понимаете значение этого определения. Ну а не знаете... то как бы вам получше объяснить — это ад на земле. Одна работа хуже другой, и денег едва хватает на пропитание, а когда нет работы, то и жить не на что, и поэтому ради выпивки и куска мяса идешь на любое унижение, якшаешься с черными. Нет ни единого шанса выбиться в люди, и я так полагаю, что быть бы мне до сих пор презираемым всеми, и черными, и белыми,— не столкнись я с черной магией и не принеси мне знакомство с ней большие деньги. Появились деньги, и я занялся делом. Прошло с тех пор двадцать два года, ныне я богат и вернулся домой на покой.

Карстерз, очевидно, вкладывал серьезный смысл в каждое сказанное им слово, и, должен сознаться, его слова подействовали на меня. Он не походил на неврастеника — типичный англо-сакс весом с центнер; с таким нестрашно и в переделку попасть. Вот почему я удивился, когда летучая мышь так его напугала.

— Мне трудно в это поверить,— признался я,— но может быть причина здесь в том, что я никогда ни с чем подобным не сталкивался. Рассказали бы нам об этом поподробнее.

Какое-то мгновение Карстерз пристально смотрел на меня своими круглыми голубыми глазами.

— Хорошо,— сказал он,— если вам угодно. Налейте себе еще выпить, и ваш приятель пусть тоже угощается.

Мы наполнили наши стаканы, и он приступил к своему рассказу:

«Я тут обмолвился, что летучая мышь может быть дьяволом во плоти, но по сути дела вкладывал в свои слова несколько иной смысл. Может быть, есть люди, которые способны вызывать дьявола — не знаю, в любом случае, не видел, как это происходит; но есть сила, которая, как бы выразиться, пронизывает атмосферу и распространяет зло по миру, а некоторые виды животных, похоже, восприимчивы к нему — они улавливают его в эфире наподобие того, как улавливает сигналы радиоприемник.

Возьмите кошек — жуткие твари; посмотрите, как они видят в темноте; но они способны и на большее — они могут видеть то, чего мы не воспринимаем среди бела дня. Вы должно быть уже не раз наблюдали, как они осторожно ходят вокруг какого-то предмета, которого, на наш взгляд, в комнате просто нет.

Кошки, конечно, довольно безобидны сами по себе, и беда приходит тогда, когда по чьей-то недоброй воле они превращаются в орудие зла. Впрочем, это я так, к слову. Стало быть, тринадцать лет мне пришлось провести в скитаниях по Южно-Африканскому Союзу, правда, тогда он назывался по-другому. Я обошел всю страну от Дурбана до Дамараланда, от реки Оранжевой до Матабеле. Чем я только не занимался — выращивал фрукты, работал на шахте и в магазине, водил повозки и служил клерком. Брался за любую работу, которую мне предлагали, но добра не нажил — с таким же успехом мог бы все это время в тюрьме отсидеть.

До сих пор я так для себя и не решил, кто, как хозяин, более суров — набожный голландец с елейным голоском или пропитавшийся запахом виски южноафриканский шотландец.

Наконец я забрался в Свазиленд; это на границе с Португальской Восточной Африкой, неподалеку от Лоренсу-Маркиш и Делагоа-бей. Место прекраснейшее — просто мечта. Сейчас его превратили в резервацию для коренного населения, а тогда там жила горстка белых поселенцев, разбросанных по всей стране.

Как бы то ни было, но именно там — в одном из кабаков Мбабане — и произошло мое знакомство с Бенни Исааксоном, и он предложил мне работу. Не имея ни гроша в кармане, я согласился, хотя он и выглядел крутым

нарнем — редко встретишь такой подарок: телосложение покрупнее моего, багровая физиономия, сальные черные кудри, здоровенный нос крючком и бегающие злые, бессовестные глаза. Со слов Бенни я понял, что нанятый им кладовщик внезапно скончался, а интонации в его голосе, когда он рассказывал о смерти кладовщика, заставили меня задуматься о том, что же в действительности произошло с тем человеком.

Но выбирать не приходилось: или Бенни, или иди подбирай объедки за туземцами; и поэтому я без колебаний последовал за ним. От отвел меня за много миль на север страны в свою знаменитую лавку — где кроме двух банок сардин да дохлой крысы ничего, пожалуй, и не было. Очень скоро, конечно, до меня дошло, что честной торговлей там и не пахло. Не сомневаюсь, что, приглядевшись ко мне, Бенни решил, что я человек не щепетильный. Мне хватило осторожности не проявлять излишнего любопытства, памятуя о том, что, видимо, это послужило причиной смерти моего предшественника.

Прошло немного времени, и Бенни, похоже, утвердился в своем мнении обо мне: он особенно не старался скрывать свои делишки. Он занимался немного контрабандой оружием и широко — контрабандой спиртным, доставляя эти товары из Португальской Восточной Африки. Среди наших покупателей были, конечно, только черные — за исключением Ребекки, жены Бенни, на расстоянии одного дня пути от нас нельзя было встретить ни одного белого.

Я вел его книги — сплошь подложные, конечно. Жженый сахар означал два муляжа пуль из пяти, а обычный сахар — три из пяти. Помнится, муляжи изготавливались из картона и красились под цвет свинца — патроны так обходились дешевле! Как бы то ни было, Бенни отлично разбирался в своем бухгалтерском коде.

В целом, он относился ко мне неплохо. Однажды жарким вечером, вскоре после моего прибытия, мы повздорили, и он уложил меня на пол одним ударом своего огромного, багрового кулачища. Впоследствии, когда меня начинал накрывать псих — а такое случалось, когда я видел, как он обращался с этими черномазыми — я взял за правило уходить куда-нибудь, чтобы немного успокоиться. Я сам далеко не паинька, но меня возмущало то, что он с ними вытворял.

Оказавшись в деле, я выяснил, что Бенни не ограничи-

вался контрабандой оружием и спиртным. Он еще занимался ростовщичеством, и именно тут он зарвался и столкнулся с черной магией. О начале деловых отношений Бенни со знахарем Умтонга мне ничего не известно. Время от времени старый язычник появлялся у нас, весь увешанный ракушками и бусами из зубов леопарда, и Бенни принимал его по всей форме. Потом они часами сидели и пили стаканами чистый спирт, пока, наконец, Умтонга, мертвецки пьяного, не уносили его люди. Старый негодяй продавал лишних девственниц своего племени Бенни, а тот сбывал их в Португальской Восточной Африке вместе с женами тех бедолаг, которые, оказавшись у него в лапах, не могли выплатить процент по своим долгам.

Беда случилась где-то месяцев через девять после того, как я поселился у Бенни. Умтонга, можно сказать, любил сорить деньгами, и, когда в его племени стал ощущаться недостаток девственниц он начал одалживать деньги и, в конце-концов, оказалось, что платить ему нечем. Его встречи с Бенни потеряли обычную веселость — теперь он уходил трезвым, потрясая своей большой черной палкой.

Угрозы на Бенни не действовали. Его и раньше пугали, и поэтому он посоветовал Умтонга продать нескольких своих жен, чтобы рассчитаться с долгами.

Я никогда не присутствовал на их встречах, но кое-что все-таки уловил из того, что Бенни говорил в наиболее острые моменты их споров, и, кроме того, я в достаточной степени знал свази, чтобы понять суть высказываний Умтонга, которые он, уходя, выкрикивал на ступеньках крыльца.

Однажды Умтонга пришел с тремя женщинами — похоже, эквивалентом первоначального долга — но у Бенни существовала своя система получения денег, которые он давал взаймы. Выплатить основную сумму долга было совершенно недостаточно — чем дальше отсрочивались платежи, тем больше становился процент. Поэтому в возмещение долга от Умтонга требовались уже тридцать женщин, причем женщин стóящих.

Старый знахарь выглядел спокойным и невозмутимым; он пришел не как обычно, а вечером, и задержался у нас не дольше двадцати минут. Через тонкие стены я услышал бóльшую часть их разговора — старик предложил Бенни на выбор: или трех женщин или смерть до наступления рассвета.

Будь Бенни поумнее, он взял бы женщин, но как раз ума-то ему и не хватило. Он сказал, чтобы Умтонга убирался к дьяволу, и Умтонга пошел.

Люди знахаря, числом около десятка, ожидали его снаружи, и старик начал колдовать. Они дали ему двух петухов — черного и белого, и Умтонга, усевшись у крыльца, умертвил их странным образом.

Он тщательно обследовал их печень, а затем, сидя на корточках, закачался взад-вперед и старческим трескучим голосом загнусавил какую-то жуткую, монотонную песню. Остальные попадали ничком наземь и, по-змеиному извиваясь, поползли один за другим вокруг него. Так они ползали приблизительно полчаса, и затем старый колдун начал танцевать. До сих пор помню, как вокруг него развивался пояс из обезьяньих хвостов, пока он скакал и вертелся волчком. Глядя на этого худого старого дикаря вы бы никогда не поверили, что ему достанет сил так танцевать.

Затем, совершенно внезапно, с ним как будто случился припадок — он застыл как изваяние и плашмя грохнулся оземь. Он упал лицом вниз и, когда туземцы перевернули его на спину, мы увидели, что изо рта у него шла пена.

Вы знаете, как практически мгновенно на тропики спускается ночь. Умтонга приступил к своим заклинаниям, когда еще было светло, и заклинал он не так долго, но к тому времени, когда он закончил, стало темно, хоть глаз выколи, и только Южный Крест и Млечный Путь освещали спрятавшийся мир.

В тех местах большинство людей все еще живет по природным часам. Мы поужинали — Ребекка, Бенни и я; Бенни выглядел несколько озабоченным, но не более озабоченным, чем выглядел бы я, при данных обстоятельствах. Потом он, как обычно, пошел в контору, чтобы подсчитать дневной доход, а я отправился спать.

Около двух часов ночи меня разбудила его жена. Похоже, она задремала, а, пробудившись, обнаружила, что Бенни не пришел спать.

Мы прошли через всю хибару в контору и там увидели его — глаза широко раскрыты и неподвижны, руки вцепились в подлокотники стула, и сам он весь как будто от чего-то съежился. Смотреть на него и так никогда не доставляло особого удовольствия, а тут еще на почерневшем лице запечатлелся какой-то звериный ужас; и не было сомнения, что умер он несколько часов назад.

Ребекка покрыла голову своими юбками и завыла так, что, казалось, дом развалится. Выпроводив ее из конторы, я попытался выяснить, что послужило причиной смерти Бенни Исааксона. В те дни я напоминал вас — даже на мгновение не мог поверить, что старый беззубый дурак Умтонга способен убить на расстоянии.

Я тщательно осмотрел комнату, но ни следов взлома, ни следов чьего-либо присутствия не обнаружил. Я еще раз, но уже более внимательно, оглядел Бенни — мне показалось, что он умер от апоплексического удара или в результате какого-нибудь приступа. Но почему? Он что-то увидел, и, должно быть, это что-то было довольно мерзким.

Тогда я еще не знал, что через неделю-другую сам увижу то же самое.

На следующий день Бенни похоронили; устроили самые простые поминки — женщины скорбели, а мужчины получили бесплатную выпивку; мне так показалось, что к нам пол-Африки заглянуло — вы знаете, как загадочно новости расходятся среди черных.

Умтонга тоже пришел на поминки, при этом лицо его не выражало ни радости, ни сожаления — он просто стоял и смотрел. Я не знал, как мне следует поступить. Единственная улика против него — это вечерняя тарабарщина, и ни один нормальный европеец не посчитает это доказательством его причастности к убийству. Я склонялся к мысли, что случившееся — результат невероятного совпадения.

После поминок Умтонга подошел ко мне.

— Почему вы не убивать слуг, чтобы они сопровождать Большой Хозяин перед троном Великого Духа? — поинтересовался он.

Я объяснил, что одной смерти в доме и так больше, чем достаточно. Затем Умтонга потребовал свою палку, которую, по его словам, забыл в конторе Бенни вчера вечером.

Как вы можете себе представить, говорил я с ним довольно резко, но в дом за палкой все же пошел. Я ее хорошо знал, столь же хорошо, как свою расческу.

Там на полу она и лежала — четырехфутовая палка, по форме напоминавшая змею. Полагаю, вы видели такие, только для европейцев их делают покороче. Вырезают их из твердых пород дерева: змеиная голова — это ручка, а хвост — наконечник. Между ручкой и наконечником от пяти до двенадцати изгибов, а вдоль всей длины делают

зарубки, так что создается впечатление змеиной чешуи. У Умтонга палка была отличная — довольно тонкая, но тяжелая, как будто сделана из свинца. Черного цвета и, по-моему, из эбонитового дерева. Она совершенно не гнулась, но ее можно было бы с успехом использовать в качестве оружия. Подняв палку с пола, я без единого слова передал ее Умтонга.

Дней десять он больше не появлялся. Прекратив выть, Ребекка приступила к делам. Бенни, видимо, посвящал ее в курс большей части сделок, насколько считал это необходимым, и поэтому, как выяснилось, она достаточно хорошо владела ситуацией. Мы договорились, что я останусь при ней в качестве своего рода управляющего. Чуть позже встал вопрос об Умтонга. Я полагал, что процент чрезмерно завышен, а старик мог действительно представлять опасность. Но она и слышать ничего не хотела, а когда я предложил и вовсе забыть о проценте, тут ее надо было видеть — могло показаться, что я пытаюсь отобрать у нее последнюю рубашку. Так свирепо глянула она на меня.

— Ты здесь при чем? — завопила она.— Мне нужны деньги, мне надо думать о моем... э-э... моем будущем. Пошли за ним мальчишку, а когда он придет, заставь его заплатить.

Мне оставалось только согласиться. Кое в чем старая мегера была похлеще Бенни. Утром следующего дня я послал мальчишку за Умтонга, и через сутки он явился.

Я пригласил его в контору Бенни; свита осталась ждать снаружи. Усевшись на стул Бенни — тот самый, на котором он нашел свою смерть,— я сразу перешел к сути дела.

Несколько минут Умтонга сидел и просто разглядывал меня — покрытое морщинами лицо старика напоминало сморщенный, сгнивший плод. Его круглые черные глаза светились каким-то странным, зловещим огнем. Наконец, медленно подбирая слова, он произнес:

— Ты очень смелый молодой Хозяин.

— Нет, просто деловой человек и не более того,— ответил я.

— Ты знать, что случиться со старый Хозяин — он умереть. Ты хотеть уже идти к Великий Дух?

В его пристальном взгляде ощущалась какая-то злобная сила: я чувствовал сильнейшее замешательство, но не уступал своему чувству. И потребовал от него все-таки

заплатить долги — наличными или эквивалентным товаром.

— Ты забыть дела с Умтонга? — спросил он.— Ты иметь много хороших дел с другими человеками. Не забывать, Умтонга умеёт колдовать — ты умирать.

Но я представлял не свои интересы, а интересы старухи. Даже если бы я и хотел, то поделать ничего не мог, и поэтому Умтонга получил от меня тот единственный ответ, который когда-то ему дал Бенни.

Показав ему ружье Бенни, я предупредил, что буду стрелять, не раздумывая, в случае каких-нибудь козней. В ответ старик только презрительно улыбнулся — более презрительную улыбку редко увидишь на человеческом лице. С этим он вышел из конторы к своим телохранителям. Затем они проделали ту же самую абракадабру с черным и белым петухами; наползались, извиваясь по-змеиному, на животах, а старик натанцевался до еще одного припадка, и его унесли прочь.

Тем временем спустилась ночь, и на душе у меня кошки скребли. Я вспомнил багровое лицо Бенни и его застывшие глаза. Поужинав со старой каргой, я прошел в контору. Выпить я не дурак, но в ту ночь отказался от спиртного, намереваясь сохранить полную трезвость ума и ясность рассудка.

Я полагал, что кто-то из людей Умтонга сделал что-нибудь с Бенни: может, подсыпал ему яду в выпивку.

Тщательно, сантиметр за сантиметром, осмотрев контору, я убедился, что даже мартышка там не спряталась бы. Затем, плотно закрыв окна, я приставил к каждому из них по стулу, наклонив их таким образом, чтобы никто не мог забраться внутрь, не опрокинув стулья. И если бы я задремал, то шум от опрокинутых стульев разбудил бы меня. Выключив свет, чтобы не стать мишенью для стрелы или копья, я уселся ждать.

Не дай бог, чтобы та ночь повторилась снова; вы знаете, как в темноте мерещится всякая всячина, поэтому вряд ли стоит пересказывать, чего мне только не примерещилось за несколько часов.

Слабые звуки, доносившиеся из вельда, казалось, исходили от подкрадывающегося врага — и раз пять я, едва не сорвавшись от нервного напряжения, собирался пальнуть в причудливо изменявшиеся формы ночных теней; но в те

дни я был довольно крепким парнем, и мне удалось совладать с собой.

Около одиннадцати часов появилась луна — казалось бы, станет полегче, но куда там. Разве что страха добавила — вот и все. Вы знаете, какой жутью иногда веет от лунного света — он какой-то неестественный — и я верю многому из того, что говорится о Луне как носительнице зла. Беззвучный и зловещий свет проникал внутрь через жалюзи и рядами ярких полос падал на пол. Я пересчитывал и пересчитывал эти полосы, как будто зачарованный холодным, жутким светом. Но, встряхнувшись, мне удалось собраться.

Затем я заметил, что со столом передо мной произошли какие-то изменения. Какие — никак не шло в голову, но что-то, совсем недавно находившееся там, отсутствовало.

Вдруг я понял, что произошло, и мои ладони покрылись липким потом. Умтонга опять забыл свою палку — при осмотре конторы я поднял ее с пола и приставил к столешнице; последние три часа в полумраке комнаты мне была видна ее верхняя часть — палка стояла прямо и неподвижно — а тут, на тебе, исчезла.

Упасть она не могла — иначе я бы услышал. Глаза от напряжения заныли, и в голову пришла странная мысль: а что, если эта палка и не палка вовсе?

И тут я заметил ее: прямая и неподвижная, она лежала в лунном свете — все те же восемь или десять волнистых изгибов, что я десятки раз уже видел раньше; значит, мне, видимо, приснилось, что я приставил палку к столу, а она, должно быть, так все время и лежала на полу; но все-таки в глубине души я понимал, что дурачу сам себя — палка сдвинулась самостоятельно.

Глазами я не терял ее из виду и, сдерживая дыхание, пытался разглядеть, не шевелится ли она, но при этом так напрягался, что уверенности в своих наблюдениях не ощущал. Яркие полосы лунного света на полу начали мелко подрагивать, и я понял, что зрение подводит меня, поэтому на секунду зажмурил глаза, а когда открыл их, увидел: змея подняла голову.

Майка липла к телу, и пот ручьями стекал по лицу. Я понял, что убило старину Бенни, а также понял, почему у него почернело лицо. Палка Умтонга была никакой не палкой, а самой смертоносной змеей во всей Африке —

быстрой как молния, способной обогнать скачущую галопом лошадь и убить ее наездника, настолько ядовитой, что после ее укуса тело деревенело в течение четырех минут. Итак, я столкнулся с черной мамбой.

Я схватился за револьвер, но затея мне показалась глупой и никчемной — ни одного шанса из ста, что попаду в нее. Вот если бы дробовик был под рукой, тогда бы мне еще, может быть, удалось отстрелить ей голову, но мы не держали ружья в конторе, да к тому же я, как идиот, сам себя запер.

Тварь опять пошевелилась, неторопливым, скользящим движением подтянула хвост. Сомневаться уже больше не приходилось: Умтонга был непревзойденным заклинателем змей и оставил эту мерзкую тварь совершить за него черное дело.

Я сидел в оцепенении — как в свое время, должно быть, сидел и бедный Бенни — и пытался прикинуть, что же, черт возьми, сделать, чтобы спастись, но голова просто отказывалась соображать.

Меня спас случай. Когда змея приподнялась для удара, я, пытаясь встать на ноги, поскользнулся, опрокинул плетеную корзину для мусора, и тварь метнулась не в мою сторону, а в сторону корзины. Раздался оглушительный удар, напоминавший удар молотом или лягание мула. Голова змеи проскочила сквозь плетение и там застряла — обратно никак не могла вылезти.

К счастью, в тот день я, разбирая ящики стола, выбросил в корзину целую кучу образцов кварцевой породы — они заполнили корзину на треть и прилично весили; правда, несколько образцов вывалились, когда корзина опрокинулась, но оставшихся хватало, чтобы удерживать змею на месте.

Змея металась как гигантский хлыст, но высвободить голову ей не удавалось, а я не терял не секунды — бросился швырять бухгалтерские книги ей на хвост. Итак, с мамбой я разобрался — придавил ее к полу, причем времени у меня ушло на это раза в два меньше, чем у вас на то, чтобы прогнать летучую мышь.

Затем снова взялся за револьвер. «А сейчас, моя красавица,— подумал я,— когда ты у меня в руках, я эдак спокойненько отстрелю тебе голову, а из твоей шкуры закажу себе пару отличных ботинок».

Я опустился на колени и прицелился, змея дважды

злобно метнулась в мою сторону, но не дотянула до меня сантиметров тридцать и только лишь пошевелила корзину.

Я с полуметра целился ей в голову, но тут произошла очень странная вещь — именно с того момента и началось действие черной магии.

В освещенной лунным светом комнате надо мной сомкнулась тьма, зловещий свет погас, голова змеи пропала из виду, стены как будто раздвинулись, и в ноздри мне ударил характерный для туземцев едкий запах.

Я понял, что оказался в хижине Умтонга, и там, где только что лежала змея, увидел Умтонга — он спал, ну, если хотите, находился в трансе. Голова Умтонга в соответствии с местными обычаями покоилась на животе одной из жен, и я протянул ему руку в знак приветствия. Мне показалось, что, хотя там ничего не было, рука до чего-то дотронулась, и я с ужасом ощутил, что держусь за корзину со змеей.

По телу пробежала дрожь, от исходившего от меня электричества волосы встали дыбом. Громадным усилием воли мне удалось отдернуть руку назад. Умтонга дернулся во сне — послышался глухой звук, и я понял, что змея ударила в то место, где мгновение назад находилась моя рука.

Полуобезумевший и дрожащий от страха, так что зуб на зуб не попадал, я вдруг ощутил на себе ровное дыхание ледяного ветра. Меня затрясло от дикого холода, хотя в действительности стояла жаркая, безветренная ночь. Ветер, исходивший из ноздрей Умтонга, обрушивался на меня со всей силой — от пронизывающего холода я оцепенел на месте и тут почувствовал, что еще секунда и свалюсь на змею.

Я сконцентрировал всю свою волю на руке, удерживавшей пистолет — змею не было видно, но мои глаза как будто впились в лоб Умтонга. Если бы только мой закоченевший палец мог нажать на курок... я приложил невероятное усилие, и тут произошла очень странная вещь.

Умтонга во сне заговорил со мной, но не словами, как вы понимаете, а как дух разговаривает с духом. Он ворочался, стонал и изгибался на своем ложе. На лбу и тощей шее обильно выступил пот. Я видел его так же ясно, как вижу сейчас вас — он просил меня не убивать его, и глубокой беззвучной ночью, когда пространство и время перестали существовать, я понял, что змея и Умтонга составляли единое целое.

Убив змею, я убил бы Умтонга. Каким-то невероятным образом он подчинил себе силы зла, и поэтому, когда он впадал в транс по окончании заклинаний, его злой дух переходил в тело ужасной твари.

Полагаю, мне следовало бы убить змею и таким образом Умтонга. Но, как говорится, в момент смерти перед глазами тонущего человека проходит вся его жизнь. Так и я увидел свою собственную жизнь. Сценка за сценкой — все тринадцать лет разочарований и ошибок — пронеслись передо мной, но я увидел и еще кое-что.

Я увидел чистую, аккуратную контору в Йоханнесбурге, себя, сидящим там в приличном костюме. Здание представилось так отчетливо, как будто я смотрел на него, стоя рядом на тротуаре, хотя никогда прежде я его не видел. Кроме того, я увидел и другие вещи.

В тот момент Умтонга оказался в моей власти, и я совершенно ясно услышал его слова: «Все это я дам тебе... если только ты сохранишь мне жизнь».Затем черты Умтонга постепенно расплылись, тьма расступилась, и я снова увидел лунный свет, проникавший через жалюзи на окнах конторы,.... и голову мамбы.

Положив револьвер в карман, отперев дверь и снова заперев ее за собой, я отправился спать.

Я заснул как после десятидневного перехода — настолько чувствовал себя измотанным; проснулся поздно, но все случившееся ночью помнил четко — знал, что мне это не приснилось. Зарядив дробовик, я направился прямо в контору.

Змея все еще лежала около стола — голова зажата внутри корзины, а тело придавлено к полу тяжелыми бухгалтерскими книгами. Однако, она, вроде бы, выпрямилась и приняла обычную форму, и, когда я слегка постучал по ней рукояткой револьвера, сохранила абсолютную неподвижность. Мне никак не верилось, что это всего лишь безобидный кусок хорошо отполированного дерева, и зная, что в нем заключена скрытая, отвратительная жизнь, я вел себя осторожно и больше к ней не прикасался.

Несколько позже появился Умтонга — я как чувствовал, что он обязательно придет. Он как-то сгорбился и одряхлел. Говорил мало, и снова о долге — спросил, не прощу ли я часть долга; сказал, что мог бы заплатить сполна, но это разорило бы его; сказал, что продажа собственных жен означала бы потерю авторитета у племени.

Я объяснил ему, что его долг не имел ко мне никакого отношения, что он являлся должником Ребекки, так как после смерти Бенни к ней отошло все хозяйство.

Его, похоже, удивили мои слова: туземцы не одобряют, когда женщины владеют собственностью. Он считал, что хозяйство принадлежало мне и что в отношении Ребекки моя единственная обязанность заключалась в том, чтобы кормить ее, пока она жива.

Затем он поинтересовался, помог бы я ему, если бы распоряжался сам. Я ответил, что вымогательство не моя стихия. Ответ его, кажется, удовлетворил. Подобрав своего ужасного приятеля, и больше не сказав ни слова, он, тяжело ступая, вышел из комнаты.

На следующей неделе мне пришлось отправиться в Мбабане за товаром. Отсутствовал я пару дней, а когда вернулся, узнал, что Ребекка умерла и ее уже похоронили. Мальчишки-слуги рассказали мне, что произошло. Вечером, когда я уехал, Умтонга встретился с Ребеккой. Он опять колдовал у крыльца, а утром обнаружили ее почерневший труп. Я спросил, не оставлял ли Умтонга свою палку, хотя заранее знал ответ: «Да, он пришел за ней на следующее утро».

Я начал разбираться с делами Бенни. Облазил всю хибару вдоль и поперек — Бенни не доверял банкам и хранил деньги в тайнике. Но вот где? Мне потребовалось целых три недели, чтобы найти его кубышку. Кроме того, я провернул оставшиеся дела, и в итоге у меня на руках оказалось десять тысяч. С тех пор я превратил их в сто тысяч, и теперь вам, должно быть, стало понятно, почему именно благодаря черной магии мы сегодня сидим здесь вместе».

Когда Карстерз подходил к концу своего рассказа, что-то заставило меня повернуться и посмотреть на Джексона. Тот пристально смотрел на хозяина дома — темные глаза на желтом лице горели свирепым огнем.

— Вас зовут не Карстерз,— вдруг выкрикнул он резким голосом.— Вас зовут Томпсон, а меня Исааксон. Я тот ребенок, которого вы обобрали и бросили на произвол судьбы.

Прежде чем я полностью осознал значение его слов, Джексон вскочил на ноги, и, вонзив блестящее лезвие ножа в грудь Карстерза, завопил:

— Ты, чудовище... ты заплатил тому дьяволу, чтобы он убил мою мать.

Г. П. Ловкрафт

НАСЛЕДСТВО ПИБОДИ

Я никогда не встречался с моим прадедом Асафом Пибоди, хотя мне и было уже пять лет, когда он умер в своем огромном старинном поместье, расположенном к северо-востоку от города Вилбрахам, что в Штате Массачусетс. Память хранит детские воспоминания о том, как однажды, когда смертельная болезнь приковала старика к постели, родители взяли меня туда с собой. По приезде отец с матерью поднялись к нему в спальню, а меня оставили внизу с нянькой, и я его так и не увидел. Он слыл богачом, но время истощает богатство, как, впрочем, и все остальное, ведь даже камню отмечен свой век, и, конечно, какие-то там деньги не могли устоять под разорительным воздействием непрерывно растущих налогов, да и с каждой новой смертью их оставалось все меньше. После смерти прадеда в 1907 году наша семья пережила еще много смертей. Погибли двое из моих дядьев — одного убили на Западном фронте, а другой нашел свою смерть на борту затонувшей «Лузитании»; третий дядя умер еще раньше, а из них никто никогда не был женат, и поэтому после смерти деда в 1919 году поместье досталось моему отцу.

В отличие от многих моих предков, отец не любил провинции. Жизнь в деревне мало прельщала его, и он не проявил особого интереса к унаследованному поместью, а лишь потратил деньги, доставшиеся ему от прадеда, на различные вложения в Бостоне и Нью-Йорке. Мать тоже не разделяла моего интереса к сельским районам Массачусетса. Но ни один из них не шел на продажу поместья, хотя нет: однажды, когда я гостил дома во время каникул в колледже, мать предложила продать его, но отец, крайне недовольный, прекратил обсуждение вопроса. Помню, как

он вдруг замер — более подходящего слова, чтобы описать его реакцию, и не подберешь; помню, как упомянул о «наследстве Пибоди» — что прозвучало странно — и, тщательно подбирая слова, произнес: «Дед предсказал, что один из его потомков получит наследство». Мать презрительно фыркнула: «Какое наследство? Разве твой отец не промотал его почти вчистую?» Отец никак не прореагировал на ее замечание. Его доводы покоились на твердой уверенности в том, что имелся ряд веских причин, согласно которым поместье не могло быть продано, как будто для этого требовалось нечто большее, чем обычная юридическая процедура. И все же он никогда там не появлялся; налоги исправно вносились неким Ахабом Хопкинсом, адвокатом из Вилбрахама, который также представлял отчеты о состоянии поместья, но родители не обращали на них никакого внимания и отвергали любое предложение «подновить» его, считая подобные затраты «бессмысленными».

Поместье оказалось фактически заброшенным, и таким оно и оставалось. Адвокат предпринял одну-две слабые попытки сдать его внаем, но даже в короткий период подъема, охватившего Вилбрахам, желающих поселиться там надолго не нашлось, и поместье приходило все в больший упадок. И вот в таком плачевном состоянии запущенности оно и находилось, когда я вступил во владение им после внезапной кончины моих родителей, погибших в автомобильной катастрофе осенью 1929 года. Тем не менее, несмотря на падение цен на недвижимость, наметившееся в тот год вслед за началом депрессии, я решился продать мой дом в Бостоне и обустроить поместье для собственных нужд. После смерти родителей я располагал достаточными средствами и поэтому мог позволить себе оставить юридическую практику, на которую у меня уже не доставало желания тратить силы и энергию.

Однако, осуществление подобного плана не представлялось возможным до того, пока хотя бы часть старинного дома не стала пригодной для обитания. Его строили многие поколения, и каждое внесло что-то свое. Первая постройка относится к 1787 году. Тогда, в самом начале, это был обычный дом колониального типа со строгими линиями, незаконченным вторым этажом и четырьмя внушительными колоннами спереди. Но со временем первоначальная постройка превратилась в основную часть усадьбы, в ее

сердце, так сказать. Последующие поколения вносили изменения и добавляли новое — сначала появились винтовая лестница и второй этаж, затем различные пристройки и крылья, так что ко времени, когда я готовился превратить усадьбу в свое жилище, дом представлял собой огромное строение, беспорядочно раскинувшееся на площади свыше одного акра, не говоря уж о прилегающих к нему саду и лужайке, которые пребывали в столь же заброшенном состоянии, что и сам дом.

Годы и менее щепетильные строители смягчили строгость колониальных черт, нарушили архитектурную целостность: трапециевидная крыша соседствовала со сводчатой, маленькие окна с большими, изысканные фигурные лепные карнизы с простыми, слуховые окна с плоской крышей. В целом дом мне нравился, хотя человеку, знающему толк в архитектуре, он, должно быть, показался бы удручающе неудачным смешением архитектурных стилей. Это ощущение, правда, смягчали развесистые древние вязы и дубы, плотно окружающие дом со всех сторон, кроме той, где находился сад, в котором среди давно неухоженных роз проросли тополь и березки. И поэтому, несмотря на всю свою эклектичность, дом в целом создавал ощущение увядающего великолепия, и даже его некрашеные стены гармонировали с могучими деревьями.

В доме имелось по меньшей мере двадцать семь комнат. Из них для личного обустройства я выбрал три в юго-восточной его части, и всю ту осень и раннюю зиму наезжал из Бостона, чтобы проследить за ходом ремонта. После того, как полы зачистили и натерли воском, они приобрели свой прежний красивый цвет; после проводки электричества комнаты утратили былую мрачную унылость; вот только с канализацией пришлось провозиться до поздней зимы. 24 февраля я выехал в родовое поместье Пибоди. Затем, в течение месяца, меня занимали планы, касающиеся остальной части дома, и если первоначально я намеревался снести кое-что, оставив лишь старейшие постройки, то вскоре отказался от этих замыслов, решив сохранить дом, каков он есть, так как в нем ощущалось очарование, несомненно, приданное ему жившими здесь многими поколениями, а также порожденное сутью событий, происходивших внутри его стен.

За месяц я так влюбился в это место, что первоначальное ощущение временного порыва сменилось радостным

чувством человека, нашедшего свой жизненный идеал. Но, увы, этот разросшийся идеал незаметно спутал все мои планы и привел меня на тот путь, которого я никогда не желал. Мне пришло в голову перевезти останки моих родителей, мирно покоившиеся на одном из кладбищ Бостона, в фамильный склеп, врезанный в склон холма, стоявшего относительно недалеко от дома, чуть в стороне от проходившего рядом шоссе. Кроме того, я намеревался предпринять попытку возвращения в США праха моего дяди, захороненного где-то во Франции, и таким образом собрать, по возможности, всю семью воедино на земле предков — неподалеку от Вилбрахама. Мой план относился к разряду тех, что иногда приходят на ум холостяку-отшельнику, в которого я превратился за какой-нибудь месяц, обложив себя рисунками и чертежами старинного дома, которому вскоре предстояло получить новую жизнь в новой эре, столь удаленной от его скромных истоков.

Именно с целью осуществления этого плана я, прихватив ключи, которые мне передал адвокат, отправился одним мартовским днем в фамильный склеп. Склеп не бросался в глаза, в общем-то, кроме массивной двери обычно ничего и не было видно, потому что строили его как часть естественного склона, к тому же, в отсутствие ухода, за минувшие десятилетия деревья разрослись настолько, что практически заслоняли от взгляда все находившееся за ними. И дверь, и сам склеп воздвигали на века. Склеп был почти ровесник дому, и в течение многих поколений все из рода Пибоди, начиная с Джедедия, первым поселившегося в этих местах, находили там свой последний приют. Дверь давно не открывали, и поэтому мне пришлось приложить некоторые усилия, чтобы сдвинуть ее с места, но в конце концов я справился с этой задачей — путь в склеп открылся передо мной.

Усопшие Пибоди — всего числом тридцать семь — покоились в своих гробах. Некоторые гробы стояли в нишах, а некоторые — нет. Несколько ниш, отведенных для самых первых поколений Пибоди, содержали лишь останки гробов, а вот ниша под гроб Джедедия оказалась совершенно пустой, и даже горстка праха не указывала на то, что там когда-то находился гроб с его телом. Внутри склепа, однако, царил порядок, разве что гроб с телом моего прадеда Асафа Пибоди казался по какой-то причине сдвинутым с места: он не находился на одной линии с дру-

гими гробами, которые появились там в последнее время — гробами моего деда и одного из дядьев. Им не нашлось места в нишах, и поэтому они просто стояли на уступе, пристроенном к стене с нишами. Более того, казалось, что кто-то поднимал или пытался поднять крышку гроба Асафа Пибоди, потому что один шарнир был сломан, а другой расшатался.

Когда я инстинктивно попытался выровнять гроб с телом моего прадеда относительно других, то задел крышку и несколько сдвинул ее, и моему ошарашенному взору предстали останки Асафа Пибоди. Я увидел, что по какой-то ужасной ошибке его похоронили лицом вниз; мне не хотелось думать даже по прошествии стольких лет после его смерти, будто старика могли похоронить в каталептическом сне и он принял мучительную смерть, задохнувшись в тесноте гроба. От него остались одни кости — кости да еще клочки одежды. Тем не менее, я чувствовал необходимость исправить ошибку или случайность — неважно, что это было. Поэтому, сняв крышку с гроба, я почтительно перевернул череп и кости моего прадеда, с тем, чтобы его скелет принял правильное положение. При других обстоятельствах мои действия могли бы показаться ужасными, но тогда они казались мне вполне естественными, потому что благодаря проникавшему через открытую дверь солнечному свету и испещрившим пол теням, склеп не выглядел мрачным местом. В конце моего посещения я осмотрел склеп на предмет наличия свободных мест и с удовлетворением отметил, что в нем хватит места и для моих родителей, и для моего дяди — если его останки будут найдены и привезены из Франции — и, наконец, для меня самого.

Подготовившись таким образом к осуществлению своих планов, я запер за собой склеп и направился к дому, размышляя о том, каким образом вернуть останки дяди на родную землю. Дома я немедленно написал письма в адрес властей в Бостоне и местных властей с просьбой разрешить мне перезахоронить прах родителей в фамильном склепе.

Той же ночью, если мне не изменяет память, в поместье Пибоди начали происходить странные вещи. По правде говоря, меня в некотором роде косвенно предупреждали, что с домом, возможно, не все в порядке. Когда я приехал, чтобы вступить во владение домом, старый Хопкинс, пере-

давая мне ключи, настойчиво интересовался, действительно ли мне хотелось предпринять такой шаг, и, похоже, с не меньшей настойчивостью стремился подчеркнуть ту мысль, что дом представлял собой «уединенное место», что соседи-фермеры «всегда недолюбливали Пибоди», и что «удержать жильцов в доме» всегда оказывалось делом нелегким. По его словам — и этот момент он выделил особо, чуть ли не смакуя,— поместье относилось к разряду тех мест, «куда никто никогда не ездит на пикник, и где вы никогда не найдете ни бумажных тарелочек, ни салфеток». Одним словом, я услыхал сплошной поток двусмысленностей и намеков, ведь старик так и не захотел привести ни одного факта, потому что фактов, очевидно, не было, за исключением того, что соседи с неодобрением относились к такому огромному поместью посреди, в общем-то, сельскохозяйственного района. И действительно, вокруг поместья площадью около сорока акров, в основном поросших деревьями, простирались ухоженные поля и виднелись каменные стены и решетчатые ограды, вдоль которых росли деревья и кустарники, дававшие надежный приют птицам. Бабушкиными сказками посчитал я все это, учитывая родство адвоката с окружавшими меня фермерами: крепкими здоровяками-янки, ничем не отличавшимися от Пибоди, разве что занимались они более тяжелым трудом, да и работали побольше.

И вот в ту ночь, в ночь, когда мартовский ветер ревел и завывал в ветвях деревьев, мною завладела мысль, что я в доме не один. Откуда-то сверху доносился звук не то чтобы шагов, но какого-то движения. Звук не поддавался описанию, разве что исходил от чего-то, двигавшегося взад-вперед, взад-вперед в узком пространстве. Я помню, как вышел в большую темную комнату, в которую спускалась винтовая лестница, и прислушался в темноте надо мной, потому что звук, казалось, плыл сверху вниз по лестнице — иногда он слышался явно, иногда доносился лишь шорох; поэтому я стоял там и все прислушивался, прислушивался, прислушивался, пытаясь установить его источник, пытаясь на основании рассуждений дать ему какое-нибудь объяснение, так как ранее его не слышал, и, наконец, пришел к выводу, что ветер, должно быть, прибивал ветви деревьев к дому и водил ими туда-сюда по стене. Утвердившись в таком мнении, я вернулся к себе в комнату и больше звук не доставлял мне беспокойства —

не то чтобы он прекратился, как раз наоборот, а просто получил разумное объяснение.

Найти же объяснение снам, привидевшимся мне в ту ночь, оказалось делом куда более сложным. Хотя обычно сны совсем не посещают меня, в тот раз я был буквально ошарашен гротескными до предела сновидениями, в которых играл пассивную роль и испытывал всякого рода временные и пространственные метаморфозы, а также несколько раз мельком наблюдал пугающую, неясную фигуру в конусообразной черной шляпе, а рядом с ней столь же неясные контуры какого-то существа. Я их видел смутно, как будто смотрел через стекло, а сумеречная обстановка сновидения казалась преломленной сквозь призму. По правде говоря, я видел не столько сны, сколько отрывки снов, не имевших ни начала, ни конца, но зазывавших меня в чудной и чуждый мир, как будто в другое измерение, о котором я не знал в прозаическом, вне снов, мире. Как бы то ни было, ту беспокойную ночь я пережил, хотя в результате и чувствовал себя несколько измотанным.

Буквально на следующий день ко мне зашел архитектор, чтобы обсудить мои дальнейшие планы по обновлению дома, и от него я узнал крайне интересный факт. Архитектор — молодой человек — не разделял чудных верований относительно старинных домов, которые имеют хождение в глухих сельских местностях.

— При осмотре дома никогда не скажешь, что в нем может быть потайная, хорошо скрытая комната, не правда ли? — сказал он, раскладывая передо мной свои рисунки и чертежи.

— А вы полагаете, что она есть? — спросил я.

— Вероятно. Какая-нибудь «молельня»,— предположил он,— или место для беглых рабов.

— Не находил.

— Я тоже. Но вот посмотрите сюда...— и он показал мне на план дома, восстановленный им по расположению фундамента и тех комнат, о которых мы знали.

В самой старой части дома, вдоль северной стены второго этажа, выявилась пустота. Не молельня, конечно. Среди Пибоди не было католиков. Место для беглых рабов — возможно. Однако, как объяснить появление этой комнаты задолго до массового бегства рабов в Канаду?

— Вы думаете, ее можно найти? — спросил я.

— Она должна быть там.

И он действительно оказался прав. Хитро скрытая от людских глаз, комната существовала, хотя отсутствие окна на северной стороне спальни давно должно было бы привлечь мое внимание и послужить поводом к проведению осмотра. Дверь в комнату замаскировали тонкой резьбой по красному кедру, которым была обшита вся стена; и если бы вы не знали о возможном существовании комнаты, то вряд ли бы заметили дверь, у которой отсутствовала ручка, и которая открывалась при нажатии на одну из резных фигурок — ее нашел архитектор, а не я, потому что в подобных вещах мне всегда не хватало смекалки. Впрочем, архитектору в общем-то и надлежало разбираться в этом лучше моего. Задержавшись чуть-чуть в дверях, чтобы осмотреть проржавевший механизм, я ступил внутрь.

Комната была маленькой, тесной. Но не такой маленькой, как молельня — человек мог в ней пройти не сгибаясь метра три с половиной или где-то около того, но только вдоль, потому что из-за наклона крыши пройти комнату поперек не представлялось возможным. Кроме того, в комнате сохранились книги и бумаги, а у одной из стенок стоял небольшой письменный стол и стулья — все это совершенно определенно указывало на то, что в прошлом ею пользовались.

Сама комната создавала крайне странное впечатление. Как я уже отмечал, она была маленькой, но из-за скошенных углов казалась объемной, как будто тот, кто ее строил, решил искусно сбить владельца с толку. Более того, на полу виднелись странные узоры, причем некоторые из них — по виду неровные круги с причудливыми, отталкивающими изображениями по внешней и внутренней сторонам окружностей — были грубо, по-варварски, прорезаны по дереву. Не менее отвратительно выглядел и письменный стол, почему-то черного, а не коричневого цвета, как будто обуглившийся от огня, и вообще — его непонятный вид наводил на мысль о том, что им пользовались не только по прямому назначению. Кроме того, на столе стопочкой лежали на первый взгляд очень старинные книги в кожаных переплетах, а также какие-то рукописи, тоже в кожаных переплетах.

Но рассмотреть все повнимательнее мне не хватило времени, потому что находившийся со мной архитектор хотел лишь убедиться в том, что его подозрения насчет существования комнаты верны.

— Будем убирать ее, врежем окно? — спросил он и добавил.— Она вам, наверняка, не нужна.

— Не знаю,— ответил я,— пока что не знаю. Зависит от того, как долго она существует.

Если она существовала давно, как я предполагал, то тогда — и это было бы совершенно естественно — я бы еще подумал: убирать ее или оставить. Но прежде мне хотелось бы туда вернуться и просмотреть старые книги. Кроме того, нужды в спешке не было — это не требовало немедленного решения, потому что и без потайной комнаты у архитектора хватало работы; вот когда бы он закончил то, что мы уже наметили, тогда и о ней можно было бы подумать. Вопрос стоял именно так.

Я принял твердое решение побывать в комнате на следующий день, но ряд событий помешал осуществлению моих планов. Во-первых, я провел еще одну беспокойную ночь — меня опять посетили крайнее неприятные сны, чему мне не удалось найти объяснения, так как никогда раньше я не был им подвержен, разве что в дни болезни. Сны эти имели отношение, возможно, не без основания, к моим предкам, в частности, к длиннобородому старику, носившему конусообразную черную шляпу странного покроя, лицо которого, во сне мне незнакомое, принадлежало в действительности моему прадеду Асафу, в чем я убедился на следующее утро, просмотрев портреты моих предков, вывешенные в ряд в нижней зале. Во сне прадед, казалось, каким-то необычайным способом передвигался по воздуху, можно сказать, почти что реял. Я видел, как он проходил сквозь стены и шел по воздуху, как его очертания появлялись среди верхушек деревьев. И куда бы он ни направлялся, его сопровождал большой черный кот, обладавший такими же способностями пренебрегать законами времени и пространства. Мои сны не имели продолжения, и даже внутри них отсутствовало единство — они складывались из беспорядочной серии не связанных между собой живых картинок, в которых участвовали мой прадед, его кот, его дом и его поместье. Между этими снами и снами, привидевшимися мне в предыдущую ночь, прослеживалась четкая связь. В них, как и в первых ночных видениях, присутствовали признаки другого измерения и отличие состояло только в их большей четкости. Сны эти настойчиво донимали меня на протяжении всей ночи.

Измученный до предела, я нисколько не обрадовался

сообщению архитектора о том, что перестройку поместья придется отложить. Объяснять причины подобной задержки ему, похоже, не очень хотелось, и только под моим давлением он, наконец, сообщил, что нанятые им работники предупредили его утром о своем нежелании выполнять эту «работу». Однако он заверил меня, что, если я проявлю немного терпения, то он выйдет из положения, пригласив из Бостона не столь привередливых польских и итальянских рабочих. Выбирать не приходилось, да и, по правде сказать, досада моя была скорее напускной, потому что у меня возникли определенные сомнения в целесообразности осуществления всех намеченных мною перестроек. В конце концов, очарование дома заключалось, в основном, в его древности, и поэтому главное, что ему требовалось — это укрепительные работы. Поэтому я и просил архитектора не спешить, а сам отправился в Вилбрахам за покупками, которые давно уже собирался сделать.

Едва оказавшись в городе, я сразу ощутил явное недружелюбие к себе со стороны местных жителей. Раньше я вообще не привлекал внимания окружающих, так как многим был незнаком. Но тем утром все вели себя совершенно одинаково — никто не желал со мной разговаривать или быть замеченным за разговором со мной. Даже продавцы без нужды обрывали меня, можно сказать, откровенно грубили, как бы давая понять, что были бы весьма признательны, если бы я делал покупки в другом месте. Я посчитал, что местные обыватели, возможно, прослышав о моем намерении обновить старинный дом Пибоди, не одобряли моих действий по тем двум, имеющим общие корни, причинам, что это могло бы уничтожить очарование поместья или же, с другой стороны, дать ему новую долгую жизнь на земле, которую соседи-фермеры хотели бы обрабатывать.

Однако вскоре на смену первым ощущениям пришло чувство негодования. Я не был изгоем и не заслуживал того, чтобы меня сторонились, как будто я таковым являлся. Когда я наконец добрался до конторы Ахаба Хопкинса, то довольно многословно — что мне совсем несвойственно — излил ему душу, хотя и заметил, что мое присутствие ему в тягость.

— Ну, успокойтесь, мистер Пибоди,— сказал он, пытаясь меня утихомирить.— Я бы не воспринимал это столь серьезно. В конце концов, эти люди перенесли тяже-

лое потрясение, и потому настроение у них мерзкое, подозрительное. Кроме того, народ они, в основном, суеверный. Мне уже много лет, и я не помню их другими.

С серьезным видом Хопкинс замолк, и я воспользовался паузой.

— Вы говорите, потрясение. Простите, но я ничего об этом не слышал.

Он бросил на меня весьма странный взгляд, от которого я несколько опешил.

— Мистер Пибоди, в двух милях вверх по дороге от вашего дома живет семья по фамилии Тейлор. Я хорошо знаком с Джорджем. У них десять детей. Видимо, лучше сказать, было десять. Потому что вчера ночью их двухлетний ребенок бесследно исчез из своей кроватки.

— Мне очень жаль, но какое отношение это имеет ко мне?

— Уверен, никакого, мистер Пибоди. Но вы здесь поселились относительно недавно и, как бы сказать... рано или поздно вы должны об этом узнать — многие жители округи род Пибоди недолюбливают, точнее, ненавидят.

Его слова поразили меня, и я не пытался скрыть свои чувства.

— Но почему?

— Потому что есть множество людей, которые верят всем сплетням и слухам, какими бы нелепыми они ни были,— ответил Хопкинс.— Вы достаточно взрослый человек, чтобы понимать, что вещи обстоят именно так, даже если вы незнакомы с нашим сельским бытом, мистер Пибоди. В детстве я слышал много разных историй, в которых фигурировало имя вашего прадеда, и так как в годы его владения поместьем имели место несколько безобразных случаев исчезновения маленьких детей, причем дети исчезали бесследно, то, возможно, возникает естественная мысль увязать два события — появление нового Пибоди в поместье и повторение случая, аналогичного тому, что когда-то связывали с именем вашего прадеда.

— Какой ужас! — воскликнул я.

— Несомненно,— согласился Хопкинс с почти настырной любезностью,— но дело обстоит именно так. Кроме того, сейчас апрель. Чуть более месяца прошло со времени Вальпургиевой ночи.

Мое лицо, должно быть, так сильно побледнело, что он смутился.

— Ну что вы, мистер Пибоди,— сказал Хопкинс с напускным участием,— неужто вы не знаете, что вашего прадеда считали ведьмаком!

Я покинул его совершенно разбитый. Более всего меня поразило подозрение, что между событиями предшествующей ночи и только что услышанным существовала какая-то, вызывавшая тревогу, логическая связь. Да, во сне прадед предстал в странном виде, а тут я узнал о нем нечто гораздо более существенное. Но главное, я понял, что суеверные местные жители относились к прадеду как к мужскому аналогу ведьмы, как к ведьмагу или колдуну — словом, как называли, таким и видели. Больше я уже не обращал внимания на реакцию местных жителей, которые отворачивались, когда я проходил мимо. Сев в машину, я уехал в поместье. Там мое терпение подверглось еще одному испытанию, потому что к парадной двери было прибито примитивное предупреждение — листок линованной бумаги, на котором какой-то безграмотный, злонамеренный сосед карандашом нацарапал следующие слова: «Убирайсь отседа, иле...»

Вероятно, все неприятности минувшего дня растревожили мой сон гораздо сильнее, чем прежде. И в них появилось одно существенное отличие — картинки, которые я наблюдал, мечась в беспокойной дремоте, приобрели связность. Опять центральное место в них принадлежало моему прадеду Асафу Пибоди, но теперь вид его стал настолько зловещим, что вызывал страх, а рядом с ним находился кот: шерсть дыбом, уши и хвост торчком,— чудовищное существо, которое парило или плыло рядом с ним или за ним следом. Прадед нес что-то — что-то белое или цвета плоти, но из-за расплывчатости видения мне не удалось установить, что именно. Он проходил сквозь лес, носился по полям и среди деревьев; он двигался по каким-то узким проходам и однажды, я уверен, оказался в гробнице или склепе. Во сне я также узнал некоторые части дома. Но в моих видениях старик был не один: там присутствовала, всегда оставаясь на заднем плане, неясная, чудовищная фигура Черного Человека — не негра, а человека исключительной черноты, черноты в буквальном смысле, чернее ночи, с пылающими глазами, которые, казалось, горели настоящим огнем. Кроме того, вокруг старика находились разного рода твари поменьше: летучие мыши, крысы, отвратительные мелкие существа — полукрысы-

полулюди. Одновременно я испытывал слуховые галлюцинации, потому что время от времени до меня, казалось, доносился приглушенный плач ребенка, страдающего от боли, и в то же самое время — отвратительный гогот и тягучий голос, повторявший: «Асаф будет опять. Асаф вырастет опять».

И действительно, когда с первыми, проникшими в комнату лучами солнца я, наконец, пробудился от бесконечного кошмара, то мог бы поклясться, что плач ребенка все еще звучал у меня в ушах, как будто он раздавался в самом доме. Больше мне заснуть не удалось, и я лежал с широко раскрытыми глазами, размышляя о том, что мне уготовят предстоящая ночь и ночи, которые последуют за ней.

Приезд из Бостона польских рабочих — крепких, спокойных парней — заставил меня на время забыть о моих кошмарах. Их бригадира звали Ян Чичорка. Крупного телосложения, мускулистый, на вид лет около пятидесяти, он сухо и властно командовал своими подчиненными, а те, словно боясь навлечь на себя его гнев, выполняли распоряжения быстро и проворно. Бригадир объяснил мне, что их приезд намечался не раньше, чем через неделю, но другую работу пока отложили и поэтому они послали телеграмму архитектору, а сами приехали сюда из Бостона не дожидаясь его ответа. На руках у них были все необходимые планы, и они знали, что они должны сделать.

Первым делом они сняли штукатурку с северной стены комнаты, находившейся прямо под потайной комнатой. Им пришлось работать с осторожностью, чтобы не сломать стойки, поддерживавшие второй этаж. Штукатурку и обрешетку под нее, что, как я заметил в начале работ, была устаревшего, кустарного образца, требовалось снять и заменить. Точно так же выглядел и тот угол дома, который я уже занимал, но там объем работ был побольше, потому как изменения вносились более существенные.

Немного понаблюдав за их работой, я ушел к себе и уже привык было к грохочущим звукам, как вдруг они затихли. Я подождал немного и кинулся посмотреть, что произошло. Очутившись в коридоре, я увидел, как все четверо сгрудились у стены — они суеверно крестились и потихоньку пятились назад; а потом врассыпную бросились прочь из дома. Пробегая мимо меня, Чичорка, обуреваемый ужасом и гневом, ругнулся в мой адрес. Они выбе-

жали из дома, и, пока я стоял как прикованный к месту, завели машину и на всех парах уехали прочь из поместья.

Совершенно сбитый с толку, я прошел в комнату, где они работали. Они уже сняли значительный кусок штукатурки и обрешетки; какие-то инструменты в беспорядке валялись на полу. В процессе работы они обнажили ту часть стены, что скрывалась за плинтусом, а вместе с ней и весь тот хлам, который накопился там за многие годы. И только подойдя поближе к стене и разглядев то, что, должно быть, увидели рабочие, я понял, что заставило этих суеверных неучей в страхе и отвращении убежать из дома.

У основания стены за плинтусом, среди длинных, пожелтевших полуизгрызенных мышами листков, на которых все еще виднелись несомненно кабалистические знаки, среди мерзких орудий смерти и разрушения — коротких, похожих на кинжалы ножей, покрытых ржавыми пятнами того, что, наверняка, некогда было кровью — лежали маленькие черепа и кости, по крайней мере, трех детей!

Не хотелось верить своим глазам, так как суеверный вздор, услышанный мною днем раньше от Ахаба Хопкинса, теперь приобретал более зловещий оттенок. Я чувствовал растерянность — настолько многое осознал в тот момент. Дети исчезли при жизни моего прадеда; его подозревали в колдовстве, в черной магии и других деяниях, неотъемлемой частью которых являлось приношение в жертву маленьких детей; и вот здесь, в стенах его дома, лежали эти останки, эти вещественные доказательства, подтверждавшие подозрения местных жителей в том, что мой прадед занимался гнусными делами!

Оправившись от первого потрясения, я понял, что должен действовать без промедления. Если бы о находке стало известно, мои богобоязненные соседи действительно сделали бы мое пребывание здесь просто невыносимым. Не теряя ни секунды, я сбегал за картонной коробкой, и, вернувшись с ней в комнату, собрал все косточки до единой, а потом отнес сей ужасный груз в семейный склеп и высыпал его в нишу, в которой когда-то находились давным-давно превратившиеся в прах останки Джедедия Пибоди. К счастью, маленькие черепа рассыпались, и поэтому если бы кому-то вздумалось устроить осмотр склепа, его взору предстали бы лишь останки давно умершего человека, и никто, кроме эксперта, не сумел бы установить, кому при-

надлежали эти косточки, которые достаточно хорошо сохранились и могли бы дать ключ к разгадке. К тому времени, когда польские рабочие поведали бы о находке архитектору, я бы уже смог отрицать правдивость их рассказа, но моим опасениям не суждено было сбыться, так как охваченные страхом поляки так ни словом и не обмолвились об истинной причине своего отказа работать у меня.

Не дожидаясь вестей от архитектора, я, движимый доселе неведомым мне инстинктом, направил свои стопы к потайной комнате — в руках я держал мощный фонарь, намереваясь подвергнуть сей тайник самому тщательному осмотру. Однако, едва ступив внутрь, я сделал открытие, от которого у меня дух перехватило: кроме вполне отчетливо различимых следов, оставленных мною и архитектором в ходе нашего короткого набега, там виднелись и другие, более свежие следы, наводившие на мысль о том, что после нас в комнате побывал еще кто-то или что-то. Следы эти, легко просматриваемые, остались от босых ног мужчины и, столь же явные, от лап кота. Но мне предстояло сделать еще более зловещее открытие. Когда я пошел по направлению следов, начинавшихся в северо-восточном углу причудливо искривленной комнаты, в той точке, где человек не мог бы находиться в полный рост, да и кот вряд ли бы мог — однако, следы вели именно оттуда — они привели меня к черному письменному столу, на который я, споткнувшись, едва не упал, и тут обнаружил нечто куда более чудовищное и поначалу мной не замеченное.

На пыльном столе, рядом с отпечатком, появившимся, возможно оттого, что там полежал кот, а может быть, на стол клали какой-нибудь сверток или куклу, виднелась небольшая, диаметром чуть более восьми сантиметров, свежая лужица какой-то вязкой, как будто выделившейся из дерева под воздействием высокой температуры, жидкости. Посветив себе фонарем, я уставился на лужицу, пытаясь определить ее происхождение; потом перевел свет на потолок и поискал, нет ли там трещины, через которую дождевая вода могла попасть внутрь, и тут вспомнил, что со времени моего приезда и последнего посещения этой странной потайной комнаты дождя не было. Тогда я дотронулся указательным пальцем до лужицы и поднес его к свету. Жидкость имела красный цвет — цвет крови — и тотчас же, без всяких подсказок, я понял: это и была кровь.

О том, как она туда попала не хотелось и думать.

К тому времени в голове у меня роились самые ужасные мысли, но в них отсутствовала логика. Задержавшись у стола еще на минуту, чтобы прихватить несколько лежавших там книг и рукописей, я вышел со своей поклажей из комнаты и очутился в более прозаическом мире, где комнаты не имели невозможных на вид углов, предполагавших существование измерений, неизвестных человечеству. Я крепко прижал книги к груди и почти виновато поспешил вниз в свои покои.

Странное дело, но едва я открыл книги, у меня возникло жуткое чувство уверенности, что их содержание мне знакомо. Тем не менее, я не только их раньше не видел, но даже не встречал названий наподобие «Malleus maleficarum» и «Daemonialiatas» Синистрари. В этих книгах рассказывалось о всякого рода заклинаниях и легендах, об уничтожении ведьм и колдунов посредством огня и о способах их передвижения: «Во время своих главных действ они физически переносятся с места на место... с помощью овладевших ими дьявольских сил в ночное время передвигаются верхом на некоторых животных... или просто проходят по воздуху. Сам Сатана, хозяин их душ, указывает им путь... Они берут мазь, изготовленную ими по указанию дьявола из детских косточек, особенно их косточек тех детей, которых они сами умертвили, и наносят ее на стул или метлу; и будь то день или ночь, их немедленно уносит ввысь, причем по желанию они могут стать невидимыми...» Прекратив чтение, я обратился к книге Синистрари.

Почти сразу я наткнулся на окончательно расстроивший меня отрывок — «Promittunt Diabolo statis temporibus sacrificia, et oblationes, singulis quindecim diebus, vel singulo mense saltem, necem alicujus infantis, aut mortale veneficium, et singulis hebdomadis alia mala in damnum humani generis, ut grandines, tempestates, incendia, mortem animalium...» — в котором определялось, как через установленные промежутки времени колдуны и ведьмы должны осуществлять умерщвление ребенка или любое другое колдовское действие, связанное с убийством; само чтение этого отрывка наполнило меня невыразимым чувством тревоги, вследствие чего я только лишь пробежал глазами по названиям остальных принесенных мною книг. Там были Vitae sophistrarum Эунапиуса, De Natura Daemonum Анания, Fuga Satanae Стампы, Discours des Sorciers и не имевшая назва-

ния книга Олауса Магнуса в переплете из гладкой черной кожи — только впоследствии до меня дошло, что это человеческая кожа.

Простое наличие таких книг свидетельствовало о более чем обыденном интересе к колдовству, да к тому же столь очевидно объясняло ходившие в Вилбрахаме и его окрестностях многочисленные суеверные убеждения, связанные с именем моего прадеда, что я тотчас же понял, почему они просуществовали такое длительное время. Однако, должна была существовать еще какая-нибудь причина, потому что вряд ли многие знали об этих книгах. Но какая? Кости, найденные в комнате за плинтусом, являлись изобличающей уликой какой-то ужасной связи между поместьем Пибоди и нераскрытыми преступлениями прошлых лет. Но все равно об этом, конечно, никто не знал. В биографии моего деда должен был иметься известный факт — не его затворничество и скупость, о чем я знал, а нечто другое, что наводило местных жителей на мысль о такой связи. Разгадку этой головоломки вряд ли следовало искать среди предметов из потайной комнаты, но вот в подшивках местной газеты, имевшихся в публичной библиотеке Вильбрахама, вероятно, можно было найти ключ к решению.

Поэтому полчаса спустя я уже сидел в библиотеке и просматривал старые номера «Газетт». С точки зрения времяпрепровождения, занятие это оказалось крайне утомительным, потому что приходилось искать «вслепую», просматривая номер за номером газеты, вышедшие в свет в последние годы жизни моего прадеда, причем уверенность в положительном исходе поисков напрочь отсутствовала, хотя газеты того времени зависели от юридических ограничений в меньшей степени, чем нынешние. Прошло более получаса, но имя моего прадеда так мне нигде и не встретилось, хотя несколько раз я задерживался на чтении сообщений о «преступлениях», совершенных вблизи поместья Пибоди в отношении местных жителей, главным образом детей. Сообщения неизменно сопровождались сомнениями редакции по поводу некоего «животного», которое «как показывали очевидцы, представляло собой большое черное существо», способное к тому же менять свои размеры — иногда оно было не больше кота, а иногда величиною со льва; данную подробность, несомненно, следовало отнести на счет воображения потерпевших, в основном детей в возрасте до десяти лет, которым — истерзанным и искусан-

ным — к счастью, удалось убежать, так что их не постигла участь детей помоложе, бесследно исчезнувших в течение того, а именно 1905, года. Но нигде, совершенно нигде имя моего прадеда не упоминалось, и только после его смерти о нем появилось сообщение.

Тогда и только тогда редактор «Газетт» напечатал то, что как бы подытоживало общественное мнение относительно Асафа Пибоди. Он писал: «Умер Асаф Пибоди. Его имя надолго останется в нашей памяти. Среди нас есть такие, кто приписывал ему способности, свойственные его древним предкам, а к нашему времени, казалось бы, не имеющие отношения. Среди осужденных в Салеме был некий Пибоди; да, именно из Салема Джедедия Пибоди приехал в Вилбрахам и построил недалеко от него свой дом. Суевериям неведом здравый смысл. То, что старого черного кота Асафа Пибоди не видели со времени смерти хозяина, вероятно, чистая случайность, и несомненно, не более чем грязным вымыслом является слух о том, будто бы гроб с телом Пибоди не открывали перед погребением ввиду возможности нежелательных изменений в тканях трупа при обряде похорон. Слухи эти зиждятся на допотопном суеверии, согласно которому колдун должен быть захоронен лицом вниз и после этого его никогда нельзя трогать, разве что сжечь...»

Статья оставляла странное, двусмысленное впечатление. Но она поведала мне многое; к сожалению, может быть, больше, чем я ожидал. На кота моего прадеда смотрели как на его близкого друга, потому что у каждого колдуна, у каждой ведьмы имеется свой личный дьявол, который может принять любое обличье, какое ему заблагорассудится. Разве не вполне естественно по ошибке принять кота за близкого друга прадеда на том основании, что, очевидно, при жизни их всегда видели вместе — так, как видел их я в моих снах? Единственный тревожный момент, вынесенный мною из редакционной статьи, заключался в упоминании способа захоронения лицом вниз, потому что редактор не мог знать о том, что Асаф Пибоди действительно был похоронен таким образом. Я же знал больше — его потревожили, а этого не следовало делать. И я подозревал еще больше: нечто глубоко чуждое мне гуляло по старинному поместью Пибоди, появлялось в моих снах, бродило по округе и передвигалось по воздуху.

В ту ночь меня опять посетили видения, снова сопровождавшиеся чрезмерным обострением слуха, отчего казалось, будто меня настроили на восприятие какофонии звуков, приходивших из других измерений. Снова мой прадед занимался своими отвратительными делами, но в этот раз мне показалось, что его друг-кот несколько раз остановился и, повернув голову, посмотрел мне прямо в лицо, причем на его злой морде играла победоносная усмешка. Я видел, как старик в конусообразной черной шляпе и длинной черной мантии вышел из леса, и как будто прошел сквозь стену какого-то дома, далее вошел в тускло освещенную комнату без мебели и потом оказался у черного алтаря, где стоял Черный Человек и ожидал жертвоприношения — жертвоприношения слишком чудовищного, чтобы на него смотреть, однако, у меня не было выбора, потому что сила моих видений была такова, что мне пришлось смотреть на это дьявольское деяние. И я увидел его, и его кота, и снова Черного Человека, на это раз посреди глухого леса далеко от Вилбрахама, и с ними находились многие другие. Они стояли перёд большим открытым алтарем, чтобы отслужить черную мессу и потом предаться оргиям. Но их не всегда было так четко видно; иногда видения напоминали быстрое падение в бездонных пропастях причудливо окрашенных сумерек и раздражающих какофонических звуков, где не существовало силы притяжения — в пропастях совершенно чуждых природе, но в них я всегда ощущал необыкновенную способность к восприятию на экстрасенсорном уровне и мог видеть и слышать то, что никогда бы не увидел и не услышал во время бодрствования. Так я услышал жуткое песнопение, сопровождавшее черную мессу, крики умирающего ребенка, нестройные звуки волынок, клятвы верности, произносимые в обратном порядке, и выкрики разгулявшихся участников оргии, хотя видел я не все происходившее. А иногда к тому же видения доносили до меня обрывки разговоров, слов, как бы бессвязные, но наводившие на мрачные, тяжелые мысли.

— Быть ли ему избранным?

— Именем Дьявола, именем Вельзевула, именем Сатаны...

— От крови Джедедия, от крови Асафа, в сопровождении Балора.

— Подведите его к книге!

Затем последовали странные видения, в которых я сам оказался действующим лицом; особенно запомнились те из них, где мой прадед и кот попеременно вели меня к большой, черного цвета книге, в которую пылающим огнем были вписаны имена, а против них стояли сделанные кровью подписи. Мне велели поставить свою подпись, и прадед направил мою руку, а кот, которого, как я услышал, Асаф Пибоди назвал Балором, припрыгивая и пританцовывая, вцепился когтями мне в запястье, чтобы выпустить кровь и обмакнуть в нее перо. В этом видении присутствовал один момент, имевший более тревожную связь с действительностью. Тропинка, которая вела через лес к месту шабаша, проходила рядом с болотом, и мы шли по черной грязи и осоке недалеко от зловонной трясины в месте, где, как в склепе, воняло разложением; в том месте я не раз проваливался в грязь, а кот и прадед ни разу — они как будто плыли над землей.

А утром, пробудившись, наконец, после чересчур длительного сна, я обнаружил, что на моих ботинках, которые были чистыми, когда я ложился спать, засохла черная грязь, та самая, что мне привиделась ночью. Тут я вскочил с постели и пошел в обратном направлении достаточно хорошо отпечатавшихся следов с тем, чтобы определить, откуда они вели; вышел из комнаты, поднялся по лестнице, вошел в потайную комнату на втором этаже, и следы неумолимо привели меня в тот самый проклятущий угол, откуда следы вели и в прошлый раз, когда я обнаружил их отпечатки на пыльном полу! Я с недоверием уставился на них, но мои глаза не обманывали меня. Сумасшествие, да и только, но факт оставался фактом. Так же, как и царапина на запястье.

В буквальном смысле шатаясь, я вышел из потайной комнаты, и до меня, наконец, начало туманно доходить, почему мои родители не хотели продавать поместье Пибоди — что-то из его истории им поведал мой дед, потому что именно он, должно быть, похоронил прадеда лицом вниз в фамильном склепе. И как бы презрительно они ни относились к доставшемуся им суеверному наследию, они не решились испытывать судьбу. Я понял также, почему дом не удавалось сдать в наем на длительный срок. А все потому, что сам дом представлял собой своего рода центр притяжения сил, находящихся вне человеческого понимания и вне человеческой власти; и я знал, что уже

заражен атмосферой этого места, и что в некотором смысле оказался пленником дома и его чудовищной истории.

Теперь я решил обратиться к единственному доступному мне источнику, который мог пролить бóльший свет на происходившее. А именно к дневнику, который вел мой прадед. Забыв о завтраке, я бросился к столу, где он лежал. Дневник представлял собой ряд записей, сделанных плавным почерком, а также подборку вырезок из писем, газет, журналов и даже книг, содержание которых он, видимо, считал существенным, хотя между ними отсутствовала какая-либо связь, разе что во всех речь шла о необъяснимых событиях, несомненно, имевших, по мнению прадеда, общие корни в колдовстве. Его собственных записей было немного, но говорили они о многом.

«Сегодня сделал то, что должен был сделать. Дж. наращивает плоть, невероятно. Но это часть наследия. Если перевернуть, то все начинается сначала. Родственник возвращается, и с каждым жертвоприношением плоть понемногу нарастает. Переворачивать его обратно бесполезно. Остается только огонь».

И далее:

«Что-то в доме. Кто? Я видел его, но не могу поймать».

«Точно, черный кот. Откуда он взялся — не знаю. Тревожные видения. Дважды на черной мессе».

«Во сне кот подвел меня к Черной Книге. Подписал».

«Во сне чертенок по имени Балор. Красавчик. Объяснил зависимость».

И вскоре после этого:

«Сегодня ко мне пришел Балор. Никогда бы не догадался, что это он. Он был красивым чертенком, а теперь стал столь же красивым котом. Я спросил его, не в этом ли самом виде он служил Дж. Он ответил, что в этом. Провел меня в угол — странный угол из другого измерения. Это дверь во внешний мир. Таким его построил Дж. Показал мне, как проходить сквозь него...»

Читать дальше не хватило сил. Я и так уже прочитал слишком много.

Я понял, что произошло с останками Джедерия Пибоди. И я понял, что мне надо сделать. Как я ни боялся того, что должно было предстать моим глазам, я не мешкая отправился в склеп Пибоди, вошел туда и заставил себя подойти к гробу моего прадеда. Там я впервые заметил бронзовую

табличку, прикрепленную под именем Асафа Пибоди. На ней были выгравированы следующие слова: «Будь проклят нарушивший его покой».

Затем я поднял крышку.

Хотя у меня имелось все основания ожидать того, что я увижу, мой ужас не стал от этого меньше. Потому что кости, которые я видел в прошлый раз, претерпели ужасные изменения. То, что было всего лишь скелетом, останками, прахом, начало ужасающим образом изменяться. На костях моего прадеда Асафа Пибоди стала нарастать плоть — плоть, порожденная силами зла, которые дали ему новую жизнь, когда я столь бездумно перевернул его в гробу; плоть, порожденная еще кое-чем, лежавшим в гробу — несчастным, сморщившимся тельцем ребенка. И хотя со времени его исчезновения из дома Джорджа Тейлора минуло не больше десяти дней, тело уже приобрело кожаный, пергаментный оттенок и частично ссохлось, как будто из него выжали все соки.

Онемев от ужаса, я выскочил из склепа и принялся складывать костер. Работал лихорадочно, в спешке, чтобы никто не застал меня врасплох за этим занятием, хотя и знал, что десятилетиями люди обходили поместье Пибоди стороной. Закончив с костром, в одиночку, напрягаясь изо всех сил, подтащил гроб Асафа Пибоди с его дьявольским содержимым; то же самое, но десятилетиями раньше проделал Асаф с гробом Джедедия! А потом стоял и смотрел как пламя пожирает гроб вместе с его содержимым, и лишь мне одному дано было услышать, как над пламенем взвился наподобие призрака душераздирающий вопль гнева.

Костер тлел до утра. Я это видел из окна. А внутри дома я увидел еще кое-что.

Я увидел черного кота, который подошел к двери моей комнаты и бросил на меня плутовской взгляд.

И я вспомнил тропинку, по которой шел через болото, следы от испачканных грязью ботинок и засохшую грязь на подошвах. Я вспомнил царапину на запястье и Черную Книгу, в которой поставил свою подпись. Вспомнил даже, как там поставил свою подпись Асаф Пибоди.

Я повернулся к затаившемуся в тени коту и тихо позвал его: «Балор!»

Он зашел в комнату и уселся на задние лапы. Я вынул револьвер из ящика письменного стола и нарочно выстре-

лил. Кот даже не шелохнулся, продолжая смотреть на меня оценивающим взглядом.

Балор. Один из меньших дьяволов. Так вот каково наследство Пибоди.

Дом, земля, леса представляли собой всего лишь материальную оболочку причудливых углов потайной комнаты, тропинок через болото к месту шабаша, подписей в Черной Книге...

Хотелось бы знать, кто перевернет меня, если после моей смерти я буду похоронен так же, как и другие?

Роберт Блох

МАТЕРЬ ЗМЕЙ

Вудуизм представляет собой необычное явление. Сорок лет назад о нем знали только немногие посвященные. А сегодня, благодаря исследованиям в данной области, на нас обрушился огромный поток информации и еще более мощный поток дезинформации.

Появившиеся в недавнее время популярные книжки о вудуизме, в большинстве своем, являются откровенно романтическими фантазиями, плодом воображения безуспешно теоретизирующих невежд.

Но, может быть, это и к лучшему. Потому что правда о вудуизме такова, что ни один писатель не захочет, да и не осмелится опубликовать ее. Кое в чем эта правда пострашнее их самых диких фантазий. Я сам был свидетелем некоторых событий, о которых и говорить не хочется. Да, к тому же, и бессмысленно, потому что люди все равно мне не поверят. И опять это, вероятно, к лучшему. Знание может оказаться в тысячу раз ужаснее незнания.

Я жил на Гаити и потому знаю этот мрачный остров. Многое мне стало известно из легенд, кое с чем я столкнулся по чистой случайности, но основа моего знания добыта из единственно подлинного источника — рассказов местных негров. Люди они, как правило, неразговорчивые — эти старики, живущие в глуши гор. Потребовались все мое терпение и длительное общение с ними, прежде чем они приняли меня в свой круг и поделились своими тайнами.

Вот почему появляется много книг о путешествиях, которые столь безжалостно коверкают действительность — писателю, приехавшему на Гаити всего на полгода-год, вряд ли удастся завоевать доверие тех, кто знает

факты. А факты знают очень немногие, и очень немногие не боятся поделиться ими.

Поэтому позвольте мне поведать вам о былых днях, о минувших временах, когда на волне крови Гаити обрела свою государственность.

Это произошло много лет тому назад, вскоре после бунта рабов Туссен-Лувертюр, Дессалин и король Кристоф возглавили восстание, и в ходе кровопролитной борьбы добились освобождения страны от французского владычества. Они создали королевство, основанное на жестокости более фантастической, чем царивший там ранее деспотизм.

В те времена на Гаити не было счастливых негров. Они слишком хорошо знали, что такое пытки и смерть; им, бывшим рабам и потомкам бывших рабов, была совершенно неведома беззаботная жизнь жителей соседних стран Вест-Индии. Население Гаити являло собой необычное и буйное смешение многочисленных рас и народов. Там проживали отличавшиеся жестокостью выходцы из племен, населявших Ашанти, Дамбалла и побережье Гвинеи; угрюмые карибы; смуглые потомки беглых французов; метисы, в чьих жилах текла испанская, негритянская и индейская кровь. На побережье правили хитрые и вероломные полукровки и мулаты, а за горами — еще более страшные люди.

На Гаити имелись джунгли, непроходимые джунгли — опоясанные горами и заболоченные леса эти кишели ядовитыми насекомыми и заразными болезнями. Белые люди не осмеливались ходить туда: это было хуже смерти. Кровососущие растения, ядовитые рептилии и орхидеи изобиловали в лесах, скрывавших ужасы, неведомые даже в Африке.

Именно там, в отдаленных горных районах, и процветал настоящий вудуизм. Там жили люди — как говорят, потомки беглых рабов и преступники, за которыми охотились на побережье. Доходили отрывочные слухи о существовании глухих деревень, где занимались каннибализмом в сочетании с мрачными религиозными обрядами, более ужасными и извращенными, чем те, что столь широко распространены в самом Конго. Широкое хождение имели некрофилия, поклонение фаллосу, людоедство и искаженные варианты черной мессы. Повсюду витала тень Обеа.

Человеческие жертвоприношения были столь же обычным явлением, что и приношение в жертву петухов и козлов. Вокруг вудуистских алтарей устраивались оргии, и пилась кровь в честь барона Самеди и старых негритянских богов, привезенных из древних земель.

Об этом знали все. Каждую ночь с гор доносился грохот барабанов-ратта, а в лесах вспыхивали костры. Многие известные папалоа и знахари жили на самом побережье, но их никто никогда не трогал. Почти все «цивилизованные» негры еще верили в амулеты и приворотное зелье; даже крещеные при нужде обращались к талисманам и заклинаниям. В общественной жизни Порт-о-Пренса так называемые «образованные» негры, предположительно выступали в роли эмиссаров варварских племен, населявших внутренние районы страны, и несмотря на внешние признаки цивилизованности «кровавые» священники все еще правили за троном.

Конечно, случались и скандалы, и таинственные исчезновения, и отдельные протесты со стороны эмансипированных граждан. Но мешать тем, кто поклонялся Черной Матери, или вызывать гнев ужасных старцев, пребывавших под сенью Змеи, было рискованно.

Вот таким образом обстояло дело с колдовством ко времени, когда Гаити превратилась в республику. Многие люди недоумевают, почему колдовство существует по настоящее время, может быть, в более скрытой форме, но тем не менее, существует. Им непонятно, почему не уничтожены отвратительные зомби, и почему правительство не вмешается и не искоренит дикие кровавые культы, которые все еще находят прибежище во мраке джунглей. Ответ, возможно, даст мой рассказ о давней и хранившейся в тайне истории, случившейся в период становления молодой республики. Должностные лица, которые помнят о ней, все еще боятся оказывать слишком активное вмешательство, а принятые законы осуществляются очень нерешительно. Потому что змеиный культ Обеа никогда не умрет на Гаити — этом фантастическом острове, извилистая береговая линия которого напоминает развернутую пасть исполинской змеи.

Один из первых президентов Гаити был человеком образованным. Он родился на острове, но образование

получил во Франции, где длительное время учился. Когда он добился президентского поста, то представлял собой просвещенного, светского космополита современного образца. Он, конечно, все еще любил разуваться, будучи один у себя в кабинете, но он никогда не показывал своих голых пяток во время официальных мероприятий. Не поймите меня превратно — он не был образцовым правителем; он был всего лишь приличным на вид джентльменом с кожей эбонитового отлива, естественное варварство которого периодически прорывалось сквозь оболочку цивилизованности.

И он был очень расчетливым человеком. Таким качеством он и должен был обладать, чтобы стать президентом в те далекие дни — только крайне расчетливые люди удостаивались такой чести. Вероятно, вы меня лучше поймете, если я скажу, что в те времена на Гаити определение «расчетливый: использовалось как вежливый синоним слову «непорядочный». Поэтому вам не составит труда догадаться о характере президента, который считался одним из самых удачливых политиков республики за все ее времена.

За короткий период своего правления он сталкивался с очень немногими противниками; а те, кто выступал против него, обычно исчезали. Этот высокий, черный как смоль человек с черепом гориллы и выступающими надбровными дугами, обладал исключительно изворотливым умом.

Он имел феноменальные способности. Он хорошо разбирался в финансах, что приносило ему значительный доход, как президенту и как неофициальному лицу. Когда он считал необходимым поднять налоги, он одновременно увеличивал и численность армии, посылая военных сопровождать государственных сборщиков налогов. Его договоры с иностранными государствами являли собой шедевры юридического беззакония. Этот черный Макиавелли знал, что ему надо спешить, потому что президенты на Гаити умирали своеобразной смертью. Складывалось впечатление, что они особо восприимчивы к болезням — к «отравлению свинцом», как выразились бы наши современные друзья-гангстеры. Поэтому президент действовал очень быстро, и очень мастерски.

Он действительно достиг многого, учитывая его скромное происхождение. Он добился замечательного успеха в духе старых, добрых традиций — как говорится, поднялся из грязи в князи. О его отце ничего не было известно. Мать

жила в горах и занималась знахарством, но, несмотря на свою достаточно широкую известность, терпела крайнюю нужду. Президент родился в бревенчатой хижине — почти что классическое начало будущей выдающейся карьеры. Его детские годы протекали ничем не примечательным образом, пока в возрасте тринадцати лет его не усыновил один великодушный протестантский священник. В течение года он жил с этим добрым человеком, выполняя обязанности домашнего слуги. Потом священника внезапно свалила какая-то непонятная болезнь и он умер; окружающие тяжело переживали эту утрату, так как, будучи достаточно состоятельным человеком, он существенно облегчал тяжелую жизнь тех, кто жил с ним рядом. Как бы то ни было, но богатый священник умер, а сын бедной знахарки уплыл во Францию за университетским образованием.

Что касается знахарки, то она купила себе нового мула и хранила полное молчание. Она чувствовала удовлетворение от того, что, благодаря своему знанию трав, она предоставила сыну возможность выбиться в люди.

Только через восемь лет ее мальчик вернулся домой. Он сильно изменился за это время — теперь он предпочитал общество белых и цветных из Порт-о-Пренса. А о матери, как вспоминают, почти совсем забыл. Его отныне утонченной натуре претила невежественная простота матери. Кроме того, будучи честолюбивым человеком и преследуя далеко идущие планы, он стремился не афишировать свою связь с такой известной колдуньей.

А мать его была в своем роде известной личностью. Откуда она появилась и чем занималась раньше — никто не знал. В течение многих лет ее хижина в горах была местом встречи каких-то непонятных верующих и еще более странных посланников. У своего мрачного алтаря среди гор она призывала темные силы Обеа, в чем ей помогали несколько живущих там же и скрывавшихся от людских глаз прислужников. В безлунные ночи она всегда зажигала обрядовые костры и приносила маленьких бычков в жертву Полночному Пресмыкающемуся. Ведь она была жрицей культа Змеи.

Змея-бог, вы знаете, является верховным божеством культов Обеа. Негры Дагомеи и Сенегала поклялись Змее с незапамятных времен. Они странным образом почитают рептилий, и между молодым месяцем и Змеей существует некая таинственная связь. Любопытны, не правда ли, эти

суеверия, связанные со змеями. В Эдемском саду, как вы помните, имелся свой искуситель, а Библия рассказывает о Моисее и его змеях. Египтяне поклонялись Сету, а у древних индусов существовал бог-кобра. Похоже, отношение к змеям везде одинаковое — во всем мире к ним относятся с крайней ненавистью и благоговением. Похоже, их всегда почитают как исчадия ада. Американские индейцы верили в Йига; змеи упоминаются также в ацтекских мифах. И, конечно, со змеями связаны церемониальные танцы хопи.

Но особенно ужасны африканские легенды о змеях, а обряды жертвоприношения, привнесенные на Гаити из Африки и несколько видоизмененные, и того ужаснее.

В то время, о котором я рассказываю, ходили слухи, что некоторые вудуистские группы, в буквальном смысле, обучали змей; они контрабандой переправляли змей с Берега Слоновой Кости и использовали их в своих тайных ритуалах. Ходили невероятные истории о шестиметровых питонах, которые целиком проглатывали младенцев, приносимых им в жертву на черном алтаре, и о натравливании ядовитых змей, которые убивали противников вудуистских священников. Известен факт, когда представители одного необычного культа, в котором поклонялись гориллам, контрабандой провезли в страну нескольких человекообразных обезьян; поэтому легендам о змеях, видимо, тоже можно верить.

Так или иначе, мать президента была жрицей и, в своем роде, была столь же знаменита, как и ее выдающийся сын. Сразу после возвращения из Европы он начал медленное восхождение к вершине власти. Сначала он стал сборщиком налогов, потом министром финансов и наконец президентом. Несколько его ярых противников умерли, а те, кто еще противился ему, скоро поняли, что лучше не афишировать свою ненависть — ведь он остался в душе дикарем, а дикарям доставляет особое удовольствие мучить своих жертв. Ходили слухи, что он распорядился соорудить под зданием дворца тайную камеру пыток и что приспособления там проржавели вовсе не от того, что ими не пользовались.

Разрыв между молодым государственным деятелем и его матерью наметился и начал углубляться незадолго до

его вступления на президентский пост. Непосредственной причиной послужила его женитьба на дочери богатого цветного плантатора с побережья. Старуха чувствовала себя униженной, ведь ее сын пошел против крови — а она была чистокровной негритянкой и вела свое происхождение от вождя племени из Нигерии, попавшего на Гаити в качестве раба; еще больше она разгневалась от того, что сын не пригласил ее на бракосочетание.

Свадьбу устроили в Порт-о-Пренсе. На ней присутствовали иностранные консулы и цвет гаитянского общества. Красавица-невеста получила воспитание в монастыре, а ее предки пользовались громаднейшим уважением. Жених поэтому мудро рассудил, что не стоило включать свою родительницу в списки приглашенных, чтобы не осквернять свадебные торжества ее малоприятным присутствием.

Однако, она все-таки пришла, и наблюдала за свадьбой через кухонную дверь. И хорошо, что она не объявилась в открытую — ее присутствие смутило бы не только сына, но и некоторых других присутствовавших официальных сановников, которые иногда в частном порядке обращались к ней за помощью.

Вид сына и его невесты не доставил ей удовольствия. Он выглядел кривляющимся франтом, а его невеста — глупой кокеткой. Обстановка помпезности и показухи не произвела на нее впечатления — она знала, что, несмотря на все эти потуги, многие из присутствующих как были, так и остались суеверными неграми, готовыми при нужде примчаться к ней за амулетами или предсказаниями. Тем не менее, она не предприняла никаких действий, а только довольно горько усмехнулась и, прихрамывая, отправилась домой. Несмотря ни на что, она все еще любила своего сына.

Однако, следующее оскорбление она не смогла оставить без внимания. Это случилось в день вступления в должность нового президента — ее сына. Ее опять не пригласили, но она все же пришла. И в этот раз она не стала прятаться. После приведения президента к присяге, она смело подошла к новому правителю Гаити и обратилась к нему в присутствии самого германского консула. Она представляла собой гротескную фигуру — нескладная, маленькая, мерзкая старуха, черная, босоногая, в лохмотьях.

Президент вполне естественно не обратил на нее никакого внимания. Наступила зловещая тишина. Затем, облизав свои беззубые десны, старуха, ничуть не смущаясь, принялась сыпать проклятия в его адрес, но не по-французски, а на местном горском наречии — патоа. Она призвала своих кровожадных богов обрушить гнев на голову нечестивца и пообещала отомстить сыну и его жене за их черную неблагодарность. Собравшиеся гости были шокированы.

Как, впрочем, и новый президент. Но он не потерял самообладания. Спокойным жестом он подозвал охранников, и те увели бившуюся в истерике женщину прочь. Он намеревался заняться ею позже.

На следующий вечер, когда президент решил спуститься в темницу и поговорить с матерью, оказалось, что она исчезла. Так ему сказали охранники и при этом странным образом закатили глаза. Он приказал расстрелять тюремщика, а сам вернулся во дворец.

Проклятия матери вызвали у него некоторую озабоченность. Как вы понимаете, он знал, на что она способна. Ему, к тому же, совершенно не понравились угрозы в адрес его жены. На следующий день он распорядился отлить несколько серебряных пуль, как когда-то давным-давно поступил король Генри. Он также купил амулет оуанга у своего знакомого знахаря. Магия против магии.

В ту ночь ему во сне привиделась змея: змея с зелеными глазами, которая шептала человеческим голосом, шипела на него пронзительно и издевательски смеялась, когда он пытался ударить ее. На следующее утро в спальне пахло змеями, а на подушке осталась тошнотворная слизь, издававшая такую же вонь. И президент понял, что он спасся только благодаря своему амулету.

Днем его жена обнаружила пропажу одного из своих парижских платьев, и президент учинил допрос слугам в своей подземной камере пыток. От них он узнал кое-какие факты, о которых не осмелился рассказать супруге. То, что он услышал, сильно опечалило его. В детстве он видел, как мать колдовала с восковыми фигурками — маленькими куколками, напоминавшими людей и одетыми в кусочки украденной у этих людей одежды. Иногда она втыкала в них булавки, иногда поджаривала их на медленном огне. И всегда реальные люди заболевали и умирали. На душе у него было нерадостно. Еще тревожнее стало президенту,

когда вернулись его посыльные и сообщили ему, что мать покинула свою старую хижину в горах.

Три дня спустя его жена умерла от страшной боли в боку, происхождение которой не смог объяснить ни один врач. Она до последней секунды испытывала сильные физические страдания, и незадолго до того, как испустила дух, ее тело, по слухам, посинело и раздулось вдвое обычного. Черты ее лица разъела проказа, а распухшие конечности выглядели как у больной слоновьей болезнью. Гаити кишела отвратительными тропическими болезнями, но ни одна из них не убивала в три дня...

После этого президент пришел в бешенство.

Он объявил крестовый поход на ведьм. Армии и полиции было приказано прочесать сельские районы. Шпионы добирались до лачуг на вершинах гор, и вооруженные патрули устраивали засады в отдаленных районах, где обитали живые мертвецы, которые тусклым, остекленевшим взором бесконечно таращились на луну. Мамалоа допрашивались на медленном огне, а владельцев запрещенных книг сжигали на кострах, сложенных из этих же книг. Ищейки рыскали в горах, и священники умирали на алтарях, на которых они приносили в жертву других. Существовал только один особый приказ — мать президента необходимо было взять живой и невредимой.

Пока его приказ выполнялся, президент не покидал дворца. В глазах у него появились искорки медленного умопомешательства. Эти искорки разгорелись бешеным огнем, когда охранники ввели к нему в кабинет высохшую старуху, его мать, которую схватили на болоте неподалеку от ужасной рощи идолов.

Пока ее тащили вниз в камеру пыток, она дралась и царапалась как дикая кошка. Потом охранники ушли и оставили президента наедине с матерью. Наедине с матерью, которая, корчась на дыбе, проклинала его. Его, с безумно горящим взглядом, сжимавшего огромный серебряный нож в руке...

В последующие несколько дней он по многу часов проводил в камере пыток. Его редко видели во дворце, а слугам было приказано не беспокоить его. На четвертый день он в последний раз поднялся вверх по потайной лестнице — искорки сумасшествия исчезли из его глаз.

Никто никогда не узнает, что на самом деле произошло в камере пыток. Но это, несомненно, и к лучшему. В душе

президент оставался дикарем, а дикарю всегда доставляет удовольствие продлевать мучения своей жертвы...

Говорят, однако, что, будучи при последнем издыхании, старуха-колдунья прокляла своего сына именем Змеи — самым страшным из всех проклятий.

Некоторое представление о том, что произошло, можно получить на основании известных сведений относительно того, как президент отомстил своей матери; он обладал мрачным чувством юмора и имел варварское представление о возмездии. Его жену убила его мать, использовав при этом восковую фигуру. И он решил сделать то, что считал исключительно уместным.

Когда он в последний раз поднялся вверх по лестнице, слуги увидели у него в руках большую свечу, сделанную из трупного жира. А так как больше никто никогда не видел тела его матери, то возникли разного рода необычные предположения о происхождении этого трупного жира. Ведь президент, как я уже говорил, имел склонность к скверным шуткам...

Конец истории очень прост. Президент сразу направился к себе в кабинет во дворце и там поставил свечу в подсвечник на письменном столе. За последние дни у него накопилась уйма дел, которые требовали его официального решения. Какое-то время он сидел в тиши кабинета и взирал на свечу — на его лице играла странная удовлетворенная улыбка. Потом он приказал принести бумаги и объявил о своем намерении немедленно приступить к работе.

Всю ту ночь он работал у себя в кабинете, у дверей которого была выставлена наружная охрана из двух человек. Сидя за письменным столом, он склонился над своими бумагами. На столе горела свеча — свеча из трупного жира.

Очевидно, проклятие матери его совершенно не беспокоило. Он испытывал удовлетворение — жажда крови утихла, и, по его мнению, никакая месть ему не грозила. Он все же был не настолько суеверен, чтобы поверить, будто колдунья-мать может восстать из могилы. Он был достаточно спокоен — вполне цивилизованный джентльмен. Свет от свечи отбрасывал зловещие тени в темной комнате, но он ничего не замечал, а когда все-таки заме-

тил, оказалось слишком поздно. Когда он оторвал глаза от бумаг и посмотрел на свечу из трупного жира, то увидел, что с ней произошли чудовищные изменения.

Проклятие его матери...

Свеча — свеча из трупного жира — ожила! Она изгибалась, кружилась и извивалась в подсвечнике, преследуя зловещую цель. Свечное пламя, разгоревшись, неожиданно образовало ужасное сходство. Президент в остолбенении уставился на огненное лицо своей матери — маленькое, морщинистое лицо из пламени, венчавшее тело из трупного жира, которое с ужасающей легкостью стремительно бросилось в его сторону. Свеча удлинялась, как будто сало плавилось, удлинялась и угрожающе тянулась к нему.

Президент Гаити издал вопль, но было поздно. Свечное пламя погасло и сняло гипнотические чары, удерживавшие его в трансе. И в этот момент свеча прыгнула, а комната погрузилась в зловещую темноту. Темноту отвратительную, наполненную стонами и звуками бьющегося тела, которые становились все слабее и слабее...

Когда охранники вошли в кабинет и зажгли свет, там уже стояла мертвая тишина. Они знали о свече из трупного жира и проклятии колдуньи. Вот почему они первыми объявили о смерти президента; сначала выпустили ему пулю в висок, а потом сообщили о его самоубийстве.

Она рассказали о случившемся преемнику президента, и тот приказал прекратить борьбу с вудуизмом. Он посчитал, что так будет лучше, потому что не хотел умирать. Охранники объяснили, почему они выстрелили президенту в голову и сообщили о его смерти как о самоубийстве, и его преемник не захотел навлекать на себя проклятие Змеи.

Потому что президент Гаити был задушен насмерть свечой, сделанной из трупного жира его матери — свечой из трупного жира, которая обвилась вокруг его шеи как гигантская змея.

СОДЕРЖАНИЕ

Роберт Лори
РУКА ДРАКУЛЫ 4

Мартин Дженсон
ДЕРЕВНЯ СТРАХА 136

РАССКАЗЫ 282

РУКА ДРАКУЛЫ

Сборник

Ответственный редактор
Н Н Фадеев

Художественно-технический редактор
М В Гагарина

Корректор
Р. Г. Ухина

Сдано в набор 10 03 92 Подписано к печати 14 04 92 Формат 84x108 1/32 Бум типогр № 2 Шрифт таймс Печать высокая Усл печ л 21,0 Уч-изд л 22 96 Доп тираж 100 000 экз Заказ № 8727 «С» 7
Фирма «Ф Грег»
109017, Москва Старомонетный пер, 9
Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати Российской Федерации 127018, Москва, Сущевский вал, 49

Отпечатано
с фотополимерных форм «Целлофот».

400